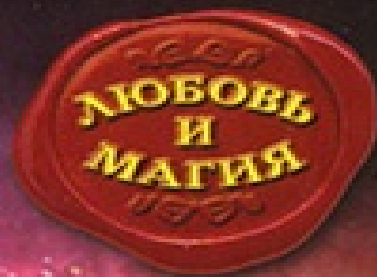

Любовь не выбирает
место и время. Близость
не подчиняется планам
и разумным решениям.
Она одновременно
сила и слабость.

ОПАСНЫЕ ИЛЛЮЗИИ

МАРИНА ЭЛЬДЕНБЕРТ

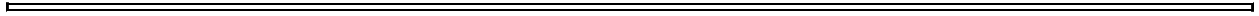
Annotation

Начиная свой обычный рабочий день, никогда не знаешь, чем он может закончиться. Утром ты — менеджер агентства по оценке антиквариата, вечером — преступница, которую разыскивает не только полиция, но и желающие добраться до загадочного украшения. Похищение коллеги, шантаж и угрозы, вынужденный побег с эксцентричным нахалом от охотников за древностями, свалившиеся как снег на голову магические способности, да еще и любовь... Думаете, хуже и быть не может? Зря!

- [Марина Эльденберт](#)

- [Пролог](#),
- [Глава 1](#),
- [Глава 2](#),
- [Глава 3](#),
- [Глава 4](#),
- [Глава 5](#),
- [Глава 6](#),
- [Глава 7](#),
- [Глава 8](#),
- [Глава 9](#),
- [Глава 10](#),
- [Глава 11](#),
- [Глава 12](#),
- [Глава 13](#),
- [Глава 14](#),
- [Глава 15](#),
- [Глава 16](#)
- [Глава 17](#)
- [Глава 18](#),
- [Глава 19](#),
- [Глава 20](#),
- [Глава 21](#)
- [Глава 22](#),
- [Глава 23](#),
- [Эпилог](#)
- [Благодарности](#)

- [notes](#)
 - [1](#)
 - [2](#)
 - [3](#)
 - [4](#)
 - [5](#)
 - [6](#)
 - [7](#)
 - [8](#)
 - [9](#)
 - [10](#)

Марина Эльденберт
ОПАСНЫЕ ИЛЛЮЗИИ

Пролог, повествующий о том, что некоторые британские аристократы не всегда ведут себя вежливо

*Ньюкасл-апон-Тайн, Великобритания.
Сентябрь 2014 г.*

— Скоро я от тебя избавлюсь! — Она бросила взгляд в зеркало заднего вида и добавила: — Да-да, можешь не сомневаться!

Разговаривать с неодушевленным предметом было ребячеством, но Агнесса не удержалась. Она голодна, ужасно устала, ей предстоит встреча с занудным престарелым миллиардером, и все из-за этой подвески! Оставалось утешать себя тем, что она наконец-то приоткроет завесу тайны, с которой они столкнулись.

Круглое украшение с тонким витым узором доставили прямым из Бельгии, где жила его владелица. На месте не справились с работой, а Великобритания славилась специалистами в этой области. Частное агентство Роберта Хэйма уже давно было на слуху, и его репутация говорила сама за себя.

Необычное ювелирное изделие оказалось полным загадок. Серебристый металл напоминал электрум — белое золото — лишь на первый взгляд. Возраст подвески исчислялся тысячелетиями, но понять, к какой цивилизации она относится, пока не получалось. Эксперт предположил, что это лишь часть украшения: на внешних краях были небольшие зазубрины. Чем больше они его изучали, тем более нереальным оно казалось. Подвеска обещала стать жемчужиной любого аукциона, и после долгих расспросов владелица назвала имя человека, от которого получила столь необычный подарок. К счастью, старик оказался жив и даже согласился на встречу.

Моросящий дождь усилился и грозил вот-вот перейти в ливень: Ньюкасл-апон-Тайн встретил ее неласково. Агнесса уже сотню раз прокляла идею отправиться на машине. Нужно было лететь самолетом, потом взять такси. А ведь ей еще назад ехать. Девушка мысленно застонала, представив шесть часов обратной дороги. Ночью и в дождь!

Свет фар вовремя выхватил из подступающих сумерек табличку с надписью «Частная территория», под которой от руки было дописано: «Валите отсюда». Агнесса хмыкнула и свернула с трассы. Она уже опаздывала и только благодаря «гостеприимному» знаку не проскочила нужный поворот. Встреча назначена на пять, а на часах уже семь минут шестого. Мысль о том, что ее могут не принять, тоже не внушала радости. Семь минут — не полчаса, только кто их знает, этих аристократов...

Прилегающий к поместью парк казался дремучим лесом, но большущий особняк в конце подъездной дорожки манил светящимися окнами и теплом. Двери распахнул высокий темноволосый мужчина — должно быть, дворецкий. Он забрал зонт и попросил немного подождать. Агнесса облегченно вздохнула: они даже не заметили опоздания. К тому же она была рада небольшой передышке.

Покрутившись, в нише просторного холла она обнаружила зеркало во весь рост, взглянула на отражение и ужаснулась. Сырость сделала свое дело: аккуратно выпрямленные светлые волосы завились в тугие пушистые колечки, и теперь она напоминала одуванчик. На светлом пиджаке темнели пятна — когда закрывала зонт, с него брызнула вода. Она умудрилась даже туфли перепачкать, хотя по гравию пробежала не больше пары метров. Агнесса попыталась пригладить волосы щеткой, но тщетно. В довершение всего в сумке не оказалось влажных салфеток, чтобы протереть обувь. Оставалось надеяться, что зрение старика с годами ухудшилось и он ничего не заметит.

Владелец особняка явно не бедствовал. Кабинет, в который ее проводили, мог легко вместить тренажерный зал, а старинная мебель наверняка стоила целое состояние. По работе ей часто приходилось сталкиваться с богатыми людьми, но такую роскошь Агнесса видела впервые. Дворецкий предложил кофе, и она с радостью согласилась. Не считая завтрака, у нее во рту и крошки не было за весь день.

Агнесса вовремя сняла пиджак: за спиной открылась дверь, и в кабинет вошел молодой мужчина. Одетый с иголочки, но взлохмаченный, с отросшей щетиной, к тому же изрядно помятый — как после удавшейся вечеринки. Заинтересованный взгляд светло-серых глаз скользнул по ее фигуре и задержался на груди, которую выгодно подчеркивал вырез легкой светлой блузки. От такой откровенной бесцеремонности девушка вспыхнула.

— Добрый вечер. Агнесса Уварова. — Она протянула ему руку, и мужчина легко ее пожал. Агнесса не собиралась знакомиться со всеми обитателями особняка перед встречей с владельцем, поэтому поспешила

объяснить: — У меня назначена встреча с Риганом Эвансом.

— Я Риган Эванс. — Он кивнул на кресло, а сам устроился на краю стола. — Чем обязан?

Агнесса опустилась в кресло и удивленно заморгала. Эвансу, которого она искала, должно быть слегка за восемьдесят. Она не могла так ошибиться. Ее клиентка не просто назвала имя, она сказала, что виделась с Эвансом в семидесятых, в этом самом поместье. Агнесса настолько растерялась, что все заготовленные заранее фразы вылетели из головы, а с импровизацией у нее всегда было туго.

— Это какая-то ошибка. Из того Эванса должен уже песок сыпаться. Вы слишком молоды.

Агнесса не раз страдала от привычки говорить то, что думала, но сейчас чуть не провалилась от стыда. Как она вообще могла ляпнуть такое?!

— Виноват, — выразительно произнес ее собеседник, — да, я слишком молод, а из того парня уже давно высыпался весь песок. Меня называли в честь деда — знаете, семейные церемонии, — он махнул рукой, — из-за этого вечно выходит путаница. Вам повезло, что вы не встретились, он был мерзким типом. Циничная кровожадная скотина.

Картина сложилась, и девушка поняла, что приехала по адресу, вот только опоздала. Мог ли внук знать о фамильной драгоценности, которая перекочевала в другую семью задолго до его рождения? Судя по его замечанию, они с дедом не были дружны.

— Простите за бестактность и примите мои соболезнования, — она непроизвольно нахмурилась. — Аннабель Рени направила меня к вашему деду.

— Зачем? — Эванс напрягся, словно имя было ему знакомо.

Агнесса достала из сумки папку и подала ему.

— Я представляю Лондонское агентство по экспертизе старинных ценностей. Две недели назад клиент нашей компании прислал это необычное украшение. Определить происхождение подвески пока не удалось. Мы решили пойти другим путем и узнать ее историю. Владелица сказала, что именно ваш дед подарил ей...

Договорить она не успела: Эванс сунул папку ей в руки и резко поднялся.

— Я ничем не могу помочь, Агнес.

— Агнесса.

— Не усложняйте. Напишите своим клиентам: фигня из неведомого металла непонятного происхождения. По крайней мере, это будет честно.

Вы запомнили, где выход?

Возмущенная его бесцеремонностью, Агнесса прижала папку к груди и поспешно вскочила. Ее щеки снова пылали, но на сей раз от гнева. Да, она допустила промах, за который тут же извинилась. Так или иначе, это не повод говорить с ней в таком тоне и выпроваживать за порог, как попрошайку! Профессиональная этика не позволила сразу высказать Эвансу все, что она о нем думает, а спустя мгновение открылась дверь и вошел дворецкий.

В отличие от владельца особняка, он действительно оказался истинным англичанином: сделал вид, что не заметил витавшей между ними напряженности, поставил поднос с дымящимся кофейником на стол и бесшумно удалился. Как ни странно, появление воплощенного достоинства в лице управляющего Эванс-Холла свело на нет весь ее боевой настрой. Про себя Агнесса грустно попрощалась с мечтой выпить на дорогу горячий кофе со сливками.

— Если вдруг что-нибудь вспомните, позвоните мне, пожалуйста. Есть люди, которым такие вещи небезразличны.

На мгновение ей показалось, что в глазах Эванса мелькнуло что-то смутно похожее на интерес. Агнесса достала из сумки визитку, положила на стол и вышла. Она сама не понимала, зачем это сделала. Разумеется, он не позвонит. Эвансу плевать даже на собственного деда, что уж говорить о тайне странного украшения и тем более о репутации их агентства. Единственная ниточка, которая могла привести к разгадке, оборвалась.

Глава 1, в которой Агнессе становится понятно, что не всякая работа одинаково полезна, а иная даже смертельно опасна

Лондон, Великобритания. Сентябрь 2014 г.

День начинался с пробежки, чашки кофе и хлопьев. Затем она отправлялась на работу в офис, обедала в кафе напротив, вечером посещала спортзал, а перед сном читала книги. Пару раз в неделю встречалась с двоюродной сестрой, выходные часто проводила у родителей. Кто-то посчитал бы такую жизнь скучной, но Агнесса называла это стабильностью. Уверенность в завтрашнем дне, никаких неожиданностей и лишних переживаний.

Она любила свою работу. Уютный чистый кабинет в одном из самых цивилизованных городов мира, должность заместителя директора, отличная зарплата, возможность прикоснуться к красивым и старинным вещам, избегая сомнительной романтики раскопок под открытым небом. Агнесса общалась с клиентами, оформляла документы и заключения о ценности. Любопытная история неизменно отражалась на стоимости предмета, поэтому иногда приходилось проводить расследование с целью узнать побольше о вещице, что попала на стол к экспертам. С подвеской был тот самый случай.

Украшение спокойно лежало в хранилище агентства, а старший эксперт Бенджамин Майлз, его подчиненные и Агнесса потеряли сон, покой и аппетит. Страдала их профессиональная гордость, но они ничего не могли с этим поделать.

Вот и сегодня на работе ее не оставляли невеселые мысли. Увы, отнюдь не об украшении. Так и не выкинув Эванса из головы, она сто раз мысленно прокручивала случившееся, но успокоиться не могла. Он изменился в лице, когда услышал фамилию Рени, а на фотографии едва взглянул. Неужели выставил ее из-за Аннабель? Но почему? Их семьи что-то не поделили в прошлом?..

Резкая трель стоящего на столе телефона выдернула девушку из задумчивости.

— Агнесса, приехал мистер Эванс. Проводить его к вам?

Лилла терпеливо ждала, а Агнесса приходила в себя. Эванс приехал в Лондон?! Невероятно! Она и на звонок-то не рассчитывала, что уж говорить о личной встрече на следующий день. Справившись с мстительным порывом развернуть его и назначить встречу через неделю, Агнесса все-таки ответила:

— Я сейчас выйду.

— Хорошо.

Эванс дожидался ее в приемной: облокотился на стойку и беззастенчиво флиртовал с индианкой Лиллой, секретарем. Сегодня он побрился и выглядел более привлекательным. Разве что короткие темные волосы остались такими же растрепанными.

— Мистер Эванс, чем обязана?

— Признайтесь, не ожидали. — Он вплотную приблизился к ней так, что Агнесса уловила резковатые пряные нотки его туалетной воды. — Есть в вашем благопристойном заведении кабинет, где мы сможем остаться наедине?

«Вот ведь хам!»

Агнесса перевела взгляд на сертификаты и благодарности в рамках, напомнила себе о подвеске и кивнула.

— У меня сейчас перерыв. Пообедаем вместе? — Улыбка была данью вежливости, потому что Эванс раздражал ее до зубовного скрежета.

— Приглашаете? — Он широко улыбнулся и подмигнул.

— Мне нужно взять плащ.

Оказавшись в своем кабинете, Агнесса облегченно выдохнула. Работа с клиентами предполагала общение с самыми разными людьми, но этот мужчина действовал на нее странно, заставлял чувствовать себя неуверенной и неуклюжей. Она даже взглянула в зеркало, чтобы удостовериться, что волосы лежат идеально гладко, а костюм сидит как влитой. Своим приездом Эвансу удалось вновь выбить почву у нее из-под ног, но Агнесса рассчитывала быстро взять его в оборот и потом так же быстро спровадить. Он — ценный источник информации, и не важно, как она к нему относится. Жаль только, что даже обеденный перерыв придется посвятить работе.

* * *

Частное агентство Роберта Хэйма располагалось в центре города, в

трехэтажном здании, зажато между сувенирной лавкой и чайным магазинчиком. Они вышли на улицу, и Агнесса с наслаждением вдохнула полной грудью. Было тепло, дул легкий свежий ветер, изредка набегали облака. Воды Темзы переливались солнечными бликами и шли легкой рябью. Вырваться из офиса и прогуляться по городу в приятной компании — одно удовольствие, вот только Эванс не был приятной компанией. Она старалась держаться на расстоянии, а он словно не замечал возникшей между ними напряженности: улыбался и разговаривал так, будто они были знакомы неприлично давно. Некстати подумалось, что своей улыбкой он разбил не одно девичье сердце.

Они устроились в небольшой кофейне, где основу меню составляли чай, кофе и разные сладости, но пара страниц отводилась под супы, салаты, сэндвичи и закуски. Агнесса заказала бизнес-ланч, а Эванс взял кофе и, когда официант удалился, побарабанил пальцами по столу.

— Верните подвеску Аннабель.

Агнесса неосознанно подалась вперед. Она надеялась услышать что-то необыкновенное и любопытное, поэтому выдержала дорогу в Ньюкасл и обратно, поэтому согласилась на разговор после его хамства.

— Если я не найду концов, делом займется наш директор, ведь на кону репутация агентства. Расскажите, откуда взялась эта подвеска.

— В свое время один безумный коллекционер навел на нее моего предка. Из-за проклятой штуковины пролилось много крови. Вполне возможно, за ней до сих пор охотятся потомки тех, кому она не досталась.

Агнесса едва не рассмеялась. Эванс не представлял, сколько бак про семейные проклятия и заговоры она наслушалась за полтора года работы.

— Хорошо, что не привидения, их я побаиваюсь. Мистер Эванс, каждый второй предмет, попадающий ко мне, обладает подобной историей.

— Привидения безопасны, — хмыкнул он, — в отличие от типов, которые могут прийти за вашей безделушкой. Подумайте перед тем, как искать дальше.

Агнесса нахмурилась. Преступников она не боялась. Чтобы добраться до украшения, «типам» пришлось бы забраться в охраняемое помещение с непростыми кодовыми замками и сигнализацией.

— Подвеска в надежном месте.

Официант принес заказ, а Эванс задумчиво смотрел в окно и словно не замечал ее. Агнесса же рассматривала его. В нем определенно было нечто притягательное. То, что заставляло ее сердце биться сильнее. Он не выглядел сумасшедшим, но что она о нем знала? Возможно, скучающий миллиардер просто решил развлечься: придумал историю страшнее и

притащился в Лондон.

Агнесса принялась за обед. Сколько времени прошло в молчании, она не знала, но затянувшуюся паузу пришлось нарушить ей.

— Это моя работа, и я доведу дело до конца.

Эванс залпом выпил кофе, словно тот был чем-то алкогольным, поморщился, но не ответил.

— Зачем вы приехали на самом деле?

— Мне стало скучно.

Она невольно улыбнулась его искренности и тут же об этом пожалела.

— Чаще улыбайтесь, Агнес.

— Агнесса.

— Не усложняйте.

Агнесса сжала кулаки и про себя досчитала до десяти. В начале девяностых отцу и дяде пришлось оставить семейный бизнес, перебраться в Великобританию и начать с нуля. Она прожила в Лондоне больше двадцати лет, поэтому давно привыкла к тому, что люди при знакомстве коверкали ее имя. Большинство сразу извинялось, но Эванс делал это нарочно. Агнесса встретила его смеющийся взгляд и поняла, что ничего нового не услышит. Разве что очередную байку в стиле Индианы Джонса. Значит, разговор окончен, и ей ни к чему оставаться здесь.

— Всего хорошего, мистер Эванс.

— До встречи, Агнес.

Снова эта нагловатая улыбка!

Подхватив сумку, она поднялась, разыскала официанта, расплатилась и поспешила прочь. За время обеда напоззли тяжелые серые тучи, попытки солнца пробиться сквозь их полог были обречены на провал: тучи сомкнулись над городом плотным покрывалом. Подул пронизывающий ветер, по поверхности Темзы побежали пенистые буруны, похолодало. Лондонцы привыкли к капризам погоды, но девушке вдруг стало не по себе. Агнесса плотнее закуталась в плащ и направилась в сторону офиса. Новая встреча с Эвансом не принесла ничего, кроме разочарования.

* * *

Звонок Риты отвлек Агнессу от составления отчета. Она захлопнула ноутбук и включила громкую связь, продолжая рассматривать подвеску. Та лежала на столе и разве что не ухмылялась ее очередному поражению. Девушка показала ей язык и сразу почувствовала себя лучше.

— Дай угадаю, ты все еще на работе, — без предисловий заявила двоюродная сестра.

Громким и волевым Риткиным голосом можно было отдавать приказы войскам. Невысокая, большеглазая и пухленькая, она производила впечатление беззащитной и суетной домохозяйки. Обманчивое дальше некуда. Стоило ей открыть рот — и все вставало на места. Свое полное имя, Маргарита, сестра не любила. Равно как и Булгакова, благодаря героине которого ее им наградили. О чем думали тетя и дядя, называя дочь в честь всемирно известной ведьмы, непонятно. К счастью, жизнь Риты сложилась гораздо более прозаично. И счастливо.

Родители Агнессы решили не отставать и вспомнили имя прабабки по материнской линии. В итоге первые три класса, которые она проучилась в родной Москве, приходилось выслушивать насмешки и всяческие дразнилки. Тем не менее свое имя она любила.

— Только семь вечера.

— Уже семь вечера!

Скука заканчивалась там, где начиналось общение с Ритой: та считала своим долгом приносить в размеренную жизнь Агнессы смуту и устраивать встряски.

— Я думала, ты устроилась на работу, чтобы сбегать оттуда пораньше. У Пита появился новый помощник, и я пригласила его на ужин в пятницу.

Девушка закатила глаза, радуясь, что Рита ее не видит.

Сестра всегда была непоседой и бунтаркой, но замуж вышла за обаятельного, серьезного и рассудительного адвоката, чем удивила все их многочисленное семейство. Остепенившись, родила двойню, после чего загорелась идеей устроить личную жизнь Агнессы. Иногда это переходило все границы, и девушка желала просто пообщаться с племянниками, а не с кандидатом в спутники жизни.

Она аккуратно уложила украшение в коробку и стянула перчатки.

— Я могу отказаться?

— Конечно нет. Если бы не я, ты бы вообще не ходила на свидания.

Отчасти Рита была права. Агнесса не искала новых отношений, особенно после разрыва с Джоном, предпочитая одиночество вынужденным свиданиям с теми, кто ей ничуть не интересен. Образ высокомерной и неприступной карьеристки стал ее маской, но обычно девушка не переживала по этому поводу. А вот сейчас слова Риты неприятно зацепили. словно она была старой девой, на которой все давно поставили крест. Вспомнив о неудачной поездке и разговоре с Эвансом, она ухватилась за возможность перекрыть поток упреков.

- Сегодня я обедала с женщиной.
- Да ну! И как его зовут?
- Риган Эванс. Миллиардер. Коллекционирует антиквариат.
- Уродливый старик?
- Молод и привлекателен.

Эванс — далеко не красавец, но изюминок столько, что хватит на целый пирог. Ее заинтересованность в нем звучала смешно, но хоть на что-то он сгодился.

— Я вся обратилась в слух.

— Он хам, к тому же отпускал нелепые комплименты. И ему не нравится моя работа.

— Никому не нравится твоя работа, — хмыкнула Рита. — Если бы у меня были такие формы, я бы каждый вечер бегала на свидания. Это дар природы, который ты не используешь!

— Я упорно работаю, чтобы этот дар сохранить. — Родные Агнессы обладали хорошим аппетитом и круглыми, как шары, фигурами. Только строгая диета и спорт помогали ей не раздуться до необъятных размеров. — До пятницы?

— Не опаздывай, Кудряшка.

Агнесса нажала отбой, подхватила коробку и направилась в хранилище. Она набрала код на панели и стала наблюдать, как расходятся металлические двери. За годы существования агентства здесь побывало много интересных вещей самого разного возраста и происхождения. Слушать истории Роберта все равно что окунаться в приключенческие романы, но такой загадочный дракон к ним попал впервые. Агнесса положила подвеску в нужную ячейку, расписалась в журнале и засобиралась домой.

Еще в коридоре она заметила Майлза. Секретарь отошла, а Бен стоял, уткнувшись лбом в кулак и постукивая пальцами по стойке, он вздрогнул, когда услышал шаги Агнессы. На мгновение перед ее глазами мелькнул совсем другой образ-воспоминание — нахала по имени Риган Эванс, — который девушка поспешно прогнала. К счастью, рыжий и долговязый Майлз был совершенно на него не похож.

— До свидания, Агнесса, — его голос едва уловимо дрогнул.

— До завтра, Бен.

Дорога домой лежала через фитнес-центр, где Агнесса боролась со стрессом и лишними калориями в бассейне и тренажерном зале. Очередной рабочий день закончен, а загадка подвески по-прежнему не раскрыта. Эванс — скучающий бездельник, но он точно знает гораздо больше, чем

говорит. И по какой-то причине не хочет этим с ней делиться, только пугает. Если бы она могла заставить его говорить! Агнесса яростно крутила педали, понимая, что зашла в тупик. Придется завтра говорить с Робертом о невыполнимой задаче.

* * *

Агнесса выходила из дома, когда на мобильный позвонили с неизвестного номера.

— Мисс Уварова, — женщина с резким голосом и американским акцентом говорила так, будто для нее не существовало преград и препятствий, — у меня к вам деловое предложение. Мне нужна подвеска, которую доставили из Бельгии.

Телефон коротко пиликнул. Агнесса замерла и непонимающе уставилась на экран: в сообщении не было ничего, кроме суммы с пятью нулями. Ей впервые предлагали взятку.

— Вы хотите ее купить? Но я не владелец. Вам придется подождать, пока предмет оценят и выставят на аукцион.

Ситуация сама по себе была крайне неприятной. Откуда эта женщина вообще взяла ее номер?

— Назовите свою сумму, и покончим с этим.

Агнесса вспомнила предостережение Эванса о том, что за украшением рано или поздно придут. Так и случилось. Или же он сам пожелал вернуть вещицу, которую дед подарил Аннабель Рени?

— Я не продавец, — спокойно повторила она. — Всего хорошего.

Самоуверенность и наглость незнакомки раздражали. Агнесса хотела нажать отбой, но в трубке раздался смешок.

— Подумайте, мисс Уварова. До завтра. Я дважды не предлагаю, но ради вас сделаю исключение.

Незнакомка опередила ее и первой бросила трубку. Агнесса резко дернула дверь и вышла из дома. Гнев пересилил страх, но ненадолго. Она действительно боялась. До дрожи в коленях и бешеного сердцебиения. Хотя сама не понимала, чего именно. По дороге на работу и во время ланча Агнесса все время оглядывалась. Она смотрела в зеркало заднего вида, когда вела автомобиль, вздрагивала от любого шороха в кабинете, а когда зазвонил телефон, чуть не смахнула его со стола. Некстати вспоминались реки крови, о которых упомянул Эванс, но она без устали напоминала себе, что находится в обычном мире, а не в криминальном сериале. Поговорить с

Робертом так и не удалось, он заглянул в офис после обеда и сразу уехал на встречу с новым клиентом.

Подвеска стала еще более загадочной. К ним иногда попадали роскошные и дорогие ювелирные украшения, которые из-под молотка уходили за огромные суммы. Сколько же эта подвеска стоит на самом деле, если за нее предложили такие деньги?

Вечером Агнесса пропустила тренировку и сразу отправилась домой. Она заперлась на два замка и на всякий случай включила свет во всех комнатах. Расслабиться не помогла даже горячая ванна, зато заснула она быстро. Завтрашний день сулил конец рабочей недели, наставления Риты, встречу с коллегой Питера и закрытие темы неопознанного украшения в разговоре с Робертом. С нее хватит!

* * *

Утром Агнесса пробежала несколько кругов по парку, позавтракала и отправилась в офис. Босс не забыл о ее просьбе и пригласил в свой кабинет. Волосы Роберта уже тронула седина, но он был из тех, о ком говорят, что они всегда молоды в душе. Хэйм начинал с помощника эксперта и прошел долгий путь, прежде чем открыл собственное агентство. Агнесса рассказала ему про исследование подвески, а также о неприятном телефонном разговоре и угрозах. О второй встрече с Эвансом она умолчала, сама не понимая почему.

— В нашей работе всякое бывает. — Роберт внимательно смотрел на нее поверх очков. — Что именно вам предложили?

— Продать подвеску за баснословную цену. — Ее до сих пор передергивало, когда она вспоминала резкий голос женщины. — Я ответила, что мы всего лишь посредники. Боюсь, они не отстанут.

Роберт усмехнулся.

— Когда я только начинал работать, — он крутил между пальцами ручку и каким-то образом умудрялся ее не ронять, — ко мне приходили и клиенты — с просьбами завысить ценность или написать для их антиквариата фальшивую историю, — и перекупщики, и сумасшедшие коллекционеры. В век информационных технологий, когда все оставляет свой след, они просто стали осторожнее. Большинство из них относительно безобидные авантюристы, но если такое повторится, дайте мне знать. Звонок в полицию быстро охладит их пыл, особенно если у вас есть доказательства.

Агнесса облегченно кивнула. Она работала с ним не так давно и понимала, что это только начало пути. Наверняка придется столкнуться с еще более неприятными историями. Она не удалила сообщение и, если понадобится, предъявит его полиции.

— Что насчет прошлого нашей загадочной и столь популярной подвески? Удалось узнать что-нибудь интересное? Что говорит Бен?

Агнесса хотела, чтобы Майлз присоединился к беседе, но он так и не появился, а Лилла не смогла до него дозвониться. Пришлось самой объяснять, что никто из команды Майлза так и не продвинулся в работе. Вещица оставалась темной лошадкой. Ничего подобного они еще не видели, и каждый боялся вынести свой вердикт и ошибиться.

— Все в этом мире имеет точку отсчета и вполне материальную структуру, а значит, концы найти можно всегда. Прочее лишь отговорки.

Агнесса упрямо поджала губы. Это был увесистый камень в ее огород.

— Мы же не можем объявить об открытии нового элемента?

— Лучше найдите связь со старым, — хмыкнул босс. — Или вы желаете, чтобы я лично этим занялся?

Агнесса не хотела, поэтому сдержанно поблагодарила Роберта и с позором вышла из кабинета. Написать в характеристиках «электрум» Майлзу не позволит гордость эксперта. Тогда откуда она возьмет стоимость? Придумает?

Погруженная в невеселые мысли, Агнесса заполняла отчет по колье с рубинами и едва не подпрыгнула от звонка мобильного.

— Мисс Уварова? — Говоривший либо слишком много курил, либо был простужен: низкий голос звучал хрипло. В трубке шумели помехи, как из рации. — Что вы надумали по поводу нашего предложения?

Агнесса чуть не выронила телефон. Она надеялась, что ее оставят в покое, но зря.

— Ничего не изменилось. Если вы продолжите в том же духе, я сообщу полиции. У меня сохранилось ваше сообщение.

— Я бы не стал этого делать, — из трубки донесся лающий смех, — иначе вам придется смириться с мыслью, что смерть коллеги — ваших рук дело. Сможете ли вы жить с такой ношей?

Агнессе показалось, что она в затянувшемся дурном сне и вот-вот проснется. В ее стабильной и слишком простой жизни такого не могло произойти.

— Что вы сказали? — неуверенно переспросила девушка.

В трубке что-то хлопнуло — звук отдаленно напоминал оплеуху, сразу же раздался вскрик. Агнесса съежилась, будто ударили ее, а потом

услышала жалобный голос Майлза. Так мог говорить только до смерти перепуганный человек.

— Агнесса, они убьют меня, если ты не отдашь им подвеску...

Сквозь помехи донеслись его рыдания.

Агнесса вдруг поняла, что не может дышать, и откинулась на спинку стула.

— Все слышали? Принесите подвеску сегодня к семи в Ричмонд-парк, и рыжик останется жив. Сообщите в полицию — и ваши проблемы только начнутся.

Пока Агнесса собиралась с духом, чтобы ответить, собеседник повесил трубку. Мысли девушки лихорадочно прыгали. Она не могла унять дрожь в руках и осторожно положила телефон на стол. Этого просто не может быть! Она ощутимо ущипнула себя, но реальность не собиралась меняться и становиться более приветливой. Напротив, теперь на запястье появился неприглядного вида маленький синяк.

Что же делать дальше?!

Здравый смысл подсказывал Агнессе сообщить властям о похищении Бена и во всем положиться на полицию. Они с Майлзом не были друзьями и общались разве что по работе, чем она может ему помочь?! На этой мысли Агнесса отругала себя за черствость. Пока полиция доберется до них, Бена уже убьют.

Ее трясло — не от холода, она обхватила себя руками и тихо всхлипывала, по спине струился липкий пот. Помощи ждать неоткуда. Ни от Роберта, для которого такие ситуации «бывают», ни от родных, которым может грозить опасность. Разрыдаться от бессилия мешала только сдержанность, к которой Агнесса приучала себя годами. Она привыкла все делать сама, целеустремленности ей было не занимать.

Семья. На месте Майлза вполне мог оказаться кто-то из них. Агнесса содрогнулась, ее затошнило, и она вцепилась пальцами в край стола. Они могли позвонить и сказать, что у них мама, отец, Рита или ее дети. Решала бы она сейчас, что ей делать, или уже мчалась бы на встречу?!

Агнесса не заметила, как оказалась в хранилище. Вытащила нужный ящик и взглянула на подвеску словно впервые.

— Что же ты такое? — тихо спросила она.

Эванс оказался прав. Вещица привлекала к себе чересчур много внимания.

Агнесса по привычке расписалась в журнале и вынесла коробку. Вечером под замок вернулся пустой ящик. Охранник ничего не заподозрил, только доброжелательно улыбнулся, когда девушка уходила. Обычно она

любила поболтать с Ричардом, но сейчас ее не хватило даже на слабую улыбку в ответ. Только она, Роберт и Бен имели доступ в хранилище. Знали об этом преступник? Что, если Бен тоже отказался им помогать, за что и поплатился?

С такими людьми связываться не стоит. Агнесса понимала, что здорово рискует, но бросить Майлза не могла. Она вела машину, исполненная отчаянной решимости. Ни одна человеческая жизнь не стоила пусть даже самой дорогой подвески. На первый взгляд все было слишком легко — отдать украшение, забрать Бена и позвонить в полицию. Разум подсказывал, что за кражу ее по голове не погладят, но Агнесса цеплялась за то, что спасает человека. Она не сообщница, а жертва шантажа. Ее бросало то в холод, то в жар, сердце билось часто-часто, не хватало воздуха. Агнесса старалась не открывать окна в машине, но сейчас пришлось изменить привычке.

Она ушла с работы пораньше, поэтому уже в шесть стояла возле Ричмондских ворот. Вечер выдался теплым и безветренным. Желающих погулять в самом большом парке Лондона было очень много. Родители с детьми, собачники со своими питомцами, парочки, которых привлекали свидания на свежем воздухе, велосипедисты. Зеленое пятно в центре мегаполиса — настоящее спасение от городского шума и выхлопных газов автомобилей.

Агнесса давно не была здесь, но хорошо помнила широкие дорожки, большие кроны деревьев и уток, плавно скользящих по водной глади. Осень раскрасила парк в яркие золотые и багряные цвета, но девушку сейчас мало трогала красота природы. Она бродила по аллеям неподалеку от входа, чувствуя себя одинокой и потерянной, и постоянно смотрела на часы. Как назло, время тянулось медленно, секунды нехотя складывались в длинные минуты.

От звонка она вздрогнула и поспешно взяла трубку.

— Да! Я на месте!

— Идите в сторону плантации Изабеллы, — коротко бросили ей, прежде чем отключиться.

Агнесса направилась было вперед, но тут ее мягко подхватили под локоть и увлекли в сторону от проходящей по дорожке парочки.

— Милое платье. Почему вы не надевали его раньше?

Она рванулась, готовая отбиваться и кричать, судорожно вздохнула, повернулась и оказалась лицом к лицу с Эвансом. Агнесса пыталась сосредоточиться на его словах, лихорадочно соображая, откуда он вообще выскочил и как здесь оказался. Платье? Ах да, сегодня после работы она

собиралась в гости к Рите, поэтому оделась наряднее обычного.

— Я решил, что нам стоит куда-нибудь сходить. Например, в оперу. Вы любите оперу?

Он что, издевается?! До семи оставалось несколько минут, она должна успеть спасти Бена!

Агнесса помотала головой и сдавленно произнесла:

— Извините, я спешу.

— У вас свидание? Не с теми ли назойливыми типами, которым нужна подвеска? — Эванс обворожительно улыбнулся. — Не ходите к ним, они плохие.

Не дожидаясь ответа, он с силой сжал ее локоть, на удивление мягко направляя к выходу. Агнесса с удовольствием бы сбежала отсюда на край света, но она пришла ради Майлза и поэтому рванулась в сторону.

— Отпустите немедленно! Откуда вам все известно? Вы следили за мной?!

Эванс кивнул, но сознание уже подкинуло новую догадку, и у нее дыхание перехватило от гнева.

— Вы сами все это подстроили! Если это розыгрыш, то вы сильно об этом пожалеете! Я вас засажу за решетку до конца ваших дней! Я...

— Делать мне больше нечего. — Эванс приподнял брови. У него была невероятно живая мимика, Агнесса заметила это еще в первую встречу. Он не лгал ей, по крайней мере, сейчас. — Пока мы с вами тут болтаем, ваши знакомые уже начинают волноваться. Если мы прямо сейчас не возьмемся за руки, быстренько не выйдем из парка и не сядем в мою машину, волноваться придется уже нам.

У Агнессы закружилась голова, она перестала сопротивляться и позволила себя вести.

— Мой коллега у них в заложниках, — слабо всхлипнула она.

— Вашего коллеги уже нет в живых.

Бен... мертв?!

Эванс положил руку на ее талию, откровенно притягивая девушку к себе, но Агнесса была слишком напугана, чтобы возмутиться его наглости и отодвинуться. В тумане полузабытья она равнодушно отметила, что Эванс усадил ее в черный «Лотус Эвора». Она зажмурилась, стараясь дышать ртом, но выходило плохо.

Машина мягко тронулась с места. Агнесса, вцепившись в сиденье, смотрела на мелькающий за окном Лондон. Мир вокруг вращался со все возрастающей скоростью, перед глазамиплыли разноцветные круги.

Ее могли убить, а теперь обвинят в краже!

Жизнь сжалась до крохотной точки и замкнулась в салоне спортивного авто, в котором витал ненавязчивый запах кожи и горького миндаля. Она не могла и не хотела думать про большой мир, потому что в нем творились слишком страшные вещи.

Глава 2, в которой у Ригана (несмотря на суровые жизненные обстоятельства) на первый план выходит интерес к новой знакомой

Риган вел машину и изредка поглядывал на Уварову: побелевшие губы, ни кровинки в лице. Она вцепилась в лежащую на коленях сумочку с такой силой, будто это спасательный круг, а корабль вот-вот должен пойти ко дну.

Катаясь за ней по Лондону, Риган обнаружил много всего интересного. В частности, что Уварова бережет фигуру: бегаёт по утрам и каждый вечер после работы ходит в фитнес-клуб. Честно говоря, там было что беречь — довольно пышные формы, но ничего лишнего. Чутье не подвело, и через день, ближе к обеду, за девушкой увязался второй «хвост». Неприметный тип в потрепанном седане, идеально сливающимся с обстановкой, сопровождал ее всюду.

Ближе к вечеру Уварова вернулась домой, а ее «хвостик» поехал дальше. По дороге он подобрал двоих дружков, и все вместе они развернули бурную деятельность. В Ист-Энде, ближе к ночи, они отловили рыжего долговязого парня. Тот получил укол в шею и был благополучно погружен в багажник. Как выяснилось, это был коллега Уваровой, ради спасения которого она храбро ринулась в парк.

В том, что рыжий обречен, Риган не сомневался. Будь у него паратройка часов на уговоры, он не стал бы говорить ей об этом сразу, но времени оставалось в обрез. Уварова всерьез вознамерилась спасти парня, и вытащить упрямицу из неприятностей можно было, только оглушив правдой. А ведь он еле успел! Ему не казалось странным, что привыкшая вовремя уходить с работы дамочка в пятницу сбежала на час раньше, а вот то, что за ней больше не следили, — вполне. Одета она была как на свидание, бродила по дорожкам парка и поглядывала на часы. Правда, постоянно озиралась, а когда ей позвонили, вздрогнула и подскочила на месте. Это и спасло ей жизнь.

По лицу Уваровой все читалось как в раскрытой книге: в расширенных зрачках голубых глаз плескался страх, а в опущенных уголках плотно сжатых губ — отчаянная решимость. Риган сообразил, в чем дело, сразу, как только она сказала: «Я спешу». И выглядела при этом так, словно

разрывалась между желанием послать его подальше и просьбой не оставлять одну.

Не женщина, а сплошная загадка. Когда Уварова появилась в Эванс-Холле, волосы у нее вились тугими колечками, сейчас же были безукоризненно гладкими. Она напоминала то весьма сексапильную библиотекарьшу, то расслабленную бизнес-леди и на удивление быстро переключалась с образа увлеченной студентки на строгую учительницу, которая при случае отшлепает указкой. Сначала она показалась ему обычной современной дамочкой, зацикленной на карьере, здоровом образе жизни и фигуре, но сегодняшний день внес ощутимые коррективы. Далеко не каждый рискнет жизнью даже ради родных и близких. Наивность и бесстрашие — два в одном, чаще всего это сочетание приводит человека к печальным последствиям. Ригану доводилось встречать по-своему умных людей, которые в житейском плане не смыслили ни черта. Обмануть их было все равно что провести ребенка. Похоже, его новая знакомая как раз из таких.

Зазвонил мобильный, и Уварова снова ощутимо вздрогнула. Дрожащими пальцами потянулась за телефоном, но Риган перехватил его раньше, чем она успела ответить. Открыл окно и вышвырнул на дорогу. Это сработало как пощечина. Ее оцепенение прошло, и теперь она смотрела на него как на лютого врага. Неприязненно и зло.

— Зачем вы это сделали?! Куда мы едем?

— В Эванс-Холл. По этой штуке нас легко отследить.

— Кому понадобилось за нами следить?! — ее голос сорвался на крик — Звонила моя сестра! Все из-за подвески?! Я не предупредила родных... Боже, я должна вернуть украшение в хранилище, иначе меня посадят!

Машина ровно шла по трассе, поэтому Риган воспользовался проверенным способом возвращения женщине устойчивого душевного равновесия. Не выпуская руль, он свободной рукой притянул ее к себе и впился в губы жестким поцелуем. От нее исходил едва уловимый запах духов — мягкая и ненавязчивая свежесть: приятный, будоражащий аромат. Память прикосновений отозвалась на грубость инстинктами зверя, он проследил пальцами контур бьющейся жилки на ее шее — и внутри все перевернулось. Несмотря на открытое окно, по телу прошел жар, а брюки стали тесноваты. Самую малость.

Уварова дернулась, вцепилась в его предплечье, в широко раскрытых глазах смешались страх и желание. А потом она зажмурилась и обмякла, не отвечая, но и не пытаясь вырваться: искра погасла. Он отпустил ее столь же внезапно, как и поцеловал, скрывая разочарование за смешком. В

последнее время секс выходил без огонька, скорее по привычке, поэтому сильное возбуждение от поцелуя Риган списал на некую забавную странность. Уварова сложила руки на коленях и отвернулась к окну, а ему пришлось постараться, чтобы направить мысли в другое русло.

Пока штуковина цела, девушке придется сидеть тихо и не высовываться. Вещица, фотографию коей привезла незабвенная Уварова, некогда была весьма опасна. Неудивительно, что Агнессе и ее коллегам не удалось определить происхождение, стоимость украшения и тем более материал, из которого оно выполнено. Нужно было сразу его уничтожить, но кто же знал, что неприятности потянутся от этой дряни, как щупальца Ктулху.

Дорога тянулась в сонном молчании. Ригану пришлось остановиться, взять себе убойную дозу энергетика и запить кофе. Просвещенные умы полагали, что такое сочетание — смерть желудку, но он не хотел уткнуться носом в руль на полной скорости где-нибудь на трассе. Риган предложил Агнессе перекусить, но она покачала головой и бросила на него неприязненный взгляд. Третья встреча у них тоже не задалась.

* * *

Дом в георгианском стиле казался пережитком прошлого. Отгрохать его Риган решил в приступе скуки и ностальгии, но денег не пожалел и вернул родовому гнезду прежний облик. Увитый плющом особняк каменной кладки устроился посередине огромного парка. Такие места нравятся туристам, романтикам и ролевикам. Последних не смущала даже табличка у входа, но их без устали гоняли сторожа.

Риган остановил машину на подъездной дорожке, открыл Уваровой дверцу и подал ей руку. Девушка смерила его хмурым взглядом и вышла сама.

— Я думаю, что вы, Эванс, в сговоре с теми ребятами.

Несмотря на усталость, Риган улыбнулся. Она смотрела на него, как учительница из пансиона для мальчиков на нашкодившего воспитанника.

— Вы еще и думать умеете? Не женщина — мечта. — Он указал на двери. — Прошу. Я уже приготовил для вас кандалы и темницу, где вам предстоит коротать дни до конца жизни.

Уварова сжала кулаки и топнула ногой.

— Вы бываете серьезным?!

— По вторникам и субботам, с пяти до восьми утра, но чаще всего в

это время я сплю. Так вы согласны?

— Оставьте свои фантазии при себе! — Она решительно направилась к двери. — Откуда можно позвонить?

— Шутите? — Риган перехватил ее за локоть. — Хотите, чтобы эти типы явились сюда? Нет уж, спасибо.

К счастью, она не начала брыкаться и дергаться, как молодая газель, попавшая в силки. Взваливать даму на плечо и тащить через порог Риган считал неэтичным и пошлым трюком. Кроме того, он сам еще не придумал, что с ней делать. Уварова вынесла проклятую вещицу из хранилища. Как ни крути, спокойная жизнь ей в ближайшее время не светит. В лучшем случае — обвинение в воровстве и тюрьма, в худшем — билет до соседнего облачка к рыжему.

Несмотря на поздний час, навстречу им вышел Джонатан. Ему было не привыкать к ночным бдениям. Лет двадцать назад Хартстридж принял знамя у стареющего отца. Неизменный и неприступный, как лондонский Тауэр, и такой же надежный. Когда Джонатан был молодым, его младшая сестренка влипла в весьма неприятную историю. Риган вовремя пришел на выручку, но после того случая Джулия с родителями сразу уехали из Ньюкасла, а Хартстридж остался. И с тех пор ни разу не подводил.

Увидев рядом с ним гостью, Джонатан не изменился в лице.

— Добрый вечер, сэр, мисс Уварова. Позвольте ваш плащ? — Он внимательно посмотрел на девушку.

В Хартстриджа были встроены врожденное обаяние и уникальная память на имена. Он не рассыпался в комплиментах, не льстил и крайне редко улыбался, но, попадая в сферу его чуткости, человек чувствовал себя на удивление нужным. Если не центром Вселенной, то очень близко к этому. Сам Джонатан предпочитал оставаться незаметным — истинный серый кардинал Эванс-Холла.

— Ей нужна отдельная комната, — улыбнулся Риган, предвкушая реакцию, которая не заставила себя ждать. У Джонатана дернулась бровь — величайшее проявление эмоций в его исполнении.

— Как скажете, сэр.

— Мне не нужна комната! — огрызнулась Уварова. — Я голодна и хочу домой. И я не преступница.

— У нее сложный период в жизни, — приложив ладонь к губам, прошептал Риган. — Я найду, чем ее покормить.

Хартстридж покачал головой, принял из рук Уваровой плащ и степенно удалился.

— Джонатан хороший и добрый малый. — Риган улыбнулся уголком

губ и протянул девушке руку. — Он здесь всем заправляет. Если тебе не понравится запах фиалок в спальне — это к нему. Не уверен, что в спальнях есть фиалки, и здорово устал от церемоний, поэтому, пока тебе готовят комнату, мы поужинаем. Заодно я все объясню.

Уварова демонстративно скрестила руки на груди.

— Кандалы отменяются? — Несмотря на излишнюю серьезность, чувство юмора у нее было в порядке.

— Только попроси, солнышко.

* * *

На кухонном пространстве Эванс-Холла можно было разместить театральную сцену. Шкафы с многочисленной посудой, рабочие поверхности и столы для готовых блюд. На памяти Ригана, ни разу всю эту роскошь не пришлось задействовать полностью: приемов он не давал и открытых вечеринок не устраивал. Эванс-Холл стал для него норой, в которой можно отсидеться и зализать раны, напиться в хлам и крушить все, что попадется под руку.

Уварова села у дальнего стола, устроенного на манер барной стойки, облокотилась на него и закрыла глаза. Огромный холодильник был забит продуктами и полуфабрикатами под завязку: Джонатан заботился о том, чтобы во время пребывания в Ньюкасле Риган ни в чем не нуждался. Покопавшись на полках в поиске «чего-нибудь попроще», он обнаружил замороженные овощи. Сковорода обитала в одном из многочисленных ящиков, и спустя минут пять мысленных ругательств Риган, заглянув во все подряд, узнал, в каком именно. К тому времени Уварова уже успела задремать. Он высыпал в посудину содержимое пакета, залил маслом и закрыл крышкой.

— Я готовлю. Этот день войдет в анналы моей жизни... — Риган устроился на соседнем стуле, потряс девушку за плечо и подпер рукой щеку. — Итак, Агнес. Правило выживания номер один. Никому не звонить. Сбившись со следа, твои приятели начнут шерстить родственников и знакомых. Если попытаешься с ними связаться, подставишься сама и их подставишь. Это понятно?

Ему нравился не столько сокращенный вариант ее имени, сколько ее трогательное недовольство. Сейчас маневр остался без внимания — она взвилась вихрем и вцепилась пальцами в белокурые волосы.

— Я должна вернуться! Должна отдать подвеску... Я не прощу себе,

если с моими близкими что-то случится!

Риган резко поднялся и оказался с ней лицом к лицу.

— Хочешь, чтобы они отправились следом за рыжим?

Прозвучало жестоко, но Уварова снова была на грани: той, что хрупкой преградой отделяет отчаяние от безумного страха. Позволить этой преграде рухнуть он не хотел.

— Нет, — она побелела, губы задрожали.

Он кивнул и указал на стул. Уварова покорно села и устало посмотрела на мужчину. В ее глазах застыл невысказанный упрек и звучал он в переводе с ментального приблизительно так «Это ты не позволил вернуть подвеску назад! По твоей милости меня посадят за решетку. Из-за тебя мои родные сейчас места себе не находят, а начальник считает воровкой!»

Отчасти это было правдой. В двадцатом столетии вещьца прошагала долгий путь именно с ним. Риган не представлял, как объяснить дамочке, что эта штука уже натворила, а главное — что еще может натворить. Надо было сразу расплавить проклятую дрянь, а остатки вышвырнуть в Амазонку.

— То, что лежит в твоей сумке, — ключ к древней и очень опасной цивилизации, — произнес Риган. — Пока что я не представляю, кому он понадобится и зачем, но я это выясню.

Агнесса посмотрела на него как на сумасшедшего и прижала сумку к груди.

— Мне надоели ваши игры, Эванс. Я должна вернуть подвеску. Мне не нужны ни цивилизации, ни новые металлы, ни заговоры. И вообще — держите свои руки и другие части тела от меня подальше!

Прозвучало двусмысленно, а память тела мгновенно отозвалась на этот намек.

— Правило выживания номер два — вытекает из твоей возмущенной тирады. — Риган хлопнул ладонями по столу. — Если очень хочется что-то сделать, подумай об этом пять минут. У меня оно не всегда работает, но должен же я был сказать. Тем более что точку невозврата мы уже прошли.

— Мы?!

— Именно так.

Она отвернулась и стала рассматривать столешницу. Неизвестно, о чем эта женщина сейчас думала, но Риган не спешил нарушать молчание. На нее сегодня и так много свалилось. Такое не каждый крепкий мужчина выдержит.

— И я... не смогу вернуться домой? — дрожащим голосом спросила Уварова. От ее воинственности не осталось и следа. Она сжимала сумку,

как щит, но губы подрагивали от напряжения и сдерживаемых рыданий. — Что же мне тогда делать?

— Сейчас есть, а потом идти спать. — Риган пожал плечами. — Завтра будет видно.

Больше они не разговаривали. Овощи поджарились быстро, правда, посолить их Риган забыл, равно как и убавить огонь, поэтому нижний слой вышел в стиле вегетарианского барбекю. Он этого почти не заметил, наспех проглотив все, что лежало в тарелке. Сейчас гораздо больше к столу пришелся бы сочный ростбиф, но его готовить было несравнимо дольше и сложнее, а Риган валился с ног от усталости.

Что Уварова думала о его кулинарных талантах, осталось за кадром, потому что она молчала и упорно избегала взгляда. Когда на кухне появился Джонатан — сообщить, что комната для гостии готова, — она поспешно вскочила, чуть не опрокинув тарелку, и быстро вышла вслед за дворецким.

Оставшись наедине с собой, Риган задумчиво изучал шкафчики и столы, думая о том, что предстоит сделать в самое ближайшее время. Первым делом нужно выяснить, кому понадобился ключ, и разобраться с ними — по-хорошему или по-плохому, а после — решить, как быть с новой знакомой. Увы, пока ей нельзя возвращаться к себе. Недружелюбные типы, закопавшие рыжего, вряд ли простят Уваровой свое упущение. Но даже если на них снизойдет благодать вселенского милосердия, полиция ее по головке не погладит, и сидеть ей в тюрьме за воровство. Хочешь не хочешь, а придется где-нибудь затаиться.

Будучи *измененным*, Риган усвоил одну простую истину: все проходит, хотя сегодня может казаться, что мир рухнул и собрать его уже невозможно. Многое из случившегося способно тебя изменить, но не поломать. Жизнь продолжается, и в новом мире, на новом месте, рядом с новыми людьми тебе приходится по частям собирать нового себя. Иногда бывает больно, но боль — всего лишь доказательство того, что ты еще существуешь.

Века в тени человечества — когда обладаешь силой, повышенными способностями к гипнозу и заживлению, долголетием и относительной неуязвимостью, — сомнительное преимущество. Чтобы выжить, приходилось пить кровь. Да и ультрафиолет плохо сказывался на здоровье: никаких тебе пляжей, курортов, коктейлей в шезлонгах, а девушки в бикини — только по ночам или на картинках. Часа на солнце было достаточно, чтобы потом полдня лечить весьма болезненные ожоги, которые по сравнению с прочими ранами затягивались в разы медленнее. Никакого постоянства: переезды с места на место, разные страны, разные

имена. Никакой известности — попытки заявить миру о себе предпринимались с начала времен, но всякий раз безжалостно подавлялись своими же.

В фольклоре измененных называли по-разному: акшары, стригои, носферату и вурдалаки. Правды в сказаниях было не так уж много, в основном — досужие людские домыслы и страшилки, хотя некоторые измененные действительно не гнушались кровавых расправ или внушения. В последние годы про вампиров сочинили столько фантастики, что истина окончательно затерялась в бесчисленных сюжетах и версиях. Легенды переврали многое, а на самом деле измененные были живыми и облик менять не могли, равно как и летать, нагонять туман и наращивать отрезанные конечности. На стоматологов тоже тратиться не приходилось: с зубами — вроде вырастающих острых клыков — проблем не возникало. Родиться измененным было невозможно: к дару вечности прилагалось бесплодие. Изменение, а по сути заражение человека происходило, вопреки расхожим мнениям, не через укус, а только через кровь. Считалось, что этот процесс необратим, но несколько лет назад они получили опровержение неожиданным и жестоким образом. Непонятно откуда взявшийся вирус Чумы измененных уничтожил практически всю их расу. Немногочисленные выжившие лишились своих способностей, вот и Ригану теперь недолго осталось. Что такое тридцать, сорок, да даже пятьдесят лет перед лицом принадлежавшей им Вечности? Это как подразнить ребенка конфетой, а потом показать фигу.

Голова стала тяжелой — верный признак того, что пора спать. В такие мгновения Риган искренне сожалел о потере былой выносливости, но что прошло, того уже не вернуть. Поднявшись на второй этаж, он направился в гостевое крыло. Дверь в комнату была приоткрыта, но Уваровой там не оказалось, ее сумки тоже. Наверняка взяла с собой в душевую.

Риган улыбнулся, предвкушая завтрашнюю встречу: когда Уварова злилась, она становилась прехорошенькой. Разыгравшееся воображение рисовало картины одна непристойнее другой. Агнесса откровенно и бесстыдно выгибалась под ним в разных позах. Голубые глаза потемнели, кудрявые волосы разметались по подушкам. Хотел бы он посмотреть на нее после оргазма!

Риган не удержался и написал ей записку:

«Поскольку ты просит держать руки (и прочие части тела) от тебя подальше, мне остается лишь удалиться к себе в тяжких думах и глубокой печали. Пусть сны твои будут приятными в

самом интимном смысле».

Оставив послание на ее подушках, Риган дошел до своей спальни. В кои-то веки здесь было чисто. Вся мебель на местах, кровать аккуратно застелена, гармония и умиротворение, только щебечущих птах и яблок не хватает. Из открытого окна тянуло прохладой. Его снова знобило и манило в сторону бара — он не пил с тех пор, как отправился в Лондон, ирландский кофе не в счет. С мыслями о таком досадном упущении Риган быстро стянул с себя одежду, забрался под одеяло и забылся глубоким, крепким сном.

Глава 3, в которой Агнесса понимает, что наглецы, хамы, сумасшедшие миллионеры и кровожадные маньяки обладают особой привлекательностью для женщин: навык, полученный в процессе эволюции, чтобы проще было охотиться на невинных жертв

Тишина за окном — вместо городского шума, под который она привыкла просыпаться. Подушка пахла свежестью, а не полевыми цветами, кровать несоизмеримо больше. Спросонья Агнесса пыталась понять, как оказалась в чужой постели. Она увидела сумку на прикроватной тумбочке, и воспоминания обрушились одно за другим. Как там сказал Эванс? Точка невозврата?

Для начала нужно позвонить в полицию.

Агнесса нащупала под подушкой цепочку, сжала подвеску в руке и облегченно вздохнула. Все будет хорошо. Ей поверят, может, выпишут штраф или уволят с работы, но она справится. О том, что родители сейчас сходят с ума, она старалась не думать, как и о своем «спасителе». В благородные мотивы Эванса Агнесса верила не больше, чем в чушь про древние цивилизации, которую он пытался ей скормить. Видимо, он представлял ее наивной душой и хотел, чтобы она считала его своим ангелом-хранителем. Подвеску, которая стоила целое состояние, дед Ригана в приступе сентиментальности подарил любовнице. Внук, видимо, пожелал вернуть фамильную драгоценность. Но мог бы дождаться аукциона и выкупить ее: судя по размерам и состоянию Эванс-Холла, он не бедствовал. Комната, где девушка ночевала, напоминала номер дорогого отеля. Светлоголубые стены, яркие занавески, покрывала и обивка кушетки в тон, мягкий круглый ковер возле кровати — элегантно и со вкусом. Что ни говори, а алчность некоторых людей переходит любые границы.

Агнесса попыталась выкинуть его из головы, но вспомнила о поцелуе. Жесткие губы, напор и сила. В машине грубая ласка помогла успокоиться, но теперь она готова была убить Эванса за свою минутную слабость. Никто

не вызывал в ней такую бурю чувств, ни один мужчина так сильно не выводил из себя! Чего только стоила его записка. Наглец! Вечером ей хотелось отыскать его и сообщить, что сны будут точно не о нем, но вместо этого она скомкала бумажку и швырнула в угол. Эванс определенно не стоил того, чтобы вспоминать его грубый и убогий поцелуй.

* * *

Завтрак выгодно отличался от вчерашних пережаренных овощей, Агнесса наслаждалась яичницей с ароматным хрустящим беконом и крепким чаем с молоком. После Хартстридж любезно предложил гостье экскурсию по дому, и она согласилась. Оказывается, Эванс-Холл был точной копией старого здания, построенного в начале восемнадцатого века. Мрачный и старинный, он напоминал дворцы-музеи. Казалось, вот-вот из-за угла вынырнет группа туристов. И ни одного телефона в таком огромном доме, подумать только! Словно современный мир не существовал за его стенами. Если бы не датчики дыма на потолках, огоньки сигнализации и большая кухня, оборудованная по последнему слову техники, Агнесса решила бы, что перенеслась в прошлое. В другое время огромный ухоженный парк произвел бы на нее впечатление, но сейчас она была полностью погружена в свои мысли. Нужно избавиться от навязчивой «помощи» Эванса и срочно вернуть украшение в хранилище.

После прогулки Хартстридж проводил ее в комнату и оставил одну. Обратиться в полицию не получится, значит, придется спасаться самой. Поколебавшись, Агнесса решила оставить сумку и взять только подвеску и документы. Если кто-нибудь увидит ее на лестнице, в холле или в парке, то подумает, что она просто вышла прогуляться. Спускаясь, девушка чувствовала себя странно. Будто и вправду была воровкой и беглянкой — озиралась по сторонам и прислушивалась к каждому шороху. Ее слегка трясло, а руки вспотели. Еще бы! Раньше ей не доводилось сбегать из дома безумного миллиардера, унося с собой бесценную для него вещь.

На середине лестницы Агнесса перегнулась через перила и посмотрела вниз. Никого. Облегченно вздохнув, она ускорила шаг. Туфли пришлось нести в руках, чтобы не стучали каблуки, а документы так и норовили выскочить из-под перехваченного ремешком платья и высыпаться к ногам. К счастью, обошлось. Девушка благополучно пересекла холл, вылетела к дверям и схватилась за ручку. Заперто!

— Могу я вам помочь?

Сердце ухнуло в пятки, а от пошлого визга Агнессу спасло только чувство собственного достоинства. Она обернулась и встретила взглядом с Джонатаном. Он совершенно бесшумно нарисовался за ее спиной невесть откуда. Как кот, выследивший мышь.

— Я собиралась прогуляться. — Пришлось постараться, чтобы голос звучал бодро и уверенно.

— Разумеется, мисс. — Джонатан не смотрел на туфли в ее руке. — Но мистер Эванс просил передать, чтобы вы не выходили из дома до разговора с ним.

«Мы уже достаточно наговорились», — угрюмо подумала Агнесса.

— Я что, пленница? — Она гордо вздернула подбородок и с вызовом посмотрела ему в глаза. Он спокойно выдержал ее взгляд.

— Это всего лишь просьба.

— Значит, я могу уйти?

Агнесса не отводила взгляда, и Джонатан тоже.

«А вдруг они все здесь слегка того?»

Представить себе Джонатана, бросающегося на нее с огромным разделочным ножом, было нелегко, но по книгам и фильмам Агнесса знала, что самые жестокие серийные убийцы скрываются за фасадами изобилия и благопристойности. Взять хотя бы «Американского психопата». Лучше их не провоцировать.

Агнесса заставила себя отпустить ручку двери и шагнула назад.

— Я поднимусь к себе, — пробормотала она.

— Если вам что-нибудь понадобится, только скажите.

«Мне нужен телефон, чтобы позвонить в полицию!» — чуть было не закричала девушка, но только кивнула и поспешила наверх. Остался Джонатан внизу или ушел — она не слышала. Слышала только, как гулко колотится сердце. Она ходила по комнате из угла в угол, пока не зарябило в глазах и не затошнило. Тогда Агнесса села на кровать, зажала руки между коленями и уставилась в одну точку. Можно было вылезти в окно, но она побоялась. Второй этаж здесь — как все три, а то и четыре. Вряд ли станет лучше, если она поломаёт руку или ногу и по-прежнему останется во власти Эванса. Совсем как в «Мизери».^[1]

Через час Джонатан постучал в ее комнату и вручил чехлы с одеждой.

— Я взял на себя смелость подобрать для вас кое-что, мисс.

Агнесса скрестила руки на груди и покачала головой.

— Мне не нужна одежда, Джонатан.

— В таком случае я просто оставлю ее здесь. — Он кивнул в сторону пустого платяного шкафа и внимательно посмотрел на нее. — Вы не

станете возражать?

Агнесса подавила желание ответить: «Нет» — и пожала плечами. Какое ей дело.

— Эванс попросил вас об этом? — как можно безразличнее спросила она, хотя внутренне вся сжалась. Зачем ей привезли одежду? Они что, рассчитывают, что она задержится здесь надолго?!

— Нет. — Управляющий не изменился в лице. — Я просто подумал, что вам будет приятно.

Агнесса судорожно сглотнула, ком в горле растворился. Джонатан старался ей помочь, а она вместо благодарности изображала мегеру. Управляющий Эванса с самого начала был на редкость учтив и внимателен, но ей мерещилось всякое, вплоть до нелепых кошмаров. Чувство благодарности согрело ее и немного успокоило.

— Не уверена, что надену это, но спасибо. — Она неловко улыбнулась.

— Пожалуйста, мисс. Я всегда к вашим услугам.

После его ухода Агнесса некоторое время колебалась, но потом поддалась любопытству. Развернув чехлы, она обнаружила элегантное синее платье со скромным V-образным вырезом, две блузки кремового и светло-желтого цвета и шоколадную юбку до колен. Словно она сама выбирала наряды, даже размер совпадал. К ним прилагались синие туфли на невысоком каблуке и коричневые балетки. Посмотрев ценники, Агнесса почувствовала злорадное удовлетворение. Джонатан выбирал одежду, но платит наверняка Эванс.

* * *

Риган объявился к обеду, который правильнее было именовать полдником. Взъерошенный, с мокрыми после душа волосами, в чистой, выглаженной рубашке и брюках. Отдохнувший и посвежевший, он выглядел гораздо привлекательнее.

— Добрый день, Агнес. — Эванс произнес имя мягко и вкрадчиво, словно ночью между ними было нечто большее, чем поздний ужин и издевательская записка. — Как спалось?

— Отлично, — с вызовом произнесла она. — Неужели надеялись, что после вашего послания я не засну?

— Без меня заснуть не проблема... — Мужчина устроился на соседнем стуле, хотя мог выбрать любое место, подтянул к себе тарелку и приборы. — А вот со мной...

Он не договорил, оставив возможность додумать самой. Агнесса же невольно задержала взгляд на его губах, и ей стало отчаянно жарко. К счастью, в столовую вошли двое слуг, которые несли подносы с едой. Первые люди, кроме Джонатана и Эванса, которых Агнесса видела в этом огромном доме! Тут бы впору облегченно выдохнуть, но она была слишком напряжена. Риган же расслабленно откинулся на спинку стула и потянулся, закинув руки за голову.

— Жизнь гораздо лучше, когда отдохнешь, правда, Агнес? Это ночью все кошки серы.

Она поборола желание возразить из вредности. Он был прав. В свете нового дня все выглядело иначе, ближе к вечеру даже глупые страхи отступили, и к Агнессе вернулась ее рассудительность. Она бы посмеялась над собой и утренними мыслями, если бы не донельзя паршивое настроение. Эванс не собирался кромсать ее на кусочки, но и отпускать — тоже.

— Я успокоюсь, когда вернусь к своей обычной жизни.

— Это будет не так скоро, солнышко. Кстати, тебе идут кудряшки.

Хуже комплимента не придумаешь! Свои кудри Агнесса ненавидела. После каждого мытья головы волосы завивались в тугие локоны и без утюжка и средств для укладки выглядели чудовищно. Пушистые волосы портили ее имидж, но сегодня пришлось смириться с тем, что она — пугало.

Прислуга вышла, а Эванс как ни в чем не бывало заметил:

— Сегодня я уничтожу подвеску.

Он так быстро перескакивал с одной темы на другую, что Агнесса даже не сразу поняла, о чем этот хам говорит. А когда поняла, подскочила на месте.

— Ни за что!

«Заполучить бесценное украшение, чтобы его уничтожить?!»

— Расскажи мне, — Эванс пропустил ее гневный выпад мимо ушей, — как и когда на тебя вышли, что говорили? Когда подвеска оказалась в твоём агентстве? Меня интересует все.

Она подавила раздражение, понимая, что спорить бесполезно. Пришлось рассказать Эвансу про телефонный звонок от американки, про угрозы и предложение огромных денег. Про то, когда она в последний раз слышала голос Майлза. Агнесса с трудом подбирала слова, чтобы говорить отстраненно, но выходило плохо. Когда она закончила, руки сильно дрожали.

— Понятно, что ничего не понятно... — Риган смотрел сквозь нее.

Судя по сосредоточенному лицу, он задумался и забыл о том, что не один за столом.

— Я не позволю вам уничтожить подвеску!

— Хочешь, чтобы убили кого-нибудь еще? — Он говорил спокойно, как если бы они беседовали о погоде или предстоящем походе в кино, даже в лице не поменялся, и Агнессе резко расхотелось есть. Она положила салфетку на стол и встала.

— Я уезжаю.

— Сядь! — Его голос стал резче и злее. Взгляд светло-серых глаз был колючим и жестким. Если не сказать жестоким. Наконец-то он показал свое настоящее лицо!

Агнесса понимала, что играет с огнем, но призвала на помощь всю свою волю, чтобы ответить. Она не станет пасовать перед Эвансом! Кто он такой, чтобы ей приказывать?!

— Нет, — твердо возразила она. — Провожать не надо, у меня есть деньги на такси.

Мужчина поднялся, оказавшись рядом с ней. Какое-то время он просто молча смотрел — глаза в глаза, и у Агнессы по спине побежали мурашки, а сердце забилось сильнее. Было в нем что-то пугающее и будоражащее одновременно — непознанное, но от этого еще более притягательное.

— Типы, которые сейчас с ног сбились, чтобы тебя найти, шутить не будут. Подвеска окажется у них, а ты — в недружелюбном заведении под названием морг. Рыдающие родственники, траурные одежды, сопли до пола, все довольны и счастливы. Хочешь исправить свою жизнь таким образом — уходи.

Голос Эванса — резкий, холодный — разрушил наваждение, а когда он вернулся за стол, Агнесса вздохнула с облегчением: его близость мешала мыслить здраво. Что, если Эванс все-таки говорит правду? Если она сделает только хуже? Себе, близким, Роберту?

— Симпатичное декольте. На мой вкус скромное, без блузки было бы лучше.

Он скользнул по ее губам и груди оценивающим взглядом, вновь сбивая с мыслей. Да он же... дразнит ее! Должно быть, привык общаться с женщинами, которые падают к его ногам, но она не собирается пополнять их ряды.

— Без блузки я появляюсь только перед теми, кто мне нравится. — Агнесса оперлась руками о стол. — Как мне поможет то, что ты уничтожишь подвеску?

Он выразительно заглянул в вырез, Агнессу обжег его взгляд, и она

отпрянула.

— Тебе помогут новые документы и билет в Рио, солнышко. Ну или на Кубу. Ты была на родине Фиделя?

— На... Кубу?!

— Ну да. Пересидишь там, пока я разберусь с этой небольшой проблемой. Чтобы не путаться под ногами.

Агнесса поперхнулась, закашлялась и пулей вылетела из столовой. В своей роскошной темнице она опустилась на кушетку и обхватила себя руками. Только сейчас Агнесса начинала понимать, насколько бессильна перед ним. Эванс свихнулся и чудит, издеваясь над ней в свойственной ему мерзкой манере. Отправиться на Кубу?! Она хотела домой, в Лондон, где осталась ее настоящая жизнь. Родные, работа — все, что ей дорого, он решил перечеркнуть просто потому, что ему взбрело это в голову! Агнесса обвела спальню тоскливым взглядом. Роскошь повсюду. О такой комнате мечтает каждая женщина, но ей куда больше нравилась скромная ухоженная квартира, а не замок, похожий на тюрьму.

Даже если предположить, что все его слова — правда, решать за себя она не позволит. Мысли кружили одна за другой, как мыши перед довольным котом. Эванс хочет уничтожить подвеску, он сам в этом признался. Уничтожить, продать, похоронить в фамильном склепе или запереть в сейфе — какая ей разница! Если она отдаст украшение, вернуться и во всем признаться полиции не получится. Спрятать его тоже негде, Эванс наверняка знает этот дом как свои пять пальцев. Агнесса поколебалась, но потом достала из сумки цепочку, на которой подвеска соседствовала с подарком Джона — изящной золотой бабочкой, и надела на шею. Если Эванс захочет забрать украшение, ему придется оторвать ей голову.

* * *

— Мне нужна подвеска, Агнес.

Эванс прошел в комнату, остановился рядом с ней и протянул руку. Девушка рассчитывала, что он заявится раньше, и десятки раз представляла себе разговор, из которого выходила победительницей. Увы, ожидание слишком затянулось, и за несколько часов от былой решимости не осталось и следа, поэтому сейчас Агнесса невольно подалась назад и замотала головой.

— Это значит «нет»? — насмешливо произнес он, наклонился и

оперся руками о кушетку, по обе стороны от нее.

В горле пересохло, а под заволаживающим взглядом стальных глаз сердце забилося сильнее. Его уверенность безумно раздражала. Он привык получать все, что хочет, но она не собиралась сдаваться без боя.

— Я ее не отдам! — Агнесса вздернула подбородок и дерзко, с вызовом, посмотрела ему в глаза.

Вместо ответа Эванс коснулся пальцами ее шеи, медленно прочертил ими дорожку до ключицы. Агнесса затаила дыхание, не в силах избежать прикосновения, а Эванс перехватил цепочку и потянул вверх. Он держал на ладони подвеску вместе с другим украшением, почти касаясь губами ее губ. Жесткий напор и терпкий вкус — горький кофе и виски. Слишком близко, слишком откровенно. Что он с ней делает? Она отказывала и более привлекательным мужчинам, но сейчас просто предавала саму себя.

— А говорила — не отдашь.

Девушка моргнула от удивления. Его и впрямь волновала только эта проклятая вещь! Злость и разочарование слились с мерзким привкусом унижения.

— Ты играешь нечестно, — прошипела она, ухватив цепочку и потянув на себя.

Он разжал ладонь и ослепительно улыбнулся.

— Повторим?

Стоило ему коснуться ее шеи — и Агнесса отпрянула как ужаленная. Проворно отползла на кровать и спрыгнула на пол. Ей не понравился его взгляд: прищур охотника, заметившего дичь. Причем не человека, а хищника. Эванс улыбнулся уголками губ, и на мгновение ей показалось, что он сейчас прыгнет и окажется рядом.

— Я не отдам подвеску! — упрямо повторила она, убеждая скорее себя, чем его.

— Хорошо.

— Хорошо?!

— Я никуда не спешу. — Эванс устроился на постели поверх покрывала, закинул руки за голову и подмигнул. От такой выходки Агнесса потеряла дар речи.

— Уходи! — Она решительно указала ему на дверь.

— Хорошенькие дела. Это мой дом, солнышко.

— Тогда уйду я!

Она направилась к двери, не сводя с него настороженного взгляда. Эванс же прикрыл глаза и напевал что-то себе под нос. Стоило Агнессе отвлечься, как он перехватил ее и развернул лицом к себе, с силой прижав к

стене. Такие выходки пугали девушку до чертиков, но еще больше беспокоил его взгляд — яростный и сумасбродный.

Агнесса не успела и слова сказать, а Эванс уже снова целовал ее. Проникновенно, глубоко и настойчиво. Она приоткрыла рот, невольно подчиняясь, по телу прошла приятная дрожь, губы горели, воздуха в легких не хватало, словно она пробежала спринт. Агнесса жадно ответила на поцелуй, а Эванс стал расстегивать на ней блузку. Ее отрезвил собственный приглушенный стон, когда он коснулся пальцами чувствительного местечка в ложбинке между грудей. Девушка собрала остатки сил и оттолкнула его. Она ожидала увидеть в серых глазах привычную насмешку, но вместо этого наткнулась на обжигающий холод. Оторвать голову, чтобы забрать подвеску? Легко.

— Тебе помочь с застежкой?

Агнесса судорожно сглотнула. Кажется, она только что перешла черту и выбора у нее не осталось.

— Нет!

Ей хотелось как можно скорее избавиться от Эванса, от наваждения, вызванного его близостью, и от страшного человека, который временами выглядывал из-под его фривольной маски. Ругая себя за трусость, она завела руки назад, быстро расстегнула застежку и протянула цепочку ему.

— Доволен?

Вместо ответа он перехватил подвеску и сжал ее пальцы — на краткий миг, но этого хватило, чтобы вжаться в стену и отдернуть руку. Не хватало еще, чтобы из-за дурацкого украшения ее изнасиловали. Внутренний голос ехидно подсказал, что такого «насилия» она давно хотела, и Агнессу затопило отвращение к себе. Девушка отвернулась и уставилась в окно.

— Правило выживания номер три, Агнес. Из дома без меня ни на шаг.

Эванс вышел и даже не потрудился прикрыть дверь, унося с собой ее спасение. Ему все равно, что в этом кусочке металла сосредоточились все ее надежды. Ему наплевать на нее, как и на любую другую, а их наверняка было множество. Хотя какое ей дело? Он не в ее вкусе: самонадеянный и бесстыжий! Неужели недолгое воздержание сыграло с ней дурную шутку и ей все равно, под каким мужчиной растекаться, словно желе?! Никогда раньше она не разрывалась между желаниями ударить посильнее и целовать до потери сознания.

Агнесса глубоко вздохнула, застегнула блузку на все пуговицы и подошла к окну. Эванс уезжал, и как только его машина скрылась из виду, она поспешила вниз. Настало время нарушить правила и узнать правду. На Джонатана рассчитывать не приходилось, тот явно был заодно со своим

нанимателем. К счастью, в доме есть еще прислуга.

Как ни странно, управляющий ей больше не попадался, но момент был упущен. Бежать в ночь на пустую дорогу ничем не лучше, чем остаться здесь. Не сразу, но она нашла горничную, которая убиралась в кабинете Эванса. Чувствуя себя на редкость глупо, Агнесса попросила показать телефон.

— Здесь нет телефонов, мисс. Вы разве не знаете? — Невысокая темноволосая женщина посмотрела на нее удивленно.

Это не замок, а первобытная пещера. И методы у ее хозяина приблизительно такие же, как и у его далеких предков.

— Вы можете одолжить мне мобильный? — Притворяться не пришлось, в ее голосе звучала искренняя мольба. — На пару минут, мне надо срочно позвонить родным, а мой сломался...

«Потому что кое-кто выкинул его на дорогу».

К счастью, горничная не отказала. От долгожданного звонка в полицию Агнессу отделяли несколько мгновений, но слова Эванса не шли у нее из головы: «Хочешь, чтобы убили кого-нибудь еще?» — нет, девушка этого искренне не хотела. Оставшись наедине, она поколебалась, а затем все-таки набрала номер Риты. Сестра могла рассказать больше, чем взволнованные родители.

Несмотря на незнакомый номер, та сразу схватила трубку. Едва услышав голос Агнессы, она перебила и затараторила:

— Кудряшка, я уже по потолку бегаю! Ко мне приходила полиция, несла какой-то бред про то, что ты обокрала свою контору...

— Это правда, — выдохнула Агнесса, воспользовавшись короткой паузой — иначе ей не дали бы и слова сказать. — Пришлось. Мне угрожали.

В трубке повисло молчание, и Агнесса затаила дыхание, с ужасом ожидая приговора.

— Ох, — сестра замялась, подбирая слова, — и... что произошло с Майлзом? Его нашли в ванной с перерезанными венами, а рядом записку, в которой он просил во всем винить тебя.

У Агнессы закружилась голова, подкосились ноги, и она опустилась в кресло. Она не могла представить вежливого и застенчивого Бена мертвым. Над ним учинили жестокую расправу, и все из-за подвески. Эванс не солгал.

— Рит, я не убивала его, — зашептала Агнесса. — Если бы не... один мужчина, меня бы тоже убили.

— Совсем сдурела?! Я бы в жизни такое не подумала... — Та

понижила голос до шепота. — Что за мужчина? Ему можно доверять? Ты в безопасности?

«Хотела бы я это знать».

— Риган Эванс. Я в порядке.

— Тот богатеи?!

Рита всегда отличалась наблюдательностью там, где дело касалось личной жизни Агнессы. Даже имя запомнила.

— Да, это он.

— Что он говорит?

— Что эти типы ни перед чем не остановятся и что следующими будете вы.

— Господи...

— Он хочет отправить меня на Кубу, пока все не уляжется, но... Ритка, я же не преступница!

— Кудряшка, это не телефонный разговор. Мужики в таких делах всяко понимают больше нас. Особенно миллиардеры, иначе у них не было бы их миллиардов. Если говорит уезжать — уезжай, а я что-нибудь придумаю и успокою твоих стариков.

— А что сказал бы Пит по этому поводу?

— Что он со мной разводится. После таких-то советов.

Как это похоже на Риту! Сидит в своей гостиной и сыплет шуточками, хотя от волнения места себе не находит. А где-то рядом с ней близнецы и Пит... Нужно было заканчивать разговор, но Агнесса не могла, понимая, что еще долго не услышит родных, и это разрывало ей сердце.

— Передай, что я их очень люблю... — Голос дрогнул, и Агнесса поспешно добавила: — Скажи, я позвоню сама, когда все наладится. Мне пора.

Она нажала отбой, не прощаясь, и несколько мгновений молча смотрела на дисплей. Позвонить в полицию, во всем сознаться, а дальше пусть Эванс разбирается с неприятностями? Он разрушил ее жизнь, и... он же спас ее: вырвал из лап шантажистов, спрятал в своем доме. Вот и сестра говорит, что на него можно положиться. Не окажись он тогда в Ричмонд-парке, ее родителям и Рите полиция принесла бы еще более страшные новости. Он ведь мог просто забрать подвеску, а ее вышвырнуть на улицу, но не сделал этого.

Агнесса вернула телефон горничной и поплелась к лестнице. Она хотела отыскать Джонатана и спросить, когда вернется хозяин. Нужно рассказать Эвансу о том, что она позвонила Рите. Разумеется, в этом нет ничего страшного, но, если сразу признаться, спокойнее будет спать.

Из холла донесся звонкий переливчатый смех, Агнесса замешкалась, но все же вышла из коридора. Высокая стройная женщина сняла элегантный зеленый плащ и протянула его управляющему. Ее гладкие рыжие волосы струились по плечам, как у модели в рекламе шампуня. Джонатан стоял рядом с видом человека, исполняющего свои прямые обязанности, которые внезапно стали ему в тягость.

— Ригана сложно застать. — Простые слова в устах незнакомки прозвучали как приглашение к чему-то возбуждающе-откровенному. Женщина повернулась к ней, и Агнесса ойкнула. Пухлые, красиво очерченные губы, соблазнительный взгляд серо-зеленых глаз: мужчины по всему миру сходили от нее с ума. Агнесса могла ждать чего угодно, только не появления в Эванс-Холле секс-символа Великобритании — Лорин Бейл.

Глава 4, в которой Риган осознал, что перед тайнами этого мира наивен, как свежевылупившийся птенец

Весь вечер и часть ночи Риган провел в подпольной лаборатории неподалеку от Ньюкасла, у старого знакомого. Высокий, светловолосый и сосредоточенный, в белом халате поверх делового костюма, Гарри Хитер больше напоминал биржевого брокера или юриста, чем ученого. Он колупался с реактивами и аппаратами, а Риган сидел на высоком стуле, пил пиво и крутил в руках какую-то колбу с зеленым содержимым. Она напоминала ядреную шипучку или энергетик — из тех, что в свободном доступе продается в любом супермаркете. Когда Риган попытался потрясти жидкость, Гарри с необычной для человека прытью преодолел разделяющее их расстояние и осторожно вернул сосуд на место.

— Риган, руки! Что ты мне приволок?

— Ты у нас спец, Гарри, ты мне и скажи.

Тот искривил пухлые губы.

— Металл Дюпона я изучил вдоль и поперек, но подвеска состоит из него лишь отчасти. Это сплав, и достаточно необычный. Я понятия не имею, что это такое.

— Вот как. Ладно, спасибо.

— Было бы за что.

Риган хлопнул руками по коленям и спрыгнул со стула. Время и без того было позднее, а может, слишком раннее, и сидеть тут дольше не имело никакого смысла. Штуковина оказалась с еще большим секретом, чем он предполагал. Знал бы он, когда говорил Уваровой про «неведомую фигню», что слова окажутся пророческими. Избавляться от подвески сразу он не собирался, хотя руки так и чесались: слишком много зла она принесла в прошлом. Тем не менее для начала нужно выяснить, кому и зачем она понадобилась. Хотелось наивно верить в то, что какого-то чокнутого коллекционера просто заинтересовал непонятный кругляшок, но простодушие Ригана скончалось душной летней ночью на кладбище в Женвилье.

По дороге в Эванс-Холл Риган то и дело посматривал на лежащую на

соседнем сиденье подвеску. Она едва уловимо поблескивала, когда в салон брызгал свет фонарей. И опять ржавчина воспоминаний разъедала реальность. Словно наваждение, воскресли немногочисленные огни Женвилье начала двадцатого века, профиль Ив, склонившейся над картами, выбившаяся из прически прядь волос на плече и ее улыбка — чистая, искренняя и светлая. То, что казалось давно погребенным под пылью десятилетий, снова оказалось на удивление живо.

Он слишком давно не напивался! Пиво обладает хорошим мочегонным эффектом, но толку от него никакого. Не то что виски. В жизни измененного виски был яркой терпкой приправой к крови. Благодаря отменному обмену веществ он выводился из организма практически сразу, и чтобы хоть немного опьянеть, приходилось заливать в себя несколько бутылок подряд. Что, признаться, выглядело безобразно, стоило неразумно дорого, а выветривалось слишком быстро. Вернувшись к тому, от чего ушел, а именно — к бытию человека, Риган разом вспомнил все прелести алкогольного опьянения и похмелья. Впрочем, его это не останавливало.

В Эванс-Холле ждал приятный сюрприз. Джонатан сообщил об этом чересчур мрачно: с некоторых пор их отношения с Конфеткой не задались, и причиной тому стал забавный конфуз. Неумная сексуальность Лорин — отличительная черта *чувствующих* — сыграла злую шутку. Чувствующие произошли от измененных, этакий своеобразный подвид. Однажды, во втором тысячелетии нашей эры, на Гаити, заражение не убило женщину, но и не изменило ее. Так появилась первая из их расы. Ей не нужна была кровь, она не боялась солнца, и жизнь ее оказалась немногим больше человеческой — около двухсот лет. Удивительная способность чувствовать энергии мира и забирать их у живых существ — стала залогом долгой молодости. Проще, да и незаметнее всего было питаться во время секса, поэтому искусство соблазнения они постигали с юных лет. Подобно тому, как сила измененных возрастала от века к веку, чувствующие расцветали от поколения к поколению: чувствующей проще было родиться, чем стать. Они могли выносить и родить ребенка, передать свой дар по наследству, тогда как случаи «неправильного изменения» можно было перечесать по пальцам. И Лорин вошла в их число. Ее никто не учил управлять своим даром и контролировать голод, и однажды она просто-напросто сорвалась.

Риган к тому времени уже лишился способностей, а вот чувствующих Чума обошла стороной: вирус, убивающий измененных, им вреда не причинял. Совладать с Лорин не представлялось возможным, поэтому Хартстриджу пришлось спасти свою честь и честь хозяина, обратившись в эротическую скорую помощь, читай: приглашать для Лорин мальчиков по

вызову. Как оказалось, Джонатан до сих пор ей этого не простил.

— Я предложил мисс Бейл другую гостевую комнату, — та, в которой обычно останавливалась Лорин, была занята Уваровой, — но она отказалась. И устроилась в вашей.

У Джонатана было выражение лица человека, съевшего протухший лимон.

— Все в порядке. Я разберусь.

Чувствующая спала в его кровати, завернувшись в покрывало. Рыжие пряди разметались по подушке, свет непогашенной лампы заливал ее волосы медью. Окно было плотно закрыто. Конфетка до безумия любила тепло, а промозглую сырость и холод терпеть не могла. Еще она любила спать обнаженной, экстрим и измененных: от них веяло опасностью и можно было брать несравнимо больше сил, чем от людей. Когда они только познакомились, Лорин могла не опасаться, что, довольная и счастливая, очнется рядом с его холодным телом. В настоящем многое изменилось, но кое-что осталось прежним. Взаимное притяжение.

Их с Лорин общение всегда строилось на сексе по дружбе. В свое время они опробовали все возможные поверхности: вертикальные, горизонтальные и наклонные, от встречи к встрече страсть не утихала. Можно было бы списать сей факт на счет природной сексуальности чувствующей, но Риган придерживался мнения, что они просто нашли друг друга в безоглядной любви к сексу без обязательств и в неугасающем интересе к противоположному полу.

Последний раз они виделись весной, на Лазурном берегу в Ницце, где у чувствующей была своя вилла. Это место Лорин облюбовала еще в самом начале модельно-актерской карьеры, когда ее имя мало кто знал. Теперь же на узких улочках и под воротами дома дежурили жадные до горячего папарацци. Благодаря этому Риган светился на обложках желтой прессы гораздо чаще, чем хотел бы.

Его называли затворником и эксцентричным чудаком. Несколько совсем отчаянных репортеров даже пытались встретиться и взять у него интервью, чтобы прояснить, что их связывает на самом деле. Первых двоих он послал вежливо, третьего — не очень. Ригану было плевать на дурную славу, а чувствующей — тем более. Ей приписывали романы с состоятельными людьми, некоторые из которых имели достаточно громкие имена.

Он устроился на краю кровати, откинул покрывало и провел пальцами по ее плечу, повторяя изгиб: светлая кожа казалась совсем тонкой. Конфетка потянулась и открыла глаза.

— Я заждалась, — прошептала она и медленно перевернулась на спину. Покрывало скользнуло вниз, открывая грудь. Даже будучи сонной, Лорин оставалась сама чувственность. Она прекрасно знала, как влияет на мужчин, и совершенно не стеснялась использовать свои чары. Ригану мгновенно стало не до размышлений или ответных слов. Склонившись над ней, он поцеловал тонкую жилку, бьющуюся на шее. Изучая каждый изгиб ее тела, наслаждаясь каждой откровенной лаской, он заводился все больше. Голова кружилась от вожделения, по телу шел жар. Она выгнулась от удовольствия, когда он вошел в нее. Риган сходил с ума от желания, даже обладая ею, даже когда реальность плыла перед глазами, а ее грудные стоны становились все чаще и громче.

Приходили в себя они на мокрых от пота простынях. Длинные волосы Лорин разметались по подушкам, и Риган не отказал себе в удовольствии накрутить прядь на палец, разглядывая ее. Изящные брови, тонкие черты лица, светлая кожа почти без веснушек, небольшая упругая грудь. Он мог с закрытыми глазами отыскать каждую родинку на ее теле и знал о ней больше, чем о ком бы то ни было из своих женщин. Все это ничего не значило на расстоянии — аккуратно до того момента, как они встречались снова.

— Ты так по мне соскучился? — Она провела пальцами по его груди.

— Поверишь, если я скажу, что целый месяц предавался целомудрию и воздержанию?

— Нет. — Лорин игриво оттолкнула его и поднялась. — Ты и целомудрие — несовместимые вещи.

— Никто не верил в мои благие намерения, поэтому я вырос хулиганом.

Риган приподнялся на локте, глядя ей вслед. В каждом движении чувствующей сквозил призыв к продолжению, поэтому он счел разумным позволить Лорин принять душ одной. Голова до сих пор кружилась, зверски хотелось есть. Поправить положение мог разве что питательный поздний ужин или ранний завтрак, отнюдь не из овощей, но тащиться вниз не было ни сил, ни желания. Риган уткнулся носом в подушку с мыслью полежать так минуты две. И проснулся далеко за полдень, чувствуя себя до безумия голодным.

* * *

Женщины — странное племя. Они всегда найдут общие темы, даже

если говорят на разных языках. Смех Риган услышал, как только вышел на центральную лестницу. Низкий, грудной — Лорин, и мелодичный, полный искреннего веселья — Агнессы. Дамы расположились в большой гостиной на первом этаже и что-то обсуждали.

Увидев его, Уварова мгновенно притихла и изменилась в лице. Теперь уже Ригану впору было чувствовать себя строгим учителем, заставшим воспитанниц за непристойными разговорами. Вторая «ученица», к его вящему удовольствию, ничуть не смутилась. Лорин полулежала на диване и соблазнительно потянулась, лишь только их взгляды встретились.

— Добрый день, и да будет он таким до последней минуты! — Риган присел на подлокотник дивана. — Прекрасно выглядите, леди. О чем такой жаркий спор?

— О мужчинах, — хитро прищурилась Лорин. — Погоду и моду мы обсудили вчера, когда ты улизнул из Эванс-Холла.

Агнесса поперхнулась и закашлялась. Ее щеки покраснели, а его взгляда она избегала.

— Приятно, что тема погоды и моды настолько вас привлекает, — он приподнял брови. Не нужно быть семи пядей во лбу, чтобы понять, что они обсуждали. Точнее, кого.

— Мы можем поговорить? — поспешно спросила Уварова и перевела извиняющийся взгляд на Конфетку: — Наедине.

— Ты меня опередила, — чувствующая томно улыбнулась. — Оставляю вас одних, не шалите. Отыщу Джонатана и спрошу, что у нас на обед.

Когда Лорин исчезла за дверью, Агнесса поймала взгляд Ригана, подскочила и судорожно сцепила пальцы. В голубых глазах читалась решимость: похоже, на нее снизошло озарение того, насколько все серьезно.

— Ты уничтожил подвеску? — В голосе не осталось неприязненных ноток или укора. Угадал, значит.

— Вчера, — легко солгал он. Уваровой не стоило знать, что сей бесценный экспонат в огне не горит и в воде не тонет. Так ей спокойнее будет спать где-нибудь в Рио. Или на Кубе.

— Я должна поблагодарить тебя за помощь, — она отвела взгляд.

— Я уж думал, не дождусь. Благодари! — Риган улыбнулся уголком губ.

Уварова непонимающе посмотрела на него и замялась.

— Спасибо, что не оставил меня на растерзание, — пробормотала она. — И что позволил остаться у себя...

— Этот дом — настоящий приют для заблудших душ, потрепанных суровыми жизненными обстоятельствами. Кого здесь только не было... — Он махнул рукой и приблизился к ней вплотную. — Но все-таки что насчет благодарности?

Агнессе пришлось поднять голову, чтобы встретиться с ним взглядом.

— Моих слов тебе недостаточно?

Пышная грудь часто вздымалась, и Ригана с головой накрыло возбуждение. Как и в машине, когда он целовал ее на полной скорости. Или как вчера, когда забирал подвеску. Чуть-чуть переиграл, а потом пришлось принимать холодный душ, чтобы справиться с желанием.

Уварова неосознанно облизнула пересохшие губы, и Риган ненадолго прикрыл глаза. Что в ней такого, чего не хватает в других? В его жизни было слишком много женщин — неприступных гордячек и доступных красоток, простушек и аристократок, волнующих и будоражащих. Со временем он настолько пресытился сексом и вниманием дам, что чувственная сторона жизни превратилась для него в обыденность. За последнюю пару лет — не считая встреч с Лорин — он не мог вспомнить ни одной, которая бы действовала на него подобным образом.

Наклонившись к самому ее уху, почти касаясь губами мочки, Риган едва слышно произнес:

— Сама подумай.

Уварова хотела что-то сказать, но он приложил палец к ее губам: оставаться рядом и вести светские беседы становилось совершенно невыносимо. Беззаботно улыбнувшись, он обошел ее и направился к столовой. Несмотря на зверский голод, от невинной беседы фантазия снова разыгралась не на шутку.

* * *

После обеда Риган с Лорин уединились в кабинете: чувствующая расположилась в мягком кресле, а он устроился напротив, вооружившись бутылкой виски, бокалом и вазочкой со льдом. По телу разливалось приятное тепло крепкого забытья, и все проблемы казались далекими и несущественными. Про себя он решил ограничиться парой стаканов. Ну, может быть, тремя, не больше.

— Меня ограбили. Перевернули все вверх дном, но забрали только твой подарок. Любая моя драгоценность стоит намного больше той симпатичной штучки, и я подумала, что тебе это будет интересно.

Ему было интересно. Более чем. В свое время он вручил ей вторую часть проклятого ключа. Массивная круглая пластина с тонким геометрическим узором по краям и отверстием в центре напоминала авторскую бижутерию под старину, не имеющую особой ценности. В связи с тем, что закрутилось вокруг подвески, считать пропажу Лорин совпадением было бы глупо.

— А подробнее?

Новость, которую она привезла, стала очередным неприятным сюрпризом, и Риган хотел услышать подробности из ее уст. Возможно, это отчасти прояснит картину. Желающие заполучить подвеску, несмотря на грязную работу, подчищали за собой слишком шустро. По своим каналам в полиции он попросил пробить номера того типа, что следил за Уваровой. И этот неприметный, и его поделщики оказались уголовниками мелкого пошиба, родом из Брайтона. Шайка подрабатывала запугиванием и избиениями, а когда дело запахло жареным, перебралась в Лондон в полном составе. Прошлой ночью их машина перевернулась на трассе: на фотографиях искореженное авто напоминало смятую консервную банку, которую зажало между двумя фурами и придавило третьей. Расследование закончилось не начавшись.

— Она была для меня талисманом. Стащили ее прямо из трейлера, в разгар рабочего дня. Возможно, это просто дело рук какого-то фаната и штучку скоро выставят на подпольном аукционе.

— Если бы... — Риган покрутил бокал в руках и сделал большой глоток — Прелестная мисс Уварова заявила ко мне с просьбой рассказать вот об этом...

Он достал из кармана подвеску и показал Лорин.

— Это первая часть ключа, который в прошлом открыл Ордену путь к металлу Дюпона. Вторая была у тебя.

Орден начинался с группы энтузиастов, которым не повезло узнать измененных с не самой хорошей стороны, после чего стал таким отпором человечества «тварям ночи». Со временем он разросся, и численности его филиалов мог позавидовать даже «Макдоналдс». Считалось, что вирус, уничтоживший измененных, тоже разработка Ордена, но кто на самом деле устроил геноцид, так и осталось тайной. Все произошло в считанные месяцы: только что в распоряжении измененных была вечность — и вот уже большинство остывает в братских могилах, а счастливицы радуются возможности пожить еще чуть-чуть. До Ригана доходили слухи, что многие из выживших расплачиваются за столетия украденной жизни то внезапно отказавшими почками, то помутнением рассудка, то остановкой сердца, то

инсультом. В любом случае тем, кого не выкосила Чума, оставалось влачить бренное человеческое существование не так долго: жалкие лет пятьдесят по меркам теневой расы — ерунда.

Металл Дюпона, широко распространенный в теневом мире, был неизвестен среди обычных людей. Смертельно опасный для измененных, он загадочным образом оберегал человека от их внушения. Рядом с этим металлом измененные слабели и теряли способность быстро восстанавливаться после ранений, даже самая малейшая царапина шла болезненными язвами, которые было нелегко залечить. Из металла Дюпона отливались пули, ценившиеся на вес золота, холодное оружие и всякие аксессуары вроде невинных наручных часов, которые орденцы цепляли на себя в качестве защиты. Измененные теперь — не опаснее прочих людей. Так кому и зачем понадобился ключ к Древнему Городу, некогда под завязку заполненному смертоносным металлом?

Риган сделал пару глотков и оттолкнул бокал, от греха подальше. Тот проехал по полированной поверхности и лишь чудом замер на самом краю. Виски и расслабиться — самое то, виски и подумать — уже не вариант.

— Когда ты надевала ее в последний раз?

Лорин задумалась. По лицу Конфетки Риган понял, что чувствующая не в восторге от его откровений: вся эта история нравилась ей не больше, чем ему.

— Не помню даже. Ты же знаешь — она душила мою силу, а я терпеть этого не могу.

И то правда. В свое время украшение служило ей оберегом — некоторые измененные обожали лакомиться чувствующими по той же причине, что и чувствующие тянулись к ним, — можно было растянуть удовольствие, не то что с хрупкими человечками. Лорин приняла подарок, но пользовалась им редко.

Украшение унесли из трейлера во время съемок, кто именно — уже не узнать. В группе тусовалось много стороннего народа. Статисты, гримеры, журналисты. Да мало ли кто за отдельную плату мог наведаться к ней, чтобы стащить половину злосчастного ключа. А вот то, что Конфетка давно его не надевала, — отдельная подковырка.

Откуда знали, что она всюду возит ее с собой? Здесь все очевидно: за ней постоянно бегали толпы мужчин: одни — с камерами, другие — размахивая трусами, как сигнальными флажками. Найти иголку в стоге сена невозможно. Разумеется, за чувствующей вполне могли следить: Лорин привыкла к неизменному шлейфу фотографов и поклонников. Каждый из ее любовников мог оказаться рядом не просто так.

— В апреле! На открытии арт-галереи в Стокгольме. Тогда мне показалось, что он неплохо сочетается с голубым платьем. Мои фотографии мелькали в журналах еще с месяц. — Она подалась вперед и положила локти на стол. — Агнесса милая. Ты еще не затащил ее в постель, ведь так?

Женщины! Он ей об опасных древностях, а она — о другой...

— Ревнуешь, Конфетка? — Риган погладил Лорин по запястью.

— Не дожدهшься, — рассмеялась она. — Девочка в твоём вкусе и не так равнодушна к тебе, как старается показать.

— Ко мне нельзя оставаться равнодушной. — Риган перегнулся через стол и заключил ее лицо в ладони. Виски разгулялся по крови, смешивая мысли о подвеске с терпкой, будоражащей сексуальностью чувствующей. Ему хотелось разложить Лорин прямо на столе и запить оргазм «Джемисоном», на последнемestone и до последней капли.

— Я не смогла... — Лорин коснулась его губ быстрым дразнящим поцелуем. Чувствующая уж точно не была к нему равнодушной — ее возбуждение он ловил, как свое. — Но ты за ней еще побегаешь.

Риган оборвал их ведущий в никуда разговор глубоким поцелуем, поднялся, подхватил ее под бедра и опрокинул на стол. Заниматься сексом в рабочей обстановке — неудобно, но вся прелесть заключалась в том, что в его кабинете стол не был рабочим. Реальность разорвалась ярким, бешеным сексом, а вернулась привкусом крепкого алкоголя на губах и горячим дыханием Лорин на покрытой каплями пота груди.

Озарение пришло внезапно, и Эванс, оглушенный своей догадкой, расхохотался. Долгие годы ключ, который хранился у него, был потерян и для Ордена, и для прочих. А после разошелся по разным странам. Риган вспомнил, как протягивал подвеску Аннабель и как она, опустошенная внушением, быстро выбежала из кафе. Вторая часть несколько лет назад оказалась на виду, но забирать ее у Лорин, пока не найден второй элемент, было опасно. К чему лишний раз привлекать внимание к тому, что стремишься заполучить в личное пользование? Аннабель Рени решила избавиться от старинной безделушки, и загадочная мисс или миссис Х дождалась своего часа.

— Что тебя так насмешило? — Лорин приподнялась над ним и заглянула в лицо.

Хотел бы он знать, что именно. То, что все ниточки стягиваются к ключу, некогда погасившему свет его жизни, или же то, что он сам по доброй воле ввязался в новую историю с ним и продолжает тянуться к прошлому, как замороженный, будь оно трижды неладно! Нет, признаваться в этом Лорин Риган точно не был готов: ни в первом, ни во втором.

— Пусть она побудет у тебя. — Эванс вложил подвеску в ее руку и добавил, предупреждая возможные возражения: — Я отлучусь на несколько часов.

Лорин скептически фыркнула и забрала вещицу.

— Я так понимаю, выкинуть ее нельзя?

— К сожалению.

Они распрощались до вечера, и Риган отправился заниматься делами насущными, то есть разбираться с путями отступления для Уваровой. Когда он пришел к ней за документами, она только вернулась с пробежки: Джонатан уже раздобыл ей спортивный костюм и кроссовки. Они вообще на удивление быстро подружились — и это при том, что Хартстридж никому не оказывал исключительных знаков внимания. Чудеса да и только!

* * *

Связи приходили с годами: ходы-выходы, пути отступления, варианты устройства на новом месте, все по отработанной схеме. Документы сделали за пару часов, и Риган понимал, что их с Уваровой совместное приключение подошло к концу. У нее появилось другое имя, другая жизнь, и пока непонятно, насколько все это затянется. Хотелось бы верить, что она справится и не выдаст себя. Измененные, регулярно менявшие маски и времена, в переездах и постоянных начинаниях с нуля не видели ничего необычного, но для простой женщины, у которой работа, фитнес и семья по графику, — такое из ряда вон. Теперь все зависит только от нее, но будет жаль, если дамочку найдут и прикопают. Риган не отказался бы провести с ней пару недель на Кубе, когда все закончится.

На подъездной дорожке Эванс-Холла стоял еще один автомобиль. Риган, знающий толк в машинах, сразу оценил размах. «Роллс-Ройс Фантом» — дорогая тачка весьма старомодного вида. О ее владельце навскидку можно было сказать, что он позер, хотя неплохо разбирается в предмете. Сам Риган предпочитал спортивные авто, но сразу отметил вкус незваного гостя.

Недолгий путь до кабинета и объяснения Джонатана прошли мимо — он думал о том, что этому типу потребовалось от него именно сейчас, и не находил других причин, кроме злосчастной штуковины. В Эванс-Холле так было всегда: то густо, то пусто. То тишь да гладь, то все вверх дном. Предположить, что подкатить на такой машине мог случайный гость, не давал бесценный жизненный опыт.

Мужчина в элегантном костюме небрежно листал «Таймс» и отложил газету сразу, как только увидел Ригана. Он поднялся навстречу — высокий, вальяжный и самоуверенный, с едва заметной проседью в темных волосах, тяжелым взглядом светлых глаз и квадратной челюстью.

— Александр Ромашов. — Сила и превосходство, что прозвучали в голосе, отразились и в протянутой вниз ладонью руке. На лице застыл отпечаток снисходительности, как будто само его появление способствовало падению ниц и биению лбом о землю в экстазе. Риган, не пожимая руки гостя, обошел стол и удобно устроился в кресле. Не ожидал он, что так быстро встретится с одним из тех, кто охотится за подвеской.

— Хрена с два он добрый, Александр! — Риган усмехнулся. — Зачем вам ключ?

Покровительственное выражение в глазах посетителя на мгновение сменилось раздражением, а затем весельем. Этот тип либо не знает, с кем связался, либо знает очень хорошо. Второй вариант Ригану совсем не нравился.

— Обойдемся без предисловий, меня это тоже устраивает. — Ромашов вернулся в кресло, не дожидаясь приглашения. Сцепив пальцы в замок, он насмешливо посмотрел на хозяина. — Вы наверняка не знаете, что существует еще один Город.

Риган с трудом удержался от весьма красочного ругательства — он действительно не знал. Археолог Бертран Ламбер вышел на след Древней цивилизации в конце девятнадцатого века. Ученый обнаружил первые упоминания о ней и ключ на Мальте, но довести дело до конца не успел: его благополучно отправили к праотцам. Дочь Бертрана Ив и севшую ей на хвост команду лже-археологов — орденцев под командованием Тома Дюпона — долгие годы поисков привели на раскопки неподалеку от Ираклиона. Никто не упоминал о другом Городе. До настоящего дня.

— Продолжаем разговор?

— Продолжаем. — Риган выдвинул ящик стола, чтобы убедиться, что пистолет на месте.

Уверенность нежданного гостя не давала ему покоя. По всему выходило: Ромашов знал, кто перед ним, но вел себя так, словно у него в запасе было несколько весомых козырей. Как знать, на что он ставит...

— Замечательно. Тома Дюпон долгое время расшифровывал найденные в первом Городе письма. Он вел дневник, в который записывал все, что считал важным, а после передал его в надежные руки. Так мы узнали о том, что есть еще один Город.

Риган опустил взгляд: не хотел, чтобы Ромашов заметил

просыпающегося внутри его зверя. Одного имени Дюпона хватило, чтобы сквозь приглушенную боль воспоминаний начала продираться злая, первобытная ярость. Орденец использовал Ив, потому что она была дочерью Ламбера. Только она могла прочесть шифры отца и сделать это быстро, поэтому Тома вцепился в нее как клещ: оформил опеку, прикрывался благими намерениями, сыграл на ее страсти к приключениям, любви к отцу и желании закончить дело всей его жизни. Ив действительно верила, что Дюпон хочет того же, и привела его к Городу. Тома получил смертельное оружие против измененных — захоронение металла, и ему было безразлично, что невинная девчонка может пострадать.

— Город нашли, но открыть не сумели. Среди заметок Дюпона обнаружили эскизы пропавшего ключа, за которым тоже пришлось побегать.

У Ригана едва уловимо дернулся уголок губ.

— Кто вы и на кой вам сдался чертов Город?

— Скажем так, в нем сокрыты знания, обладание которыми стоит целого состояния, но довольно откровенности. С моей стороны ее было достаточно. Ваш черед, Эванс. Хотите работать на меня?

— И что взамен? Как видите, я не бедствую.

— Во-первых, останетесь живы. Вы и все, кто в этом доме. Во-вторых, получите доступ к тайнам, о которых и помыслить не могли.

— Вот даже как... — Риган приподнял брови. С каждой минутой этот разговор и собеседник нравились ему все меньше и меньше. — Если вы так уверены в себе, зачем вам нужен я?

— Вы были под Ираклионом.

Риган кивнул, чтобы скрыть замешательство. Нужно было выиграть время, подумать, но мысли метались, как обкурившиеся подростки по парку развлечений от одного аттракциона к другому. Ромашов узнал его имя не из телефонного справочника или светской хроники. Неужели Дюпон, чтоб ему гореть в аду, написал о нем в своих мемуарах? Ромашов знал о его прошлом, но позволял себе снисходительный тон и угрозы. Да, Риган был под Ираклионом, но, если у них дневник Тома, его знания им без надобности. Ромашов держится так, будто по щелчку пальцев может разнести весь дом в щепки, но почему-то сидит и уговаривает его. Нет, что-то тут определенно не так.

— Договорились! — Риган расслабленно откинулся на спинку стула, а затем быстро выхватил пистолет и направил на посетителя. — А теперь поговорим откровенно. Зачем я вам нужен на самом деле?

В грудь ударил порыв невесть откуда взявшегося ураганного ветра, за

спиной раздался звон разбитого стекла. Ригана отшвырнуло назад вместе со стулом и приложило о стену, оружие выпало из его руки и отлетело в сторону. Сквозь грохот и шум он слышал нарастающий рокот, как если бы сидел в открытой кабине вертолета. Уши заложило, а сила, бушующая вокруг, превратила кабинет в хлипкую хибару. Мебель поднималась в воздух, шла трещинами и крошилась, окна и стеклянные дверцы осыпались осколками. Сам Риган чувствовал себя зажатым между стеной и могучим невидимым прессом, который давил на грудь с такой силой, что невозможно было вдохнуть.

— Очень глупо, — произнес Ромашов и наконец поднялся с единственного уцелевшего стула. — Нужно было сразу вам показать, что мир даже самого богатого человека тоже может быть слишком маленьким.

Дверь распахнулась, и в кабинет рыжим вихрем влетела Лорин: расширенные глаза, побелевшие губы — такой напуганной Риган видел ее впервые, но помочь ничем не мог. Невидимая гигантская рука продолжала удерживать его над полом, вдавливая в стену. Конфетка бросилась к нему, Ромашов ухмыльнулся, вскинул руку и... ничего не произошло. Давление на грудь ослабло, Риган глубоко вдохнул, сполз по стенке и закашлялся. Самоуверенное выражение сошло с лица новоиспеченного фокусника, как лавина с горы — стремительно и неотвратно.

— Она у тебя... — прошипел Александр и поспешно шагнул к Лорин. Вместо того чтобы бежать, Конфетка прижалась к Ромашову всем телом и впиалась в губы яростным поцелуем. Когда тот понял, в чем дело, было уже поздно. Фокусник рванулся назад, но Лорин вцепилась в него мертвой хваткой и не только на физическом уровне. Она тянула из него энергию стремительно и жадно, будто держала себя на голодном пайке с неделю, а руки разжала, только когда тот потерял сознание и рухнул на пол.

Риган успел подняться и теперь надежно держался за край стола. Голова шла кругом в прямом и переносном смысле — похоже, сотрясение он все-таки заработал. Тошнило нешуточно, звенело в ушах, а мир вращался перед глазами, как будто чокнутый карусельщик включил высокую скорость. Почти две сотни лет Риган ходил под этим небом, но в жизни не встречал ничего подобного. Это напоминало современные навороченные шоу иллюзионистов, но он сомневался, что Джонатан позволил Ромашову протащить в кабинет инвентарь для представления. Зато теперь становилось понятно, почему Александр так легко и просто делился сведениями и почему держался так надменно.

— Ты в порядке? — Лорин погладила его по щеке, внимательно и взволнованно заглянув в глаза.

— Жить буду. Спасибо тебе.

Если бы не чувствующая, он бы уже был холодным трупом. А потом и Джонатан, и Уварова, да и Конфетка тоже. Александр забрал бы подвеску, сравнял Эванс-Холл с землей и благополучно укатил на своем «Фантоме» в закат. Точка.

Впрочем, проблему полудохлого фокусника никто не отменял, равно как и того, что он может скоро очухаться и сделать следующий ход. Риган выпрямился, в спине что-то смачно хрустнуло, и он скривился. Подняв пистолет, он направился к неподвижно лежащему Ромашову. В этот неловкий момент и подоспела массовка. Джонатан с неизменно спокойным выражением лица и заряженным охотничьим ружьем, которое висело над лестницей как декорация, и Агнесса. Уварова была блее листа бумаги. Ее перепуганный взгляд скользнул по распластавшемуся на полу гостю и замер на пистолете.

— Это все из-за меня... — сдавленно пробормотала она, и Риган бросил на нее яростный взгляд. Что еще она успела натворить, а главное — когда?!

Лорин не пошевелилась. Она прислонилась к стене, разделенной надвое огромной трещиной, и держалась спокойно, но он знал, что это не так. Чувствующая скрестила руки на груди и смотрела в сторону. Даже для той, что была частью мира теней, увидеть и пережить такое — это слишком.

— Джонатан, позаботься об Уваровой, — жестко произнес Риган.

Хартстриджу не нужно было повторять. Он привык к тому, что творилось вокруг и в стенах Эванс-Холла все эти годы: хаос, неразбериха, загадочные и опасные происшествия. Он быстро увел Агнессу, и, когда за ними, закрылась дверь, Риган повернулся к гостю. Нужно его допросить, и помощь Лорин придется как нельзя кстати.

* * *

— Эванс! — Возмущенный крик Лорин перекрыл выстрел и вой Ромашова, которому пуля угодила в коленку. Чувствующая глядела волком, но Риган и бровью не повел: подошел, облокотился о подлокотники стула и пристально посмотрел на неудачливого фокусника. Тот перестал выть, только звучно клацал зубами, словно изображая ожившего Щелкунчика. Пальцы Конфетки, лежащие на плечах Ромашова, побелели от напряжения и страха. На допросах ей раньше присутствовать не приходилось, да и

держат энергию человека на одном и том же уровне тоже: достаточно, чтобы он оставался в сознании и здравом уме, но не мог повторить волшебный ураган.

— Что за дама звонила Уваровой?

— Мила, — с ненавистью глядя на Эванса, выплюнул тот, судорожно втянул воздух и добавил: — Мила Аверс.

— Кто она?

— Я ничего о ней не знаю!

— Да ну? — Риган положил свободную руку ему на раненое колено и сжал — сначала легко, потом чуть сильнее. Вой Ромашова вознесся по нарастающей, а потом перешел в скулеж.

— Ладно! — завопил тот. — Ладно, ладно! Я все расскажу!

Риган кивнул и отпустил его колено. От запаха крови сердце забилося чаще, зверь внутри заворочался, и он поспешно вытер окровавленную ладонь о брюки. Пока Ромашов приходил в себя, пытаясь отдышаться и проклиная его на все возможные лады, Конфетка показала Ригану кулак, но он только плечами пожал: сейчас не до церемоний. Полчаса назад этот тип едва не отправил его к праотцам. По насупленному взгляду чувствующей становилось понятно, что после его ждет неприятный разговор, но если бы он мог обойтись без нее — обошелся бы. Изображать летающий волчок стараниями Александра больше не хотелось.

— Она сама на меня вышла, когда я только открыл в себе способности. Сказала, что научит многому. Что знает о мире гораздо больше, чем я могу себе представить. Сначала я не поверил, но потом она показала, как управляется с водой. Она сильная, очень сильная! Ты еще пожалеешь, что отказался со мной пойти!

Как и предполагалось, уверенность Ромашова испарилась еще в самом начале, теперь же от нее остались жалкие ошметки. Угрозы тоже приобрели другой оттенок если раньше предполагалось, что Александр силен и могуч, то теперь в роли устрашения выступала загадочная Мила Аверс. Которая каким-то образом раздобыла записи Дюпона.

— Так значит, я нужен Миле? — Риган выделил имя. — Зачем?

— Не представляю! Она просила передать тебе одну-единственную фразу. Сказала, что это пароль.

— «Вы были под Ираклионом?»

Ромашов кивнул, а Эванс не удержался от смешка. Мила не посвятила подручного в подробности, не рассказала о его, Ригана, прошлом. Откуда она знала, на чем сыграть? Дюпон всю историю в своем дневнике расписал, летописец хренов? Если так, она наверняка догадывалась, что сильно

рискует Ромашовым. Или поставила на его способности?

— Что значит — управляется с водой? Какие еще у нее есть силы?

— Если хочешь лицезреть цунами на суше — это к ней. Мой дар ты видел, я управляю воздухом, а Морис может устроить землетрясение на ровном месте.

— Откуда у нее дневник? Откуда взялись способности?

— Не знаю...

Риган шагнул было к нему, но Ромашов завопил во всю глотку:

— Не знаю, я правда не знаю! Мила говорит — все ответы в Городе! Может, она и знает больше, но с нами не делится, только с Морисом, он все время таскается за ней...

Скрестив руки на груди, Риган наблюдал за ним. Глаза Ромашова еще больше посветлели от страха и только каким-то чудом не вылезали из орбит, но взгляд не бегал. Пот струился по красному лицу — то ли он здорово напрягся, когда вопил, то ли воздействие чувствующей не прошло бесследно. Стянутые веревкой руки едва уловимо подрагивали. Нет, он совершенно точно не лжет.

— Все ответы в Городе. Хорошо. — Риган подошел к нему вплотную, Александр невольно шарахнулся назад, но Риган положил руку ему на шею. — Сколько вас, кто вы, как поддерживаете связь? Кто такой Морис?

— Телохранитель или вроде того. Понятия не имею, где она его нашла. Все время молчит, но смотрит так, что страшно становится. Остальные друг друга не видели, я знаю только, что все мы со способностями. Мила говорит, что мы познакомимся, когда придет время.

— Значит, она знает всех?

— Да!

— Замечательно.

На самом деле ничего замечательного не было: сильная и злобная дама окружила себя людьми со способностями, которым обещала манну небесную в виде знаний. Она же где-то откопала дневник Дюпона и собиралась вскрыть Город, не гнушаясь методами и средствами. Совсем как Тома.

Александр захрипел: Риган с силой сжал руку на его шее.

— Эванс!

Голос Лорин привел измененного в чувство. Он заставил себя разжать пальцы и отступил, а зверюга внутри недовольно облизнулась. Риган нахмурился и поднял взгляд на Конфетку, даже не сразу сообразив, что к чему. Она стояла, скрестив руки на груди, не прикасаясь к Ромашову. Прежде чем Риган успел спросить, какого черта, чувствующая достала

подвеску и показала фокуснику.

— Это помешало тебе разнести Эванс-Холл?

Тот криво усмехнулся и посмотрел исподлобья — не на чувствующую, на него.

— Твоя девка оказалась умнее тебя.

Риган даже не сильно ударил — так, чтобы научить уважению к женщинам, но голова Александра мотнулась назад, раздался характерный хруст, и из носа брызнула кровь. Лорин поморщилась, обошла стул и вложила часть ключа Ригану в ладонь.

— Дальше справишься без меня?

— Как ты поняла?

— Он попытался шалить, и эта штучка стала обжигаяще ледяной. Будто вместе со мной тянула из него силу, — Лорин скривилась. — Или сама тянулась к нему. Брр, мерзость!

Риган молча кивнул и, только когда стук каблуков чувствующей сменился зловещей тишиной, снова повернулся к фокуснику. Дальше дело пошло быстрее. Во-первых, не нужно было стеснять себя в мерах, во-вторых, Александр это понял. Шустро, хотя и гнусаво — со сломанным носом иначе не получалось, — рассказал все, что знал, без наводящих вопросов.

Мила не могла объяснить такой феномен: рядом с металлом они слабели и не могли использовать силу. Она не рассказывала, где находится другой Город из соображений безопасности, но попросила Ромашова достать вторую часть ключа и пообещала, что он одним из первых узнает обо всем, что они найдут. Для дела Александр нанял мелких уголовников, от которых позже избавился лично.

— Я рассчитывал, что Уварова принесет подвеску, чтобы спасти этого задохлика, но тут вмешался ты. Пришлось его хорошенько потрясти, чтобы выяснить, куда она могла деться. Он рассказал, что девка ездила к тебе, я связался с Милой, ну а дальше ты уже знаешь.

— Мила дала добро на убийство Майлза? И Уваровой?

— Она сказала — не церемониться и не оставлять свидетелей, — произнес Ромашов, — везде бывают накладки. Тем более что ему мы тоже предлагали сотрудничать, но все такие честные пошли... ужас!

За циничной насмешкой прятался страх — их разговор подошел к концу, и Александр это понимал.

— В твоих же интересах отпустить меня, Эванс, — снова напомнил о себе Ромашов. — Если я не вернусь, Мила тебя из-под земли достанет.

Задумчивость тот принял за испуг и мгновенно воспрянул духом: в его

взгляде показалась прежняя заносчивость, разбитые губы растянулись в насмешливой улыбке. Риган не собирался отпускать гостя, помня о безжалостно искореженной машине наемников. Если для Александра с его силой повернуть такое не составило труда, тогда на что способна Мила? Или Морис?

Сам Ромашов больше не был полезен, а проблем со своей загадочной силой мог создать уйму. Должно быть, приговор отразился в его глазах, потому как Александр побледнел и поспешно пробормотал:

— Эванс, мы могли бы подружиться...

— Это вряд ли, — ответил Риган.

А потом вскинул пистолет и нажал на спуск Ромашов дернулся и затих.

В кабинете явно стоило прибраться, а следом — задать Уваровой отменную трепку. Риган понятия не имел, что натворила глупая девчонка, но точно знал, что просто так этого не оставит. Стоило дать внутреннему зверю свободу, и он отказался уходить в тень. По венам струилась первобытная ярость: эти ублюдки не просто сунулись к нему в дом, они пытались его убить.

Глава 5, в которой Агнесса на собственном опыте узнает, как новоявленным француженкам нелегко на чужбине

*Ньюкасл, Великобритания — Дублин,
Ирландия — Тенерифе, Испания. Сентябрь 2014 г.*

Агнесса сидела на краю кушетки и сверлила взглядом противоположную стену. Чай, который принес Джонатан, уже давно остыл, но она так к нему и не притронулась. Убийство Майлза, кража подвески, побег. Как только она поняла, что, возможно, когда-нибудь получится это принять, обрушился новый удар. Или скорее взрыв.

В ушах до сих пор звучал ужасный шум. Должно быть, с таким ураган валит столетние деревья. Перед глазами стоял разрушенный кабинет, незнакомец без сознания, побледневшая Лорин, Джонатан и Эванс с оружием в руках. Сначала она почувствовала облегчение, ведь Риган был цел и невредим, но потом перехватила его взгляд: жестокий, холодный, яростный — он прожег Агнессу насквозь. Взгляд хищника, который победил: полный азарта и предвкушения. От него веяло опасностью, и она с ужасом осознала истинную силу своей вины. Из-за нее погиб Бен, а несчастный, распростертый у ног Эванса, появился здесь после звонка Рите. Она хотела спросить Ригана, что он собирается делать, но не нашла в себе сил выдать и слова. Таким страшным она видела его впервые.

Агнесса обхватила себя руками, пытаясь успокоиться. Он выставит ее за дверь или застрелит как свидетельницу? Отчаянно захотелось заползти под кровать или чудесным образом очутиться на другом конце земного шара, подальше от Эванс-Холла. Мысли о попытке к бегству она отбросила сразу. Не хватало только снова натолкнуться на Джонатана и сделать еще хуже.

Прошло несколько часов, прежде чем дверь в спальню распахнулась, ударив о стену, и Агнесса подскочила как ужаленная.

— Рассказывай.

Эванс быстро подошел к ней. Жесткое выражение лица, холодный взгляд: он по-прежнему в бешенстве!

— Я позвонила сестре, — прошептала она. — Я хотела тебе рассказать, но ты не стал слушать.

— Не стал слушать?! — Риган схватил ее за плечи и ощутимо встряхнул. — Я приволок тебя сюда не для того, чтобы все в этом доме оказались заложниками твоей идиотской сентиментальности! Какого хрена ты ей звонила? О чем вы говорили?

Агнесса зажмурилась, рванулась из его рук. Она понимала, что поступила глупо, но не знала, как все исправить.

— Я сказала, что ты меня спас! Я не знала, что все настолько серьезно, не представляла, что нас и правда могут отследить по звонку! Прости.

Риган отпустил ее и отступил на шаг.

— Ты понятия не имеешь, во что влипла, деточка, — раздраженно процедил он. — Если я говорю сидеть тихо и не высовываться, ты сидишь тихо и не высовываешься. Радуйся, что они решили наведаться ко мне, а не к твоим родственникам. Которые теперь знают, что с тобой все в порядке! И то потому, что тебе повезло. Снова.

Он развернулся и вышел, с силой захлопнув дверь, а Агнесса опустилась на кушетку и задрожала. Она не подумала, что опасность может грозить и ее семье. Папе, маме, братьям, Ритке, близнецам и Питеру. Самым дорогим, самым близким! Хотелось плакать, но не получалось — разговор с Эвансом ее опустошил. Какая же она глупая!

В дверь постучали, и вошла Лорин. Вчера общаться с ней было на удивление легко и просто: улыбчивая и открытая, звезда не страдала высокомерием, охотно делилась забавными рабочими моментами, рассказывала о съемках. Что Лорин думает про нее теперь, после того, что она натворила?

Агнесса готова была к упрекам и нападкам, но вместо этого та присела рядом и погладила девушку по плечу.

— Не держи на него зла. Риган просто сорвался.

— Я хотела, чтобы мои близкие не волновались. Не все же живут так, как он...

Бейл окаменела и перестала улыбаться. В ее взгляде мелькнуло раздражение.

— У Ригана тоже есть семья — я и Джонатан. И разозлился он как раз потому, что нам грозила опасность.

— Прости.

Она ничего не знала об Эвансе. Галантный и язвительный, циничный и жесткий, нежный и грубый, спокойный и яростный. У него было множество облиций — не угадаешь, какое из них настоящее.

— Он вышвырнет меня на улицу? После всего, что я...

— Я не позволю.

Спокойнее от обещания Лорин не стало. Она не знала, что хуже — столкнуться с полицией и охотниками за сокровищами или же остаться рядом с Эвансом после того, что произошло. Ощущение нереальности происходящего не отступало. Агнесса хотела заснуть и проснуться в своей постели, отправиться на пробежку, позавтракать и пойти на работу. Изредка вспоминать, какой бред ей приснился, и смеяться над ним. Сегодня она бы отправилась к родителям, помогала накрывать на стол, улыбалась отцовским шуткам, а завтра встречалась бы с клиенткой с окраины Лондона — та хотела оценить браслет, доставшийся ей от прабабушки. Но теперь у нее не было ни работы, ни даже возможности поговорить с близкими.

Лорин вернулась через полчаса и сообщила, что Агнессе придется поехать с Риганом.

— Выезжаете ночью, поэтому отдохни пару часов.

— Куда?

— Он сам все расскажет. И еще. Риган привык к маске плохого мальчика, поэтому не провоцируй его. Будь помягче, и... думаю, вы подружитесь! — Звезда ослепительно улыбнулась и вышла.

Странно слышать из уст пассивной Эванса такой совет, тем более что сейчас Агнесса не представляла себе не только дружбу с Риганом, но и их следующий разговор. Ей было стыдно смотреть ему в глаза.

Заснуть не удалось даже после ванной. Она проворочалась с час, потом поднялась — уставшая, опустошенная и измученная. Поспешно оделась, забила в кресло и сидела как на иголках — до тех пор, пока в комнату не постучал Джонатан.

* * *

Моросил дождь. Агнесса плотнее закуталась в легкий плащ, чувствуя, как холод пробирается по обнаженным ногам. Мрачное поместье словно не желало отпускать свою гостью. В сумерках дом выглядел загадочным и неприветливым, под стать настроению его хозяина. Агнесса добежала до не приметного серого седана, разительно отличающегося от спортивной машины Эванса, и нырнула на пассажирское сиденье. Здесь было теплее, и она потеряла замерзшие ладони.

Взгляд Ригана больше не обжигал яростью, но и не ласкал привычной

игривой насмешкой. Он не сказал ни слова, просто вручил ей очки, паспорт, водительское удостоверение на имя Адель Вальян и завел двигатель. Для новых документов использовали фотографию с ее прав. Тогда она еще не выпрямляла волосы, носила очки и была полнее. Агнесса вспомнила фото в настоящем паспорте — никаких кудряшек, укладка, легкий макияж. Да уж, лучше маскировки не придумаешь.

Теперь стало понятно, почему Эванс выспрашивал у нее про знание языков. Ничего общего, кроме внешности, с Адель у нее не было. Француженка родилась в Лилле, в марте, двадцать шесть лет. Самой Агнессе должен вот-вот исполниться тридцать один год. Глядя на паспорт, она никогда бы не подумала, что он поддельный. Теперь Адель Вальян — настоящая, а Агнесса Уварова всего лишь жалкая тень. Ее прошлое медленно стиралось, миля за милей, минута за минутой. Эванс не разговаривал, и она задремала, убаюканная ночным шоссе, шумом дождя за стеклом и теплом в салоне.

— Проснись, спящая красавица. Паром ждаты не будет! — Резкий голос Эванса разбудил сразу, но этого ему оказалось недостаточно. Он положил руку ей на плечо и ощутимо встряхнул. С трудом разлепив веки, Агнесса выпрямилась на сиденье, покрутила головой, разминая затекшие мышцы, и огляделась. Крики чаек и бодрящая свежесть подсказали о близости моря. Больше не лило, но небо было низким, хмурым и серым.

Она узнала Холихед, гавань, от которой отходили паромы в Ирландию. Агнесса была здесь еще подростком, вместе с родителями. Они тогда только перебрались в Великобританию и ездили повсюду на экскурсии. Одно из самых ярких воспоминаний детства: привкус соли на языке, огромный паром, по которому они бегали с братьями наперегонки, горячий шоколад в ресторане, улыбки родителей. Горло словно сдавило тисками, и Агнесса поспешно отвернулась, чтобы не выдать свою слабость. Эванс сказал, что они сядут на паром до Дублина. Дело осталось за малым — пройти проверку документов и покинуть страну.

Агнесса нацепила очки, которые были явно для человека со зрением похуже, но не стала жаловаться. Она безумно волновалась и даже начала заикаться. Служащего на паспортном контроле настолько позабавил ее «французский» акцент, что он стал четче проговаривать слова. С ролью она справилась, а с документами все оказалось в порядке. Кто бы ни помогал Эвансу, он хорошо знал свое дело. Агнесса перевела дух, когда они наконец-то проехали на паром, и только сейчас поняла, что с силой вцепилась в руку спутника.

— Страшно? — В его голосе звучала привычная беззаботность, но сам

он оставался хмурым и сосредоточенным.

— Мне сейчас страшно все. — Агнесса сняла очки. Без контактных линз было неудобно, и она уже не раз пожалела о том, что решила не надевать их в дорогу. — Выходит, я втянула тебя в этот дурдом, когда приехала в Эванс-Холл.

Риган насмешливо взглянул на нее.

— Я был одним из первых, кто увидел эту штуковину в нашей эре. Мне и в голову не приходило, что она способна причинить еще больший вред. Так что это я втянул тебя во все. И еще с десятков людей и не очень, численность и видовая принадлежность участников завязавшегося безобразия пока уточняется.

Агнесса половину не поняла из того, что он сказал, но решила, что ее извинения приняты. На душе стало легче, и она улыбнулась.

Паром отчаливал. Вокруг сновали люди, перекрикивая музыку и спеша занять удачные места. В Эванс-Холле Агнесса успела соскучиться по шумной толпе, шуршанию газет и журналов, по быстрой многоголосой жизни Лондона. В ресторане она покосилась на горячий шоколад, но не была уверена, что не расплечется от одного его запаха, поэтому оставила выбор за Риганом. Они взяли кофе и бутерброды и расположились за столиком на палубе. Она откусила сэндвич и поняла, как сильно голодна. Раньше Агнесса всегда придерживалась правильного питания, сейчас же с удовольствием уплетала вкусный и вредный завтрак, но ничуть не раскаивалась.

Эванс расположился в кресле напротив. Его привычный образ — модные джинсы и рубашка навыпуск — немного не вязался с небритым, бледным и слегка помятым лицом. В отличие от Агнессы, ел он на удивление мало. Риган провел остаток ночи за рулем, и она только удивлялась, как он вообще держится. Будь между ними отношения потеплее, Агнесса бы предложила размять ему плечи и шею. У нее неплохо получался массаж, но их «дружба» не предполагала такой близости.

— Куда мы едем?

— В безопасное место.

— Кто тот человек, которого я видела в кабинете? Что там произошло?

— Жадный до древних безделушек тип.

Агнесса вопросительно взглянула на него, ожидая продолжения.

— Он разворотил кабинет, не двигаясь с места. — Если это и была шутка, то Эванс оказался на редкость хорошим актером. Лицо его не выражало ничего, кроме бесконечной усталости.

— Я не знаю, что ты куришь, но иногда мне даже хочется попробовать.

— Я курю жизнь, Уварова. Чистую, неразбавленную жизнь... — Эванс отпил кофе и откинулся на спинку стула.

— Почему Лорин и Джонатан не поехали с нами?

— У Лорин съемки, а Джонатан плохо переносит качку.

Агнесса притихла. Нет ничего удивительного в том, что он не хочет говорить о своих близких: от нее одни неприятности. Она — чужая, не то что Лорин, и его жизнь ее не касается. Как бы ни хотелось спросить, что стало с тем человеком, она не осмелилась. Потому что боялась услышать ответ.

* * *

Дублинский аэропорт мало чем отличался от себе подобных. Терминалы из стекла и металла, встречи и проводы, шум, объявления. Что, если вернуться не получится? Она мысленно содрогнулась и сосредоточилась на творящейся вокруг суете. Им повезло с прямым рейсом, долго ждать не пришлось. Регистрация, очередной паспортный контроль — и вот они уже в самолете. Агнесса наконец-то узнала, куда они держат путь, и даже не удивилась. Эванс обещал ей Кубу или Рио, но выбрал место поближе.

Канарские острова.

Риган заснул сразу, стоило ему опуститься в мягкое кресло бизнес-класса, Агнесса же не могла сомкнуть глаз. Скажи кто еще неделю назад, что привлекательный и состоятельный мужчина предложит ей оставить дождливый Лондон и отправиться в жаркие страны, она бы рассмеялась и согласилась, но сопящий в соседнем кресле Эванс ее пугал и... завораживал.

Их свел случай и загадочная подвеска. Ему удавалось вывести ее из себя одним словом, но Агнессу влекло к нему. Риган постоянно с ней заигрывал, дразнил и насмехался, но что он чувствовал на самом деле? Агнесса украдкой взглянула на спящего Эванса, нацепившего на глаза маску с надписью: «Не влезай — убьет». Нет, вряд ли. Она слишком обычная. У него наверняка море любовниц, и Лорин — только одна из них. К ногам таких мужчин падает любая женщина.

«Только не я», — поправила себя Агнесса. Ей не нравились отношения от случая к случаю, а тем более секс ради секса. Однажды она уже обожглась и ошибку повторять не хотела.

Напряжение пересилило усталость, и поспать ей не удалось. Зато

удалось насладиться всеми прелестями бизнес-класса: вкусной едой, шампанским, откидным креслом, в котором спокойно можно устроиться так, как тебе удобно. Эванс проснулся к концу полета, но ни слова не сказал. Все так же в молчании они сошли на землю Тенерифе, прошли все формальности и сели в такси.

Безопасное место, о котором говорил Эванс, выглядело как дом мечты. Двухэтажная вилла в испанском стиле — с красной черепицей, белоснежными стенами и арками — затерялась среди пальм и цветов. Как следует осмотреться не хватило сил: бессонные ночи и постоянное напряжение давали о себе знать. Спальня уступала комнате Эванс-Холла, но была не менее изысканной. Светлые стены и полы, мебель из полированного дерева, широкие стеклянные двери, ведущие на веранду. Все было великолепным, но чужим.

Агнесса вспомнила, как тяжело привыкала к жизни в Лондоне после переезда. Другая страна, новая школа, чужой язык. Только тогда рядом были родные, с которыми она делилась страхами и переживаниями. Родители, братья, Рита, дядя и тетя. Они часто собирались всей семьей, и ощущение «дома» крепко укоренилось в ней. Дом там, где близкие. Сейчас даже некому обнять ее и сказать, что все будет хорошо. Нет, если так пойдет — ей грозит еще одна ночь без сна. Если не прекратить себя изводить, то она быстро сойдет с ума. Только этого для полного счастья не хватало! Не позволяя себе проникнуться страшными мыслями, Агнесса устроилась на кровати поверх покрывала и быстро провалилась в сон.

* * *

Многолетняя привычка подняла ее в шесть утра. Агнесса с наслаждением потянулась, потеряла глаза... и сразу вспомнила, что не дома. Улыбка сбежала с ее лица. В последние дни каждое утро начиналось с этой мысли. Выспаться она смогла, вернуться к прежней жизни — нет.

В комнате было душно. Кондиционер был выключен, а окно она забыла открыть. Стянув влажное от пота платье, которое на Тенерифе было не к месту, Агнесса судорожно вздохнула. Слезы потекли по щекам, и она уже не могла остановиться, плача навзрыд. Ко всем бедам ее жизни добавилось дурацкое грязное платье, которое стало последней каплей. Покидая Эванс-Холл, Агнесса даже не подумала о том, чтобы забрать подаренную Джонатаном одежду. Хотелось кричать и выть, но девушка понимала, что ничего не изменится, и ей стало еще хуже.

Агнесса с отвращением отшвырнула ненавистную тряпку и убежала в ванную. Вода смыла пот и слезы, но не в силах была избавить от страхов и отчаяния. Стоило подумать о том, что дом остался в другой стране, как сдавило грудь, а перед глазами все поплыло. Сидя в душевой кабине, Агнесса уговаривала себя, что справится. Получалось плохо, и тогда она просто включила холодную воду. Спустя несколько минут, замерзшая, опустошенная и неестественно спокойная, она отправилась на поиски одежды. Не разгуливать же по дому голышом.

К комнате прилегала своя гардеробная, но она оказалась пустой, не считая черного шелкового халата. Агнесса примерила его и долго боролась с желанием швырнуть к грязному платью. Халат принадлежал либо мужчине, либо очень высокой женщине, потому что подол волочился шлейфом. Он так и норовил разойтись в стороны, выставляя напоказ то ноги, то грудь. Агнесса туго завязала пояс и вышла во внутренний дворик.

Солнце только начало свой ход по небу. Вид с веранды — на зеленую долину, вулкан Тейде и Атлантический океан — на время заставил девушку позабыть о своих злоключениях. Большой бассейн выделялся среди подстриженного газона голубым пятном. Вокруг расположилось несколько белых шезлонгов, чуть поодаль — узорчатые стулья и столик.

Агнесса бросила на океан полный сожаления взгляд и вернулась в дом. У нее не было ни купальника, ни кроссовок для пробежки. Только грязное платье и туфли, в которых невозможно ходить в такую жару. Рай на земле не способен вернуть утраченное: вилла на Тенерифе казалась золотой клеткой, из которой никогда не выбраться. Что ей теперь делать? Чем заниматься? У нее не осталось даже денег, чтобы купить себе одежду. Карточками не воспользоваться, а из наличных осталось лишь пять фунтов.

Гостиная потрясала размерами. Высокие потолки, мягкие диваны, искусственный камин, все белоснежное или кремовое. Широкая лестница уводила на второй этаж к хозяйским спальням и малой гостиной. Агнесса не стала подниматься: день Эванса начнется гораздо позже, — зато прогулялась по первому этажу. В доме обнаружилось несколько телефонов, но она теперь скорее отрезала бы себе руку, чем позвонила куда-либо. Нашлась и стиральная машинка — туда отправились несчастное платье и белье. В холодильнике оказалась только вода в бутылках. Перед их приездом в доме явно убрались, но о еде не подумали. Принадлежала ли вилла Эвансу или он ее просто снимал?

Настроение портилось с каждым часом. Внутри ее боролись благоразумная молодая женщина и эгоистичная девчонка. Первая признавала, что нужно довольствоваться тем, что есть, принять, смириться

и жить дальше. Вторая топала ногами и вопила во все горло, что хочет домой. И сколько Агнесса себя ни уговаривала, получалось сомнительно. Ее размеренная жизнь оказалась карточным домиком, который разнес ветер неудач. Иллюзией стабильности, которая растаяла на глазах. Она осталась одна в незнакомом и опасном мире.

Чтобы хоть как-то отвлечься, она отправилась в библиотеку, где нашла море философской и скандальной литературы, о которой раньше даже не подозревала. Книжки о разумном, добром и вечном соседствовали на полках с трудами по искусству любви во всех подробностях и тому подобным. Агнесса полистала некоторые, поняла, что, несмотря на отнюдь не пуританское воспитание, заливается краской, и вернулась в гостиную. Время, как назло, тянулось медленно, в животе то и дело урчало: последний раз Агнесса ела в самолете. Как это ни печально, без денег еды ей не видать.

К счастью, Эванс проснулся раньше обычного. Пусть их общение не всегда задавалось, но сейчас Агнесса искренне обрадовалась.

Он спустился вниз, даже не потрудившись одеться — разве что полотенце вокруг бедер обернул, и то оно держалось на честном слове.

— Классно выглядишь, — присвистнул Риган, заметив ее, — только мрачновато. Я бы предложил искупаться голышом, но отчаянно хочу жрать. По-другому просто не скажешь. Надо будет найти ресторан...

Агнесса беззастенчиво уставилась на мужскую грудь и не нашла, что ответить. Эванс был на удивление хорошо сложен для бездельника-миллиардера. Плоский живот, сильные руки и ноги. Она снова вспомнила поцелуй, как он прижимал ее к стене — тогда, в Эванс-Холле, и ее сердце забилось быстрее. Захотелось повторить холодный душ: соски напряглись, а между ног стало горячо. Отсутствие белья только добавляло пикантных ощущений.

Эванс окинул ее оценивающим взглядом, и она, тут же опомнившись, плотнее закуталась в халат. Повезло, что плотный шелк не просвечивался.

— ...Со службой доставки. А после раздобыть тебе одежду.

— Я постирала платье, и теперь у меня есть это, — она помахала поясом от халата. — Не представляю, что делать. Адель Вальян — нищая.

— Расслабься, — Эванс беспечно улыбнулся, — будем считать, что у нее есть богатый любовник.

Эта небрежная шутка мигом вывела из себя.

— Мы не любовники, и я не могу принимать от тебя подарки! — У нее загорелись уши. — Но буду рада, если ты одолжишь мне одежду и немного денег.

— Не любовники? Это поправимо... — Эванс прошел в сторону холла, на ходу по-дружески поцеловав девушку в щеку, чем окончательно отбил желание с ним общаться. Несмотря на то что он постоянно доводил ее до белого каления, Агнесса была благодарна за такие встряски. Они позволяли на время забыть о родных и о Лондоне.

Гордостью пришлось поступиться: Риган заказал еду и принес сменную одежду. Его тонкая белая рубашка просвечивала и ничуть не прикрывала грудь, пришлось свернуть ее вдвое и повязать, как топ. А вот короткие облегающие шорты явно принадлежали не Эвансу — Агнесса не представляла его в таком виде даже в страшном сне.

* * *

После обеда они отправились в торговый центр. В гараже оказался единственный автомобиль — маленький зеленый «Пежо». Всю дорогу Агнесса порывалась продолжить разговор про деньги, но Эванс только отшучивался.

— Никогда не думал, что окажусь внутри жука на колесах, — мрачно изрек Риган, когда парковался на стоянке, — один из моих самых жутких ночных кошмаров стал явью.

У него был такой забавный вид, что она не выдержала и рассмеялась.

В торговом центре они обошли несколько отделов. Эванс откровенно и беззастенчиво зевал и не заснул во время примерок исключительно потому, что флиртовал со всеми молодыми продавщицами. Из вредности Агнесса купила гораздо больше, чем собиралась: на выходе получилось бесчисленное множество пакетов с бельем, платьями, майками, шортами, юбками и самой разномастной обувью.

— Быть твоей любовницей приятно, — съязвила Агнесса, прерывая его милую беседу с девушкой-кассиром.

— Приятно во всех смыслах, — подтвердил он.

Девушка ничуть не смутилась ее откровенному выпад и тайком подсунула ему свой номер телефона, рассчитывая, что Агнесса не заметит. Она заметила, но ей было наплевать и на Эванса, и на то, с кем он спит. Хотя это здорово раздражало. Лорин говорила, что Риган привык к маске плохого мальчика, но как по ней, он таким родился. Смешно, что все женщины начинали пускать слюни, стоило ему бросить нагловатый взгляд. Возможно, дело было в том, что на Тенерифе — курортная жизнь и к проходящим романам здесь относятся легко. Саму Агнессу невероятно

бесили мужчины вроде него. Эванс привык получать все, что захочет, а если кто-то ему и откажет, он просто перешагнет и пойдет дальше. Не одна, так другая.

Под конец они завернули к невероятно дорогому даже на вид отделу — вечерних и коктейльных нарядов. Агнесса ненадолго замешкалась, а когда переступила порог магазина, Эванс уже вовсю общался с темнокожей консультанткой. До нее донеслись только последние слова:

— Петра, нам нужно сногсшибательное вечернее платье. Желательно два. Чтобы можно было выйти в приличный ресторан или на очень неприличный прием. И туфли к ним, разумеется.

Агнесса искренне не понимала, зачем ей платье. Никуда ходить, особенно на неприличные приемы, она не собиралась. Самыми достойными покупками за сегодня оказались новые кроссовки, майки, спортивные шорты и купальник. На остальное можно было потратить вдвое меньше. Лишь один взгляд на ценник вечернего платья дал понять — ей придется продать почку, чтобы вернуть долг.

Петра, показывая модели, обращалась почему-то к Эвансу, и Агнессу это взбесило. Словно ему носить платья! В итоге Риган подобрал на свой вкус. В просторной примерочной она перемерила штук десять, прежде чем остановилась на одном — темно-зеленом, длинном, с оголенной спиной и разрезами по бокам. И только ради того, чтобы потянуть время — говорят, мужчины терпеть не могут ходить за покупками! Может, он наконец-то утолит свою жажду издевательств над ней и перестанет тешить самолюбие.

Не успела Агнесса сказать, что с нее довольно, как консультант притащила платье с витрины. Ярко-красное, короткое, с глубоким вырезом, подчеркивающим грудь. В таком даже стыдно показаться на улице, не то что надеть в какой-то ресторан. Она никогда не носила столь откровенные наряды.

Агнесса покачала головой, но Эванс мягко, ненавязчиво и чрезвычайно обворожительно выставил Петру. Они остались наедине с платьем, которое полыхало, как маяк в ночи.

— Оно мне не подойдет.

— Вот и проверим. — Он протянул ей наряд, будто невзначай коснувшись ее руки.

По коже побежали мурашки, и Агнесса поспешно скрылась за занавеской, надеясь, что размер не подойдет. Но нет, подлое платье сидело как влитое. Грудь в нем казалась еще больше, а юбка даже прикрывала ягодицы. Во всем остальном оно было ужасным.

«Именно такие платья Эванс любит снимать со своих девушек».

Она разозлилась на себя за дурацкие мысли и распахнула занавеску, ожидая очередного глумливого замечания, скрестила руки на груди и с вызовом посмотрела на него.

— По-моему, шикарно! — Он сидел на стуле, листая невесть откуда взявшийся «Форбс». Впрочем, понятно откуда — заботливая Петра принесла.

Риган отложил журнал, поднялся и подошел к ней. Он прищурился, серые глаза потемнели. Она уже не была так уверена в том, что от платья стоит избавиться.

— Неужели совсем не нравится? Ну же, признайся... — Риган убрал волосы с ее плеча, от прикосновения она вздрогнула, сразу стало жарко.

— Я не ношу такие платья.

— Я заметил, — Эванс наклонился к ней, почти касаясь губами ее губ. — Самое время начать.

Снова этот запах — сильный, пряный, притягательный, щекочущее кожу дыхание, близость. Закружилась голова, мысли куда-то испарились, желание возобладало над разумом, и она сама приникла к его губам жадным поцелуем. Агнесса не успела опомниться, как оказалась прижатой к стенке. Эванс провел руками по ее бедрам, задирая неприлично короткое платье. Возбуждение скрутилось тугим комком внизу живота, по телу прошла дрожь. Да, она хотела его, но... Эвансу наплевать: если бы на ее месте оказалась Петра в этом самом платье, он бы зажимал ее. Агнесса всхлипнула и оттолкнула его.

— Я не могу, — прошептала она. — Не сейчас.

Такие, как Эванс, не привыкли ждать. Они либо берут сейчас, либо находят другую. Не такого она хотела.

Агнесса прижалась к стене и опустила голову, избегая его взгляда. Он по-прежнему стоял слишком близко, но больше к ней не прикасался. Напряжение, разделявшее их, сгущалось. Агнесса не видела его лица, но слышала сбивающееся дыхание. Она прекрасно представляла, чего стоит мужчине вытерпеть возбуждение, но сдаваться не собиралась. Да, она совершила ошибку и поддалась порыву, но это не значит, что нужно раздвинуть ноги просто потому, что ему так хочется.

— Я жду снаружи.

Едва зашелестела занавеска, Агнесса облегченно вздохнула и поспешно стянула, почти сорвала с себя платье. Не стоило ходить вместе с ним за покупками, не стоило лететь на Тенерифе, не стоило приезжать к нему в Ньюкасл. Риган ей не подходил, хотя она не представляла, что ей сейчас вообще нужно. Другая на ее месте обрадовалась бы такой щедрости

и возможности порезвиться. Благодарность. Он называл это так.

Агнесса не умела благодарить. Не умела жить легко и беззаботно. А сейчас и вовсе не знала, что делать дальше. Натянув футболку и шорты, она быстро выбежала из примерочной. Хотела отказаться от платьев, но Эванс уже оплатил покупку, и пришлось ждать, пока их упакуют. Агнесса чувствовала себя мерзко, хотя ничего ему не обещала.

— Сейчас возьмем напрокат приличную машину, а после ты свободна, как ветер в поле, гуляй, развлекайся, дыши свежим воздухом — здесь это даже не метафора. Кстати, правило выживания номер четыре. Веди себя как ни в чем не бывало. Чем больше ты озираешься по сторонам, тем быстрее на тебя обратят внимание.

Она вздрогнула, как от удара. Эванс, конечно же, хотел отомстить за произошедшее, потому и намекнул, что ее общество отныне ему неинтересно. Но страшно ей стало не от этого: за походами по магазинам Агнесса совсем забыла о том, что ее могут разыскивать.

Больше они не разговаривали. «Жука» Риган отдал ей, а сам остался выбирать машину. В городе они и расстались. Агнесса отправилась на виллу, Эванс — навстречу приключениям. Всю обратную дорогу она постоянно смотрела в зеркало заднего вида и размышляла, как бы мог закончиться день, согласись она на секс. Теперь ей этого уже не узнать.

* * *

Обычно бег успокаивал, приводил мысли и чувства в порядок, помогал сосредоточиться и расслабиться. Не сегодня. Шуршание песка под ногами, океанский бриз и шум прибоя сводили с ума. Вернувшись с ранней пробежки, Агнесса опустилась на ступеньки веранды и уткнулась лицом в колени. За что ей все это? И как справиться, как пережить? Она задавала эти вопросы каждый день, но не находила ответа. Эванс вел себя как обычно, но больше не пытался с ней флиртовать. Он возвращался поздно — к тому времени Агнесса уже забывалась тяжелым сном, и подолгу на вилле не задерживался. Пересекались они редко, а все их общение сводилось к приветствиям и пожеланиям хорошего дня.

В мыслях она все чаще возвращалась к родителям и прошлому. Эванс сказал, что придется исчезнуть, но как можно расстаться со всеми, кто ей настолько дорог?! Со всем, что греет сердце? Агнесса привыкла к уюту размеренной жизни: окружать себя любимыми вещами, разговаривать с Ритой по вечерам, читать книги, завернувшись в плед, и знать, что завтра

все будет как всегда. Теперь же «завтра» вообще не имело смысла.

Помня правила Эванса, она ни с кем не заговаривала, когда покидала виллу. А поговорить хотелось. Рассказать, что она ненавидит все вокруг и безумно скучает по дому. Агнесса не привыкла ничего не делать и сходилась с ума от своих страхов и невозможности занять мысли чем-то другим. Она почти не ела, изводила себя тренировками в тренажерном зале и пробежками. Ночами ее преследовали кошмары о том, что родных захватили в плен и держат в Эванс-Холле. Во сне Агнесса пыталась попасть в дом, но дверей в нем не было, окна были заколочены, а плющ обрывался под руками. Она просыпалась, понимая, что ничего не может изменить, и тогда ей хотелось умереть.

Этой ночью Агнесса вынырнула из очередного ужасного сна и, наплевав на гордость, бросилась на второй этаж. Она хотела забыться в объятиях Эванса: лишь бы чувствовать рядом биение другого сердца. Ей было все равно, что это только на одну ночь, что потом все вернется на круги своя. Напуганная, разбитая, она тянулась к простому человеческому теплу. Агнесса готова была перешагнуть через себя, лишь бы равнодушие в глазах Эванса сменилось привычной насмешкой. Она осторожно постучала и вошла, но его спальня оказалась пуста. Когда Агнесса поняла, что одна в огромном доме, ее обуял дикий, животный страх. Она вернулась к себе и с головой закуталась в простыню. Ночи на острове были жаркими, но Агнесса долго не могла унять дрожь и согреться. Что ждет ее сегодня?

Опустошенная и разбитая, она поднялась со ступеней, вошла в дом и замерла на пороге. Из кухни тянуло ароматом кофе: то ли Эванс сегодня проснулся раньше, то ли вообще не ложился спать. Агнесса замешкалась в дверях, но все же прошла дальше и остановилась у стола. Вот он, стиль жизни Ригана: взлохмаченные волосы, расстегнутая рубашка, запотевший бокал с тающими кубиками льда, окрашенными виски.

— Доброе утро! — Он бросил на нее быстрый взгляд и вернулся к кофемашине.

Будоражающий, горький кофе смешивался с крепким алкоголем, а Эванс улыбался и что-то напевал себе под нос. Сейчас она ненавидела его нагловатую улыбку и показное радушие. Его безразличное «доброе утро», которое чаще всего звучало в три часа дня. Эванса ничего не трогало, он умел приспосабливаться, а она сделана из другого теста. Стоило ему повернуться к ней, как Агнесса схватила со стола пустую чашку и швырнула в него. Он легко увернулся, даже не изменившись в лице. Чашка ударилась о стену и разлетелась на осколки. Точно так же разбилась ее жизнь.

— Ого, — Эванс облокотился о стол. — Утро только что стало злым. Прежде чем ты запустишь в меня чайником с кипятком, я хотел бы узнать за что.

— За то, что ты убил меня! — выкрикнула Агнесса и, испугавшись своих слов, попятилась назад.

Из горла девушки вырвался всхлип, окружающий мир расплывался из-за слез. Агнесса оставила виллу за спиной и побежала не разбирая дороги. Прочь от ненавистного Эванса и всего, что с ним связано. Рывания не позволяли нормально дышать, и каждый метр давался с трудом. Она споткнулась и упала, мелкие камушки ободрали ладони. Подниматься Агнесса не стала: хотелось просто умереть прямо здесь, на обочине дороги. Родные все равно ничего не узнают, а на остальных ей наплевать.

Глава 6, повествующая о пользе разговоров по душам и умения расслабиться, когда это жизненно необходимо

Уварова бегала быстро. Риган оценил ее таланты, когда вышел из дома и обнаружил, что она уже скрылась за поворотом. Девушка неслась вдоль дороги так, как будто за ней гнались черти. Ему самому явно не хватало тренировок и оставшихся в прошлом сил измененного. Когда Агнесса благополучно залегла в кустах, Риган уже откровенно задыхался. Грудь жгло огнем, поэтому он остановился, оперся руками о колени и пару минут приходил в себя. Какой-то водитель сбросил скорость и посигналил, но Риган махнул рукой, и тот проехал мимо.

Агнесса уже не плакала, на лице ее застыла отрешенность, близкая к отчаянию. Он понял, что быстро отдышаться не удастся, и сел прямо на обочину. Риган не понимал, зачем вообще пошел за Уваровой, а красноречие впервые за долгое время отказывалось подбрасывать мало-мальски приемлемые слова. Когда Лорин прибежала к нему с просьбой не оставлять Агнессу одну, он согласился с ее доводами. Растерянная и напуганная дамочка могла создать уйму проблем.

«Мне не нужны лишние неприятности, Эванс, — заявила Конфетка, — у меня контракты, и платить по ним неустойки я не собираюсь».

О причастности к делу Лорин знали Ромашов, Джонатан и Агнесса. Александр отправился к праотцам, Хартстридж был надежен, как Швейцарский банк, а вот с Уваровой вышла засада. Визит Ромашова чуть не закончился излюбленной развязкой классиков — то есть когда все умерли. Она считала, что потасовка в Эванс-Холле случилась из-за звонка сестрице, а он не стал ее переубеждать. Риган сомневался, что после такого Агнесса решится снова пообщаться с родственниками, но все же лучше было перестраховаться. Случись ей в приступе сентиментальности и отчаяния созвониться с кем-нибудь еще, через нее могли спокойно вытрясти имена Джонатана и Лорин или раскрыть его временное убежище на Тенерифе.

Последние дни они с Уваровой не общались. Не сказать, что раньше у них клеился разговор, но на Тенерифе стало совсем худо. Есть люди,

которые болезненно привязаны к близким, к вещам и обстоятельствам, и Агнесса оказалась одной из них. Она тяжело переживала разрыв с семьей, поэтому ее раздражало, что он не посыпает голову пеплом и не страдает в соседнем углу.

Сам Риган привык к тому, что каждый новый день способен принести крайне неприятные сюрпризы, за которыми придется срочно сниматься с якоря. В мире нет ничего постоянного, и любую тихую гавань может разрушить сильный шторм, так к чему лишний раз заморачиваться. Он никогда не чувствовал в себе ностальгической любви ни к Эванс-Холлу, ни к старушке Англии. Впервые за три десятка лет дом закрыли, а мебель затащили в чехлы, чтобы оставить огромное поместье медленно угасать. С годами ползущий по стенам плющ совет вокруг него кокон, и по особняку будут разгуливать только призраки. Если, конечно, ему не удастся шустро разобраться с говножуями, которые затеяли очередной поход за древностями.

Риган просил Джонатана уехать. После того что произошло, оставаться в Эванс-Холле было чистой воды самоубийством. В любой момент там могли нарисоваться Мила и Морис, а другом Риган рисковать не хотел. Все считали Хартстриджа просто дворецким, но кто знает, какие еще справки Мила о нем навела. Долгие годы Джонатан оставался с Эвансом, с его тайнами и грязным прошлым. Он был одним из немногих, кто не побоялся замараться тесным знакомством и работой на измененного, и дело было отнюдь не в деньгах. Что бы ни случилось, Хартстридж принимал его сторону.

Где он сейчас, Риган не знал. Может статься, уехал к родным или куда подальше. Жалованье позволяло Джонатану спокойно прикупить дом где-нибудь на островах. Или остров целиком при желании. Главное правило тех, кто вынужден скрываться, — как можно меньше знать друг о друге.

Риган вытянулся рядом с Уваровой и принялся разглядывать плывущие по небу облака. В детстве он любил убегать из дома к запруде у самого леса. Валялся у реки, нисколько не заботясь о состоянии одежды, жевал травинку и смотрел, как по водной глади скачут солнечные блики. Облака всегда казались ему невероятно мягкими — чем-то вроде пуховой перины, только гораздо приятнее, и Риган мечтал, что настанет день, когда на них можно будет прокатиться. Потом он возвращался домой, и сказка заканчивалась. Для начала ему влетало за испорченный камзол и штаны, потом его отправляли мыться, где служанка скребла его такой жесткой мочалкой, что чудом не сдирала кожу до костей. От таких водных процедур хотелось выть.

Сейчас никто не мог помешать ему измазать в пыли и травяном соке рубашку и брюки. Больше того, как и в оставшемся за чертой отрочестве, ему было наплевать на одежду.

— Охренительно красиво, — сказал Риган в адрес высоченной синевы, расчерченной белоснежными штрихами. — Как насчет прогуляться до океана?

Агнесса облизала пересохшие губы и кивнула.

— Извини.

Риган протянул руку и помог ей подняться. Весело прищурился, когда Уварова попыталась отстраниться, и легко сжал ее пальцы.

Они шли вдоль дороги, и Агнесса упорно смотрела себе под ноги, как будто в покрытии был заложен смысл всего сущего.

— Местные и заезжие разбойники уже посягали на твою честь?

Уварова хмыкнула и бросила на него быстрый взгляд.

— Нет. Я ни с кем не знаколюсь. Вдруг им нужна подвеска, а не я сама.

Майка на ней сидела набекрень — наискосок сползала с плеча, а на спине отпечаталась пыль дорог Тенерифе. Выглядела она невероятно забавно: взъерошенная, перепачканная и смурная. В растрепанных светлых волосах запуталась травинка, Риган вытащил ее и отправил в рот.

— Неф, не мофет фыть, — сказал он, не разжимая губ.

Она пожала плечами, нахмурилась и отвернулась.

— Мне сейчас не до разбойников. Голова занята другим.

Несколько минут они шли в полном молчании, потом Агнесса резко остановилась.

— Да что со мной не так?! Веду себя, как... как..

— У тебя сложный характер? — Риган выплюнул травинку и провел рукой по ее шортам, натянутым на весьма аппетитной пятой точке. — Давно надо было отряхнуть.

— Я всегда считала себя приятной в общении. — Агнесса отпрянула от него, отряхнулась, поправила майку и оглядела его с головы до ног. — У тебя тоже рубашка испачкалась. Дай помогу.

Уварова прикасалась к нему так, будто под одеждой скрывался аллигатор: стоит расслабиться, он набросится и сожрет с потрохами. А Ригану хотелось перехватить ее запястья и целовать, чтобы и думать забыла обо всем. Она с самого начала нешуточно его заводила, но по какой-то непонятной причине играла в старшеклассницу пуританского воспитания. Поначалу это забавляло, но в том отделе ему было совсем не смешно.

— Я думала, ты не хочешь меня видеть после примерочной.

— Моя мужская гордость до сих пор просит пощады, но я не настолько мелочен. — Риган почесал щеку.

После истории в магазине он решил оставить ее в покое. Женщины, для которых примириться со знаками внимания мужчины и довериться ему — все равно что запустить ядовитую змею в трусы, не для него, но в случае с Агнессой было что-то другое. И пока он не понял, что именно, бороться дальше бессмысленно.

— Я не хотела, чтобы все произошло... так.

— Так — это как?

— Когда тебе все равно с кем.

Риган прищурился.

Какой-то осел — предположительно из тех, что предпочитает «не платить за секс», использовал девчонку и вышвырнул за ненадобностью. И даже плюшевого медведя не подарил напоследок.

— Было похоже, что мне все равно?

Агнесса слегка покраснела, а Риган вспомнил, как на ней сидит то платье, и разом сменил тему.

— Ты обещала океан.

Остаток пути они проделали в молчании. Риган старался не думать о влечении к ней, а о чем думала она, для него было загадкой.

— Тут красиво, — призналась Агнесса, когда они оказались на пляже. — Но я скучаю по дому. А ты?

Риган задумчиво поддел ногой песок, взметнув ввысь серый фонтанчик. Здесь почти все пляжи такие — спасибо близости вулкана, на некоторых песок совсем черный. Смотрится не так красиво, как на Мальдивах, в Варадеро или Ла-Романе, но есть люди, которые влюбляются в Тенерифе с первого взгляда.

— Нет.

Они шли у самой кромки воды, и, как ни странно, Агнесса не выпустила его руки.

— Чем занимаешься?

Непростой вопрос. По правде говоря, Риган работал на *Дариана*. Сколько тысячелетий назад это существо пришло в мир, кто и что оно такое, оставалось тайной. В теневом мире считалось, что именно он создал измененных. Некоторые полагали, что Дарианом прикрываются старшие, желающие держать молодняк на коротком поводке, тем не менее одно только его имя наводило суеверный страх. Никто, кроме его подчиненных, не знал, как он выглядит, поэтому подобраться к нему было невозможно.

Сам Риган точно мог сказать только одно: он существует. Ему

доводилось встречаться с измененными, которым перевалило и за пятьсот, и за тысячу лет. Сородичи в возрасте отличались раздутым самомнением и подавляющей энергетикой — находиться с ними в одной комнате было тяжело, а временами и невыносимо. Большинство умели закрываться, прятать свою силу, а соответственно и возраст — тогда становилось полегче, но пользовались этим талантом далеко не все. Дариан был не похож ни на одного из них.

Высокий, темноволосый, с пронзительным взглядом ярко-синих глаз, он напоминал самого обычного человека. До того самого момента, как решался раскрыть свою бездну и показать всю ее глубину. Это случилось, когда они только познакомились: Дариан лично беседовал со всеми, кому предстояло на него работать. Риган как сейчас помнил россыпи звезд на темном небе, запах моря и пристальный, изучающий взгляд. А потом тот протянул ему руку, и прикосновение пронзило ладонь болью и холодом, словно в нее разом вонзились сотни ледяных игл. Внутренний зверь — измененный — вскинулся было, но тщетно. Он бился, запертый в клетке хрупкого и бесполезного тела, скулил, предчувствуя скорую гибель.

Риган почувствовал, что не может пошевелиться, мороз расползлся по коже, а пристальный взгляд Дариана больше не казался человеческим: глазами стоявшего перед ним существа смотрела сама пустота, в которой ворочалась неизведанная и непостижимая мощь. По телу шли судороги, боль терзала и сводила с ума, но Риган держался неестественно прямо. Казалось, что стоит Дариану сжать руку немного сильнее — и он разлетится ледяным пеплом, который мгновенно растает в летней ночи. А потом все прекратилось. Никогда в жизни Риган больше не видел его таким, но та демонстрация силы отпечаталась в памяти навечно. Еще долго в его присутствии по коже растекался холод воспоминания, смотреть Дариану в глаза было невыносимо, а видеть улыбку на слишком человеческом лице — странно.

Зверь почуял силу вожака, признал старшинство. Зверь, но не человек. В ту ночь Риган понял, что ни отказаться, ни уйти с этой работы он не сможет. Подсознательный страх перед Древним сменялся яростью, ярость — ненавистью, ненависть — смирением, и так по кругу и до бесконечности, но чем сильнее было чувство, тем отчетливее он ощущал незримую цепь, удерживающую его рядом с могуществом Дариана. С миром, пропуск в который получали единицы.

Риган не стал рассказывать о нем Уваровой — это не то, что ему хотелось обсуждать.

— Трачу заработанные дедом и прадедом миллиарды, финансирую

несколько успешных компаний, пью и прожигаю жизнь по полной, — беззаботно отозвался он.

— Откровенно, — улыбнулась Агнесса. — Мы здесь надолго?

— Я пытаюсь разузнать побольше о тех, кто жаждет заполучить подвеску, но они шифруются на удивление грамотно. Так что ничего точно сказать не могу.

Воодушевление в ее глазах тут же сменилось тоской. Уварова глубоко вздохнула и обхватила себя руками. Не нужно никаких сверхъестественных способностей, чтобы прочесть ее мысли: она отчаянно надеется поскорее вернуться домой. Риган и сам был не против поставить в этом деле точку, но либо Ромашову скормили имя-обманку, либо Мила брала уроки прятков у Дариана. Навскидку можно предположить, что она была как-то связана с Орденом — иначе откуда у нее взялся дневник Дюпона? Увы, все это только на уровне теорий. Если бы он не видел, на что способен чудо-фокусник Александр, то попытался бы встретиться с ней лицом к лицу, но в свете последних событий Риган предполагал, что эту встречу просто не переживет. Противопоставить ей нечего, поэтому придется отсиживаться на Тенерифе и надеяться на информаторов. Должна же она будет рано или поздно засветиться. Чтобы идти с рогаткой на носорога, по крайней мере нужно знать, где у него слабое место и что он задумал.

— Как думаешь, я когда-нибудь еще увижу родных?.. — ее голос дрогнул.

— Родственники — как китайские праздники. Хороши, когда на них любишься недолго. А когда видишь слишком часто — шумно, громко и слишком волнительно, — Риган улыбнулся и добавил уже серьезно: — Увидишь обязательно.

Необычная из них вышла пара. Хмурая серьезная дамочка и пофигистичный раздолбай. Растрепанные и перепачканные, они шли по побережью одного из самых дорогих курортов. Временами Риган ловил адресованные им странные взгляды, и его это забавляло. Люди обожают строить домыслы и вешать ярлыки, можно только гадать, что им приходило в голову. Впрочем, думать об этом сейчас не хотелось. Ему было на удивление хорошо.

— Тот мужчина принес бомбу в Эванс-Холл? Что произошло?

Он и рад был бы объяснить, но догадывался, чем все закончится. Стоит ему заикнуться о правде, вопрос в ее глазах сменится недоверием.

— Можно и так сказать.

— Зачем?.. — Она осеклась, но потом натянуто улыбнулась и добавила: — Наверное, мне не нужно знать, если я хочу остаться в живых?

— Ему нужна была подвеска Рени, — отозвался Риган. — И возражения он слушать не захотел.

Женщины — парадокс Вселенной. Поразительно, как они еще не уничтожили ее одним своим существованием. Уварова обходила его по широкой дуге и разве что не шипела в лицо, как разъяренная кошка, потом запустила в него чашкой в надежде ударить побольнее... А теперь ловила каждый взгляд и каждое слово. В глазах ее светилась такая надежда, словно он был единственным человеком, которого чудом занесло на ее заброшенную планету.

— Значит, подвеска — бесценный ключ к одной из Древних цивилизаций? Ты, кажется, так сказал. Эванс, это правда? Это же величайшее открытие!

Она остановилась, взглянув на него, а Ригана ощутимо передернуло. Только кажется, что время стирает все, но он отчетливо помнил сияющие глаза Ив. Она отчаянно жаждала встречи с «открытием» и желала поделиться знаниями со всем миром. Увы, ничем хорошим это не закончилось.

— Я много чего говорил, — холодно ответил он, — ты веришь всему?

Агнесса пожала плечами: поняла, что коснулась неприятной темы, и не стала настаивать, лишь повернулась к океану и замерла. Там, где заканчивалась кромка воды, начиналось безграничное голубое небо. Горы словно пытались обнять океан.

— Какие у тебя планы на вечер? — неожиданно спросила она.

— Приглашаешь?

Она бросила на него игривый взгляд, неожиданно хмурая, нелюдимая дама уступила место интересной женщине, которая не стеснялась дразнить. Такой она нравилась ему куда больше: Риган был искренне рад видеть в ней жизнь, а не тоску по безвозвратно утраченному.

* * *

Риган принял душ и спустился в гостиную, дожидаясь Уварову. Горластые, бойкие, хорошо сложенные девицы бодро управлялись с работой по дому, изредка бросая на него многообещающие взгляды. Он улыбался и отпускал флиртующие шуточки на испанском, а горничные заливались смехом и отвечали в том же духе. Несмотря на это, дело у них двигалось на удивление быстро. Профессионализм налицо!

Уварова появилась в легком шифоновом платье, хотя в мечтах Риган

уже видел ее в красном. Полупрозрачная ткань искупала скромность фасона, плотный высокий лиф подкачал, зато были открыты плечи и спина. Говорят, что мужчинам нет никакого дела, во что одета женщина. Вранье чистой воды! Есть вещи, которые будоражат воображение и которые приятно снимать. Медленно. Иногда зубами.

— Я очень голодна, — с улыбкой призналась она.

Поесть ей и впрямь не помешало бы. Она осунулась и похудела, но после дневной прогулки из глаз хотя бы исчезло выражение загнанной косули.

— Трогательно выглядишь. Так бы трогал и трогал... — Не дожидаясь гневной тирады, он подал руку. — Пойдем, солнышко.

Риган запечатлел на ее щеке невинный поцелуй и проводил к машине. К счастью, в местном прокате удалось раздобыть нормальный автомобиль — белый «Порше Каррера» — взамен кошмара, обнаружившегося в гараже. С такой машиной хотя бы не стыдно появиться на людях.

С террасы ресторана на набережной открывался вид на небольшой пляж и океан: каменистое дно и увесистые черные валуны, вокруг которых бурлила вода. Побережье скоро расцветет огнями, а горы потемнеют. Они уже сделали заказ, Агнесса выбрала паэлью из морепродуктов, а он — стейк с овощами. Девушка любовалась закатным небом, Риган же наблюдал за своей спутницей. Ему нравилось на нее смотреть: на обнаженные плечи и пышную грудь под слоями шифона, на руки, которые она сцепила на столе, — изящные запястья и длинные пальцы. Агнесса почувствовала его взгляд, тут же смутилась и поправила прическу.

— Надеюсь, в моих волосах не осталось травинок.

— Последнюю съел я. Так гораздо лучше.

— Как?

— С кудряшками.

У Уваровой были вьющиеся волосы, но она выпрямляла их и стягивала в хвост. Сегодня она просто собрала кудри наверх и заколола, но это выглядело чертовски сексуально. Правду же говорят, что природа плохого не придумает.

— Спасибо. За травинку и за комплимент. Теперь у меня нет работы, на которой нужно выглядеть прилично, поэтому я могу позволить себе... многое. — Агнесса погрузилась и попробовала вино. — Поможешь мне притвориться, что я в отпуске?

Вместо ответа он накрыл ее руку ладонью, легко сжал, и она мягко улыбнулась в ответ. Они болтали об истории Тенерифе, о местной кухне и винах, и Агнесса невольно начала раскрываться. Риган избегал тем,

которые так или иначе могли зацепить ее воспоминания, а она больше не прятала взгляд, смеялась, даже не попыталась отодвинуться, когда он передвинул стул и сел ближе к ней. Прикосновения обжигали, ему хотелось сгрести ее в объятия, утащить в машину и закончить то, что началось в торговом центре.

— Я хочу танцевать, — смущенно призналась Уварова, когда они выходили из ресторана.

Два бокала вина подействовали на нее так, как на привычного человека — бутылка виски. Та самая грань, где тормоза еще в деле, но ты чувствуешь себя свободным и готов на всякие глупости. На то, что никогда не позволишь себе на трезвую голову. Себя Риган привык считать нетрезвым по жизни, а вот Агнесса, похоже, была далека от зеленого змия.

— Есть тут недалеко одно место, — заговорщицки сообщил он, наклонившись к самому ее уху.

Небольшой ресторан, стилизованный под современный американский бар, ближе к ночи был набит под завязку. Одетые и загримированные под суровых техасских парней официанты разносили выпивку и еду. На символическом танцполе — пространстве, где не стояли столики, — творилось нечто невообразимое. Музыка скакала от одного стиля к другому, и под нее бодро скакали подвыпившие туристы: группами, парами и в одиночку.

— Как тебе? — весело поинтересовался Риган, устраивая Агнессу у барной стойки на единственном свободном месте. Сам он остался стоять, бесцеремонно втиснувшись между Уваровой и американцем с таким бессмысленным взглядом, что сразу становилось понятно: этому больше не наливать. Пиво здесь было неплохое, Риган даже подумывал над тем, чтобы заказать и себе, но Уварова нарушила планы.

— Мне нравится! — прокричала Агнесса, взяла его за руку и потянула в толпу. Говорить тут все равно не получалось — слишком громкими были музыка и говор на всех языках мира, поэтому Риган не возражал. Он и сам забыл, когда в последний раз танцевал.

Ее волосы растрепались, щеки порозовели, а глаза сияли от восторга. Двигалась Агнесса безыскусно — так танцуют те, кому бессовестно хорошо. Это напомнило Ригану о далеком прошлом его истинной молодости, когда в простецких кабаках кто-то садился играть на губной гармошке или еще каком-нибудь имеющемся под рукой инструменте. Тогда в пляс пускались все: пышнотелые служанки, завсегдатаи, беспробудные пьяницы, даже случайно заглянувшие на огонек путники притопывали в такт. Музыка была живой, яркой и зажигательной, и не поддаваться ее

нахальному напору было невозможно.

Здесь творилось то же самое, с поправкой на время и звучание. Они то и дело натыкались на других танцующих, резво отпрыгивали в сторону, но тут же сталкивались с кем-то еще. Между ними со сноровкой акробатов носились официанты с подносами. Отовсюду доносился звон бокалов и чья-то заливистая ругань вперемешку с хохотом. Агнесса то прижималась к нему всем телом, то делала шаг назад, и Ригану доставляло немыслимое удовольствие вести ее: притягивать к себе и так же неожиданно отпускать.

А потом внезапно сломался музыкальный аппарат — тот самый, под старину, и на очередном вираже они оказались лицом к лицу. Слишком близко, чтобы остановиться. Отовсюду доносились разочарованные возгласы, суeta на танцполе продолжалась, недовольный народ разбредался — кто к столику, кто к стойке. Риган поцеловал ее: быстро, легко и едва уловимо. Пожалуй, это был самый короткий и невинный поцелуй за всю его жизнь.

Она словно не заметила отсутствия музыки, расслабилась в объятиях и беззастенчиво потянулась к его губам, но тут проходящий мимо пьяный в хлам парень неудачно вписался в Ригана плечом, пробормотал нечто маловразумительное и потащился в сторону туалетов.

— Кажется, нам здесь больше делать нечего, — весело прошептала Агнесса.

— Тебе не кажется.

После пропитанного запахами «салуна» ночная свежесть ударила в голову похлеще алкоголя. Они целовались на крыльце бара, по дороге на стоянку и в машине. Сумасшествие вечера плавно перешло в ночь. Ее поцелуи были откровенными и жадными, она прижималась к нему так отчаянно, словно боялась, что он убежит. Ветер скользил по разгоряченной коже прохладой, а от поспешных ласк по телу шел жар.

Неожиданно Агнесса замерла, закусил губу и быстро спрятала лицо на его плече.

— Слишком быстро, — хрипло пробормотала она, поглаживая его спину. — Можно помедленнее? Нежнее?

Риган с трудом удержался от смешка. Она сама задавала темп, но как ни странно, ему это нравилось. Он взял ее за подбородок, заставляя поднять голову. Шальной взгляд, яркие и горящие от поцелуев губы, рассыпавшиеся по плечам локоны — соблазнительное зрелище. И она просила о нежности? Под хрупкой скорлупой приличий скрывался самый настоящий ураган.

Отчаянно хотелось сорвать с нее платье, потянуть на себя, целовать

грудь. Удержаться от искушения с силой сжать ее бедра и срывать с губ стоны, которые будут становиться все громче, оказалось нелегко. Вместо этого Риган взял ее за руку и поцеловал кончики пальцев.

— Для тебя, — сказал он, — можно все.

Последний раз Риган так гнал, когда был пьян в стельку, где-то во Франции. Ему казалось, что если стрелка спидометра вырвется за верхнее деление, он сможет взлететь и парить над чертовой землей в облаках. В ту ночь ему отчаянно хотелось расстаться с грешным миром. Каким чудом он тогда не разбился, оставалось загадкой, но даже воспоминания об опасности не отрезвили.

Риган бросил машину прямо во дворе, открытая ногой дверь жалобно звякнула ручкой о стену. До спальни они так и не дошли: этой ночью мир вращался слишком быстро, и под ноги внезапно бросился диван в гостиной. Медленно или не очень, но он целовал ее всю — припухшие губы, плечи, напряженные соски и нежную кожу на изгибах локтей. Болезненное возбуждение мешало сосредоточиться на удовольствии. Сначала она пыталась перебирать его волосы, цеплялась за плечи, но потом бессильно откинулась на спину.

Агнесса уже не сдерживалась, ее стоны сбивались на крики и прерывистые просьбы не останавливаться. Все «медленно» закончилось, когда он развел ее бедра и вошел в нее. Она с силой сжала пальцы на обивке, хрипло, протяжно выдохнула. И не осталось ничего, кроме яростного наслаждения и движений внутри, ее отчаянного ответа, когда Агнесса подавалась ему навстречу и кусала губы. Жажда обладания женщиной — интрига, которой Риган был лишен на долгие годы, — обернулась пьянящим оргазмом и странным ощущением чего-то безвозвратно утраченного. Чувство мелькнуло и пропало, будто его и не было.

Риган заглянул ей в глаза — блестящие от блаженства, полные озорства. Она снова захмелела. Гораздо больше, чем в ресторане или в баре, вот только сейчас Агнесса Уварова была пьяна им. Риган с трудом удержался от поспешного желания податься назад. Сколько лет он не заглядывал в глаза своим любовницам, не пытался рассмотреть, что скрывается на самом дне? Слишком много.

Он сжал губы и через силу улыбнулся. Его вело, но не как от выпивки, от странного наваждения-притяжения. Хотелось прижать ее к себе и молчать, или наоборот — говорить о какой-нибудь ерунде, вроде разбросанных по полу диванных подушек, гордо увенчанных нижним бельем, смеяться и дурачиться. То ли во всем было виновато настроение,

заданное во время танцев, то ли просто так случилось, но он снова чувствовал себя молодым и на удивление живым.

Агнесса довольно потянулась, и прежде чем он успел хоть слово сказать, устроилась на нем, целуя грудь и спускаясь ниже. Уварова оказалась шустрее, чем Риган предполагал.

— Я умею благодарить, — хитро прошептала она.

Он приподнял брови.

— Я весь внимание.

Благодарить она умела! Ее губы и язык оказались хороши не только в деле поцелуев. Все мысли вылетели из головы, и остался только жар ее прикосновений и откровенных умелых ласк. Риган невольно потянулся к ее волосам, но тут же отдернул руку. Не хотелось переводить то, что между ними происходило, за отметку «больше, чем секс», но и отстраниться, закрыться не получилось. Наслаждение снова бежало по жилам, пульсировало в паху, когда он кончал, — так сладко, будто это был первый минет в его жизни.

— Черта с два я откажусь иметь такую должницу, как ты, — хрипло прошептал он. Прозвучало двусмысленно.

Риган притянул ее к себе и впился требовательным и жестким поцелуем в губы Агнессы, словно между ними еще ничего не было и они только что, пьяные беспечностью и страстью, вбежали в гостиную. На сей раз он ласкал ее так яростно и неистово, как если бы это был их последний день на Земле и последняя возможность сойти с ума от передозировки чувственности, насладиться друг другом.

Агнесса уже не стонала, она кусала губы и выгибалась. Хриплые выдохи обрывались бессвязными криками, а потом наступило затишье. Он пришел в себя рядом с ней, между бесстыдно раздвинутых ног, и облизнул губы. Ее грудь высоко вздымалась, напряженные еще недавно соски снова стали ровными.

Риган подтянулся и молча лег рядом с ней. Потолки казались слишком низкими — то ли в сравнении с Эванс-Холлом, то ли благодаря зрительному обману. Мыслей не осталось, блаженная пустота в сознании заполняла его целиком. Хотелось просто наслаждаться мгновениями, просто быть.

Агнесса приподнялась на локтях и смущенно посмотрела на него.

— Кажется, мне нужно в душ, — прошептала она.

Лунный свет, заливавший комнату, придавал ей сходство с античной статуей или неземной, сотканной из воздуха девой. Он мог протянуть руку — и коснуться тонкого запястья или пушистых волос, большой, упругой

груди, отследить каждый изгиб тела. Мог, но не стал, равно как и не остановил ее, когда Агнесса осторожно поднялась и пошла в свою комнату.

Каково чувствовать себя живым спустя долгие годы летаргического сна наяву? Риган упустил миг пробуждения, но отмотать время назад и нажать «стоп» было уже нельзя. Он хорошо помнил день, когда умерло его сердце, и надеялся, что сегодняшний всплеск жизни — всего лишь досадное недоразумение. Просто цветной сон, слишком яркий и реалистичный. Завтра все вернется на круги своя, и он перешагнет через эту ночь, как через тысячи других.

Глава 7, в которой Агнесса понимает, что плохой девочкой нельзя стать — ей нужно родиться

Комнату заливал солнечный свет, но в сознании всплывали картины минувшей ночи. Слишком яркие, чтобы их забыть. Стоило признать, что вчера было невероятно хорошо: внутри все сладко сжималось в предвкушении продолжения. Агнесса застонала, накрыла голову подушкой и обругала себя в самых неприличных выражениях, которые знала.

Прошлым утром она мучилась от неизвестности, тосковала по родным, была близка к тому, чтобы нырнуть в океан и потеряться в его глубинах, но не успела добежать, не хватило сил. Агнесса не ждала помощи, но Эванс бросился следом. Они разговорились, и ей вдруг стало так тепло, что она не захотела его отпускать. Вот и не отпустила. Отвлеклась, а заодно и развлеклась. Два бокала вина — и она нарушила правило, которого придерживалась годами. Нужно же быть такой дурой, чтобы наступить на старые грабли. Ей же не восемнадцать!

Сексуальный опыт Агнессы начался с большой, как ей тогда казалось, но безответной любви. С Энди Харвудом они познакомились на рок-концерте, куда ее затащила сестра. Обаяние и общительность парня искупали его невзрачную внешность. Энди любил музыку, вечеринки и себя. Харвуд был первым, кто разглядел в кучерявой толстушке сексуальность, и ей это невероятно льстило.

Впервые открыв любовь, Агнесса окунулась в нее с головой. На ее признания Энди отвечал, что не верит в глупости, что сопли — для девочек. Она верила, что ее любви хватит на двоих, но потом забеременела, и начался настоящий кошмар. Когда она пришла с новостью к Энди, он на нее накричал. Сказал, что не хочет связывать жизнь с безмозглой куклой и терять время.

Ей не просто разбили сердце, какая-то часть Агнессы навсегда умерла. Если бы не сестра, она бы не смогла признаться во всем родителям. Рита держала ее за руку, когда она говорила, носилась с ней и ее сомнениями — оставить ребенка или нет. Только за это Ритка была достойна того злосчастного звонка из Эванс-Холла.

Агнесса так и не решилась на аборт, но он и не понадобился. Тело само воспротивилось ребенку, который был никому не нужен. Ей запомнилась ослепляющая боль, кровь на джинсах и ладонях, белое как мел лицо сестры, яркий свет в операционной, сочувственные слова доктора. В те дни страшный диагноз: «У вас никогда больше не будет детей» — принес только облегчение.

Агнесса закрылась ото всех, кроме родных, с головой ушла в учебу и спорт. Она отказалась от мечты стать врачом, поступила на факультет бизнеса и на пару лет позабыла о мужчинах. Студенческие вечеринки и внимание однокурсников обходили ее стороной, пока Рита не открыла ей глаза. Изнурительные тренировки не прошли мимо, Агнесса похудела, расцвела и стала привлекательнее. Теперь ее провожали жадными взглядами, даже боролись за право быть рядом, но постоянных отношений не выходило. Страх снова оказаться отвергнутой она тщательно прятала за холодностью и высокомерием.

Кэл был полной противоположностью Энди: умный, замкнутый и внимательный. Они познакомились на последнем курсе в университете, он боготворил Агнессу, а ей нравилось держать себя в узде. Она любила секс, но чувственное удовольствие не заменяло духовной близости. Ответить на его чувства не получалось: внутри ее все словно сковало льдом. Агнесса разорвала отношения раньше, чем дело зашло слишком далеко. Она не хотела поступать с Кэлом так же, как когда-то поступили с ней.

Потом у нее появилась работа, и многое изменилось. Короткие попытки сойтись с каким-либо мужчиной заканчивались ничем, пока Рита не познакомила Агнессу с Джоном. В нем сочетались доброта, мужественность и желание завести семью. Они даже съехались и умудрились растянуть отношения на два года. Потом Джон заявил, что ей пора перестать предохраняться, и предложил руку и сердце. Агнесса так и не решилась рассказать ему о прошлом, поэтому отказ родить ребенка Джон воспринял на свой счет. Они начали ругаться и отдаляться, пока не рассорились окончательно и не разошлись. Иногда Агнесса жалела, что не открылась тогда и не призналась во всем. Ей было неуютно одной.

Не встретить она Энди Харвуда, возможно, все сложилось бы иначе. Агнесса всегда избегала мужчин, похожих на него. Тех, кто мог легко расположить к себе любую женщину. Вот только Харвуду было далеко до Эванса. Риган привлекателен, невероятно богат и никому не морочит голову заботами. Он, как грех, предлагал наслаждение, не обещая ничего взамен.

Сегодня она уже не наивная девочка, которая случайно оступилась.

Так что лучше сразу вычеркнуть ночь с Эвансом из памяти и больше не приближаться к нему. Вчера он вытворял с ней немыслимое, но опасность таилась вовсе не в сексе. Ей нравились его поддразнивания, флирт, галантность и забота. Риган видел в ней прежде всего женщину, мирился с капризами и слезами, и это подкупало. Настолько, что стоило сразу позабыть о нем. Влечение к Эвансу куда опаснее девичьих чувств к Харвуду, от поцелуев Ригана кружилась голова, а от насмешливого взгляда серых глаз она плавилась, как мороженое на солнце.

Не так-то просто было забыть. Тело приятно ломило, а кожа стала чувствительнее. Ни прохладный душ, ни пробежка не смогли стереть воспоминания о доверительной беседе, зажигательных танцах и ночной гонке. Она хотела отвлечься, позабыть о доме, и Риган исполнил ее желание. Теперь Агнесса думала исключительно о нем.

* * *

Она надеялась позавтракать в одиночестве, а после ускользнуть на пляж, но не вышло. Риган снова проснулся рано и хозяйничал на кухне. Агнесса мысленно застонала, когда увидела Эванса колдующим возле кофемашины. Его волосы были еще влажными после душа, и он снова щеголял в одних джинсах. До безумия захотелось обнять его со спины, а потом...

Она резко оборвала мысль, усилием воли отвела взгляд и направилась к холодильнику. Риган перехватил ее на полпути, неожиданно и бесшумно. Мгновение — и вот уже он обнимает ее сзади, прижимает к себе и целует в шею. Агнесса вздрогнула, сомнения растворились, будто и не было их никогда.

— Доброе утро, солнышко. Кофе скоро будет готов.

Она не смогла заставить себя отодвинуться, наоборот — подалась назад и потерялась о его пах.

— Я подожду, — зачем-то пообещала она, близость Эванса мешала мыслить здраво.

— Я и не предлагал пить его прямо сейчас, — усмехнулся он, обманчиво медленно провел рукой по щеке, а после резко толкнул к столу — она и охнуть не успела. Риган прижался к ней, забрался руками под майку, легко погладил груди поверх белья. Низ живота сводило, колени подгибались, и она уперлась руками в столешницу. Предчувствие близости возбуждало невероятно, с губ непроизвольно сорвался стон.

— Хочу... сейчас.

— Кофе или меня? — издевательски уточнил Риган. Он скользнул рукой между ее ног, лаская промежность. Белье уже намокло, а по спине струился пот. Пальцы Эванса творили нечто фантастическое.

— Тебя, — выдохнула она, кусая губы.

Риган погладил ее ягодицы и потянул Агнессу на себя. Она послушно прогнулась в спине и подалась назад. Застонала, когда Эванс стянул с нее шорты вместе с бельем, а потом и вовсе позабыла обо всем, кроме упоительного ритма его движений. Она тонула в наслаждении, хватаясь за край стола, хотя и знала — Эванс не позволит упасть. Возбуждение довело ее до той черты, когда с губ срывались крики, а сдерживаться становилось невозможно. Сжимаясь на нем, Агнесса задрожала, вскрикнула и уперлась лбом в прохладную столешницу...

Потом они завтракали и пили потрясающе вкусный кофе, а в ней боролись стыд и удовольствие от сладких воспоминаний. Она украдкой рассматривала Ригана, который напоминал довольного мартовского кота. Знакомая улыбка, откровенный взгляд, заставляющий ее краснеть... Что же, короткий роман с Эвансом — верное лекарство от тоски.

— Хорошеешь день ото дня, — заметил он, когда с завтраком было покончено. — Есть предложение поехать на один прекрасный пляж. Говорят, песок туда притащили из самой Сахары. Не знаю, насколько это правда, но потом сможешь сказать с полной уверенностью: и когда я брела по пескам Сахары, ноги мне омывал Атлантический океан.

Под яркими солнечными лучами песок на пляже Лас-Тереситас напоминал измельченное золото. Эванс взял шезлонги и зонтики и устроил их с комфортом. Агнесса легко сгорала, поэтому захватила солнцезащитный крем, а Риган, разумеется, попросил намазать и его. Стоило прикоснуться к горячей коже, как по венам вновь растеклось возбуждение. Догадывался ли Эванс, как действует на нее? Агнесса подавила искушение отдернуть руки. Сам Риган разве что не мурлыкал, когда она втирала крем ему в спину, и Агнесса постаралась закончить побыстрее, чтобы избавиться от наваждения. Закончив, она отвернулась от Ригана, избегая его взгляда.

— Твоя очередь, — произнес он и провел пальцами по ее плечу, забирая тюбик, — у нас курортный роман, солнышко. Не стоит смущаться, что тебе хочется всего и сразу.

Спина тут же покрылась гусиной кожей, а соски напряглись.

— Мне стоит быть осторожнее, — выдохнула она. — Ты умеешь читать мысли.

— Если тебя утешит, — он развел бедра и усадил ее на шезлонг рядом с собой — так, что она ощутила его горячее желание, — то я тоже не железный.

Агнесса хотела пошутить, что если не железный, то очень твердый, но под его прикосновениями все слова вылетели из головы. Риган массировал ее плечи, спину и руки, она расслабилась и закусил губу, сдерживая стоны удовольствия, даже позабыла, где находится. Крем давно впитался в кожу, а Риган продолжал поглаживания. Ее тело задрожало в умелых руках, пальцы с силой сжались на коленях Эванса. У Агнессы вырвался хриплый стон, и она без сил откинулась на его грудь. По телу разливалась истома, но от стыда хотелось утопиться в океане.

— Прости, со мной такое впервые, — она чувствовала себя донельзя глупо.

— Извиняешься за то, что тебе было хорошо? — вкрадчиво поинтересовался он.

— Ты невозможный! — Агнесса попыталась отодвинуться и встать, но он подтянул ее к себе вплотную и обнял.

— Обожаю, когда ты злишься.

— А что еще тебе нравится?

Вместо ответа он подмигнул, а потом поднялся и с разбегу бросился в воду. Совсем как мальчишка. Агнесса подумала, что никогда не привыкнет к тому, что Эванс способен вывести ее из себя. Одним лишь прикосновением или брошенным на лету словом. Первое сводило с ума, второе давало понять — роман они закончат без сожалений. Оставалось только наслаждаться тем, что есть, и отгонять грустные мысли.

Эванс вышел из воды счастливый — от хмурого типа, что встретил ее в Эванс-Холле, осталось разве что воспоминание. На его теле блестели капельки воды, и Агнесса поспешно закрыла глаза и откинулась на шезлонг. Не хватало еще, чтобы он принял ее за нимфоманку.

— Чем занимаются твои компании? — поинтересовалась она, чтобы сменить ход мыслей.

— Недвижимость и медицина. Отдуваются за все генеральные менеджеры, а мне только присылают отчеты. Ну а ты как докатилась до такой жизни?

— Достойная зарплата, дружный коллектив, приятный босс. Я получила заманчивое предложение и согласилась.

Не так описывают дело всей жизни. Агнесса скучала по родным и Лондону, но совершенно не думала о бывшей работе. Она чуть не рассмеялась, но вспомнила Бена, помрачнела и открыла глаза. Эванс

устроился на соседнем шезлонге и мастерил кораблик из бумаги.

— Я считала свою работу замечательной, но никто не предупредил, что она опасна.

Еще недавно она с болью в сердце вспоминала об утраченном, сейчас же говорить об этом было немного легче. Как будто внутри захлопнулась какая-то дверца, отрезая ее от переживаний по тому, чего уже не исправить.

— Я не представляю, что мне делать дальше. У тебя было такое? Когда ты не знал, чем заняться?

— Бывало. Всякое бывало. — Риган выглядел на удивление серьезным.

— И как ты с этим справился? Сложно жить без цели? Или привыкаешь?

— Проходит время, и ты понимаешь, что все цели — иллюзия. В том числе и те, которые когда-то казались важными.

Если так случится, что сразу вернуться не получится, сколько ей понадобится времени, чтобы позабыть? В детстве ей удалось вычеркнуть из жизни милую сердцу Москву, немногим позже — Харвуда и свою маленькую трагедию, но тогда рядом были близкие и Рита. Ригану не нужны ни ее чувства, ни переживания. Они вместе, пока притяжение не иссякнет. После Эванс отправится на поиски новых знакомств и острых ощущений, а ей придется все начинать заново. Одной.

* * *

Они провели вместе больше недели, и Агнесса понемногу привыкала к новому ритму Здесь, на Тенерифе, с его золотыми пляжами и теплым океаном, каждый день был наполнен развлечениями. Они загорали и купались, обедали и ужинали в ресторанах, а ночами сплетались в объятиях. Агнесса начинала понимать, насколько всегда и во всем сдерживала себя. Она слишком серьезно относилась к жизни, и та подбросила ей испытание — вынужденный побег из дома. Риган молчал о том, как продвигаются поиски шантажистов, и она предпочитала пока не думать, что будет дальше.

В один из вечеров он пригласил ее в клуб. Агнесса долго колебалась, но все же надела то самое красное платье, откровенное до безобразия. Взгляд Ригана, полный вожделения, мгновенно избавил от неловкости.

— Я уже и не надеялся, что ты его наденешь, — он обнял ее за талию и притянул к себе. — Выглядишь невероятно обольстительно.

Агнесса довольно рассмеялась.

— Подойдет?

— Более чем... — Риган почти касался губами ее губ, и по телу Агнессы пробежала волна возбуждения. Ночь обещала быть не менее жаркой, чем предыдущие.

Клуб оказался в индийском стиле. В современной его части растянулась длинная барная стойка с прозрачными пластиковыми стульями, танцевальная площадка и небольшая сцена. В ложах господствовала роскошь Азии. Темно-красные, с золотом, диваны, низкие резные столики, свечи и бронзовые статуэтки. Запах благовоний пьянил не меньше, чем близость Ригана. Здесь привыкли наслаждаться удовольствием, растягивая его на всю ночь.

Эванс заказал коктейли, и реальность снова начала размываться. Если бы не высокие каблуки, она бы танцевала ночь напролет, но ноги уставали, и приходилось возвращаться к столику. Они курили кальян, пили и целовались. Агнесса знала, чем закончится вечер, и сердце ускоряло бег. Краткие прикосновения, многообещающие взгляды — все это распаляло не меньше откровенных ласк.

А потом настроение резко переменялось. Она возвращалась из дамской комнаты и увидела рядом с Эвансом яркую девушку. Невысокую, в коротком белоснежном платье, которое выгодно подчеркивало смуглую кожу и длинные темные волосы. Присмотревшись, она узнала Петру — консультанта из магазина. В откровенном танце та едва не запрыгивала на Ригана: прижималась, обвивала руками его шею и едва не облизывала его.

Агнесса ужаснулась желанию подойти и оттащить ее за волосы. Странно, но она никогда не ревновала Джона. Или он просто не давал ей повода? Больше того, она всегда гордилась выдержкой и спокойствием, которым без устали удивлялась Рита. Конечно, рассчитывать на верность Эванса даже на время их короткого романа было глупо. Равно как и выделять себя из толпы девиц, с которыми он развлекался. Горьковатый привкус разочарования испортил весь вечер. Ей уже не хотелось продолжения, и тем более не хотелось лицезреть самодовольную рожу Эванса.

Агнесса через силу улыбнулась и быстро подошла к парочке. Она не позволит считать себя подстилкой, рядом с которой можно спокойно лапать других женщин.

— Дай мне ключи от машины. — На девушку Агнесса даже не взглянула.

Если она задержится здесь еще немного, то поддастся искушению

вцепиться в накладную шевелюру Петры.

— Устала? — Эванс выразительно приподнял брови.

— Да, — Агнесса сцепила зубы. — Можешь не провожать.

— Тогда пойдем, — он пропустил выпад мимо ушей и предложил ей руку, — рад был повидаться, Петра.

Риган с девицей обменялись откровенными улыбочками, и это явно говорило о том, что «повидались» они не в первый раз. Агнесса сложила руки на груди, развернулась и пошла к выходу. Она не знала, что делать — продолжать злиться или злорадствовать над тем, что Эванс уходит вместе с ней. Он мог просто отдать ключи, но почему-то решил бросить Петру.

Риган догнал ее у выхода и кивнул в сторону парковки.

— Похоже, тебе нравится, когда за тобой бегают.

— Нет, я не выношу, когда меня принимают за идиотку! — вырвалось у Агнессы, и она тут же махнула рукой, не пытаясь ничего объяснить. — Забудь. Почему ты ушел со мной?

— Не хотел ехать на такси.

А чего она ждала? Заверений в том, что с ней ему лучше? Смешно! Она прекрасно знала правила игры. Скривившись от злости на саму себя, Агнесса упрямо заявила:

— Я поведу!

Риган хитро улыбнулся и протянул ей ключи.

— Как скажешь, солнышко.

Агнессе не нравилось это обращение. Оно напоминало ей о своих капризных волосах и о превосходстве Эванса.

Она вырвала ключи из его рук, обошла машину и села на водительское сиденье. Шикарный спортивный автомобиль отличался от тех, к которым она привыкла. «Порше» так и просил скорости, и она гнала все сильнее. Гнев не утихал, а улыбающийся Эванс только подливал масла в огонь. Он откровенно наслаждался поездкой: откинулся на спинку сиденья и смотрел прямо на дорогу. Его не смущала ни скорость, ни ее настроение. Да и она сама хороша! Раньше и в голову не пришло бы сесть за руль после трех коктейлей. Как же низко она пала!

Непонятно откуда вынырнуло такси, заставив ее резко вильнуть в сторону. Сердце пропустило удар, а дыхание сбилось. Она отчаянно посигналила, сбросила скорость и остановилась. Хотелось выйти и от души пнуть придурка, что ее подрезал, но его авто давно растворилось в ночи. Агнесса без сил опустила руку на руль.

— Будем ночевать здесь?

Эванс снова издевался! Ни капли страха, сострадания или внимания,

лишь привычное безразличие.

Она сама вздрогнула от звука пощечины и покалывания в ладони. Злость рассеялась как по волшебству, стоило увидеть покрасневшую скулу Эванса.

— Извини, — запоздало пробормотала она. Риган был виноват в ее настроении, но это не значило, что стоило вести себя как дикарка.

— Поведешь или поменяемся местами? — В серых глазах застыла привычная скука. Временами начинало казаться, что Эванса вообще невозможно вывести из себя. Если бы не его вспышка после звонка Рите, она бы ни за что не поверила, что Риган может быть яростным и отчаянно, невероятно живым. А еще опасным.

Она больше не гнала. До виллы добрались без приключений, но из-за пощечины Агнесса чувствовала себя неловко.

— Доброй ночи, — сдавленно прошептала она и вышла из машины. Позорное бегство сейчас казалось наилучшим выходом.

— Думаешь, я так просто тебя отпущу? — Риган с силой захлопнул дверцу. Он не повысил голос, но в глазах мелькнул недобрый огонек.

Агнесса вздрогнула. От властного тона Ригана мурашки бежали по коже.

— На сегодня с меня хватит, — заявила она и повернулась к нему спиной.

— Ошибаешься, — вкрадчиво произнес он и перехватил ее запястье — не больно, но ощутимо.

Агнесса попыталась вырваться, но тщетно. Они вошли в дом, и Риган резко притянул ее к себе — так, что она оказалась тесно прижатой к его груди, лицом к лицу. Он поглаживал ее шею, но взгляд был жестким. Тело отозвалось на его близость: она дрожала в объятиях, не то от страха, не то от возбуждения.

— Эванс, — прошептала Агнесса. — Что ты собираешься делать? Я устала и хочу спать.

— Научить тебя хорошим манерам. — Он ощутимо шлепнул ее ладонью по ягодицам. Вышло не столько больно, сколько неожиданно. Агнесса ахнула и замерла, пораженная его выходкой. Не хватало еще, чтобы Риган распускал руки!

— Ты издеваешься!

— В кои-то веки серьезен, как самый страшный зануда мира, солнышко. Зато тебе больше никогда не придет в голову лупить мужчин по физиономии.

Он резко отступил назад, поставив ей подножку, и Агнесса оказалась

на диване, на котором они впервые занимались сексом. Наплевав на ее попытки вырваться, Эванс легко перекинул девушку через колено и задрал юбку. Ему даже напрягаться не пришлось — у дурацкого платья она была неприлично короткой.

— Классные трусики, — фыркнул он и мягко провел пальцами по обнаженной ягодице. От ласки сразу стало жарко, и тем неприятнее вышел первый удар — звонкий и хлесткий.

Стало совсем не до смеха. Она извивалась и сыпала угрозами. В бульварных романах уверяют, что от такого некоторые получают удовольствие и кончают от восторга. Видимо, Агнесса не входила в число этих счастливиц. Она сгорала от стыда — никто и никогда не наказывал ее так унижительно, даже в детстве. Агнесса могла попытаться бороться в полную силу, но поняла, что сделает только хуже. Она молчала до последнего — в надежде, что он прекратит, но жжение стало просто невыносимым. От каждого шлепка на глаза наворачивались слезы, и все внутри сжималось в ожидании новой боли. Пришлось поступиться гордостью — Агнесса сжала зубы и вытолкнула из себя:

— Пожалуйста, перестань. Я больше не буду так делать.

Как ни странно, он остановился сразу.

— Ну наконец-то, — Риган провел рукой по ее пылающим ягодицам, и Агнесса невольно всхлипнула, — сложно было сказать это сразу?

— Боюсь случайно сказать что-нибудь еще, что тебе не понравится, — процедила она и попыталась соскользнуть с его колен. Разумеется, он не отпустил. Скользнул рукой по внутренней поверхности бедер, и дальше — между ног. Прикосновение заставило ее неосознанно прогнуться в спине. Даже сейчас, после всего, она отчаянно желала продолжения и ненавидела себя за это.

Прохладный воздух щекотал ягодицы, жар давно переместился ниже. Он опрокинул ее на спину и стянул белье, ласкал ее губами и языком — до исступления, пока не осталось сил кричать. Ощущения от прикосновения ягодиц к дивану были не самые приятные, если не сказать болезненные. Агнесса снова извивалась, но теперь хотела лишь продлить свои мучения. В глазах потемнело, когда ее накрыло волной оргазма, а затем Риган вошел в нее, и она задрожала вновь. Резкие толчки, короткие поцелуи и невероятное наслаждение. Когда все закончилось, она вскочила и убежала в спальню. Эванс за ней не пошел.

Агнесса проснулась не в самом лучшем настроении. Несмотря на сумасшедшее влечение, они с Эвансом существуют на разных полюсах, и то, что нравится ему, для нее неприемлемо. Она пыталась подхватить стиль его жизни, но тщетно. Сладкое марево забытья: алкоголь, тусовки, секс — и ни минуты, чтобы задуматься над будущим, прошлым и настоящим. Только рядом с Риганом Агнесса чувствовала себя нужной, но и это оказалось самообманом.

Когда он спустился на завтрак и пожелал доброго утра, Агнесса поджала губы.

— Вчера я вела себя ужасно, но ты поступил, как пещерный человек.

Эванс занялся складыванием из фруктов и прочей еды картины, достойной кисти абстракциониста. Сейчас сделает себе ирландский кофе и отправится навстречу новому дню развлечений. Агнесса судорожно вздохнула и встала, но тут Риган поднял голову.

— Что бы я сейчас ни сказал, ты все равно продолжишь на меня дуться. — Он указал на нее печеньем-соломинкой с надетым на него кружком апельсина. — Больше того, если я упаду ниц и стану молить тебя о прощении, дуться ты будешь в два раза дольше, а там и до рукоприкладства недалеко. Поэтому предлагаю сделать вид, что ничего не было. Идет?

Подчас он казался ей беспечным мальчишкой, но иногда выдавал мысли, достойные умудренных старцев. Пришлось признать, что она согласна с каждым словом. «Дулась» она больше на себя, чем на Ригана. Он прав, можно и дальше нянчиться со своей обидой или забыть, выбор за ней.

— Мне понравилось, что было после, — призналась она и почувствовала, как к щекам приливает краска.

— Я счастлив, — он облокотился о стол, подмигнул ей и отправил соломинку в рот.

Что ж, она получила, что хотела. Эванс — избалованный богач, не пропускающий ни одной юбки, а вчера к его недостаткам добавилось еще и варварское обращение с женщинами. Тем не менее рядом с ним она чувствовала себя легко и беззаботно, и пусть временами он доводил ее до ручки, чаще веселил так, что от смеха можно было надорвать живот. Она все еще тосковала по дому, но больше не сходила с ума от отчаяния. Пусть будущее оставалось туманным, ее курортный роман стал мостиком в новую жизнь, в котором она так сильно нуждалась. Остается только поблагодарить его и попрощаться.

— Я хочу уехать, — сказала она. — Во Францию. В Италию. Еще куда-нибудь.

Даже для нее самой это прозвучало неожиданно, а Эванс всего лишь пожал плечами и сказал:

— Понимаю.

И тут Агнессу прорвало.

— Нет, не понимаешь! — выпалила она на одном дыхании и замолчала, чтобы перевести дух. — Для тебя все это нормально... И я верю, что тебе нравится такая жизнь! Но она не для меня.

Эванс снова промолчал, на сей раз его куда больше занимали узоры йогурта на тарелке. Агнесса попыталась перенять его беззаботность, но не вышло. Для Ригана жизнь прекрасна всегда, он наслаждался ею, не обременяя себя привязанностями и обязательствами. Она и Петра — не первые и не последние. Ревновать, злиться, сходить с ума — глупо и бессмысленно. Где бы они ни оказывались, женщины бросали на Ригана жадные взгляды. Их не смущало присутствие Агнессы, потому что оно не смущало его.

— В чем твой секрет? — внезапно спросила она. — Привлекательности.

— Я ни за кого не держусь. В общении с женщиной главное — внимание. Сегодня для меня важна только она, со всеми ее заморочками, от и до. Завтра я про нее забуду, и ее это устраивает. Можно добавить сюда уверенность в своей неотразимости, хорошее настроение, сто тысяч и один метод соблазнения женщины и еще ведро лапши, которое любят вывалить на уши психологи, но увы! Искренний интерес и свобода — залог успеха. Попробуй сама.

— А если ее не устроит одна ночь? Вдруг она захочет большего?

— Всегда можно повторить, — Риган подмигнул ей, — а остальное — всего лишь иллюзия.

Как он любил это слово! Оно прокралось даже в ее мысли. Что ни говори, а откровенность Эванса в самом деле подкупала, но она больше не собиралась попадаться в ловушку его обаяния.

— То есть ты не веришь в серьезные отношения? Или даже не пробовал?

— Верю, — он поднял руки вверх, — в этом мире много гораздо более странных вещей, чем совместные походы в кино, уютный семейный очаг и собачка. Но чур меня!

— Понимаю, — запоздалым эхом откликнулась она и повернулась, чтобы уйти, — приятного аппетита...

— Агнес, — неожиданно окликнул он, — а что важно для тебя?

Она не нашла в себе сил удивиться.

— Кто. — Она обернулась и посмотрела ему в глаза. — Те, кто в моем сердце. Все остальное — иллюзия.

И она в ней жила все эти дни с Эвансом. Отличие иллюзии от реальности в том, что она рано или поздно растает и не оставит после себя ничего, кроме пустоты. С Риганом тепло, без него невыносимо тоскливо, но надолго они рядом все равно не задержатся. Он ей не нянька, не возлюбленный и даже не постоянный любовник. Он — герой ее тропического романа. На Тенерифе можно наслаждаться обществом Эванса, но дальше придется справляться самой. Они разойдутся разными дорогами без сожалений.

Агнесса привыкла сама себя обеспечивать и собиралась найти работу. Не здесь — уровень безработицы на Тенерифе не внушал надежды, даже со знанием трех языков она не могла рассчитывать на успех. У Адель Вальян больше шансов во Франции. Она подумывала о привычной должности менеджера по работе с клиентами. Пусть это не совсем то, к чему лежало ее сердце, но, по крайней мере, общаться с людьми ей нравилось больше, чем перебирать бумаги.

Агнесса не знала, позволит ли Эванс ей уехать, но в одиночестве день тянулся, полный не самых приятных мыслей. Как сложилась бы ее жизнь, не встретиться ей Энди Харвуд? Если бы она не забеременела, не потеряла ребенка, возможно, была бы сейчас врачом и никогда бы не оказалась в такой кошмарной ситуации.

После обеда она отправилась на пляж. Стоило больших трудов не вспоминать о том, как они приходили сюда вместе с Риганом, и не бросать грустные взгляды на обнимающиеся парочки. Что ж, по крайней мере, это было лучше мертвой тишины пустой виллы. Она так и просидела под зонтиком до самого заката, изредка окунаясь, чтобы не получить тепловой удар, и глядя на сливающийся с горизонтом океан.

Возвращаться не хотелось, но пришлось. Давно она не ходила так медленно, нарочно оттягивая ту минуту, когда снова окажется одна в огромном доме. Вдоль дороги проносились машины, свет фар бил по глазам. Агнесса вползла на виллу ближе к девяти, вся в песке и соли. На подъездной дорожке стояла машина Эванса, и ее внутренне передернуло. Не хватало еще слушать стоны его девиц, раньше он хотя бы не таскал их сюда. Усилием воли Агнесса заставила себя переступить порог. Все это больше ее не касается.

Она не успела и шага сделать — Риган вынырнул из темноты за дверью и обнял, прижимая к себе. Агнесса не пыталась вырваться, просто замерла в его руках, понимая, как отчаянно ей этого не хватало.

— Пусти! — вопреки всякой логике упрямо возразила она.

— Переодевайся, и поедem танцевать.

— Вечеринки не для такой зануды, как я.

— Тогда можем поиграть в пинг-понг или бильярд — в Таиланде как раз открыли новые грани этих игр, почитать трактаты Платона — вслух и с выражением. И первое, и второе гарантированно продлевает жизнь. Правда, не уверен, что здесь найдутся такие книги.

— Что такого особенного в тайском бильярде?

После она пожалела о том, что спросила. Эванс объяснил, и ей стоило больших трудов не краснеть от таких подробностей. Смотреть, как вместо кия Риган использует кое-что другое, Агнессе точно не хотелось.

— А если серьезно... Чем хочешь заняться ты? — Она не ожидала такого вопроса и невольно улыбнулась.

— Я ни разу не искупалась в бассейне.

Ночи здесь были такими же теплыми, как и дни. После духоты одиночества невероятно хотелось свежести. Агнесса приняла душ и вышла на задний двор. Подсветка превращала бассейн в мистическое ярко-голубое озеро. Она не захватила купальник; да и зачем, если все равно придется раздеться. Скинув туфли, Агнесса с наслаждением ощутила босыми ступнями прохладную плитку веранды. Эванса нигде не было видно, поэтому она села на бортик, оттолкнулась и скользнула вниз. Вода сомкнулась над головой, и Агнесса задержала дыхание, ощущая ее всей кожей. А потом вынырнула и с наслаждением вдохнула полной грудью, впервые за весь день.

Риган стоял у шезлонга и медленно расстегивал рубашку. Не хватало только музыки — вышел бы настоящий стриптиз. На лице его играла вызывающая улыбка, он сбросил брюки и направился к бассейну. Эванс бросился в воду неожиданно, прямо рядом с ней: поднял тучу брызг, но спустя мгновение уже стоял рядом с Агнессой. Она потянулась к нему и поцеловала.

— Мой первый раз в бассейне, — прошептала она, в горле пересохло.

— Все когда-нибудь случается впервые.

Он подтолкнул ее к бортику — в воде каждое движение, каждая ласка воспринимались иначе. Его горячие пальцы скользили по коже, а дыхание обжигало. Риган обвел сосок кончиком языка, развел ее бедра, поглаживая их. Агнесса не сдержала стон и ухватилась за бортик, словно за спасательный круг. Эванс медлил, а она вся горела, и даже прохладная вода не могла унять жар.

Агнесса никогда не отличалась сдержанностью, чем здорово смущала

Джона, но Ригану нравились ее крики. Эванс толкался вперед, а она чувствовала, как слабеют руки, как внутри все сводит от наслаждения. Агнессе казалось, что она больше не выдержит — уйдет под воду или утонет в блаженстве. Удовольствие стало невыносимым, почти болезненным, а Риган ускорил темп и прижался губами к губам. По телу пробежали судороги наслаждения, накрывая волна за волной, а рядом от того же удовольствия дрожал Эванс. Она потянула запястье, но за новыми гранями чувственности и потрясающим оргазмом даже не заметила когда.

— Любопытно, что ты с ней такого вытворяешь, если ваши стоны и крики слышны по ту сторону гор? — незнакомый насмешливый голос раздался прямо над головой.

Агнесса шустро нырнула в воду по подбородок, но это не спасало. Она подняла глаза и увидела мужчину в темном костюме. Полумрак не позволял его разглядеть, а вот Риган, кажется, узнал бесцеремонного гостя.

— Не сомневаюсь в твоей фантазии. Агнес, это Ян, на его вилле мы сейчас гостим. Ян, это Агнес. — Облокотившись о бортик, Эванс поглядел на мужчину.

Хозяин виллы подошел ближе, и теперь Агнесса могла рассмотреть невысокого, подтянутого шатена с темными глазами. Стильный, холеный, точеные черты лица, волосы аккуратно уложены. Ян поймал ее взгляд, усмехнулся и наконец-то повернулся к ним спиной. Агнесса успела только смущенно пробормотать: «Приятно познакомиться».

Риган подтянулся, подхватил рубашку и помог ей выйти. В длинной мужской сорочке она почувствовала себя уверенней. Если не считать того, что колени до сих пор подрагивали от фантастического оргазма. Такого приключения Агнесса точно не ожидала, поэтому быстро попрощалась и сбежала к себе. В спальне она прислонилась лбом к двери и рассмеялась. Ночь вышла на удивление волшебной, и ей ничуть не было стыдно.

Глава 8, в которой Риган предается воспоминаниям, а после с ним происходит много странных вещей

*Тенерифе, Испания — Мюнхен, Германия.
Октябрь 2014 г.*

Януш Левандовский. Бывший измененный, поляк, трехсот с хвостиком лет от роду. Когда очередной знакомый развел руками по поводу Милы Аверс, Риган позвонил Яну, чтобы попросить о маленьком одолжении. Ян сказал, что лично заглянет на виллу.

Они познакомились в Сиэтле. С Левандовским их свело очередное задание Дариана и случай. Яна впечатлило его знакомство с живой легендой, а Ригана — любовь поляка к виски «Бушмилс». Они немного поболтали о вечном, о пагубных последствиях тесного знакомства с Древним, напились, покурили травы и поняли, что существуют на одной волне. Даже будучи измененными, в ту ночь они перебрали с горячительными, потому как нарочно не закусывали кровью. Из завершения знакомства Риган помнил разве что свои попытки спеть на польском и как смешно Левандовский скакал под ирландские народные мотивы.

Потом они разошлись, а спустя несколько дней случилась Чума. Спаситься повезло либо избранным, либо очень богатым — благодаря невесте откуда взявшейся чудодейственной вакцине. Достать ее было не так просто, и стоила она целое состояние. Самому Ригану, как и прочим агентам Дариана, эта милость перепала лично от Древнего. Вакцина была с секретом: она спасла от болезни, но откатила измененных к человеческой ипостаси. В то время это казалось даром свыше: на пороге смерти выбирать не приходится.

Риган несказанно обрадовался, когда узнал, что Ян тоже выжил. Они несколько раз пересекались на курортах, однажды тот даже наведался в Эванс-Холл. Об их дружбе мало кто знал, поэтому, когда срочно

понадобилось убежище, Риган вспомнил про Яна. Он был уверен, что тот не откажет, и оказался прав. Сейчас же Левандовский оставался последним, кто мог помочь прояснить ситуацию, — его трехсотлетние связи придутся как нельзя кстати.

Пока Риган натягивал штаны, Ян устроился в плетеном кресле и любовался окрестностями так проникновенно, будто видел впервые. Он перекатывал пальцами монетку, с которой никогда не расставался. По словам Левандовского, ему это здорово помогало в принятии решений. Например, оторвать голову любовнику или оставить в живых.

— Не стану спрашивать, как ты докатился до такой жизни, что сдал свой дом. — Ян всегда говорил то, что думал.

Риган криво усмехнулся.

— Ко мне пришел один недружелюбно настроенный господин. Вел себя крайне неприлично, разнес мой кабинет в щепки, не вставая со стула. Я очень удивился и решил податься в отшельники.

— Сколько ты выпил в тот вечер?

Риган не стал ходить вокруг да около и рассказал все с нуля. В начале двадцатого века, когда он уже несколько десятилетий был агентом Дариана, к нему пришла связная, Клотильда. Дело ему поручили на раз плюнуть: достать древнюю побрякушку у молодой особы, Эвы Ламбер, Ив. Он отправился в Женвилье — жалкое захолустье под Парижем. Именно там после смерти родителей Ив жила в компании старенькой экономки.

Дочь археолога унаследовала от отца страсть к приключениям, путешествиям и открытиям, но сблизиться с ней оказалось сложнее, чем рассчитывал Риган. Можно было воспользоваться внушением, забрать безделушку и отправиться восвояси, но ему приглянулась сама Ив: она была прехорошенькой, фигуристой, хотя и одевалась как старая дева, а от мужчин шарахалась, как фольклорные вампиры от распятия. Пришлось попотеть, чтобы затащить ее в постель, но оно того стоило. Во-первых, чувственности ей было не занимать. А во-вторых, Риган наконец-то воочию увидел подвеску, которую та прятала вместе с пышной грудью под пуританскими платьями.

Вот тут его поджидал сюрприз — у Ив была только часть безделушки, другая хранилась у ее опекуна, Тома Дюпона. Две части, соединенные вместе, оказались ключом к Древнему Городу, который так мечтал найти ее отец. Не так давно Ив закончила расшифровку его писем и дневников и собиралась ехать на раскопки вместе с археологами Дюпона. Согласно записям Бертрана Ламбера цивилизация была спрятана в Греции, под Ираклионом — туда ей и предстояло отправиться на встречу с Томой.

В отличие от большинства своих современниц, Ив не мечтала выйти замуж и вязать носки для благоверного и их общего выводка. В ее крови бежал чистейший огонь авантюризма, и Риган раскрыл ей все карты. Рассказал о том, что он измененный, и, к тому времени уже серьезно увлеченный ею, предложил Эве стать одной из них. Любопытство победило страх, и она согласилась. Но сначала хотела закончить дело отца.

Встреча с археологами Дюпона должна была состояться в Афинах. Однажды ночью Риган случайно наткнулся на банду сильных и опасных измененных и выяснил, что их тоже интересует Город. Он попытался отговорить Ив от поездки, но та и слушать ничего не хотела — она считала своим долгом завершить то, что начал отец. Тогда Риган решил «уговорить» опекуна не брать ее с собой, но рядом с ним впервые столкнулся с тем, что внушение измененного, способное превратить человека в марионетку, не работает. Как позже выяснилось, причина была в части ключа, которую тот носил с собой.

Соваться в Город, за который измененные могли порвать не только археологов, но и его, было чистейшей воды безумием. Тем не менее Риган отправил Клотильде весточку с просьбой о помощи, а сам поехал с Ив на остров Крит. Дело было не в ключе и не в задании Дариана. Риган сам не мог сказать, каким чудом, но он влюбился и оставить ее одну не мог.

Команда Дюпона оказалась с секретом: все они были матерыми орденцами — охотниками на измененных со стажем. Разумеется, Ив ни о чем не догадывалась, ей было важно своими глазами увидеть цивилизацию, о которой так мечтал отец, и рассказать о ней миру. Ориентируясь по знакам Бертрана, они несколько дней продвигались в глубь острова. Ив провела их ко входу в Город, открыла дверь, и орденцы спустились вниз. Пока она была занята, Тома отправил Ригана в пыточную, чтобы допросить, и несколько последующих ночей показались тому адом.

О том, что произошло дальше, Эванс узнал позже от Клотильды. Под пластами древних цивилизаций был обнаружен металл, который оказался ядом для любого измененного. Орденцы схлестнулись с многовековыми врагами за право обладания Городом. Команда Дюпона отстояла открытие Ламбера, но Ив погибла от шальной пули.

Самого Ригана связная и ее помощники вырвали из лап охотников во время перевозки из Греции во Францию. Вместе с ним в Центр отправили и ключ, который чуть позже Клотильда отдала ему, сказав, что отныне ключ бесполезен. Ни ключ, ни металл были Дариану не нужны, через Бертрана и его дочь он вручил людям оружие против своих же созданий. В те годы раса измененных переживала свой расцвет, самые опытные поговаривали о

том, что пора бы перестать прятаться, охотники на чудовищ гибли сотнями, и Дариан решил уравнивать силы.

Риган думал, что может пережить все, но, стоя в самый разгар весны у могилы Ив, он умирал снова и снова, и расцвет жизни вокруг казался ему жестокой насмешкой над тем, что творилось в его сердце. Память о тех днях была покрыта пылью веков, как вещи в заброшенном доме. И все же временами он ощущал отголоски тоски и отчаяния, смутные и смазанные. Они больше не причиняли жгучей боли, скорее оставались жестоким напоминанием о случившемся. О том, что он не сумел ее защитить. Именно тогда он впервые в жизни ощутил бессильную ненависть к Дариану. В его игре между людьми и измененными жертвой стала женщина, которую Риган любил больше жизни.

Из Города ордены вывезли весь металл и старинные письма, а оставшиеся пустоты засыпали землей. Дело Ламбера и цивилизация, которую Ив так хотела показать миру, обернулись открытием смертельного оружия. Благодаря металлу Дюпона двадцатый век был отмечен в истории измененных и Ордена кровавой и жестокой войной. Если бы не Чума, их противостояние вылилось бы в межрасовую грызню, после которой не остается ни победителей, ни побежденных.

Риган рассказал Левандовскому и о разговоре с Ромашовым, и о том, что существует другой Город, которым заинтересовались люди с очень загадочными способностями.

— Почему твоя подружка солгала? — Ян говорил о Клотильде, но ответа не дождался.

Она не знала сама или недоговаривала? Можно было спросить у нее, но Ригану не хотелось добровольно приближаться к связанной даже на расстояние выстрела. Чем дальше от Дариана, тем лучше.

— Подвеска подействовала на Ромашова, как на измененного, — Риган облокотился о перила. — Его мощное кунг-фу разом стухло, когда рядом нарисовалась Лорин с побрякушкой.

Ян ответил не сразу. Он продолжал играть с монетой и смотрел только на нее.

— Откуда эти способности? — после долгого молчания все же спросил Левандовский. — Новый эксперимент Дариана?

Возможно, Ян прав. Тысячелетия назад Древний выпустил в мир первую измененную, расчертившую карту мира кровавыми штрихами. От нее же пошли все остальные. Кто знает, какие еще идеи роились в его совсем не юном разуме?..

— Хотел бы я знать, — он повернулся к Левандовскому, — у тебя есть

выходы на Орден?

— Насколько я знаю, от него остались рожки да ножки.

После Чумы Орден и правда распался за ненадобностью. Нет измененных — нет проблем. Чувствующие вели себя осторожно, к тому же их было в разы меньше, поэтому о них орденцы слыхом не слыхивали.

— Подозреваю, что Мила была связана с ними. Если не за что зацепиться, это либо Орден, либо Дариан. Ну и дневник Дюпона сюда же до кучи. Откуда он у нее?

У орденцев и правда была серьезная система защиты. Как и на чем она построена, Риган понятия не имел, но доходило до того, что в одном филиале сотрудники не знали ни настоящих имен, ни адресов друг друга. Оно и понятно: никому не хотелось подставляться перед измененными.

Ян нахмурился, подбросил монетку и, когда она упала ему на ладонь, бросил на нее быстрый взгляд.

— С этим я тебе помочь не смогу.

Левандовский не захотел вмешиваться, потому что посчитал опасным, или просто не стал напрягаться — как знать. «Нет» в мире измененных никогда не подразумевало «может быть», и дело здесь не в деньгах.

— Ты говорил, у тебя есть знакомый ювелир, который может создать точную копию любого украшения, так? Вот, мне нужно повторить это, — Риган вытащил из кармана подвеску и показал Яну. — Один в один, не считая маленького секрета. С этим ты мне поможешь, надеюсь?

Левандовский взял подвеску, брезгливо покрутил между пальцами и тут же вернул.

— Зачем тебе? Если от нее пропадают способности, подделку определяют в два счета.

— Они пропадают от металла Дюпона, который в составе сплава. Есть у меня трофей — часы одного не в меру шустрого орденца, как раз в дело пойдут. А вот Город они с этим не откроют.

Обманка нужна скорее для непредвиденных обстоятельств: противопоставить людям с такой разрушительной силой Ригану было нечего.

— Почему ты им просто ее не отдал? Тебе же не нужен ни Город, ни лишние проблемы.

Хороший вопрос. Ответственность — не его слово, ему наплевать на судьбы Вселенной, все древние города мира и прочие мелкие неурядицы. Дариан давно не объявлялся, поэтому он мог, не мудрствуя лукаво, остаться в стороне. Валялся бы сейчас в Эванс-Холле, пьяный в хлам, и не думал ни о чем. Сознание упорно подсказывало ответ, а точнее — имя, но Риган

предпочел от него отмахнуться. Лучше лишний раз не задаваться этим вопросом.

— Тогда не отдал, теперь уже поздно. Так что? Устроишь мне встречу с ювелиром?

— Я переговорю с ним.

Риган кивнул и спрятал подвеску от греха подальше — Уварова до сих пор не знала, что он ее не уничтожил. Они с Левандовским еще немного поболтали, а потом разошлись по комнатам. Под ногами начинала вырисовываться какая-никакая, а почва. Пока он ничего не знает о Миле, остается только тянуть время и искать дальше. Не может человек, тем более с такими способностями, вечно прятаться в тени. Если она найдет его первой и встреча не заладится, настоящая подвеска, спрятанная в надежном месте, придется как нельзя кстати.

* * *

Утро началось немногим раньше полудня. Агнесса широко улыбнулась, стоило ему зайти на кухню. Она готовила фруктовый салат, и он устроился рядом, на барном стуле. Подперев голову, Риган просто смотрел. Дневной свет расплескался сквозь широкие окна, и сейчас Уварова казалась ему особенно солнечной. Чопорная дамочка осталась в пасмурном Лондоне, сейчас перед ним стояла совсем другая женщина. Яркая и счастливая. Чем больше он об этом думал, тем теплее было осознавать, что часть света в ней — его заслуга.

— Как спалось? — он взял ее руку и поцеловал кончики пальцев.

— Сладко, — рассмеялась она и потянулась за настоящим поцелуем. — А что тебе снилось?

— Черная простыня. Я редко вижу сны.

Откровенный поцелуй грозил перерасти в продолжение, но тут на кухню заглянул Ян. Он ухмыльнулся и поздоровался исключительно с Риганом. Что ни говори, а в отношении женщин у него были определенные проблемы, над которыми тот упорно не желал работать. Началось все, когда Левандовский был человеком: его названная, но отнюдь не любимая невеста устроила ему серьезные неприятности, из-за нее он вынужден был бежать из родного селения и вляпался в переделку с измененными. С той поры рядом с прекрасным полом высокомерие Яна зашкаливало, а снобизм становился приторно-невыносимым.

— Чувствую себя преступницей, — шепотом призналась Агнесса,

когда поляк оставил их наедине. Она не торопилась отпускать Ригана, наоборот, прильнула всем телом. — Хотя я такая и есть. Он здесь надолго?

— Мне придется уехать не сегодня завтра. Надеюсь, не больше чем на две недели, а он пока побудет здесь. Обещаешь быть плохой девочкой?

Улыбка Агнессы погасла. Она нахмурилась и отстранилась.

— Я могу поехать с тобой?

— Плохая идея. — Риган вытащил дольку манго из салата и отправил в рот. — Пока ты здесь, я за тебя спокоен.

Слова вырвались раньше, чем до него дошел их смысл. Риган пожал плечами и взял еще кусочек папайи. Агнесса продолжала хмуриться.

— Я тут сойду с ума от одиночества. Пожалуйста, возьми меня с собой. Обещаю не вмешиваться и даже близко не подходить к твоим делам.

Агнесса легко сжала его руку и умоляюще заглянула в глаза. Она действительно верила в то, что рядом с ним безопасней. Наивная женщина, которой следовало бежать от него подальше. Он и себя-то временами защитить не мог, не говоря уже о других. Даже будучи измененным.

Память — странная штука, стоит всколыхнуть ее мутную водицу, и рябь по ней идет еще долго. Некстати вспомнилось бескрайнее звездное небо в пустынном местечке близ Ираклиона, прохладный ветер и счастливое лицо Ив. Она радовалась тому, что нашла свой Город, и Риган был счастлив вместе с ней. Не подозревая о том, что спустя несколько часов в его грудь войдет щедро смазанная ядом стрела, чуть позже он будет распят на дыбе в Ордене, а еще спустя несколько дней узнает о ее смерти.

— Я показал тебе уйму интересных мест, здесь не придется скучать. Машина останется, так что сможешь каждый вечер ездить, куда душа пожелает.

Плечи Агнессы поникли, но она все же выдавила из себя короткую улыбку.

— Две недели? — переспросила она.

— Отдохнешь от меня, — наигранно-весело отозвался Риган и чмокнул ее в макушку.

За разговором они съели фруктовый салат без заправки, а потом снова собрались на пляж, но выбраться к океану уже не получилось. Ян договорился о встрече в ближайшие дни, и Риган решил не задерживаться. Чем быстрее он разберется с задуманным, тем лучше.

Знакомый Левандовского обосновался в Мюнхене. Бодрый старик, который по предчувствиям мог положить на лопатки молодых. Он без лишних вопросов осмотрел вещицу, осведомился о сути работы, назвал цену и сроки. Вышло ни много ни мало: Ригану предстояло тут торчать пять дней. Когда он сказал, что готов заплатить больше, чтобы ускорить процесс, старик сурово посмотрел на него поверх очков и ответил:

— У меня много талантов, но я не волшебник.

Пришлось брать напрокат машину и ехать в гостиницу. Честно говоря, Риган не представлял, чем будет здесь заниматься столько времени, гулянки Октоберфеста только что отшумели, а прочие культурные мероприятия не возбуждали. Даже милые фрау, которых в городе было в избытке, не вызывали у Ригана особого воодушевления. Не сказать, чтобы он охладел к женскому полу, но если раньше любовная игра — флирт, соблазнение — будоражила, то сейчас ему становилось скучно при мысли о новой интрижке.

Он вспомнил свою встречу с Петрой на танцполе. Общаться с ней было легко, просто и приятно, но именно в тот вечер он понял, что не хочет ее. Равно как и многих других, весьма привлекательных, страстных и сексапильных. Тут бы впору хвататься за голову и совсем бросать пить, но дело оказалось не в потенции. Ему достаточно было наклониться к Агнессе, вдохнуть запах ее волос — и все проблемы как рукой снимало. Он не спал ни с кем, кроме Уваровой, — с той ночи, как они стали близки. Валяясь на кровати в номере, Риган даже подумывал о том, чтобы позвонить ей, но вовремя себя одернул. После Ив в такие игры он больше играть не хотел.

Концерты, именитые диджеи, театры — вся афиша вызывала у него сейчас только скуку. Пришлось выбирать на прогулку по давно забытому прошлому.

Во времена Гитлера мало кого влекло в Германию, даже измененные обходили ее по широкой дуге. Лишние неприятности не были нужны никому. Риган в те годы совался в любое пекло, которое могло закончиться для него весьма плачевно. Он открыто провоцировал Орден, за что получал суровые выволочки от Клотильды. Очухавшись от очередного воспитательного процесса, Риган брался за старое. Мюнхен стал просто следующим пунктом в колесе игр со смертью. Европу лихорадило, люди бежали подальше от страны, которая сходилась с ума под гнетом тирана. Мрачные лица, жизнь в постоянном страхе, ощущение близкой агонии — все это было Ригану как никогда по душе. Он впитывал настроение города с нежностью маньяка, отслеживающего жертву.

Людей забирали прямо из домов — на допросы, с которых уже не суждено вернуться, повсюду был плач, страдания, неопределенность, ужас. Мир задыхался в преддверии масштабного кровопролития, некоторые считали, что грядет конец света. К сожалению, конец этому свету не грозил. Свету, где уже больше двадцати лет не было Ив.

Мариенплац по крупницам восстанавливали после Второй мировой. Возле Рыбного фонтана собралась молодежь. Девушка в красном жилете размахивала руками и грозила страшными карами какому-то опаздывающему Максу. Ее подруга оживленно кивала в ответ.

Картинка прошлого была гораздо ярче: солнечный день и быстро проходящие мимо люди. Настороженные, напряженные. Они двигались по расцвеченной красками солнечной осени площади, как тени или призраки. Призраком чувствовал себя и сам Риган в те дни. Сейчас перед глазами мельтешили толпы туристов, щелкающих фотоаппаратами, и местные жители, которые наслаждались жизнью.

Город тоже был пустым, не вызывал никаких чувств. Просто камень и история, наполненные ежедневной суетой. Человека привлекает все, до чего он не может дотянуться, это бесконечное стремление, погоня за новыми ощущениями — всего лишь возможность заполнить внутреннюю пустоту. Он и сам был таким же когда-то, но рано или поздно приедается и перемена мест. Остается только то, что действительно важно.

Надо признать, он скучал по той, кого оставил на Тенерифе. По совместным прогулкам и походам на пляж, по умопомрачительному сексу и забавным разговорам после. Хотел прикоснуться к ее волосам, накрутить на палец тугий локон и увидеть, как она хмурится. В ответ на вопрос о том, что важно для нее, Уварова сказала: «Те, кто в моем сердце». Удивительно, но эта короткая фраза впечаталась в память и не желала отпускать. Именно тогда он понял — что бы ни случилось, она не откажется от попыток вернуться к семье. Пройдет десять, двадцать, тридцать лет, а мысли о них по-прежнему смогут выбить Агнессу из колеи.

Где-то в параллельной реальности он и сам мог бы быть таким же. Родиться законным сыном, а не ублюдком. Тогда родные не презирали бы его и не обрушивались с упреками за любую, самую безобидную провинность. В детстве Риган пытался соответствовать отцовским правилам, пока однажды до него не дошло, что это бессмысленно.

Взятый напрокат «Астон Мартин» шел по трассе легко и приятно, и Риган полностью расслабился. Скорость всегда была для него лекарством, которое позволяло отстраниться как от неприятных воспоминаний, так и от слишком приятных. Желал ли он избавиться от мыслей об Уваровой?

Пожалуй, нет. Риган прибавил музыку и смотрел на дорогу. Ему больше не хотелось убрать руки и закрыть глаза, как он сделал тогда, во Франции. Хотелось быстрее закончить дело и вернуться на Тенерифе, снова окунуться в теплый солнечный омут. Омут по имени Агнесса.

Додумать Риган не успел: какой-то идиот выскочил на встречную. Парень явно не рассчитал силы и, вместо того чтобы притормозить и уйти назад, сдуру газанул и резко вывернул руль в его сторону. Рывка на пределе скорости не хватило, чтобы избежать столкновения. Машину с силой швырнуло вправо, хлипкое ограждение жалобно взвизгнуло, лязгнул металл. Авто перевернулось, и у Эванса потемнело в глазах...

Когда Риган открыл их снова, колено отозвалось резкой болью, что-то смачно хрустнуло в шее, а вместо привычной картины в бешеном танце заходились светящиеся линии, пронизывающие все вокруг. Он грязно выругался, судорожно толкнул дверь — к счастью, ее не смяло и не заклинило, и быстро выбрался наружу. Привычка пренебрегать ремнем безопасности и умение группироваться, кажется, только что спасли ему жизнь. Из рассеченной брови текла кровь, он чувствовал ее на лице. С подбородка сорвалась капля и вместо привычной алой кляксы влилась искрящимся серебристым светом в такой же контур вместо руки. В голове будто пару бомб взорвали — Риган слышал нарастающий шум в ушах. Мир вокруг сошел с ума, превратившись в разноцветное переплетение движущихся линий. Холодных — мертвых и горячих, пульсирующих, живых.

Он замер на месте, не мигая, а потом бросился вперед — наугад, так быстро, насколько позволяло больное колено. Запаха бензина не было, но рвануть могло и по другой причине. Прихрамывая и спотыкаясь, Риган падал, но тут же поднимался. Под пальцами чувствовались грязь и трава, но он видел лишь мерцающие сгустки. Его вело чутье, а не зрение, от этой слишком реалистичной жути бросало в дрожь.

— Эй, эй! Парень! — Только натолкнувшись на кого-то, Риган замер. Чья-то рука легла ему на плечо, он мог поклясться, вполне ощутимая, материальная, но вместо нее он видел лишь серебристое мерцание. Человек искрился перед ним неровным контуром пульсирующих в пространстве жил. — Ты как?

Он с трудом различил язык — немецкий, хотя помнил, где находится и говорил на нем не хуже любого местного.

— Я... Ничего не вижу.

Вышло сдавленно и хрипло. Он видел, но не то, что привык.

— Пошли. Вот сюда. Садись, осторожно, медики уже едут.

Риган подчинился и закрыл глаза: темнота успокаивала. Биение сердца под ладонью говорило о том, что он жив. Парень, который ему помог, был не менее реален, чем сам Риган. Чтобы удостовериться в ощущениях, Эванс с силой сжал руку в кулак. Он чувствовал пальцы, чувствовал боль. Но глаза открывать не хотел: мертвое тоже было повсюду, и Риган запомнил его погасшими, дрожащими сгустками тусклых стальных пучков. Он должен видеть тела и груды искореженного металла, но видел, черт возьми, именно это!

Риган слегка подался назад и наткнулся на прохладную стену. Выжившие измененные дошли, как мухи, — кто от чего. Он все гадал, какая засада может настигнуть его, но не подумал, что это будет безумие.

Глава 9, в которой судьбу Агнессы решает монетка

*Тенерифе, Испания.
Октябрь 2014 г.*

Перед отъездом Риган вручил Агнессе мобильный телефон. Позвонить ему захотелось уже утром, но гордость не позволяла. Она не собиралась навязываться и донимать первого попавшегося мужчину, с которым закрутила интрижку. Вот только Риган не был для нее первым попавшимся, а отношения с ним — интрижкой, но признаться в таком оказалось нелегко. И уж тем более она не хотела сообщать об этом ему. Потому просто носила телефон с собой и вспоминала, что Эванс сказал про женщин и иллюзии.

Дни, как назло, тянулись медленно. С Риганом всегда дом стоял вверх дном, сейчас ей не хватало даже его насмешек. С хозяином виллы Агнесса старалась не пересекаться. Ян держался холодно и отстраненно, общался как особа королевских кровей с жалкой нищенкой. Ничто не могло сдвинуть скалу пренебрежения: ни вкусный завтрак ни предложение сходить на пляж или прогуляться. Агнесса бросила попытки его растормошить на третий день. Что ни говори, а у Ригана были самые разные друзья.

Ян тоже входит в «семью» Эванса, о которой говорила Лорин? Как они познакомились? Двух более непохожих людей и представить сложно. Риган — душа компании, веселый и безрассудный, и его знакомый — чопорный, высокомерный мужчина. Временами во взгляде Яна проскальзывало пренебрежительно-жесткое выражение — усталости, скуки и чего-то еще, что Агнессе было не дано понять. Та же загадка, что таилась за насмешкой в глазах Эванса.

Агнесса не могла и подумать, что придется мучиться от тоски и скуки на солнечном побережье, но на пятый день готова была лезть на стенку. Рядом с Риганом она расцвела, и теперь мужчины липли к ней, как и раньше. Знакомиться она ни с кем не хотела, и не только из-за неопределенности. Стоило рядом нарисоваться мужчине, как Агнесса тут же сравнивала его с Эвансом. И все, точка. Приходилось сочинять истории про жениха, «который вот-вот подойдет», грызть трубочку от фруктового коктейля, наедаться мороженым и смотреть на часы.

С невеселыми мыслями об очередном «дне сурка» Агнесса вернулась с пробежки, позавтракала и собралась на пляж. Она улыбнулась и пожелала удачного дня Яну, с которым пересеклась в холле. Тот ответил в своей обычной холодной манере.

Светило яркое солнце, было влажно и слегка ветрено. Агнесса думала о том, что каждый прожитый день приближает ее к встрече с Риганом, и настроение становилось лучше с каждым шагом. Она почти бежала навстречу ласковым и сильным объятиям океана. Риган тоже напоминал океан. Вот он теплый и приветливый — манит своими волнами. Но в нем скрыты такие неизведанные глубины, что погружаться в них опасно. Он обещает блаженство и в то же время может легко погубить... На этой лирической философской мысли петелька на шлепанце порвалась, и она чуть не полетела рыбкой на дорогу.

Агнесса неделикатно выругалась, подняла ногу и поняла, что придется топтать босиком до пляжа. Впрочем, можно просто вернуться и переобуться. Стянув несчастливую тапку, она отправилась обратно. Прогулка по горячему асфальту и острым камешкам не вдохновляла, но она все-таки доковыляла до виллы. Ян куда-то испарился, и Агнесса была искренне рада этому. Не хотелось лишний раз сталкиваться с Его Высокомерным Величеством.

Замена пляжной обуви — сабо на платформе — обнаружилась под кроватью. Агнесса наведальась в ванную, ополоснула лицо и плечи холодной водой, выбросила шлепки в мусорную корзину и закинула в сумку бейсболку. Шелест гравия на подъездной дорожке заставил ее замереть. Сердце дрогнуло и забилось часто-часто. Риган вернулся раньше!

Она метнулась было к зеркалу, потом к приоткрытой двери, но тут услышала женский голос. Резкий, властный, громкий, с нотками превосходства и жестокости. Голос, который часто мерещился в кошмарах.

Агнесса отдернула руку и отступила на шаг. Сердце отчаянно колотилось, колени подогнулись, и она сползла на пол. Сомнений быть не могло: после звонка этой женщины ее жизнь превратилась в ад. Она требовала продать подвеску, Агнесса отказалась, а на следующий день похитили и убили Бена.

— У тебя было две недели, Ян. Если нужна помощь, только скажи! — В слове «помощь» явственно звучали сарказм и угроза. Стук каблуков, шаги — хозяин виллы и его гостья шли через холл, направляясь на задний

двор.

Агнесса забыла о том, что нужно дышать, ладони вспотели, а в горле пересохло. Ян заодно с теми, кто ищет подвеску?!

— Найти вторую часть ключа сложнее, чем иголку в стоге сена, — едва расслышала она. — Эванс может быть где угодно, Мила.

— Эванс отсиживается в кустах, а мы теряем время. Они уходили через Европу и не могли не засветиться. У тебя столько связей, и ты до сих пор не нашел ни единой зацепки?

— Немного терпения, и ты его получишь.

Ян добавил что-то еще, но Агнесса не расслышала — они вышли из дома. Страх струился по спине липким потом, бился в груди так, что не хватало воздуха, шумел в ушах и собирался холодом на кончиках пальцев. Повезло, что у нее порвался этот клятый шлепанец и она вернулась. Повезло, что они разговаривали по-английски. Хотя везеньем такое сложно назвать.

Мила, кем бы она ни была, искала Эванса и подвеску, которую тот уничтожил. Ян — предатель! Агнесса выхватила телефон, чтобы набрать Ригана, предупредить об опасности, но замерла. Рано! Нужно узнать, что они собираются делать дальше.

Она встала на четвереньки и осторожно выглянула в холл — он был пуст. Агнесса быстро метнулась через комнату ко второй двери, которая вела на веранду, вжалась в стену и замерла. Громкий голос Милы доносился до нее и теперь. Этой женщине самое место в политике и на баррикадах. Такие, как она, делают революции.

— ...Показалось интересным, что его следы потерялись именно на Тенерифе, и я попросила Мориса проверить. Любопытно, что ему удалось разузнать. Гораздо быстрее, чем тебе, но это самый мелкий камень в твой огород, Ян.

Агнесса не слышала Яна — он говорил тише. Зато могла видеть: хозяин виллы и его гости спустились на лужайку. Мила возвышалась над поляком на целую голову, ее темные прямые волосы спадали на спину, брючный костюм стального цвета подчеркивал стройную фигуру. Громкий яростный голос совершенно не подходил холодной сдержанности Милы.

За ее спиной тенью стоял высокий мужчина с густыми вьющимися волосами. Его одежда не соответствовала погоде — темная и плотная. Странно, как он до сих пор не сварился заживо.

— Ты не сказал мне, что знаком с Эвансом. — Мила направилась к бассейну. Оттуда ее звенящий голос казался тише, но угроза в нем не становилась менее явной. Приходилось напрягать слух, чтобы не упустить

нить разговора. — Почему? И что ты собирался здесь искать? Спусти две недели.

Ян что-то ответил и даже шагнул к ней, но мужчина в черном преградил ему путь. Мила усмехнулась и бесцеремонно отодвинула телохранителя в сторону. Они отошли совсем далеко, и теперь Агнесса при всем желании не могла слышать, что они говорят. Кадки с пальмами мешали рассмотреть, что происходит. Рискую быть замеченной, она шустро переползла к другой стене и спряталась за занавесками. Ян что-то ожесточенно говорил, а Мила вдруг резко остановилась рядом с бассейном. Волна высотой в два человеческих роста поднялась в считанные секунды, обрушилась на хозяина виллы, вздернула его над землей и замкнула в прозрачном коконе ожившей воды.

Агнесса зажала рот руками, чтобы сдержать рвущийся из горла крик. Внутри все сжалось от ужаса. Разум лихорадочно пытался найти объяснение тому, что происходило, но тщетно. Что это?! Какое-то новое оружие? Она не могла заставить себя пошевелиться, на руки и ноги будто нацепили свинцовые гири.

Ян захлебывался и бился в силках водяного смерча, и на мгновение Агнессе показалось, что ей тоже нечем дышать, что со всех сторон ее обтекает смерть. Кокон распался на глазах, сильным потоком воды хозяина виллы швырнуло на газон и протащило к дому. Он пытался откашляться, а Мила быстро подошла к нему и с силой сжала руку на его шее. Ее черный спутник молчаливо наблюдал.

— У тебя есть два дня, — процедила она, — потом Эвансом займется Морис, а ты всю оставшуюся жизнь будешь выступать в цирке.

Ян снова закашлялся — по всей видимости, Мила ослабила хватку, а дальше Агнесса даже не пыталась слушать. Она медленно отползла от двери. Нужно срочно что-то делать. Сбежать или спрятаться. Рассказал ли Ян о ней? Или вот-вот расскажет? Агнесса похолодела: Миле не составит труда раздавить ее, как букашку.

Она дрожащими руками вытащила из валяющейся на полу сумки телефон. Пальцы срывались и соскальзывали, поэтому набрать сообщение получилось не сразу.

«Ян заодно с теми, кто ищет подвеску. Ему дали два дня. Ты в опасности».

Снова шаги: Мила и компания шли через холл, но на сей раз к машине. Слава богу, они уезжают!

Агнесса вздохнула с облегчением, когда звук мотора затих, и нажала «отправить». Телефон коротко пиликнул, сообщая о доставке, звук

показался выстрелом в тишине дома, и девушка поспешно выключила мобильный. Мила уехала, но остался еще Ян. К счастью, он видел, как она уходила на пляж. Нужно дождаться, пока тот поднимется к себе, а потом незаметно выскользнуть из дома.

Она запихнула в сумку документы и деньги, ругая себя за то, что не решилась сбежать раньше, прижала ее к груди и выглянула из комнаты в холл. Никого. Машину брать нельзя, ведь она ушла пешком. С Яна станется погнаться за ней. Все, что нужно, — спокойно выйти из дома, поймать такси, добраться до аэропорта и взять билет на ближайший рейс. И при этом постараться не столкнуться с Милой и Морисом.

Агнесса с силой сжимала в руке выключенный телефон, как будто он мог помочь. Ее трясло, как в лихорадке, даже осторожные шаги казались слишком громкими.

«Все получится, — уговаривала она себя. — У тебя все получится».

Она уже открыла дверь, но порыв невесть откуда взявшегося ветра с силой захлопнул ее. Непростительно громко! Агнесса дернула ручку, но тщетно: будто кто-то держал ее с той стороны.

— Агнес-Агнес, — раздался пренебрежительный голос за спиной.

Она вздрогнула. Не завизжать стоило нечеловеческих усилий.

Агнесса медленно обернулась и встретила взглядом с Яном. От холеной безупречности и следа не осталось. С его волос и одежды капала вода, стильный костюм был измазан в грязи и траве, на шее наливались следы от пальцев Милы. Слишком поздно Агнесса поняла, что могла отсидеться в комнате, а после притвориться, что ничего не знает, но актриса из нее была просто ужасная. Она тряслась, словно кролик перед удавом.

— Не вовремя ты вернулась... — Взгляд Яна стал жестоким и яростным, он шагнул к ней.

— Риган знает! — Агнесса вцепилась в сумку, как будто та могла ее защитить.

— Думаешь, он придет за тобой? — Ян поднял бровь. — Я бы на это не рассчитывал, милая.

Внутри все похолодело. Она вдруг поняла, что предупредила Эванса, но не просила о помощи. Агнесса хотела, чтобы он вернулся, но только не сейчас, когда ему угрожает опасность. Она не подумала о себе, только о том, что Риган в беде. Мысль настолько оглушила, что девушка даже не нашла, что ответить.

— И все-таки он притащил тебя сюда. Хотя мог бросить в Лондоне на милость закона.

— Из тебя получился не самый лучший друг, — зло парировала она.

Ян не удивился, только понимающе кивнул.

— Я уже догадался, что ты любительница подглядывать. Но если я такой плохой, почему искупали меня, а не тебя?

— Не знаю! — выпалила она. — Может, ты хочешь их обыграть! Тебе тоже нужна подвеска, но Риган ее уничтожил.

Брови Яна приподнялись, а это отвратительное выражение на его лице — превосходство и надменность — больше всего выводило Агнессу из себя. Он бросил мокрый и грязный пиджак на пол, сложил руки на груди и поинтересовался:

— Ту самую, копию которой он заказал у моего знакомого в Мюнхене?

Агнесса, уже готовая защищаться до последнего хотя бы в словесной битве, поперхнулась воздухом и закашлялась, с силой сжав руки на сумке. Не может быть, чтобы Эванс ей солгал... Или может?!

Ян рассмеялся: он откровенно забавлялся ее отчаянием.

— У тебя все на лице написано, милая. Он тебе не сказал, что сберег подвеску. И много чего еще...

Дыхание сбилось, а в ушах зашумело, она рванулась мимо него, в свою комнату. Дверь захлопнулась перед ее носом, отсекая возможность ускользнуть, и Агнесса вскрикнула. Это совершенно точно не мог быть ветер!

— Я тебя не выпущу. — Ян не двигался с места, только взгляд его полыхал гневом. — Предупредить Ригана — хороший ход. Теперь он не поверит в небольшой несчастный случай.

Боже, он собирается ее убить!

Она метнулась на второй этаж, но ее швырнуло назад — будто кто-то невидимый с силищей великана отбросил Агнессу, как щепку. Она сходила с ума: журналы, статуэтки на полках, пульт от телевизора и даже небольшая скамейка для ног взмыли ввысь и теперь раскручивались, подхваченные вихрем. Шею сдавила невидимая рука, тело подбросило вверх. Агнесса хотела закричать, но получилось только захрипеть. Она замерла, а затем ее резко потянуло вперед и швырнуло в кресло. Казалось, сердце не выдержит такого напряжения и вот-вот разорвется в груди. Она не хотела умирать!

Ян устроился на диване, вытащил монетку и стал перекачивать ее между пальцами, Агнесса же с ужасом поняла, что не может пошевелиться. Ее словно удерживала непонятная сила. Голова кружилась, мутило, завтрак подступил к горлу. Что, если это инсульт?

— Мы остановились на том, расстроится ли Риган, если тебя не

станет. Что вас связывает?

Он чувствовал ужас в ее душе, как дикий зверь, и наслаждался им.

— Секс, — сдавленно выдохнула Агнесса. По крайней мере, она могла говорить. На тонкой грани, отделяющей от безумия, наметилась первая трещина.

— Он притащил тебя сюда, чтобы просто трахнуть? — зло усмехнулся Ян. — Ему наверняка пришлось попотеть, пока вы дошли до... бассейна.

Риган ни разу не оставил Агнессу в беде. Ей хотелось бы верить, что есть нечто большее и что Эванс вернется за ней. И в то же время не хотелось. Ведь он угодит прямо в ловушку.

Ян подкинул монетку, поймал и приложил к тыльной стороне ладони, взглянул на нее, поморщился — и давление исчезло. Агнесса смогла нормально дышать и двигаться, но предпочла остаться на месте.

— Риган тоже многого не знает.

— Например, что ты заодно с Милой? — Она хотела спросить осторожно, но вышло издевательски. Риган доверял Яну, а тот поступил как последняя скотина.

— Я и сам знаю не так много, — он пропустил выпад и почему-то продолжал разговор, хотя за все эти дни ни разу не удостоил ее своим вниманием. — Потому и хочу найти Город.

Затерянная цивилизация. Риган сказал, что пошутил, но почему же тогда все так носятся с этой подвеской? Почему он не уничтожил ее, почему солгал?! Они сумасшедшие или это все-таки правда?

— Ты по-прежнему не веришь. Все еще нужны доказательства?

Она сильнее вжалась в кресло и замотала головой, но Ян и бровью не повел. Он пристально смотрел ей в глаза, предметы, парившие в воздухе, опускались вниз — одна за другой вернулись на место статуэтки, негромко звякнув о полку, пульт от телевизора упал прямо ей на колени, и Агнесса зажмурилась. Она боялась даже пошевелиться. В сознание несмело постучалась мысль о том, что она видела у бассейна, и о том, что творилось сейчас. Такого не бывает. Не может быть... Нет!

Отрезвил тихий стук — это приземлилась скамейка для ног. Она открыла глаза и покосилась в сторону веранды. Только бы добежать до гаража. Теперь уже мысль взять машину не казалась глупой.

Он вновь отвлекся на взлетевшую в воздух монетку, а Агнесса вскочила и бросилась к распахнутым настежь дверям. Она хотела обогнуть виллу со стороны заднего двора, но до свободы не хватило всего лишь шага. Сильный ветер сбил ее с ног и швырнул сквозь проем на пол веранды. Правый бок обожгло болью, и подняться она уже не смогла.

Дышать было нечем, словно из воздуха выкачали весь кислород. Агнесса захрипела, перед глазами расплывалась грязная развороченная лужайка и пустой бассейн. Она падала в темноту, но поймать ее было некому.

Глава 10, в которой Ригана посетило несколько озарений и откровений

*Мюнхен, Германия — Тенерифе, Испания.
Октябрь 2014 г.*

Врач сказал, что у него была кратковременная потеря зрения — из-за сильного удара или что-то вроде того. Риган не вникал в медицинские заморочки, но искрящиеся астральные завитушки не давали ему покоя. В той аварии погибло четыре человека, и он помнил, что видел и живых, и мертвых на каком-то новом уровне.

После больницы и беседы с полицией Риган вернулся в отель на такси. Солнце разливалось по крышам домов, по шпилям старинных зданий, по раскрытым ладоням площадей, а его знобило. Смерть, которой многие так боятся, на деле самый простой выход. Безумие — по-настоящему страшная штука.

Валяясь на кровати и с трудом справляясь с подступавшей тошнотой — сотрясение давало о себе знать, — он безуспешно пытался заснуть. И тут ему явилась Уварова собственной персоной: какой он оставил ее на вилле. Полупрозрачный образ — так мог бы выглядеть призрак или голограмма. Она шла к нему, и на мысли о странных галлюцинациях Риган отключился.

Он проспал почти сутки, но чувствовал себя так, будто неделю зажигал с Лорин и питался супчиком из сельдерея. Его трясло от холода, каждое движение давалось с большим трудом. Дотянувшись до телефона, он заказал в номер весьма питательный завтрак и с жадностью съел все до последней крошки. На попытке прогуляться его повело еще по пути к лифтам, а изображать обморочную девицу на улицах Мюнхена не хотелось. Риган вернулся и вырубился до позднего вечера. А когда снова открыл глаза, увидел сплетение искрящихся пучков.

Как же кстати сейчас прихлась выдержка измененного! Сжав зубы, Риган смотрел на оплетающий его кокон мерцания. Оно было повсюду, каждая частица пространства, каждый предмет состоял из света. Удивительно, как только получалось лежать на кровати, не проваливаясь сквозь нее. Он рассматривал пальцы,двигающиеся потоками серебристо-

голубых искр, и привычную обстановку комнаты в непривычном сиянии. Первое потрясение миновало, к тому же здорово помог практичный подход: если на старости лет его посетило безумие, придется жить с ним.

Риган чувствовал себя значительно лучше, поэтому поднялся и на ощупь подошел к окну. Пространство вокруг раскрывалось, плавно обтекая его. Он отдернул штору — полотно линий взметнулось в сторону. Жизнь за окном тоже была разноцветной, неизменным оставалось серебристое мерцание. Он уже начинал разбираться в этом безобразии: в частности, как различать живое и неживое. Первое было ярким, насыщенным, изменчивым, а второе — тусклым, разреженным и неподвижным.

Тем же вечером знакомый Яна отдал ему подвеску и показал заготовку под копию. Риган вернулся в гостиницу и решил поэкспериментировать со странностями, но они не проявлялись. Как он ни старался — представлять, вспоминать или чувствовать, — все тщетно. Он бродил по номеру, сопровождаемый тошнотой и головокружением. На очередном заходе Риган ощутимо приложился плечом о дверной проем, и тут его осенило. Другое зрение не возвращалось из-за ключа. Точнее, металла Дюпона.

Он не сошел с ума, с ним творилась какая-то хрень. Возможно, потому что в прошлом ему довелось побыть измененным, а может, с ним случилась та же радость, что с Ромашовым и его агрессивными друзьями. Увы, спросить, как все начиналось у них, — не вариант, открытым оставался вопрос и с галлюцинацией-Агнессой. Риган предполагал, что и ее можно объяснить, но как? Он мог обратиться за помощью и разъяснениями к Клотильде — особо приближенные к Дариану всяко знали больше остальных, но у них был один серьезный недостаток особая приближенность к Дариану. Лучше лишний месяц походить в неведении, чем лезть в логово зверя, поэтому Риган решил повременить.

Он забронировал билет до Тенерифе и собирался ехать за подделкой, а следом — в аэропорт, когда телефон коротко дернулся. В последнее время мобильный вел себя донельзя загадочно: выключался в неподходящий момент, сбрасывал настройки и грозил вот-вот почить с миром. Не то чтобы Риган привязался к нему всем сердцем и не хотел расставаться, но это была очередная капля в переполненную бочку странностей. Именно поэтому он не сразу взглянул на дисплей.

Полностью погруженный в мысли, Риган спустился вниз, сел в такси и только после прочитал сообщение.

«Ян заодно с теми, кто ищет подвеску. Ему дали два дня. Ты в опасности».

Он набрал номер Агнессы, но ее телефон был выключен. Риган прислушивался к себе, но внутри звучала лишь пустота. Глухая, жуткая бездна.

Никаких сложностей. Он привык к этому состоянию и прожил в нем слишком долго, чтобы что-то менять. В дни, когда боль и отчаяние доводили его до исступления, он выжил только потому, что растворял их в выпивке и настоящем времени, без прошлого и будущего. Что случилось — того уже не отменить, а то, чего еще нет, не стоит внимания. Когда хочется выть или рвать на части собственное тело, только чтобы освободиться от боли, остается лишь жить по принципу «еще одна минута».

Его не удивило, что Левандовский связался с Милой и умолчал об этом — в мире измененных такое было сплошь и рядом и оглушало первые два раза. Если бы Ян хотел его сдать, уже сделал бы это. Покоя не давало другое. Он зашел в тупик, оказался лицом к лицу с непознанным и с врагом, которому нечего противопоставить. По-хорошему, ему стоило поменять билет и забыть об Уваровой: стоит дать слабину, и ею непременно воспользуются. Потеряться в мире труда не составит.

Глядя сквозь лобовое стекло на дорогу, Риган набрал номер Яна. Тот ответил сразу и поздоровался с явным воодушевлением. Радость Левандовского была ясна — своим звонком Риган вручил ему все козыри.

— Что с ней?

Начался дождь, и водитель включил дворники. Картина серого города размывалась потеками.

— У твоей подружки выдался нелегкий день, и она прилегла отдохнуть. Ты же не хочешь, чтобы я ее будил?

— Хочу, чтобы при встрече она сказала, что не держит на тебя зла. — Риган не был сторонником пустых угроз, поэтому не стал продолжать и нажал отбой.

В такие мгновения «режим измененного» — читай: зверя и изувера, — включался сам по себе. К нему прилагались холодный разум и целеустремленность, которой могла позавидовать стрела Вильгельма Телля. Если Яну нужна часть ключа, он не отступится. А Ригану нужна Агнесса. Все так просто, что даже смешно. На мгновение он был готов вручить Левандовскому обе подвески — и настоящую, и поддельную, а заодно флаг и барабан, — и пусть дальше решает судьбу Вселенной, но потом вспомнил о Миле. На кой ей сдался Город, пока непонятно, но там, откуда растут ноги Дюпона — пусть даже весьма истлевшие, ничего хорошего быть не может.

Риган крутил мобильный в руках, пытаясь просчитать другие

варианты, но всякий раз возвращался к Клотильде. Звонок ей больше не казался крайностью. Он действительно чертовски устал ото всех интриг и в одиночку ввязываться в игру с более сильным противником не собирался. В кино и книгах герои и героини спасают города, страны, планеты и прочие прилегающие территории с завидной частотой, меняют основы мироздания, попирают ногами злодеев, свержают тиранов и с красотками и красавцами уходят в закат. На деле все прозаичнее. Над мало-мальски серьезной ситуацией работает целая команда, и далеко не каждому из нее суждено увидеть новый мир. Сдвинуть дело с мертвой точки — да, тут хватит одного, но хороший герой — чаще всего мертвый герой. Именно этого деткам не рассказывают в сказках и не показывают в фильмах. Себя Риган никогда в такой роли не представлял. Ему вполне хватит красавицы и заката.

Он попросил водителя ненадолго остановиться, вышел под дождь и нырнул под навес первого попавшегося магазинчика. Прислушиваясь к гудкам, думал о том, что еще не раз и не два сильно пожалеет об этом звонке.

— Эванс, говори быстро и по делу, — в знакомом голосе звенела сталь, — я занята.

Клотильда привыкла к его манере изъясняться витиеватыми издевательскими шуточками, поэтому прием сложно было назвать теплым.

— Я тоже рад тебя слышать, Кло. Но ты просила по делу: я вижу светящиеся линии и прекрасных дев, за мной охотятся недружелюбные типы, жаждущие заполучить ключ, у них дневник Дюпона, и я чувствую себя как-то странно.

— Ключ у тебя?

Хоть бы удивилась для приличия.

— Не совсем.

— То есть?

— То есть часть у меня, а часть у них. Так получилось. Не спрашивай.

В трубке ненадолго повисла зловещая тишина, за которой последовал приказ:

— Жду тебя на Мальте первым же рейсом. До этого ты не потеряешь оставшуюся часть?

— Остынь, Кло. У нас не настолько близкие отношения, чтобы я мчался на край света по первому зову.

— Эванс, у тебя есть вопросы, а я готова честно на них ответить. В чем дело?

— Ключевое слово «честно», — хмыкнул Риган. Расскажи она ему про

ключ сразу, сейчас не бесилась бы: он буквально чувствовал ее ярость, раскаляющую мобильный на расстоянии тысячи миль. У него действительно накопилось много вопросов, но Агнесса по-прежнему оставалась на Тенерифе. — Мне нужно кое-кого забрать.

— Эванс! — В голосе снова звякнул металл. — Это приказ.

— Я в самоволке. Дай мне двадцать четыре часа. Я привезу и себя, и остатки ключа.

В трубке раздался какой-то скрежет — то ли Клотильда грызла металлический стол, то ли шею кому свернула, потом донеслось отрывистое:

— Сутки. Время пошло, — и короткие гудки.

Риган глубоко вздохнул и вернулся в таксй. Казалось бы — выдохнуть и наслаждаться жизнью. Увы, чутье ехидно подсказывало, что ситуация под кодовым названием «задница» только что стала еще сложнее.

* * *

На Тенерифе Риган оказался ближе к полуночи, и во взгляде Яна, когда тот вышел на лестницу, мешались удивление и торжество. Левандовский до конца не верил, что Эванс вернется, и сейчас праздновал свою маленькую победу.

— Ты даже раньше, чем я рассчитывал, — довольно усмехнулся поляк. — Как все прошло?

— Лучше, чем я рассчитывал, — эхом отозвался Риган. — Теперь это дело Дариана.

Удовольствия наблюдать за тем, как Левандовский стремительно бледнеет, он себе не доставил: сразу свернул в комнату Агнессы. Ее там не было. На кровати валялась сумка, из нее выкатилась бутылка воды и торчал краешек бейсболки. Риган с трудом подавил поднимающуюся ярость: если сцепятся два зверя, мало никому не покажется. Он вернулся сюда не чесать кулаки о физиономию Яна, а забрать Агнессу.

Риган вернулся в холл, направился к лестнице, бросил на ходу:

— Где она? — Прозвучало это жестко и зло.

— Ты сунулся к Дариану? — недоверчиво переспросил поляк словно не слышал его вопроса. — Но зачем?

В тишине их голоса разносились по огромному дому Риган понял, что ответа не дождется, и быстро обошел Яна — слишком велико было искушение приложить того о ковер и от души повозить мордой для

прочистки мозгов. Вот только Агнесса и без того натерпелась, чтобы дожидаться, пока он отводит душу.

Риган взбежал наверх, по пути открывая одну дверь за другой. Девушка нашлась в спальне поляка: сидела, сжавшись в комок, в огромном кресле. Бледная и растрепанная, обхватив руками разбитые колени, Агнесса смотрела прямо перед собой. Локти ободраны, одежда испачкана, в глазах застыли ужас и отчаяние. Инстинкты, продиктованные страхом, сорвали все тормоза и маски. Возведенные возрастом барьеры рухнули, и маленькая девочка оказалась одна посреди темной комнаты, полной чудовищ.

Риган сел рядом с ней на корточки и взял ее за руки. Они были просто ледяными, и он легко сжал их в ладонях, согревая. Агнесса вздрогнула, по ее щекам заструились слезы.

— Ты... здесь, — едва слышно прошептала она, неуверенно подалась вперед и прижалась к его груди. Она плакала навзрыд и цеплялась за него — так вопреки представлениям делают не только дети, но и до жути напуганные люди. Он гладил ее по волосам и спине и старался не думать о том, что с ней случилось. Всхлипы Агнессы перешли в судорожные вдохи — верный знак, что самое страшное уже позади.

— Тихо, тихо, ну, — он взял ее за подбородок и заглянул в глаза. — Что у вас тут произошло?

Последний вопрос следовало бы задать поляку, но у Ригана по-прежнему здорово чесались кулаки. В начале их знакомства Ян пытался полакомиться Лорин. Чувствующие перед старшими измененными были беззащитны, но Риган вовремя оказался рядом. В тот раз он здорово разозлился на Левандовского, но это не шло ни в какое сравнение с тем, что он чувствовал сейчас. Первый порыв ярости уже захлестнуло волной привычной отстраненности, но второй был на подходе.

— Небольшая демонстрация... — Ян поднялся следом и теперь стоял в дверях. — Не ожидал, что твоя красавица испугается невинного трюка.

Услышав его голос, Агнесса сжалась и уткнулась лицом в плечо Ригана. Ее трясло.

— Я схожу с ума, — тихо прошептала она. — Мне показалось, что я летала.

— Не сходишь. — Он взял ее лицо в ладони и заглянул в глаза. — Я все тебе объясню.

Риган резко поднялся, вышвырнул Левандовского за порог и с силой захлопнул дверь. Агнесса выпрямилась, но по-прежнему была белой, как мел. На щеках застыли слезы, она сложила руки на коленях и смотрела

прямо перед собой.

— Послушай... Послушай! — Ему пришлось повысить голос. Осознание случившегося понемногу возвращалось к ней, но разум сопротивлялся до последнего. Ригану вовсе не хотелось, чтобы она и впрямь сошла с ума у него на глазах. — Подвеска, которую прислала Рени, — не совсем обычное украшение. Я с самого начала пытался тебе это втолковать, но ты не желала слушать.

Ему доводилось разговаривать и с непосвященными людьми, и с молодыми измененными, которые еще толком не понимали, что с ними случилось, но сегодня будет сложнее. Потому что он сам ничего не знал о загадочной стороне мира, с которой столкнулся. Оставалось надеяться, что ответы Клотильды не будут напоминать загадки, при решении которых все китайские мудрецы удавятся от сознания своей неполноценности.

— Не... совсем обычное? — запинаясь, переспросила Агнесса. Она сильнее сжала его руки. — Я думала, ты просто смеешься надо мной. Как такое возможно?! — В вопрос ворвались возмущенные нотки, как если бы Риган лично отвечал за всю хрень, что творится во Вселенной.

— Возможно, — он развел руками, — и многое еще, о чем я пока знать не знаю. Наш мир немного больше, чем ты думала. Тебе придется привыкнуть к этой мысли.

«И мне тоже».

Агнесса не пошевелилась и не ответила. Она сосредоточенно хмурилась, и Риган невольно улыбнулся. По крайней мере, из ее глаз ушла обреченность. Хрупкой, но отчаянно сильной женщине просто не повезло прикоснуться к тайнам, которые он и сам рад был бы обойти по широкой дуге.

— Ты тоже так можешь? — осторожно спросила Агнесса.

Растерянность отступила, и теперь она старалась привязать случившееся к привычному миру. Главное, чтобы в учебниках физики не окопалась, пытаясь сопоставить возможности с происходящим. Что самое смешное, ни одна так называемая паранормальщина не противоречит законам Вселенной. Просто люди узнают об этом чуточку позже.

— Летать? — Риган фыркнул и снова стал серьезным. — Если честно, я не знаю. Со мной кое-что произошло в Мюнхене...

Он сел на пол и прислонился к кровати, глядя на закрытую дверь. Клотильда обещала ответы на вопросы, но пока что их не было.

Агнесса протянула руку и осторожно коснулась заживающей раны над бровью.

— Что случилось?

— Какой-то придурок на трассе играл в Шумахера! — Он подавил порыв накрыть ее руку своей и задержать мгновение. — Хорошо, что напонила. Я со всей этой ерундой забыл, что скоро надо снимать швы.

Если бы можно было променять мельтешащее зрение на способность к быстрому заживлению ран, Риган сделал бы это не задумываясь. Или нет?.. В жизни есть и другие прелести, помимо неуязвимости и долголетия. Например, вот так сидеть на полу и любоваться Агнессой.

Под его взглядом она смутилась, но все же придвинулась ближе.

— Так что ты говорил про Мюнхен?

— Я научился... — Почему-то говорить ей правду было легко и просто, как случайной попутчице. В его прошлой жизни это не работало, потому что случайная попутчица могла оказаться врагом, а если даже и нет — приняла бы его откровения за излияния сумасшедшего. — Чему-то. Я не знаю, Агнес.

Она нахмурилась, кусая губы. Потом замерла, и глаза ее расширились от удивления.

— Тот мужчина в Эванс-Холле! Не бомба! Левитация... Или как это еще называется?

«Дерьмо это называется», — подумал Риган.

— Ты не уничтожил подвеску?

Он покачал головой, а она гневно сверкнула глазами:

— Значит, за нами будет гоняться Мила, которой позарез нужен ключ! Ты не видел, на что она способна, ты... — Агнесса побледнела. — Она просто... сделала из воды в бассейне смерч! Я думала, она убьет Яна, Риган, это было... жутко. Бесчеловечно. Безумно!

Она сказала «за нами», а потом взвилась с кресла и убежала к окну. «За нами», — вот так просто. Она еще не знала, что ему дали двадцать четыре часа, чтобы явиться на Мальту. Ему, но что делать с ней? Агнесса обхватила себя руками и смотрела в сторону, а Риган внимательно глядел на девушку. И вдруг подумал о той, кто охотится за подвеской. Мила могла быть кем угодно, преследовать какие угодно цели и создавать цунами по щелчку пальцев, но прямо сейчас ему было на нее наплевать. Главное, что с Агнессой все в порядке.

Она вернулась и села рядом с ним, сцепив руки на коленях. Какое-то время они просто молчали, и тишина вовсе не казалась тягостной или напряженной.

— Кто ты такой?

Вопрос прозвучал неожиданно, но Риган понял, в чем соль. Сейчас, перед тем как сделать шаг в пропасть — поверить и принять новый мир, ей

нужно было услышать ответ. И он сказал правду.

— В начале девятнадцатого века в уличной драке мне прилетело ножом под ребра, — именно так началась его история измененного. — Если бы я несколькими днями ранее не заинтересовал одного господина, помирать бы мне в жутких корчах. Но в итоге я жив и, как видишь, вполне здоров. Разве что псих немного.

По ее округлившимся глазам он понял, что шутка перестала быть шуткой. Еще можно было нажать на тормоза, но Риган не хотел. Стоило покончить с этим сейчас, оставить прошлое в прошлом. Раз и навсегда.

— Этот мир не перестанет меня удивлять, — выдохнула она. — Сколько же тебе лет?

— Двести восемнадцать. Надеюсь, мой возраст не станет преградой нашей духовной и телесной близости.

— У меня роман с женщиной, который годится мне в... Да я даже такой давности родства не знаю! — она покачала головой. — У тебя есть еще какие-нибудь особенности, о которых мне стоит знать?

— Они слишком ужасны, чтобы их озвучивать.

И все-таки он рассказал: про измененных и про Дариана, про Город под Ираклионом и про Ромашова. Рассказал, потому что собирался увезти ее на Мальту. Надежное убежище Агнессе бы не помешало, но Риган хотел, чтобы ее выбор был осознанным. Чтобы она понимала, на что идет. И кто рядом с ней.

Она слушала, не перебивая, а когда он замолчал, сжала его пальцы и неуверенно улыбнулась.

— Я хочу уехать с тобой.

— Так иди собирай вещи. — Он поднес ее пальцы к губам и поцеловал.

«Чертовски опрометчиво!»

Она замерла от неожиданности, а потом поспешно вышла за дверь. Пожалуй, слишком поспешно.

Короткую вспышку радости тут же заглушили сомнения. Он действительно зря в это ввязался. Не в историю с ключом. В историю с Агнессой Уваровой. Ее больше не надо водить за руку и следить, чтобы не наделала глупостей, она многому научилась и вряд ли снова наберет номер сестры. И все же он собирался оставаться с ней. Вшивый альтруизм как отмазка не подошел бы даже прыщавому школьнику, не говоря уже о нем. Ригану просто не хотелось отпускать ее, и эта мысль ударила по нему сильнее, чем Ромашов — ментальным кунг-фу в библиотеке или Клотильда своим ультиматумом.

В слегка оглушенном состоянии он спустился к Яну, развалившемуся на диване. Риган подошел к бару и достал виски, который завелся на вилле его стараниями. Забросив в бокал несколько кубиков льда, он плеснул себе алкоголя, подумал — и отставил бокал. Сейчас как никогда ему был нужен трезвый ум.

Какое-то время они с Левандовским просто смотрели друг на друга. Отпечатки пальцев на шее красноречиво говорили о том, что день у поляка не задался. Агнесса рассказала, что ему досталось, но сожаления по этому поводу Риган не испытывал. Молчание затянулось, приобретая угрожающий размах, поэтому он произнес:

— Твоя очередь рассказывать сказки.

— Ко мне пришли гости, — нехотя начал тот. — А твоя красавица не вовремя вернулась с пляжа.

Год назад Левандовский едва не раскроил себе череп, неудачно поскользнувшись на лестнице. Когда он очнулся в больнице, перед глазами постоянно плыли разноцветные линии. Доктора разводили руками и говорили о сотрясении мозга и пережитом стрессе. Тогда Ян решил, что его, как и прочих выживших после Чумы измененных, настигла кара. Их тела и разум умирали быстро даже по человеческим меркам. Галлюцинации не проходили, но Ян смирился и проживал каждый день как последний.

Он всегда был человеком настроения и однажды вышвырнул надоевшего дружка из своей комнаты весьма необычно — того сдуло ветром. Буквально. Сначала Ян думал, что бредит, но истеричные вопли парня доказывали обратное. В тот день Левандовский решил, что вакцина не вернула его назад, а скорее отправила вперед. Он пытался самостоятельно развивать дар, но сдерживать силу и управлять ею не всегда получалось. Тогда Ян решил поискать других измененных с похожей историей. Спустя несколько месяцев на него вышла Мила. Дальше рассказ в точности повторял историю Ромашова — она предлагала помочь и чуть ли не за руку отвести к истокам. Он согласился, а она и впрямь научила его основам.

— Мне никогда не нравились бабы у власти, но Мила в самом деле сильна, — Ян скривился, — лживая зараза.

— Навешала тебе лапши про то, что все, у кого есть способности, — выжившие измененные?

Левандовский кивнул.

— Сказала, что наши порвали Дюпона, так им и достался дневник.

— Кому — им?

— Ей. И Морису.

Похоже, только двое знают правду — загадочный донельзя Морис и сама Мила. Она путалась в показаниях, или, если быть точным, изящно лгала. Если верить Ромашову, люди со способностями друг о друге не знали ничего, а значит, ложь вылезти не могла. Что еще ей известно — помимо того, в чем уже призналась? Зачем она собирает вокруг себя фокусников? Для чего их натаскивает? Или... на кого?

— Представь: сначала мне звонишь ты и говоришь, что тебе нужно укрыться, а потом она. Просит найти одного из наших и называет твое имя. Я немного удивился, но решил сначала спросить у тебя, — Ян указал на него монетой, — что бы там ни говорила твоя красавица, я не собирался тебя подставлять.

— Не сомневаюсь, иначе бы мы не разговаривали. Мила — какая она? Ян выразительно покрутил пальцем у виска.

— Она не остановится, пока не найдет вторую часть.

— А ты?

— Буду держаться рядом, Риган. Я хочу получить ответы.

— Ты можешь поехать со мной.

Тот присвистнул.

— Между Дарианом и Милой я выбираю меньшее зло.

— Уверен?

Левандовский пожал плечами:

— При следующей встрече мы окажемся по разные стороны.

— Жаль.

Риган не ожидал, что выйдет настолько искренне. В мире измененных связи рвались легко и без сожалений, в его личной летописи значилось не так много близких, но Ян умудрился стать одним из них. За несколько коротких встреч, которые стоили десятилетий.

* * *

На Тенерифе опускалось утро, небо начинало светлеть, и звезды растворялись в густой синеве одна за другой. В такси Агнесса успокоилась, расслабленно откинулась на спинку сиденья и смотрела в окно. В предзвездных сумерках повторяющее все изгибы дороги ограждение казалось лентой, очертания гор проступали темными контурами, океан выглядел обманчиво-спокойным. Затишье, в котором они оказались, напоминало глаз урагана,^[2] но сейчас Риган думал о другом. Уварова всеми

силами пыталась сбежать из Эванс-Холла и избавиться от него, но не побоялась написать ему сообщение, когда в двух шагах от нее были ошалевшие от силы Мила и Морис, даже не просила приехать. Она узнала о его прошлом, но согласилась отправиться с ним на Мальту — в логово зверя. Невероятная женщина!

Будто прочитав его мысли, Агнесса повернулась.

— Что?

Риган покачал головой.

— У меня глаза слипаются, а когда я смотрю на тебя, их не хочется закрывать.

Вот теперь она покраснела — даже в полумраке салона это было заметно. Он провел пальцами по ее щеке и вдруг отчетливо понял, что они оба слишком близко подошли к опасному краю. К тому самому, с которого легко соскользнуть в пропасть. Нужно было что-то делать, притом срочно.

— Могу я тебя попросить?

— Конечно, — она тут же стала серьезной.

— Не рассказывай про Яна и Милу.

Агнесса нахмурилась, попыталась пригладить волосы — неосознанный жест, она делала так, когда чувствовала себя неудобно.

— Я знаю, что он поступил по-свински, — Риган сжал ее пальцы, — и пойму, если ты откажешься.

— Я не скажу.

— Спасибо.

Агнесса коротко улыбнулась, осторожно отняла руку и отвернулась к окну, а Риган смотрел на дорогу: пестрая многополосная лента, огни фар, огромный указатель над дорогой. Он бросил быстрый взгляд на Уварову — сейчас она выглядела усталой и одинокой. Что же, огибать утлы опасной близости у него всегда получалось отлично.

Глава 11, в которой Риган пытается бороться с зарождающимися чувствами и обстоятельствами

*Мальта, Республика Мальта.
Октябрь 2014 г.*

Святая святых Дариана. Риган не представлял, что такого в этом микроскопическом острове побудило Древнего сделать его своим местом обитания. Может, он не любил сырость — всем известно, что на Мальте дождей на коленях не выпросишь, — или ему просто нравился здешний колорит. И все же Риган склонялся к тому, что с этим райским местом что-то не так. Возможно, в ход пошла подозрительность, которая при всяком упоминании старикашки-с-секретом гейзером была в небо.

Улыбчивые и привлекательные стюардессы сделали все, чтобы скрасить их воздушное путешествие. Шампанское и фрукты, клубника со льдом, салаты и закуски. Риган оценил и еду, и удобное кресло — спать хотелось невероятно. Сразу после пересадки в Барселоне он отключился и проспал все два часа полета. На этом радости закончились: не успели они получить багаж, как невеста откуда вынырнула Клотильда — редкий дар, присущий подручным Дариана.

Она не изменилась и не изменила любви к деловому стилю. Высокая, с пепельными волосами — крайне редкий естественный оттенок — и холодными светлыми глазами, насмешливый взгляд которых предназначался ему, а располагающая улыбка — Агнессе. Кажется, головомойка откладывалась на неопределенный срок.

— Добро пожаловать на Мальту, — проговорила она на удивление мягко.

В отличие от большинства отмороженных подручных Дариана, Клотильда не носила масок снисходительности и высокомерия, поэтому казалась человечнее. Увы, это была всего лишь видимость. Тем, кто веками топтался по земному шару, страсти большей частью приедались. Некоторым нравилось оставаться людьми, другие давно утратили человечность. Особо приближенные к Дариану — раса внутри расы. Со

временем они становились похожими на него, и разгадать их было невозможно. Впрочем, Риган и не пытался. Он всегда держался в стороне и тесного знакомства ни с кем из коллег не водил.

Агнесса поздоровалась в ответ, а Риган не удержался — весьма целомудренно, но пылко поцеловал связную в щеку, как брат сестру после долгой разлуки.

— Риган, мое терпение не безгранично, — она отстранилась. — Не думай, что ты такой уникальный и твоя сила откроет тебе все двери. В ближайшее столетие каждый из них, — Клотильда обвела взглядом снующих туда-сюда людей, — будет отмечен тем или иным талантом.

«Хорошенькие новости».

— Дариан изобрел вирус сверхспособностей, который поднимет человечков на новый уровень?

— Переставай смотреть фантастику. Ключ? — На Агнессу та сейчас обращала не больше внимания, чем на проходящих мимо.

— Со мной, — буркнул он и показал ей подвеску.

Она усмехнулась и направилась к выходу, предлагая им следовать за ней, а Агнесса сжала его руку.

В белоснежном «Мерседесе» работал кондиционер, хотя вполне хватило бы и Клотильды. Уварова зябко поежилась, Риган набросил ей на плечи пиджак и притянул к себе.

— Приятно, что ты все же решил нанести нам визит. — Связная встретила с ним взглядом в зеркале заднего вида. — Не хотелось бы думать, что для тебя это вынужденные меры.

— Люблю делать женщинам приятно, — хмыкнул он, — ты всего лишь не сказала, что ключик еще выстрелит. В ту пору ты мне много чего не сказала.

Всю дорогу он не мог отделаться от мысли, что знакомый мир исчезает на глазах, как монета лепрекона.^[3] Клотильда говорила не о жалкой горстке выживших измененных, не о вылезшей непонятно из какой задницы расе избранных и не об отдельных личностях с особым геном, которым просто «повезло». Каждый человек на Земле! Такой размах способен выбить почву из-под ног даже у выдавших виды.

Водитель вел мягко и слишком медленно. При желании их можно было обогнать на рабочей технике, если хорошо разогнаться. Риган никогда не понимал людей, которые шикарные тачки используют как детский паровозик для катания. Он уже бывал на Мальте, поэтому сейчас откровенно скучал. Морские виды с одной стороны и каменистые с другой его не вдохновляли. История Острова — всего лишь очередное

напоминание о Вечности. Которая больше ему не принадлежала.

В небольшом дворе, украшенном клумбами, их встретила смуглая черноволосая толстушка по имени Джуна. Женщина неопределенного возраста, невысокая и улыбчивая. Ей спокойно можно было дать как тридцать, так и пятьдесят пять: море и здешний климат творят чудеса. Риган вообще считал, что измерять женщину в годах — пошлость.

— Я прихожу раз в два дня, готовлю и убираюсь, — пояснила она, — так что меню будем составлять заранее, и список продуктов, которые нужно купить, — тоже.

После виллы Яна одноэтажный домик с выкрашенными в белый цвет стенами и увитый кудрями плюща смотрелся на редкость уютным. Агнесса осматривала все без воодушевления: уставшая, сонная и измученная. Риган вдруг вспомнил, что так и не поинтересовался, удалось ли ей поспать в самолете. Она улыбалась и кивала, но чаще всего невпопад. Джуна отправилась в магазин, а он проводил Агнессу в комнату и посоветовал выспаться. Очередной виток ее жизни обещал быть гораздо круче, чем предыдущий. Правда, об этом Риган ей не стал говорить.

* * *

Клотильда устроилась в плетеном кресле в гостиной и, дожидаясь его, постукивала пальцами по подлокотникам. Если бы не деловой костюм и цепкий, жесткий взгляд, она бы выглядела на удивление мило. Сейчас же Кло смотрелась как неудачная ледяная вставка на коллаже залитой солнцем гостиной.

— Твоя девочка в растерянности, — заметила она. — Зачем ты ее привез?

— Надо было бросить ее на съедение? — огрызнулся он.

— Кто она?

— Ты еще не погуглила на тему «украденная подвеска», «переполох в Лондоне» и все такое?

— Эванс, — голос стал еще на тон холоднее, — это ты попросил о помощи.

— Почему ты ничего не сказала мне в Женевилье?

— Потому что ты в порыве чувств попытался бы его раскурочить.

Он не сомневался, что Клотильда попытается на нем отыграть за потерю половины древней побрякушки, но сейчас промазала. Как ни странно, больно не было.

— Я бы не смог.

— Верно, — она жестко улыбнулась и протянула руку.

Риган достал подвеску, и металл обжег ладонь. От пальцев к запястью расходилось легкое покалывание, кисть начинала неметь. Он невольно вспомнил ощущения Лорин: «Брр, мерзость!» — и поспешно вручил вещицу Клотильде. Даже в прошлом измененного он никогда не испытывал такого рядом с металлом Дюпона.

«Только рядом с Дарианом».

Ошарашенный этой мыслью, Риган замер, а связная убрала «мерзость» в карман и пристально посмотрела на него.

— Он хочет тебя видеть. Завтра днем.

Завтра? И на том спасибо. Есть время прийти в себя перед встречей с ходячей мумией.

Клотильда будто мысли его читала, она нахмурилась, а губы ее сжались, превратив и без того узкий рот в тонкую линию.

— Рассказывай, Эванс. Про свою девочку, про тех, кто усложняет тебе жизнь, и все остальное.

Пришлось снова повторять старую историю про Уварову, про Милу и ее друзей, про светящиеся линии и неожиданное появление Агнессы. Когда Риган дошел до конца, он уже не сомневался, что скоро начнет проговаривать все это во сне наизусть. Клотильда слушала и изредка делала пометки в планшете. Не успел он договорить, как она поднялась и направилась к дверям.

— Эй! Ты ничего не забыла?

Она вопросительно изогнула бровь.

— Ответы. Что за фигня творится? Откуда выползли способности? Откуда взялся второй Город?

— Завтра узнаешь. Он расскажет все, что сочтет нужным.

«Ну кто бы сомневался!»

Клотильда ушла, а встреча с Древним маячила в отдаленном завтра, поэтому Риган разобрал сумку, принял душ и вышел на улицу. Джуна, поливая цветы и деревья, помахала ему, Риган отсалютовал ей и направился к дороге. Две-три улицы, несколько домов — здесь уже город, да и самой Мальты всего ничего, пешком обойти можно. Тем не менее на ней сосредоточилась история в первозданном виде, а самые разные народы с завидным постоянством пытались присвоить ее себе — как в Древности, так и сравнительно недавно. Что же в ней такого особенного?

Стоя на обочине, Риган смотрел на залитое солнцем море, и на душе у него было беспокойно. Самовнушение, такое самовнушение, но стоило

сунуть руку в карман, металл подделки снова полоснул льдом. Он разжал ладонь и тряхнул рукой, чтобы избавиться от неприятного ощущения.

Когда Риган вернулся в дом, Агнесса еще спала сном младенца, поэтому он отправился к себе и включил ноутбук. Новостные ленты пестрели «добрыми» вестями и шелухой: политика, вооруженные столкновения, вирус Эбола, курсы валют, назревающий экономический кризис. Чтобы не терять времени даром, Риган открыл почту. Он и так надолго отошел от дел. Отчеты от генеральных менеджеров всегда действовали как отменное снотворное — по крайней мере, зевать над ними он начал сразу. Риган потихоньку сполз вниз по подушкам: решил, что так будет удобнее просматривать документы. И проснулся от того, что Агнесса гладила его по волосам.

Риган открыл глаза и, невольно улыбнувшись, мягко перехватил ее запястье. Девушка замерла. Вид у нее стал такой, словно он застукал ее на месте преступления. Изумленный и растерянный, как у ребенка, который таскал сладости без спроса.

— Давно ты здесь, Агнесса?

— Недолго. — Руку она так и не убрала, продолжая перебирать его волосы. — Прости, мне не стоило тебя будить. Как ты?

Он впервые назвал ее полным именем, а она смотрела на него слишком откровенно. Так не смотрят на случайных любовников и даже на постоянных, с которыми просто привычно жить под одной крышей. Ему доводилось видеть в глазах женщин всякое: от пылкой влюбленности и искреннего интереса до равнодушной снисходительности, но только не такое. Если женщина приходит к мужчине, когда он спит, и перебирает его волосы — это уже красный свет.

Ему отчаянно хотелось притянуть Агнессу к себе и долго и упоительно целовать. С той откровенной нежностью, на которую, казалось, он уже не способен. От осознания этого Ригана весьма ощутимо передернуло.

— Пока что еще не понял, — хмыкнул он, усаживаясь на кровати, а потом взъерошил и без того растрепанные волосы, словно стирая следы ее прикосновений.

Ригану определенно не нравилось, что он постоянно думает о том, как она себя чувствует, и еще больше — что заморачивается по поводу ее взглядов и внезапных визитов.

Агнесса будто почувствовала его настроение, коротко улыбнулась и сделала вид, что изучает панно. Риган накрыл ее руки ладонью и легко сжал, а она потянулась к нему и приникла к губам: мягкая, податливая, готовая на все. Он не выдержал — опрокинул ее на кровать, склоняясь над

ней, целуя отчаянно и проникновенно. Необъяснимая, нереальная нежность к этой женщине грозила окончательно сместить плотину равнодушия и цинизма, разметать возведенные им стены, за которыми, кроме призраков прошлого, пепла и тлена, не осталось ничего.

Ему хотелось прижиматься к ней, зарываться лицом в волосы, шептать: «Девочка моя», — и растворяться в разделенном на двоих, бесконечном, жарком желании. Желание. Он зацепился за него как за единственное спасение, потому что в нем не было ничего непривычного. На каждую ласку она отзывалась всем телом: подаваясь к нему, выгибаясь и кусая губы.

Опасная грань недопустимой близости заводила еще больше. Нежность сменилась страстью, прикосновения обжигали. Агнесса зарывалась руками в его волосы, цеплялась за плечи, царапала спину. Ее стоны срывались на крики, и эта запредельная откровенность сводила его с ума. Они не могли насытиться друг другом. На пределе невыносимого наслаждения Риган встретился с ней взглядом. Глаза Агнессы потемнели, она всхлипнула и задрожала, сжимаясь, и его накрыло оргазмом — ярким и будоражающим, когда все тело превращается в оголенный нерв.

Он молча смотрел на нее, отмечая налипшие на шею пряди волос и ямочки на щеках, соблазнительные изгибы, улыбку, которая озарила светом всю комнату.

— Хочешь есть? — Риган провел пальцами по ее припухшим губам.

Вопрос застал Агнессу врасплох, ее глаза расширились от удивления, которое тут же сменилось весельем. Она игриво укусила его за палец и счастливо рассмеялась.

— Очень.

* * *

Ужинали они в небольшом кафе на набережной в Сент-Джулианс, а после гуляли по побережью. Огни города с одной стороны, с другой — переливающаяся гладь морской воды. Песок приятно охлаждал ступни, все мысли развеялись на ветру.

— Здесь тоже хорошо... — Она первой нарушила затянувшееся молчание, взяла Ригана за руку и встретила его взгляд. Сейчас Агнесса выглядела особенно счастливой, словно сияла изнутри. — Я начинаю привыкать к теплу и пляжам.

— К хорошему быстро привыкаешь. Ты когда-нибудь думала о том,

чтобы жить где-нибудь, кроме Лондона?

— Нет, — ее голос немного дрогнул, выдавая волнение. — Но я не такая домашняя, как кажется на первый взгляд.

— А я думал, — признался он, — с детства грезил другими городами и странами. Тогда я не представлял, что так намотаюсь по миру, что когда-нибудь дом станет для меня всего лишь иллюзией. Того, что есть куда вернуться.

Могло показаться, что он хочет вернуться в Эванс-Холл и жить как прежде. Вот только поместье, которое он воссоздал на обгоревших развалинах, и люди, которые мелькали на его жизненном пути, тоже были всего-навсего иллюзией. Все, кроме Джонатана и Лорин. Хотя с Конфеткой его связывали отнюдь не целомудренные и даже не дружеские отношения, Риган мог сказать, что никогда не считал ее проходной девицей из своих многочисленных приключений. Оставался еще Ян, но думать о нем сейчас было нелегко.

— Для меня дом там, где родные, — Агнесса эхом отразила его мысли. — Мне достаточно знать, что они просто есть, что у них все хорошо. Однажды мне уже пришлось переехать, и было нелегко. В Лондоне не хуже, чем в Москве, просто по-другому. Иногда мне снилось, что я все еще в России. Я подходила к окну и видела уютный двор и панельную девятиэтажку напротив. Старика, который делал гимнастику у качелей. Каждое утро, даже зимой. Когда я просыпалась, накатывала тоска, но потом я обнимала отца, маму и братьев, и сразу становилось легче.

— Поразительно, — он понял, что подумал вслух, поэтому поспешно добавил: — Что насчет сестры? Вы с ней больше, чем просто родня?

Агнесса тепло улыбнулась.

— У меня двое братьев, у Риты — трое. Подруги остались в Москве, а мы были единственными девочками в царстве мужчин, поэтому и подружились. — Агнесса понизила голос, словно хотела посвятить его в тайну. — Рита всегда была заводилой, а меня считала занудой и старалась растормошить. Но я все-таки ее переплюнула!

Риган улыбнулся.

— Вы бы нашли общий язык... — Агнесса вдруг стала серьезной. — Надеюсь, что когда-нибудь увижу их всех.

«Увидишь», — подумал он, притянул ее к себе и увлек к морю, к самой кромке воды.

Агнесса говорила о родных, ее глаза сияли, а в голосе не было горечи. Семейство Уваровых объединило действительно близких людей. Ее дядя и отец — близнецы — пытались построить свой бизнес в России, но не

получилось. Тогда им и пришлось уехать. Первое время приходилось нелегко, две большие семьи ютились в маленькой квартире на окраине Лондона. Позже появились и новые знакомые, и разные интересы, но она по-прежнему обожала Новый год и семейные праздники — ведь именно тогда получалось собрать всех вместе. Каждую неделю она выбиралась к родителям: ей нравилось помогать матери в саду или гулять с отцом по парку и кормить уток, как в детстве. С Ритой они встречались еще чаще. Кузены и братья были давно женаты и больше общались между собой, а к младшим сестрам относились со своей теплотой.

Агнессе не приходилось надолго уезжать от родных, короткие командировки не в счет. Училась она тоже в Лондоне. Другая «не такая домашняя» давно бы скатилась в беспробудную депрессию или пустилась во все тяжкие, а она шла по пляжу рядом с ним, сияя от счастья. Она рассказывала о своей жизни в Москве, о старой квартире возле станции метро «Коломенская», о дразнилках в школе из-за вычурного имени. О том, как пыталась спасти выброшенную кем-то из окна фиалку и как плакала, когда она засохла.

Чем больше он ее узнавал, тем больше понимал, сколько силы сокрыто в этой маленькой отважной женщине. Силы глубокой и истинно женской, которая позволяла держаться даже в самых безнадежных ситуациях. Агнесса в одиночку отправилась на встречу в парке — выручать рыжего, хотя могла позвонить в полицию, трясаясь от страха.

Он мало говорил и много слушал, но все-таки рассказал и о себе. Пришлось опустить кое-какие детали, но в целом Риган душой не покривил. Отношения с отцом у него не сложились: самодовольный и жесткий, лорд Эванс относился к сыну как к существу низшего сорта. Леди Эванс никогда особо не пыталась восполнить недостаток родительской любви, помимо прочего, она была слаба здоровьем и не задержалась в этом мире.

Первое время он изо всех сил старался быть хорошим сыном, но отклика в сердце отца его попытки не находили. О том, что произошло на самом деле, Риган случайно узнал во время семейной ссоры. Его настоящая мать, ирландка Лайл Хэйс, работала горничной в Эванс-Холле и забеременела, когда папаша ее изнасиловал. Неудивительно, что он обратил на нее внимание: яркая, рыжая и веселая, она походила на солнышко, все слуги вспоминали ее с теплом. С законной женой сделать наследника не получалось, поэтому Ригана оставили «при дворе», а Лайл вышвырнули на улицу.

К сожалению, он узнал обо всем слишком поздно — к тому времени

мать уже умерла в борделе от чахотки. Папаша до последнего припоминал его происхождение, и, хотя за пределы Эванс-Холла ничего не выходило, легче не становилось. Риган корил себя за то, что косвенно послужил причиной гибели Лайл, а человека, давшего ему свое имя, ненавидел еще долгие годы.

* * *

Домой они вернулись за полночь, уставшие, но довольные. Этот вечер сократил расстояние между ними, и Риган знал, что дальше нельзя. Еще он знал, что хотел бы сегодня заснуть рядом с ней, но это было уже лишнее, поэтому перед дверью комнаты просто поцеловал Агнессу и пожелал доброй ночи.

— Спасибо за потрясающий вечер, — она улыбнулась, но глаза ее уже не сияли. Агнесса все прекрасно понимала и тоже считала, что лучше остановиться сейчас.

Риган заснул не сразу, он впервые за долгие годы серьезно думал об Ив. Так ее называл отец, и она привыкла, а имя Эва отошло в тень. Риган никогда раньше не разбирал свое чувство к ней, боясь вытаскивать его из-под руин, пепла и золы. А вот сегодня остановиться не смог. Ив с самого начала знала о его истинной сути. Знала, но оставалась рядом. Он стал для нее очередной загадкой, которые она так любила. Чем-то непостижимым, за гранью понимания обычного человека, и от этого еще более притягательным.

Что он в ней нашел? Храбрость, граничащую с безрассудством, отчаянную жажду приключений и страсть ко всему неизведанному и опасному, любовь. Сейчас он точно мог сказать, что любил ее и это было взаимно. Она думала, что справится, но вышло иначе. Рядом с Риганом ей открылась одна сторона зверя, но потом Ив очутилась в самом сердце кровавой бойни. Она видела, как измененные разрывают людей на части, видела кровь, льющуюся рекой. Долгие годы он винил в ее смерти Дариана, в глубине души понимая, что в первую очередь не может простить себя. За то, что не уберег.

Риган узнал, что Ив не погибла в Городе, спустя шестьдесят лет. То, что она увидела ночью, во время бойни под Ираклионом, перевернуло ее жизнь. Она захотела оказаться как можно дальше от приключений и тем более от теневого мира, сбежала и спряталась в Бельгии — Тома подарил воспитаннице новую жизнь и другое имя, чтобы измененные не сумели до

нее добратся. Она прожила самую обычную жизнь, вышла замуж, родила детей и умерла от старости в тысяча девятьсот семьдесят пятом году.

Ее внучка, Аннабель Рени, привезла Ригану письмо уже после ее смерти. Он сжимал листы, исписанные ее красивым почерком, и чувствовал, как по венам струилась отрава застарелой боли. Казалось бы, с годами горечь утраты притупилась, но в тот вечер все, что он похоронил в себе и не сумел отпустить, поднялось и захлестнуло его с головой, бессильная злоба и отчаяние сводили с ума. Напиши она на год раньше, он мог бы ее спасти. Изменение в любом возрасте оборачивало старение вспять, но Ив выбрала привычный мир людей. Риган остался для нее чудовищем — из тех, которыми пугают на ночь шаловливых детишек. Он сорвал с шеи ключ, который носил как память о ней, и одну часть отдал Аннабель. Вторую спрятал подальше и на долгие годы забыл о ней. Ему было все равно, что станет с проклятой штуковиной. Он надеялся, что она сгинет и растворится в пространстве и он никогда больше не услышит ни о ней, ни о семействе Рени-Ламбер.

Жгучая желчь злобы на Ив отступила не сразу. Риган принял ее выбор — прекрасную светлую жизнь вдали ото всего, что казалось мерзким и чудовищным, — но не мог оправдать то, что она позволила ему сгорать в погребальной агонии. Год за годом.

Они с Ив изначально принадлежали к разным мирам. Ее влекли опасность и неизвестность, а он был опасен. Ее манило непознанное — Риган мог раскрыть многое из того, что людям неизвестно. Она хотела путешествовать и изучать старые цивилизации, а он положил бы к ее ногам весь мир. Но Ив не хотела ничего сверх этого. Ее жизнь — жизнь обычной женщины, человека, не способна была вместить кровь и грязь, которые ко всему этому прилагались. Она испугалась, шагнула назад, поступив глупо и жестоко. И после совершила вторую ошибку, когда отправила ему письмо. Ив попыталась объяснить, рассказать о своих чувствах и о том, что толкнуло ее на такой шаг, но сделала только хуже, потому что ему пришлось хоронить ее дважды. Она оправдалась и простила себя перед смертью, а он остался с этим жить.

В начале двадцатого века Риган нередко приходил в себя на пустой могиле в Женвилье. Накачавшийся мутной дрянью, именуемой алкоголем, под самую завязку, когда даже организму измененного требовалось время, чтобы вывести эту гадость, ошалевший и мертвый до глубины души. Но он ни разу не был там, где на самом деле похоронили Ив, в Бельгии. Пустота, спасавшая все эти годы, больше не работала. Риган почувствовал, что ему не хватает воздуха, и непроизвольно сжал в руке подделку. Копию

подвески, что Ив носила на шее.

Покалывание снова потекло по пальцам, но он не разжимал ладонь. Боль взбиралась по запястью, холодом обвивала предплечье, а он стоял у раскрытого настежь окна, глядя во двор. Ветер запутался в плюще и негромко шуршал листьями, сквозь стрекот насекомых и пение ночных птиц слышался гулкий шум моря.

Ив была сиротой, а Агнесса постоянно вспоминала родных и близких. Ив согласилась пойти с ним, и Агнесса тоже. Ив считала себя авантюристкой и любительницей приключений, но все же выбрала спокойную жизнь. Что выберет домашняя девочка Агнесса? Ответ очевиден. Ему самому отчаянно хотелось оградить ее ото всей дряни теневого мира. Увы, это значило только одно: ему нужно оградить ее от себя.

* * *

Кто-то с силой тряс его за плечо. Риган с трудом разлепил веки и увидел стоящую над ним Агнессу. К счастью, вчера ночью он опустил жалюзи, и солнечный свет был разбросан у окна тонкими полосками, а не заливал комнату режущим глаза сиянием.

— Эванс, просыпайся! — Взволнованный голос Уваровой и беспокойство в ее глазах прогнали остатки сна. — Клотильда приехала. Нам пора!

Она выбежала за дверь раньше, чем он успел ответить.

«Нам?!»

Вот уж точно, добрым это утро назвать было нельзя, и даже утром — весьма относительно. После ночных бдений он сам не заметил, как проспал до обеда. Недолго думая, Риган завернулся в простыню и вышел в гостиную, где Клотильда прохаживалась взад и вперед с независимым видом.

— Кло, так мы не договаривались. Я и сам могу доходчиво объяснить ей все, что потребуется. Зачем тащить девчонку к Дариану?

— Обо всем, что тебя волнует, можешь спросить у него.

— А другой ответ в твоей программе записан?

По непроницаемому взгляду Клотильды стало понятно, что большего он не добьется. Риган нахмурился, но промолчал. Зачем им понадобилась Агнесса, останется тайной. По крайней мере, пока он не встретится с чудоископаемым по имени Дариан.

— Советую одеться прилично, — бросили ему в спину, но в кои-то веки он не ответил на издевку. Не то было настроение.

Спустя полчаса они уже ехали на встречу. Агнесса сидела напряженная, натянутая как струна, она сжимала его руку, но ни о чем не спрашивала. Сам Риган был не настроен болтать, но все-таки наклонился к ее уху и едва слышно произнес:

— Боишься? Я тоже боюсь.

Это сработало, ее оцепенение отступило. Агнесса изумленно посмотрела на него, коротко рассмеялась и так же тихо ответила:

— Я надеюсь, что ты шутишь. Потому что все невыносимо загадочно. Меня радует, что нам не завязали глаза и не заставили ехать в багажнике.

— Собирались, — совершенно серьезно отозвался Риган, — но я сказал, что меня укачивает. А еще я боюсь темноты.

Агнесса бросила на Ригана быстрый взгляд — в расширенных глазах испуг сменился удивлением, засияли озорные смешинки. Она ничего не сказала, но ощутимо расслабилась и откинулась на спинку сиденья. Дальнейшая дорога прошла в молчании, но на заднем сиденье все же было ощутимо теплее, чем впереди.

Они проехали Валетту, и Агнесса с искренним любопытством вглядывалась в окно, как будто видела в древних и не очень каменюках нечто, заметное только ей. Ближе к Дингли местность становилась более яркой: появилось больше зелени, вдали гордо вскинулись утесы. От вида стремительно низвергающегося с высоты в море камня захватывало дух. Свернув с основной дороги, водитель сбросил скорость. Роскошная белокаменная вилла была видна издалека. Она напоминала перестроенный дворец или замок, и, несмотря на современные мотивы, стилизация под старину придавала ей величественный вид. Риган подозревал, что дело не только в талантах архитектора, потому как Главная Старина сейчас прохаживалась по комнатам или гордо восседала на золотом стуле в своем золотом кабинете, но все равно не мог избавиться от ощущения древней, ворочающейся под каждым камнем силы.

Встречал их незнакомый высокий и темноволосый хмырь в светлом костюме. Он придержал дверь сначала для Клотильды, затем для Агнессы. И сразу не понравился Ригану. Холеный до кончиков ногтей тип не сливался с окружающей обстановкой роскоши только благодаря разбросанным тут и там островкам густой ухоженной зелени.

— Добрый день, мисс Уварова. Меня зовут Сэм Шеппард. Я вас провожу. — Он предложил ей руку, но последние его слова сложно было расслышать, потому что Риган громко хлопнул дверцей и от души

высморкался.

— Проклятая аллергия, — пояснил он и пожал плечами. — У меня какая-то гадость под окнами зацвела.

Агнесса вопросительно посмотрела на Ригана. Она не приняла руки Шеппарда и не выглядела как овечка или трепетная лань, которая согласна добровольно идти на заклятие. Подобралась, готовая ко всему, бросила на своего провожатого спокойный, но настороженный взгляд. Риган поднял большой палец и кивнул, перед тем как впиться в ее губы глубоким, откровенным поцелуем.

— Увидимся, — прошептал он.

* * *

Стук каблучков Клотильды эхом рикошетил от стен. Они прошли по коридорам — пустынным, просторным и таким длинным, что там можно было устраивать марафонские забеги, пока наконец не оказались перед дверью кабинета. За время их путешествия Риган не увидел ни одного охранника. Как будто здесь просто не могло произойти ничего из ряда вон. Или же и в самом деле не могло? Неужели в этом мире нет ничего или почти ничего, чего бы Дариан боялся? Кто он, мать его, такой? Или что?

Ригану вспомнилась звездная ночь, рукопожатие Древнего, и ему отчаянно захотелось оказаться как можно дальше отсюда, в каком-нибудь укромном уголке. Пусть даже рядом с Милой, знающей, что он лично убил Ромашова. Кстати, о ней. По сети Дариана наверняка на нее уже вышли или близки к тому.

— Есть новости о Миле?

— Она больше не твоя забота. — Клотильда резко остановилась возле двери и повернула ручку. — Вперед.

Ему не оставалось ничего иного как войти.

Дариан что-то просматривал на своем белоснежном ноутбуке. О страсти Древнего к белому Риган знал не понаслышке, вот и сейчас он оказался в царстве света. Просторный кабинет был выполнен в пастельных тонах, исключение составляла разве что темная ореховая мебель: массивный стол, стулья, стеллажи с книгами, диван, журнальный столик. Риган отметил поднос с чашками, дымящийся чайник и кофейник, но тут внимание привлекла картина на стене, выделяющаяся на фоне всего этого благолепия странным пятном. Шторм. Черные волны переворачивали суда, размалывали их в щепки и стирали с бурлящей воды — один за другим.

Алыми всполохами мелькали красные флаги с разломанных мачт.

Со стороны могло показаться, что он на обычной деловой встрече, а за столом — современный бизнесмен, который занят своими делами. Стоило Дариану поднять глаза, как в груди Ригана раскрылся давящий ледяной цветок страха. Оковы этого чувства оказались куда крепче любых цепей. Внутренний зверь бился в силках, а Риган смотрел на Древнего, не в силах отвести взгляд. Наваждение тот разрушил сам — поднялся из-за стола и шагнул навстречу. Риган и сам не понял, как пожал ему руку и устроился в предложенном кресле.

— Чай или кофе? — Дариан кивнул на посуду. — Вас все устраивает в доме, который вам предоставили?

«Виски. Двойной», — хотел сказать Риган.

Когдаходишь в кабинет к такому существу, кажется, что оно с порога изречет нечто глубокомысленно-философское или выкинет такое, после чего пару суток будешь заикаться, но с Дарианом все переворачивалось с ног на голову. Весь его образ держался на контрастах: белое и непостижимая внутренняя тьма, теплая улыбка — человеческий слепок с того, кто давно уже не был человеком, — и холод бездны. Неудивительно, что в обожаемом им цвете заложен смысл истинного Абсолюта.

— Чай. Меня устраивает все, кроме неизвестности, — хмуро отозвался он. Рядом с Древним все маски Ригана сползли, и он при всем желании не мог настроиться на нужную волну циничного паяца.

— С этим мы разберемся быстро, — Дариан широко улыбнулся, наливая ему чай. — Клотильда рассказала о вашей силе.

Риган приподнял брови.

— О том, что я вижу странные завитушки вместо обычного мира?

— О способности создавать иллюзии.

Иногда крайне предусмотрительно садиться сразу. Рядом с Дарианом так точно. Чтобы прийти в себя, Риган перевел взгляд на картину, но вместо шторма увидел странный черный цветок. Мачты обернулись острыми, изрезанными лепестками, алые всполохи флагов — кровавыми прожилками, а пена волн — светом, пробивающимся из тьмы. Он замер, не в силах оторваться от созерцания этой странной перемены. В кабинете все окна были плотно закрыты, работал кондиционер, и, хотя Риган никогда не относил себя к тепличным растениям, сейчас он будто оказался на Южном полюсе в одних трусах, а на него со всех сторон пялились голодные пингвины.

— Одна из самых первых оптических иллюзий. — Голос Дариана выдернул из оцепенения. — Нравится?

— Страшно.

— Замечательно.

Понять, было ли у ответа Древнего двойное дно, не представлялось возможным. Риган пристально посмотрел на него и запил беседу крепким черным чаем. Они виделись не так уж часто, но сейчас ему почему-то показалось, что Дариан выглядит старше. То ли дело было в морщинах, собравшихся в уголках глаз, когда тот улыбнулся, то ли в странной, неестественной для него бледности: обычно белые одежды контрастом оттеняли смуглую кожу.

— Вернемся к иллюзиям, Риган. — Спокойный голос Дариана ударил с силой трехтонного молота. — Они вам пригодятся, чтобы открыть Город.

Глава 12, в которой Агнесса узнает много нового о мире, о себе и о старых знакомых Ригана

Увидев Шеппарда, Ритка пожалела бы о том, что поспешила замуж, — настолько тот был хорош и во вкусе кухни. Рядом с ним Агнесса, которая никогда не жаловалась на рост, почувствовала себя коротышкой. Мягкий взгляд его карих глаз лучился добротой и вниманием, а улыбка не оставляла равнодушной — и она улыбнулась в ответ.

— Вам нравится Мальта? — Вопрос оказался неожиданным. Она предполагала, что их беседа начнется с разговора о том, что от нее нужно, или с каких-нибудь психологических штучек, вроде промывки мозгов.

Риган рассказал о своем прошлом, а то, что творили Мила, Ян и Александр, до сих пор не укладывалось в голове. Чем больше Агнесса думала об этом, тем страшнее ей становилось, но только не рядом с Шеппардом: Сэм излучал уверенность, спокойствие и силу. Не откровенный и обескураживающий напор, которого она ожидала, а надежность. Рита всегда говорила, что за такими парнями как за каменной стеной.

— Сложно сказать. Я не успела ничего посмотреть. — Агнесса впервые была в этом крошечном средиземноморском государстве, но виды ей понравились. Нравилась и атмосфера неторопливости, благоденствия и уюта. То ли в ней самой что-то изменилось, то ли дело было в Мальте, но здесь она чувствовала себя гораздо спокойнее, чем на Тенерифе.

— Это поправимо.

Они обогнули дом и вышли в сад. От открывшейся картины захватывало дух. Размах был понятен и раньше, но то, что она увидела сейчас, поразило до глубины души. Дорожки, выложенные камнем, уходили вдаль и терялись в густой зелени. Можно было только догадываться о том, какую территорию занимает вилла на самом деле. Резные скамейки полукругом расположились у большого белого фонтана, в котором плавали разноцветные рыбки. И только высокие белокаменные стены отрезвляли, замыкая это подобие рая на земле в жесткие рамки закрытого мира для избранных.

Агнесса сбросила наваждение и огляделась, а Шеппард тем временем кивнул в сторону одной из беседок чуть поодаль.

— Нам придется немного подождать.

На столике обнаружилась прохладная вода в запотевшем графине, лимонад и два бокала. Агнесса устроилась на деревянной скамье, Сэм сел напротив.

— Спрашивайте все, что хотите.

— Боюсь, я не выдержу правды, — попыталась отшутиться она.

Получить ответы на все вопросы было заманчиво, но что она станет делать с новыми знаниями? Сможет ли жить в мире, который для нее изменится окончательно и бесповоротно?

— Она не так страшна, как кажется, — Сэм подчеркнул последнее слово, облокотился на столик и заглянул ей в глаза. — Воды или лимонада?

Она настолько опешила, что не сразу нашлась с ответом. Шеппард казался серьезным, но в глубине его глаз искрилось веселье. Он на удивление тонко подхватил ее тон.

— Воды, пожалуйста.

Агнесса взяла бокал, сделала большой глоток и едва не поперхнулась. Скрыть волнение было сложно, поэтому она сцепила руки перед собой, закусила губу и опустила глаза.

— Почему я здесь?

— Вас втянули в необычную историю. Теперь вы не сможете забыть то, что увидели, даже если захотите.

Риган наверняка рассказал про Ромашова, но про Яна и Милу умолчал. Ей стоит быть осторожнее, чтобы не наговорить лишнего.

— Я нужна как свидетель?

Сэм покачал головой.

— Начну сначала. Наш мир не всегда был таким, каким мы его знаем, но обычным людям известно и того меньше. Те, кто жил в прошлом, уничтожили все упоминания о себе.

— Измененные?

— Нет, я говорю о людях. О Великой цивилизации, которую они сами и погубили. Ее расцвет произошел задолго до возникновения Древнего Египта и Древней Греции. Много тысячелетий назад люди знали гораздо больше о природе, использовали ее энергии. Сейчас их называли бы магами.

Принять это оказалось сложно, но еще сложнее — отречься от того, что с ней произошло. Поэтому Агнесса невольно потянулась к стакану с водой. Изобретение автомобиля или ракеты тоже можно назвать магией, но

то, что умели люди древности, поистине было удивительным и необыкновенным. Они жили значительно дольше — не менее двухсот лет. Использовать силу планеты мог любой человек, но каждый делал это по-своему. Кто-то управлял стихиями, кто-то занимался наукой — создавал заклинания, зелья и снадобья, способные как спасти, так и погубить. Сила была врожденной, и каждый с детства знал, какой пойдет дорогой. К сожалению, это не спасало от войн. Древние строили свои города там, где энергию было проще получить — в местах, насыщенных силой. Одни воевали за эти земли, другие пытались открыть новые источники. Ученым древности пришлось в голову разорвать пространство, чтобы использовать энергию других миров, параллельных измерений. У них это получилось, но ничего хорошего планете и людям не принесло.

Энергия, которую они получили, не подходила людям, использовать ее было нельзя. Вместе с ней из разрыва пришло нечто опасное... и живое. Бестелесные сущности захватывали тела людей и животных, подчиняя их разум, потому что только так могли выжить в чужом для них мире. Человек становился сверхсуществом: сильным, выносливым, безумным и потому беспощадным. Паразит убивал мага, но до того тот уничтожал все живое на своем пути.

Человечество прекратило войны и объединило силы, чтобы закрыть Разлом, но оказалось, что это не так просто. Он не подчинялся ни законам, ни энергиям нашего мира, вытягивая силу из всего живого, что к нему приближалось. Магов в те годы погибло больше, чем за все междоусобные войны. Они не сразу поняли, что паразиты — не самая страшная опасность. В наш мир просачивалась пустая бесполезная сила, а родные энергии утекали в Разлом. Маги уже не были настолько могущественны, как раньше, земные источники угасали.

Со временем планета сама нашла способ себя защитить. Породы возле пространственной трещины стали меняться, в них появился металл, который не позволял потусторонней энергии слишком быстро проникать в мир, а нашей — полностью уходить. Металл оказался губительным для сущностей, пришедших извне: он ослаблял их, с его помощью можно было убить носителя, тем самым уничтожив паразита. Человечество праздновало победу, впервые появилась надежда на то, что сама Земля закроет Разлом. Но оказалось, что удивительный металл действует и на магов — он отнимал у них силы.

Отныне каждый желал получить кусок вещества, который даст ему власть над остальными. Чем больше чистого металла — тем больше могущества. Люди стали добывать и продавать его, за неиссякаемый

источник разгорелась последняя кровопролитная война. Природа же, стараясь сохранить утекающую энергию, отыгралась на них самих: все чаще люди переставали чувствовать магию, а некоторые дети даже рождались пустыми, без способностей. Спустя несколько столетий магов почти не осталось. Они поняли, что упустили последнюю возможность на спасение. Единственным выходом было научиться жить без магии: не используя силу Земли, они могли продлить жизнь планеты, которая продолжала сражаться с Разломом.

Последние маги стерли все упоминания о своей цивилизации. Общими усилиями они создали защиту для источника металла — построили Мертвый город, из которого паразитам было не вырваться, а обычному человеку — не попасть внутрь. Они собрали огромную библиотеку и спрятали ее там, чтобы после закрытия пространственной трещины человечество могло использовать их знания.

Выжившие разбрелись по континентам, чтобы построить будущее на руинах. Люди лишились не только способностей и знаний, но и памяти. Если первое время из поколения в поколение еще передавались воспоминания о былом, то позже они стерлись окончательно. Сила природы для людей стала пугающей, разрушительной и враждебной. Они больше не чувствовали энергии планеты, не понимали, что медленно слабеют вместе с ней. Стихийные бедствия и болезни теперь невозможно было предотвратить, люди жили очень мало и угасали — кто от болезней, кто от ранней старческой немощи.

Агнесса всегда была реалисткой, но сейчас открывала и закрывала рот, как рыба, выброшенная на берег. Сэм оказался удивительным рассказчиком, ей даже в голову не пришло его перебить или в чем-то усомниться. Но кое-что точно в истории не сходилось. Она сама видела магов в действии. До сих пор помнила, как вода из бассейна замкнула Яна в кокон и как порывы ветра сжимали ее саму, словно в тисках, да и во что превратился кабинет Ригана — тоже.

— Что же я видела в Эванс-Холле?

Сэм улыбнулся и налил себе лимонад.

— Два года назад Разлом наконец-то закрыли.

Агнесса подалась вперед и бессознательно подставила ему свой бокал.

— Некоторые древние считали, что Земля не только проживет долго, но и сможет справиться с разрывом между мирами. Рана заживет, и все вернется на круги своя: у людей снова начнут просыпаться способности. Поэтому один из них остался, чтобы следить за Разломом и человечеством. Его зовут Дариан.

— Следить... Тысячи лет? — Вот в это было сложно поверить.

— Да, — подтвердил Сэм. — Именно благодаря ему мы узнали про Древнюю цивилизацию и смогли отыскать другие доказательства ее существования.

По ее спине даже мурашки побежали. Подвеска — ключ к Мертвому городу. Тому самому! Только сейчас Агнесса начинала понимать, что все это по-настоящему.

— Вы скрываете эти доказательства?

— И да, и нет. В истории человечества достаточно белых пятен. Атлантида, Гиперборея — лишь легенды, но люди рассказывают о них. Некоторые сооружения вовсе не спрячешь, как ни старайся. Только на Мальте несколько мегалитических храмов, появление которых современные археологи так толком не смогли объяснить. — Сэм улыбнулся и добавил: — Посетите их обязательно, это удивительные места.

История древности была интересной, но что изменилось за два года?

— Если трещина между мирами закрыта, почему никто этого не почувствовал?

— Вы успели познакомиться с одним из тех, кто почувствовал, но даже его сила — всего лишь отголосок могущества древних. Остальные пока еще слабы, они не ощутили даже закрытия Разлома. Пройдет не одно столетие, прежде чем планета полностью восстановится и прежде чем перестроится человеческое восприятие, и тогда каждый из нас снова сможет чувствовать энергии и природу.

Она заметила, что вертит в руках пустой бокал, и отставила его в сторону.

— Агнесса... — Она подняла голову и встретила с ним взглядом. — Мы хотим узнать, обладаете ли вы каким-либо даром.

Теперь она понимала, почему Шеппард зашел издалека. В голове еще не уложилась история Древней цивилизации, а уже такие подробности о ней самой... Даже не выходило представить, что она может подчинять себе ветер или воду.

— Вы будете разочарованы. Никаким телекинезом или телепатией я не обладаю. Или как это все называть? Я не чувствую никаких энергий.

— Пока не почувствуете.

Он хотел добавить что-то еще, но не успел, в беседку заглянул светловолосый мужчина.

— Добрый день, Сильвен, — тон Сэма стал прохладнее.

Сильвен скользнул взглядом серо-зеленых глаз по Агнессе, и ее бросило в холодный пот. Она напряглась и вжалась в стену, с трудом

подавив желание подтянуть под себя ноги, будто в беседку заползла змея. По лицу блондина было сложно понять, что он думает, но еще больше Агнессу зацепило то, что на приветствие Шеппарда он не ответил. В росте он проигрывал Сэму, а внешне напоминал ангела: точеные черты лица, отрешенный взгляд существа, которому все равно — карать или миловать. Светлый костюм только подчеркивал сходство.

Сильвен протянул руку. Едва коснувшись его пальцев, она испытала странное облегчение. Немного закружилась голова, по телу разлилось приятное тепло. Беспокойство испарилось, новый знакомый больше не вызывал неприязни. Всего на мгновение ей показалось, что во взгляде блондина промелькнуло изумление, которое быстро стерла улыбка. Она украсила его лицо, наполнила жизнью.

— Какой у вас дар?

Почему она не спросила этого у Сэма, с которым болтает уже давно, а вот с Сильвеном легко и просто дала волю переходящему грань любопытству?

— Такой же, как у вас.

Мужчины переглянулись, как если бы могли общаться без слов. Агнесса потянулась за графином, но тот оказался пуст: она умудрилась выпить всю воду.

— Я позабочусь о мисс Уваровой, — тихо произнес Сильвен.

— Агнесса, я найду вас чуть позже. — Сэм поднялся, ободряюще улыбнулся ей и ушел.

Она проводила его растерянным взглядом, а Сильвен тем временем добавил:

— Я распознаю дар, даже когда он спит.

Вот уж повезло так повезло, бесполезнее умения не придумаешь.

— Не только.

— Еще и мысли читаете! — возмутилась она, а Сильвен рассмеялся:

— У вас очень открытое лицо.

Агнесса облегченно выдохнула и рассмеялась вместе с ним. Чего она точно не желала, так чтобы в ее голове хозяйничал кто-то чужой.

— Я предлагаю вам остаться с нами, развивать дар и использовать его.

— Хотите завербовать меня?

— Почти, — мягко улыбнулся Сильвен. — Вам многое пришлось пережить. Принять это нелегко.

Нелегко?! Да ей самое место в Бедламе^[4] после всего увиденного и услышанного! Только благодаря Ригану Агнесса сейчас не сидела в дурдоме. К убийству Бена, краже подвески и побегу из Лондона

прибавились летающие предметы, древние цивилизации и другие миры. И это еще не самое странное!

После истории с Энди большее, что она себе позволяла, — привязанность и уважение. На ее пути встречались приятные мужчины, но ни одним из них она не любовалась спящим. До вчерашнего вечера. Сонный Риган казался невероятно родным. За время их знакомства Агнесса узнала множество его масок пылкого любовника, циника, шута, скучающего аристократа, но впервые видела Эванса таким «обнаженным». Мгновение было настолько интимным, что она с трудом подавила страх. Сразу захотелось убежать подальше от Ригана и от своих чувств: нежности, желания засыпать и просыпаться рядом с ним.

— О том, что рассказали вам, пока мало кому известно. — Голос Сильвена вернул ее в реальность, и Агнесса снова покраснела. — В ближайшие годы ситуация не изменится. Мы предлагаем вам защиту, научим управлять даром и поможем устроиться.

«Полный соцпакет», — мрачно подумала она, хотя Риган назвал бы это по-другому. Слово «полный» в том определении тоже присутствовало. Почему Сильвен думает, что Сэм все ей рассказал? Агнессе вспомнились шпионские фильмы, прослушка и видеокамеры, но вертеть головой в поисках «жучков» она не осмелилась.

И все же Сильвен попал в болевую точку. В ее новой жизни не осталось ничего, за что можно зацепиться, с чего начать. Агнесса представила, как к ней изредка приводят самых разных людей, она определяет, есть ли у них дар и какой, заполняет анкеты и отправляет по отделам. Должность «фантастический кадровик», смешнее не придумаешь. Не совсем то, о чем мечталось в юности.

— Я вряд ли подойду для такой работы.

Сильвен тихо рассмеялся и протянул ей руку.

— Я покажу, на что вы способны.

Ей не понравился и ответ, и что-то в его голосе. Агнесса не приняла руки, а очарование светловолосым искусителем понемногу отступало. Было заманчиво согласиться узнать все про людей с самыми разными талантами, перестать мучиться неизвестностью и раскрыть секрет подвески, но она не могла так запросто броситься в омут с головой. Нужно посоветоваться с Риганом, соглашаться на что-нибудь без его ведома Агнесса не хотела.

— Мне нужно подумать. — Она постаралась, чтобы голос звучал тверже.

— Хорошо, — кивнул Сильвен. — Я провожу вас. Эванс уже

освободился.

Агнесса с облегчением вздохнула и даже взяла блондина под локоть. Ей хотелось поскорее сбежать отсюда — смутная тревога не отпускала, но она старалась не поддаваться беспокойству. Они обогнули сад и прошли через другие двери, миновали длинную галерею и зачем-то спустились вниз. Они идут на парковку?

О том, что они под землей, говорило только отсутствие окон. Дизайн был в таком же стиле, как и наверху: приглушенные тона, античные вазы, светильники на стенах. В холлах между переходами стояли диваны и просторные аквариумы — как будто кому-то могло прийти в голову спуститься под землю и любоваться на рыбок Или могло?

Агнесса справилась со смятением, когда пальцы Сильвена легко скользнули по ее запястью. Блондин открыл дверь, и у нее словно гора с плеч свалилась. Риган стоял к ней спиной, рядом белым пятном маячила Клотильда. При виде светловолосой дамы Агнессу полоснуло острой неприязнью, но она решительно отбросила ее в сторону. Нельзя же ревновать Эванса к каждому столбу, тем более что в случае Клотильды «столб» — самое верное определение. Как бы там ни было, в этом Агнесса точно не хотела разбираться. Не сейчас.

Риган обернулся, и она перехватила его удивленный взгляд. Кажется, он не ожидал увидеть ее здесь. Неважно! Агнесса бросилась к нему, позабыв о Сильвене. Она хотела как можно скорее остаться с Эвансом наедине и рассказать обо всем, что узнала, о странностях этих людей, об их предложении и своей никчемной силе. Она пообещала себе не допускать повторения вчерашней близости, но сейчас просто хотела его обнять.

Риган шагнул к ней, а следом раздался глухой звук, как будто кто-то выдернул шнур хлопушки. Словно в кошмарном сне, Агнесса увидела, как Эванс падает, а Клотильда опускает пистолет.

Из ее горла вырвался дикий крик. Спотыкаясь, Агнесса добежала и опустилась рядом с Риганом. Он хрипел, захлебываясь кровью, она выла рядом и умоляла помочь, а Сильвен и Клотильда просто стояли и смотрели. Никто из них не пошевелился и не взялся за телефон.

Кровь была повсюду. На рубашке Ригана, на ее руках, на холодном полу. Агнесса ничем не могла помочь, только смотрела, как он умирает. Виски сдавило болью, она охрипла от криков и сама почти не могла дышать. Она гладила лицо Ригана, целовала в губы и шептала: «Не уходи, пожалуйста, не уходи».

Эти люди забрали последнее, ради чего стоило жить. Она больше не увидит его улыбку, не услышит дурацких шуток, он больше никогда не

обнимет ее. Перед глазами потемнело, а кровь серебрилась странным мерцающим светом. Она казалась такой горячей, что жгло пальцы. Агнесса не понимала, что происходит, в страшном отчаянии зажимая рану руками, и думала только о том, чтобы передать свое тепло и жизнь Ригану. Мир перед глазами крутился волчком, а сил выносить кошмарную реальность не осталось. Она не хотела видеть, как он умирает, но уже ничего и не осталось, кроме странных искр повсюду. Ладони горели, по запястьям разливалась дикая боль, будто кто-то заливал под кожу расплавленный металл. Агнесса почувствовала, что снова может нормально дышать, хрипло втянула воздух и потеряла сознание.

* * *

Тишину нарушал лишь тихий гул кондиционера. Не хотелось шевелиться, не хотелось жить, но Агнесса все-таки открыла глаза. Незнакомая комната, до тошноты светлые тона — как в райских угодьях. Вот только ангелы оказались отчаянно жестокими.

Она повернулась и замерла. Живой и здоровый Риган сидел в кресле рядом с ее кроватью. Таким она увидела его впервые, когда приехала в Эванс-Холл: мрачным, диким, отстраненным. Во взгляде, устремленном в пустоту, таилось раздражение и жестокость. Рядом с ним на полу стояла полупустая бутылка виски, на столике — запотевший бокал. Остатки льда плавали в вазочке.

Он не смотрел на нее, хотя наверняка заметил, что она проснулась.

Агнесса дотянулась до руки Ригана, чтобы убедиться в том, что перед ней не призрак. Его кожа обожгла знакомым теплом, а от прикосновения полетели легкие искорки. Эванс действительно светился серебром. Она моргнула — и искры исчезли. Зрение и раньше подводило, но сейчас выдавало нечто странное.

— Риган, — позвала Агнесса. Она встретила с ним взглядом, и сердце, годами сокрытое от чувств, дрогнуло.

— Ты спала почти сутки.

Чтобы не заплакать, Агнесса часто заморгала.

Хотелось верить, что случившееся всего лишь кошмар, какой-то жестокий трюк, но воспоминания по-прежнему были слишком яркими. Она в самом деле могла его потерять.

— Я... — Память подбрасывала эпизод за эпизодом. Агнесса кричала, звала на помощь, но никто не откликнулся. Она должна была сорвать голос,

малейшая попытка говорить стала бы мукой. Сейчас даже горло не першило. Так что же случилось?!

Агнесса протянула ему руку, Риган сжал ее пальцы и невесело улыбнулся.

— Впервые за всю свою жизнь, — он усмехнулся и отвел взгляд, — я не знаю, что сказать и что сделать.

Риган снова посмотрел на нее, и теперь чувство в его глазах не вызывало сомнений. Скорлупа цинизма и равнодушия трескалась, как краска на старинных холстах, обнажая боль. У Агнессы защемило сердце, а на глаза все-таки навернулись слезы. Она потянулась к Ригану, сползла с кровати и заключила его в объятия. Ладонями ощупала спину, но под тонкой темной рубашкой не нашла повязок. Вопросов оставалось множество, далеких и незначительных. Куда важнее был удивительный мужчина, который держал ее на коленях.

Его мука терзала, как своя. Агнесса всхлипнула и поцеловала Ригана с тем отчаяньем, с которым кричала его имя, когда думала, что потеряла навсегда. Голова закружилась от запаха алкоголя и прикосновения его губ. Она боялась своих чувств, но отказаться от них уже не могла. Когда дыхание сбилось, Агнесса прислонилась лбом к его лбу и прошептала:

— Я чуть с ума не сошла, когда...

Голос сорвался, и закончить она не смогла. Да и признание это не было важным.

— Мне выдали новый костюм и рубашку, — хмыкнул он, — а по поводу морального ущерба заикаться бесполезно. Прости, что тебе пришлось это увидеть.

— Но почему?!

После знакомства с Эвансом с ней многое случилось, но некоторые события хотелось вычеркнуть из памяти раз и навсегда. Она не понимала жестокости тех, кто заставил их пройти через ад. Не понимала, почему Риган после такого ранения сидит возле ее кровати. Чтобы окончательно убедиться в том, что не бредит, Агнесса расстегнула его рубашку — ни царапины, только жар кожи под пальцами!

Она подняла глаза и поняла, что изменилось кое-что еще. Шрам над бровью, с которого он собирался снимать швы, исчез.

— Проверка. Им нужно было узнать, на что ты способна. Ничего лучше они не придумали и вручили пистолет той, кому я не свернул бы шею, когда пришел в себя.

Агнесса вспомнила разговор с Сильвеном и сжала руки в кулаки. Окажись он сейчас здесь, она бы поговорила с ним по-другому! По

глупости она сравнила его с ангелом, но дьявол и тот милосерднее! О какой проверке говорит Эванс?! Они хотели доказать, что Риган стал для нее... родным?

— Я не понимаю, — жалобно призналась она и положила голову ему на плечо. — Это было так страшно! Я ничем не могла тебе помочь.

Риган погладил ее по волосам, прижал к себе и поцеловал в макушку.

— Ты смогла, а белобрысый гад довел дело до конца. Поэтому я сейчас целехонек.

Она способна излечить смертельную рану человека? Смешно и невероятно! Вот только Ян с помощью дара заставлял предметы летать, а это тоже далеко от реальности.

Риган обнимал крепко, и она чувствовала себя на удивление хорошо и правильно. Стоило признаться хотя бы в этом. Так ли важно остальное?

Он разжал кулак и сейчас смотрел на свою руку как-то странно, будто видел нечто большее. Агнесса провела пальцами по его запястью и вдруг снова заметила серебристые искры. При любом прикосновении это повторялось. Она быстро заморгала, но видение не исчезло. На один безумный миг Агнесса предположила, что он прав, и попыталась понять, как излечить Ригана от внутренней боли.

Искр посыпалось больше, словно зажгли бенгальский огонь, и Агнесса испуганно отдернула руку. Но потом желание помочь пересилило, и она прикоснулась к Ригану вновь. Тепло шло сквозь ладонь мерцающими волнами, вливаясь в энергию Эванса и смешиваясь с ней.

— Зрение мага! — зачарованно выдохнула она. — Что ты чувствуешь?

— Эй, эй! — Он легко сжал ее пальцы. — Осторожнее. Это круто, интересно, сразу хочется сказать: «О как я умею!» — Риган приподнял брови и улыбнулся. — Но сил отнимает немерено. Белобрысый гад дольше возился с тобой, чем со мной.

Он больше не хмурился. Заметил Риган или нет, но настороженность и боль отступили, даже голос его стал мягче.

В ее душе столкнулись радость и страх. Ощущения, знакомые любому, кто хоть раз катался на американских горках. Сердце ухнуло вниз, а дыхание сбилось. Улыбка Эванса только подстегнула восторг, и Агнесса смущенно улыбнулась в ответ. Ей предстояло еще многое узнать, но это было невероятно!

Мгновение близости разрушил стук в дверь. В комнату вошла Клотильда, и Агнесса подскочила. Риган удержал ее за запястье, и только благодаря ему она не вцепилась в белобрысые патлы этой гадюки.

— Рада, что вы уже пришли в себя. — Та улыбнулась как ни в чем не

бывало. — Нам о многом предстоит поговорить.

— Увольте! — неприязненно бросила Агнесса и опрометью бросилась к двери. Риган поднялся и шагнул за ней, но Клотильда преградила им путь.

— Я вас не отпускала... — Вежливая улыбка сейчас казалась звериным оскалом. Агнесса не могла спокойно смотреть на женщину, которой ничего не стоило выстрелить человеку в спину. — Мы предлагаем вам сотрудничество и помощь в освоении дара.

Агнесса встретила взглядом со светлыми и холодными как лед глазами Клотильды. Ее трясло от гнева, от пережитого страха за Ригана и от омерзения к этим людям. Первый порыв спрятаться за Эванса, попросить увезти ее отсюда быстро прошел. Нет, он тут ни при чем, это ее битва. Она слишком хорошо помнила, как блондинка выстрелила, а потом смотрела на дело своих рук — свысока, равнодушно, как на детскую возню в песочнице.

— Идите к черту! — Агнесса в точности скопировала улыбку Клотильды. — Я предлагаю вам засунуть свое предложение в то место, которым вы думали, когда стреляли в него.

Риган положил руки ей на плечи, но она сбросила их и вперила яростный взгляд в блондинку.

— Уйдите с дороги.

Она готова была драться, если потребуется, но Клотильда почему-то отступила. Агнесса так быстро устремилась вперед, что Риган едва успел открыть перед ней дверь.

— Сначала домой и в душ! — скомандовала она. — А потом на обед.

Из-за спины донесся смех. Не просто смех — Эванс хохотал так, что его веселье эхом разносилось по длинным пустым коридорам. Она обернулась и уперла руки в бока.

— Я сказала что-то смешное?!

— Да. Нет. Прости... — Эванс извинялся второй раз за час — наверное, к дождю из фиалок Он утер выступившие на глазах слезы и добавил: — Солнышко, ты великолепна.

Агнесса передернула плечами и сказала уже спокойнее:

— Я готова слона съесть. Так и должно быть?

— Вроде того. Слона не обещаю. Но что-нибудь похожее в местных ресторанах точно найдется.

Перед кафе раскинулась гавань Успеха. Причал, застывшие на воде яхты, роскошные современные апартаменты и отель «Хилтон» соседствовали с каменными стенами шестнадцатого века, за которыми раскинулось море.

Тимпана^[5] была невероятно вкусной, поэтому Агнесса уплетала за обе щеки. Она наслаждалась едой, легким ароматным вином, свежим ветром и рассказами Ригана, которые окончательно пролили свет на то, что творилось вокруг. Сила Агнессы — исцеление — оказалась весьма редкой. Поэтому ее способности заинтересовали команду Дариана. В Древнем мире лекари ценились на вес золота. Они врачевали не только тело, но и душу. Самые страшные раны, сильнейшая кровопотеря или же серьезный душевный разлад — для них не было ничего невозможного. Увы, такой дар поддавался единицам, лишь тем, кто искренне желал встать на путь целительства. Стремились к нему немногие. Быть лекарем значило оказаться под пристальным взглядом правителей государств и их недругов. Все хотели заполучить в свое распоряжение человека, не способного разве что воскрешать из мертвых.

О команде Дариана Риган рассказывал неохотно. Люди и измененные, многих он даже не знал: с Шеппардом, например, раньше не встречался. Сильвена Эванс считал высокомерным и напыщенным и пересекался с ним крайне редко, а Клотильда была его связной. Теперь она стояла во главе первого в современном мире обучающего центра для пробужденных магов, который располагался на территории белоснежной виллы. Ригану предстояла муштра, после чего он сможет самостоятельно управлять силой: с даром оказалось на удивление легко переусердствовать. Пока ты не научился держать баланс, можно было запросто распрощаться с жизнью. В Древности использовать магию учились с детства.

Прежде чем она успела спросить о его силе, на колени запрыгнул пушистый котенок Агнесса протянула руку, чтобы погладить серо-полосатую спинку, но схватила лишь воздух. Котенок довольно заурчал, а потом растворился в пространстве.

Агнесса ахнула, а Риган приподнял брови.

— Иллюзия.

Жизнь изменилась окончательно и бесповоротно. Возможно, ей стоило сразу отказаться от работы с подвеской или вызвать полицию, когда схватили Бена, но тогда она никогда бы не узнала Ригана. Не увидела бы его настоящим. Когда она поняла, что влюбилась? Когда увидела, как жизнь покидает его? Или же когда очнулась и почувствовала боль Эванса, как свою?

Сердце кольнуло. Думал ли он о ней? Что чувствовал, обнимая?

Агнесса боялась спросить, поэтому просто пристально смотрела на него. Ей бы в способности чтение мыслей — всяко больше пригодится! Тем более что учиться целительству у подручных Дариана она не намерена: ей не хотелось иметь с ними ничего общего.

— Поначалу я тоже решил, что у меня винтики расшатались, — признался Риган, — там, в Мюнхене. Сначала я увидел световое шоу, а потом создал свою первую иллюзию.

Почему-то в его словах слышалась недосказанность. Агнесса же обрадовалась возможности перевести мысли в другое русло.

— Что это было?

— Я и не разглядел толком.

Эванс откинулся на спинку стула и смотрел через ее плечо.

— Мне страшно.

— Солнышко, они не причинят тебе вреда. Но сделают все, чтобы ты захотела остаться. — Он внимательно посмотрел ей в глаза. — В ближайшее время ты столкнешься с такими обходными маневрами, о которых и подумать не могла. Не позволяй с собой играть, что бы ни случилось. Помни, что выбор только за тобой. Ты справишься.

— Но ты согласился. Почему?

Агнесса не была уверена, что выстоит перед натиском измененных. Сегодня с Клотильдой она превзошла себя, но второй такой встряски она не выдержит. Что, если они используют Ригана, чтобы заставить ее учиться и работать на них?

— Когда на меня вышли, мне было плевать, чем заниматься. Я был одинок, бродяжничал и впадал в крайности. Я был измененным, но у меня не было ни гроша на будущее, хотя в юности я себе поклялся, что никогда не стану зависеть от чужих прихотей, что у меня будут деньги, богатство и имя. — Риган облокотился о стол. — К сожалению, я поздно понял, что так или иначе ты все равно остаешься на крючке: пути назад уже не было. За красивую жизнь и тайные знания нужно платить, да и миллионы с неба не падают. Тебе решать, хочешь ли ты такой жизни.

Он говорил будничным тоном, как о чем-то незначительном, мелком и далеком. Представить, что Эванс добился всего сам, было легко. Он обладал невероятным обаянием, силой воли и гибкостью. Он смеялся над невзгодами, а то, над чем другой мог убиваться годами, отпускал легко и изящно, как и колкие фразы, которыми бросался направо и налево. Казалось, в жизни нет ничего, что может его зацепить, и только недавно Агнесса поняла, что его попустительство наносное. Всего лишь маска, за

которой удобно прятаться и выжидать. В этом они были похожи.

— В те годы мои способности сводились к умению рвать глотки и соблазнять хорошеньких девиц. Попеременно от меня требовалось и первое, и второе. Иногда все вместе.

У нее волосы встали дыбом. Да, Риган уже рассказывал ей о том, кто такие измененные, и о том, что ему пришлось пережить, но сейчас именно спокойствие в его голосе заставило Агнессу содрогнуться. Она не хотела связываться с подручными Дариана, но один из них сидел прямо перед ней. Больше того, она втрескалась в него по уши.

Он уловил ее смятение мгновенно.

— Я — один из них, Агнесса. — Тепло ускользнуло из его голоса, как лондонское солнце за тучи. Он постучал пальцами по столу и, не дожидаясь ее ответа, обратился к подошедшему официанту: — Счет, пожалуйста.

— Извини, — искренне прошептала она. — Я просто...

— Не извиняйся. — Риган покачал головой, а потом добавил: — Солнышко, меня таким не смутишь.

Эванс вручил официанту карточку и теперь весело смотрел на нее. От отчуждения, которое так напугало Агнессу, не осталось и следа. Головоломка по имени Риган Эванс отказывалась раскрываться до конца. Он считал себя чудовищем и не стеснялся об этом говорить. В прошлом он безжалостно убивал, но сейчас ее слова зацепили его. Его, разменявшего второй век, — слова женщины, которой всего тридцать. Он смеется, когда хочет выть от боли, и глумится надо всем, что для него свято. Откажется ли он когда-нибудь от своей маски? Захочет ли стать настоящим навсегда?

Они расплатились и вышли из кафе. Было слишком рано возвращаться домой, и Риган предложил съездить в Валетту — город-крепость с невероятной историей. От городских ворот начиналась улица Республики — центральная улица города, заполненная сувенирными лавочками, зданиями с причудливыми фасадами и многочисленными соборами. Они прогулялись до Дворца Великого магистра — огромное здание и при этом на удивление аскетичное. К сожалению, попасть внутрь и увидеть основную красоту не удалось: с экскурсией они опоздали, и Агнесса пообещала себе обязательно сюда заглянуть.

Впечатления от старинного итальянского палаццо Феррерия перебил вид разрушенного во время бомбежек Королевского оперного театра. Все, что от него осталось, — террасы и обломки колонн. Она не представляла, каким здание было в прошлом, но ее настолько поразили развороченные руины, что она долго не могла прийти в себя.

После они заглянули к старейшему действующему театру Европы — театру Маноэля, который поражал даже своим внешним видом. Построенное в стиле барокко, без преувеличения красивое здание возвышалось над городом на фоне затянутых дымкой гор и чем-то напоминало ей Исаакиевский собор Санкт-Петербурга. Возможно, из-за схожести архитектуры, а быть может, и из-за отливающего в лучах закатного солнца золотом главного купола.

Они все-таки добрались до Мальтийского мемориала осады, установленного в память о жертвах Второй мировой войны, а оттуда — до садов Баракки, откуда открывалась панорама на три старейших мальтийских города, в подступивших сумерках украшенных россыпью огней. И снова ей вспомнился Санкт-Петербург — Риган рассказал, что в саду Верхней Баракки пушки салютной батареи стреляют ровно в полдень.

Назад они возвращались уже в темноте, все ниже и ниже по узеньким улочкам-лестницам, все ближе к морю.

— Когда-то по этой земле ходили великие и не очень магистры. Ты чувствуешь трепет и благоговение? Быть может, твоя нога сейчас ступит на тот самый камень... — Он резко остановился и осторожно увел Агнессу вправо, задрал голову и посмотрел вверх. — Проклятые голуби, никакого уважения к Земле великих магистров!

Риган поднял камушек и швырнул его вверх, в важно рассеявшихся птиц. Под шумное хлопанье крыльев и недовольный клекот голуби сорвались с навеса и улетели прочь. Сейчас он вел себя как мальчишка, и Агнесса не удержалась от смеха. Он постоянно перепрыгивал с темы на тему: их способности, местная история, древность и пикантные шуточки в его устах мешались в чрезвычайно веселый коктейль. Она же с каждой минутой все отчетливее понимала, что сходит по нему с ума. Раньше у Агнессы получалось отгородиться стеной от любого мужчины, но с Риганом этот номер не прошел.

Когда они вернулись домой, ей вдруг стало страшно: пришло время расстаться. Просто разойтись по разным комнатам или сначала заняться сексом, а потом разойтись. Несколько дней назад это еще казалось нормальным, но только не сегодня. Она не знала, что принесет завтра — одиночество или новую встречу с ангелами Дариана. Знала только, что не хочет отпускать Ригана.

— Останься со мной, — прошептала она.

Слова дались нелегко, но гораздо больше Агнесса боялась промолчать, а потом мучиться всю ночь.

— С одним условием... — Он втолкнул ее в комнату и шагнул следом.

Она и охнуть не успела, как оказалась прижатой спиной к его груди. — Ты не будешь жаловаться на то, что не высыпaeшьсe. И еще...

Агнесса не возражала. Стоило очутиться в его объятиях, по телу прошла чувственная волна возбуждения, с губ сорвался стон, а Риган издевательски-медленно ласкал ее соски поверх блузки и целовал шею.

— Все чудовища кажутся чуточку менее грозными, если представить их обнаженными, танцующими кейли^[6] в клубничном джеме. Так вот, станет страшно — ты знаешь, что делать.

Агнесса представила Клотильду и Сильвена, пляшущих гэльские танцы в чем мать родила, и хохотала до тех пор, пока Риган вновь не заставил ее кричать. Он знал о наслаждении все, изучил ее чувствительные места и доводил до исступления — снова и снова.

Раньше Агнесса считала, что любовникам нужна большая кровать и разные одеяла, но сегодня, утомленная ласками, засыпала в объятиях Ригана. Дыхание и биение его сердца убаюкивали, и она чувствовала себя на удивление уютно и спокойно, страх отступил. Уставшая, но счастливая, она крепко прижалась к нему и провалилась в сон.

Глава 13, повествующая о том, что если у тебя суровая наставница — в учении тяжело, а до боя можно вообще не дожить

В постели Риган привык быть звездой, то есть спать, раскинув руки и ноги. Ему доводилось просыпаться рядом с самыми разными женщинами, чаще всего после большой попойки и крайне редко — по желанию, как например, с Лорин, но сегодняшнее утро выдалось особенным. Он не собирался спать с Уваровой, он вообще не собирался подходить к ней ближе. Все вышло само собой.

Агнесса устроилась у него на плече, ее дыхание легко щекотало его кожу. Вчера они забыли опустить жалюзи, и лучи утреннего солнца запутались в светлых кудряшках. Она продолжала выпрямлять волосы, но после душа они упрямо завивались в тугие колечки. Ригану нравилось накручивать их на пальцы, а Уварова обычно смеялась и просила его перестать. В такие минуты ее внутренний свет становился особенно ярким. Прозвище «солнышко», которым он наградил Агнессу еще в Ньюкасле, ей на удивление шло. Равно как и чистый дар лекаря.

Дариан говорил, что отпустит ее, если она не захочет остаться. Даже сказал, что ей помогут вернуться к семье, и теперь Риган не мог забыть его обещаний. Слишком замечательных, чтобы оказаться правдой. Древний слов на ветер не бросал, но у него всегда по десять козырей в каждом рукаве и свой тонкий расчет, который неизменно оправдывался. Он будто читал по душам и никогда не ошибался в тех, на кого ставил. Наверняка Дариан уже видит Агнессу одной из них.

Она пошевелилась, открыла глаза, сонно улыбнулась. Щурясь на яркое солнце, Риган улыбнулся в ответ.

— Доброе утро, спящая красавица.

— Доброе, — она смутилась. — Не хочу, чтобы ты к ней ехал!

Агнесса наморщила лоб, скривилась и высунула язык, как будто ей предстояло перебирать живых тараканов. Вышло по-детски, и Риган рассмеялся, а она покраснела еще больше и спрятала лицо у него на плече. Непонятно, что именно ее смущало — непривычные утренние мгновения рядом с ним или дурачества, к которым они начинали привыкать.

Завтракали вместе. Агнессе было не по себе, но она больше не возвращалась к теме его обучения. Сосредоточенная и серьезная, Уварова постоянно смотрела в окно, и лишь когда они изредка встречались глазами, взгляд ее мгновенно светлел. Что и говорить, Риган сам чувствовал себя странно. Он привык к методам коллег, но после случившегося не был уверен, что рад новым горизонтам.

Ему доводилось стоять на грани. Началась эта прискорбная традиция в далеком девятнадцатом веке, в ночь его изменения — когда за углом одного из дешевых трактиров ему всадили под ребра нож. Продолжилась душевным общением с орденцами в Греции, когда яды выжигали внутренности и казалось, что мир превратился в сплошной сгусток боли. Тело измененного шустро зализывало раны, и невыносимые пытки растягивались во времени. После «гибели» Ив Риган сам часто искал смерти, и временами она протягивала ему иссохшую руку. Однажды он напился в хлам и свалился прямо под колеса автомобиля. Его переехали в прямом и переносном смысле. Риган был отнюдь не в здравом уме и свежей памяти, но точно помнил, что это дико больно.

Много их было, таких случаев, всех и не упомнишь. Всякий раз это подводило черту под каким-то эпизодом из жизни, но никогда ему не было настолько жутко: умирать, зная, что оставляет ее одну. Он захлебывался собственной кровью, задыхался, мир расплывался перед глазами, а боль вцепилась в нутро и не желала отпустить. Свет померк, надвигающаяся тьма стирала Агнессу — лишнюю в подступающем холоде. Он помнил ее глаза, полные ужаса, отчаяния и слез, слышал ее голос, срывающийся на крик, и чувствовал прикосновения дрожащих рук.

Раньше ему было бы все равно. Границы жизни и смерти давно стерлись, и Риган наплеватьски относился не только к своим случайным жертвам. Приходя в себя над остывающим телом или наслаждаясь истеричным ужасом в глазах очередной дамочки, он равнодушно представлял, что рано или поздно настанет и его черед. Инстинкт выживания стал просто привычкой, но теперь он не хотел умирать, как подстреленное животное. Агнесса звала его по имени и кричала, а Риган понимал, что ничего не может изменить. Смерть медленно, но верно волокла его к своему мерзкому ледяному логову, а потом вдруг стало тепло...

— О чем задумался? — Агнесса встревоженно смотрела на него.

— Тоже не хочу к ним ехать, — фыркнул он и легко сжал ее руку.

Белокаменная вилла была заметна издали. Она напоминала цветок мухоловки, который только и ждет, чтобы кто-нибудь залетел на огонек. Это место сочилось обманчивой, влекущей магией спокойствия и умиротворения. Звонко пели птицы, издали доносился гул моря, ветер шумел листвой. На расчищенной дорожке, казалось, не было ни пылинки. Ни одного камушка, который можно пнуть ногой и отвести душу, поэтому Риган сунул руки в карманы и отправился гулять.

Территория и впрямь была огромная. Фонтан в окружении скамеек и беседок, чуть дальше — большой бассейн под навесом. Облокотившись о перила на смотровой площадке, Риган не без злорадства отметил коттедж чуть поодаль. На фоне белокаменных арок и шикарной стилизации внутреннего двора под старину прилепленная к соседскому дому спутниковая антенна низводила весь пафос.

— Скоро ты перестанешь скучать. — Стук каблуков Клотильды он услышал еще раньше, но не обернулся.

Она улыбалась так, будто не стреляла в него, а читала стансы под луну. Ничего необычного, Риган знал, что извинений не дождется. Человеку неискушенному это могло показаться диким, но он давно не обращал внимания на такие мелочи. Или правильнее будет сказать, махнул рукой на противоестественное, искаженное уродство их мира? Они жили по своим законам, и законы эти были гораздо жестче, чем логика выживания любого, самого опасного хищника.

Древний вручал им конверт с очередным заданием, а они шли и послушно выполняли. Неважно, чем был выстлан путь и как глубоко земля пропитается кровью. Любовь к Ив встряхнула Ригана из панциря безразличия, но за это он заплатил слишком дорогую цену. С таким багажом из прошлого одиночество — лучший выход. Тайны и интриги теневого мира, в котором под знаменами Древнего вершилось собственное правосудие, они держали в своих руках. Ликвидаторы, когда Орден не справлялся с зарвавшимися измененными, и дипломаты, когда речь заходила о сильных мира людей. Вербовщики, если на горизонте появлялся интересный измененный или человек, и учителя, когда новичка нужно было ввести в курс дела. Идеальные исполнители, каждый на своем месте.

Вот и сейчас его способности пришились ко двору. Чтобы подобраться к Городу и открыть его, требовалась материальная иллюзия, а Риган оказался единственным пробужденным иллюзионистом в команде. Пока

единственным.

Он смотрел Клотильде в глаза. Что она чувствовала, нажимая на спуск? Мысли этой женщины были известны разве что ей самой, за прохладой улыбки могло скрываться что угодно, и Риган привычно подмигнул ей. Игра продолжалась.

— Пойдем, — она поманила его.

— С чего начнем? С ментального кунг-фу? Или как там называются ваши курсы для продвинутых?

Клотильда скептически хмыкнула.

— С упражнений для малышей.

Они снова прошли длинными коридорами и спустились вниз — на этаж, где устроили жесткое испытание для Агнессы. Интересно, после того представления пол долго отмывали? Представить Клотильду с тряпкой и ведром получилось не сразу, но, хотя картина вышла неправдоподобная, Риган все равно улыбнулся.

Они миновали еще пару поворотов и вошли в просторный и светлый спортивный зал, напичканный разнообразными тренажерами. Подземелье со стенами, увешанными мечами, копьями и головами поверженных врагов Дариана, выглядело бы уместней, но Риган не успел озвучить мысль. Клотильда резко повернулась и расстегнула на нем рубашку старым добрым способом: просто рванув по линии пуговиц. Не то чтобы он возражал, но что-то в ее взгляде ему не понравилось. И еще больше не понравилось, как она покачала головой.

— Иди на беговую дорожку.

— Уверена, что форма мужчин проверяется на беговых дорожках? — Он стряхнул с ее плеча несуществующую нитку.

— Да, — ехидно усмехнулась Клотильда и указала в сторону тренажера. — Знаешь, как пользоваться, или тебе показать?

Риган пожал плечами. Хочется ей устроить спектакль — пожалуйста. Да, сейчас он был далек от совершенной формы измененного. Слишком давно занимался спортом в последний раз, а все тридцать три удовольствия плохо сказываются на физической составляющей, особенно алкоголь. Спасибо папаше хотя бы за конституцию — в блаженном сибаритстве Риган так и не обзавелся отвисшим брюшком и лишними килограммами.

— И долго мне тут бегать? — Он сбросил рубашку и включил дорожку. — Это что, новый запатентованный способ раскрытия сверхспособностей?

— Для работы с энергиями необходимы здоровье и выносливость. — Клотильда достала планшет и уткнулась в него. — Иначе первая же

иллюзия вытянет из тебя все силы.

В ее словах была доля правды. Риган припомнил, как чувствовал себя после «появления» Агнессы в номере отеля в Мюнхене. Еле оклемался, а ведь это длилось секунды. Котенок стоил ему легкого звона в ушах, но котенок был лишь голограммой.

Он вздохнул и сосредоточился на беге. Поначалу все получалось, а потом Клотильда подошла и увеличила скорость... Она разрешила сойти, только когда он готов был рухнуть физиономией в пол.

— Все не так ужасно, — с улыбкой инквизитора заявила она. — Конечно, придется поработать. Переодеться можешь в раздевалке, она слева.

— Переодеться? Шутишь?! — Риган оперся руками о колени и теперь пытался выровнять дыхание. Пока что тщетно: воздух обжигал легкие, а горло будто натерли наждачной бумагой.

Она не ответила, просто кивнула в сторону раздевалки. Риган дотащился туда, обнаружил спортивный костюм и кроссовки и на выдохе сполз на скамейку. Нет, Клотильда совершенно точно не шутила.

— Что дальше? — мрачно поинтересовался он, когда вернулся в зал. — Собираешься сделать из меня спринтера? Учти, если я сдохну раньше, чем научусь ваять продвинутые голограммы, Дариан тебя по голове не погладит.

— Я не стану его расстраивать.

И это было только начало. Она выжала из него все, что смогла. В коротких перерывах, перед продолжительными занудными медитациями и во время обеда она рассказывала ему теорию: то, что необходимо знать про энергии, новое зрение, контроль.

Начиналась новая жизнь: Ригану предстояло распрощаться со всеми вредными привычками. Клотильда выдала ему расписание дня на ближайшие две недели — расписание занятий, в перерывах между которыми значилось обязательное посещение библиотеки Центра и массажиста, а заодно и список запрещенных продуктов. Большими буквами в самом верху значилось: никакого алкоголя.

Закончили они около девяти, когда Риган был уже не способен возражать и сопротивляться. И все-таки, глянув на расписание, спросил:

— Восемь утра?! — Он прищурился и посмотрел снова — в надежде, что зрение его обманывает. Но нет. — Может, хотя бы полдень?

— Восемь, — напомнила Клотильда. — Раньше начнешь — больше успеешь.

Риган с трудом верил в этот кошмар. Помимо того, что он чувствовал

себя, как придавленный рабочим материалом навозный жук, и пах приблизительно так же, еще и каждая мышца противно ныла. Завтра вообще будет ад, а она говорит — восемь утра. Хорошо, если он с постели подняться сможет!

— Черт с тобой! — выдохнул он. — Но ты должна мне уже две рубашки. Что вы собираетесь делать с Агнессой?

Клотильда и бровью не повела.

— Если она не захочет учиться — ничего.

В машине Риган включил музыку на полную. Басы раскатами вибрировали в ушах, вырываясь из раскрытых окон под усыпанное звездами небо. Дорога успокаивала. Похоже, Агнессу решили оставить в покое, и это пришлось ему по вкусу. Может статься, Дариан не кривил душой, когда обещал ее отпустить.

* * *

— Как ты?! — Агнесса, счастливая и радостная, выбежала из гостиной, но тут же сосредоточенно нахмурилась. — Выглядишь помятым.

— Меня гоняли, как героя боевика девяностых, — мрачно изрек Риган и поморщился, снимая рубашку. — Говорят, нужна форма, чтобы ваять иллюзии. Совсем озверели.

Боль в нетренированных мускулах только набирала обороты. К счастью, перед отъездом он принял душ и сейчас рассчитывал только на то, чтобы доползти до кровати и отключиться.

— Как ты сама?

— Читаю, смотрю кино, ем.

— В город не выбиралась?

— Настроения не было. Ты давно не занимался спортом?

Не дожидаясь ответа, Агнесса увлекла его за собой в спальню, подтолкнула Ригана к кровати и попросила лечь на живот.

— Я помогу размять мышцы, — мягко объяснила она. — Сразу станет легче.

Можно подумать, он собирался возражать. Риган распластался поверх покрывала, философски глядя на стену. Все мысли растворились, стоило Агнессе прикоснуться к нему. Ее движения были уверенными: сначала легкие, а затем ощутимые и не всегда приятные. Она знала, что делает, разогревая и разминая измученные тренировками мышцы одну за другой. Тело больше не просило пощады, и теперь Ригана неудержимо клонило в

сон. Память жила ее прикосновениями, пробуждая желание, но усталость не отпускала.

Агнесса укрыла его тонким пледом и легла рядом, подперев голову кулаком. Она смотрела на него смущенно и с нежностью.

— Поверить не могу, — насмешливо пробормотал он, — прекрасная женщина делает мне массаж, а я... наслаждаюсь массажем.

Она его поняла и почему-то смутилась еще больше, а Риган приподнялся на локте и поцеловал ее в губы. Агнесса ответила — нежно и мягко, но быстро отстранилась.

— Сегодня тебе стоит отдохнуть, — улыбнулась она и пригладила его волосы.

— Думаешь?

Когда Агнесса кивнула, он закрыл глаза. Как она ушла в душ, Риган уже не слышал.

И долго не мог понять, с какой радости рядом надрывается Милен Фармер. Риган спал на животе, уткнувшись лицом в подушку и свесив руку вдоль кровати, но певица орала в самое ухо. С трудом разлепив веки, он обнаружил едущий по тумбочке мобильный. Рядом заворочалась Агнесса, Риган мысленно выругался и быстро схватил телефон.

— Кло! — хриплым со сна шепотом рыкнул он. — Чего тебе?!

— Семь сорок, Риган. — Ласковый тон Клотильды не вязался с ее словами. — У тебя двадцать минут. Если опоздаешь, я расстроюсь и сделаю подготовку невыносимой. До встречи.

Двадцать минут?! Он успел бы только в том случае, если бы телепортировался. Интересно, эти способности не прилагаются в довесок к иллюзиям? Все по сути своей энергия, и мгновенное перемещение между двумя точками пространства никакое не волшебство.

— Тебе пора?

— Семь сорок. Кажется, я опоздал.

Он взъерошил волосы руками, пытаясь проснуться окончательно. Мышцы почти не болели, и этим он был обязан Агнессе.

— У меня по плану пробежка, а потом завтрак, — виновато улыбнулась она. — Ох, я тебе даже завидую немного — не приходится скучать.

Уварова поцеловала его в щеку и свернулась калачиком в ворохе одеял. Сонная, солнечная, счастливая и отчаянно красивая. Раньше она вскакивала ни свет ни заря, но сегодня особо не торопилась.

— О да, — Риган невольно улыбнулся уголком губ, — я сам себе завидую. Не сиди дома, гуляй и наслаждайся свободой. И ни в чем себе не

отказывай.

Вышло слишком уютно и по-семейному. Он уловил смущение и вопрос в ее глазах, тряхнул головой, отгоняя наваждение.

— Мне правда пора. Удачного тебе дня.

Прыгая перед шкафом на одной ноге, чтобы стянуть брюки, Риган тщетно пытался обнаружить чистые джинсы в куче одежды. Если бы Кло разрешила тренироваться самому, можно было отправиться на пробежку вместе с Агнессой. На такой опасной мысли Риган ощутимо щелкнул себя по носу и задумался о предстоящей пытке. Ему хватило вчерашнего марафона, при одном упоминании о новом мышцы начинали болезненно ныть.

Он на ходу запихнул в себя сэндвич с пармской ветчиной — кажется, этого не было в меню Клотильды, — запил стаканом свежавыжатого апельсинового сока — это было, — а второй бутерброд взял с собой в машину. Утро было солнечным, а настроение не очень. И не зря. Он опоздал, и наставница отыгралась на нем по полной. Перерывы стали короче, их было меньше, даже медитации, во время которых Риган вчера на стенку лез от скуки, сейчас воспринимались как высшее благо. Освободился он сегодня после десяти, и когда вернулся, Агнесса уже заснула.

Она ждала его: кровать была не разобрана, рядом мерцал огоньком спящего режима открытый ноутбук. Осторожно, чтобы не разбудить, он накрыл ее пледом, выключил компьютер и отправился к себе в комнату. Сил хватило только на то, чтобы упасть на кровать. Риган вспомнил, что забыл поставить будильник, но решил позволить себе полежать совсем «чуть-чуть». И снова проснулся под Милен Фармер и обещания всего наилучшего.

Утром он заглянул к Агнессе, чтобы попрощаться, но она еще спала. Риган оставил записку с пожеланием хорошего дня под вазой с цветами, сорванными с деревца во дворе: множество лиловых соцветий, вплетенных в зелень листвы, с яркими белыми сердцевинами на тонкой ножке. Кажется, Лорин называла их бугенвиллеями.

Этим же утром Риган осознал, что пришло время постановки «Ваша цель — выжить». Шутка про то, что он сдохнет раньше, чем сделает хотя бы одну мало-мальски полноценную иллюзию, уже не казалась смешной. Клотильде стоило бы устроиться тренером в фитнес-центр — из-под ее тяжелой руки сдобные пышечки выходили бы упругими булочками.

Изо дня в день ад начинался рано утром и продолжался даже после захода солнца, когда Риган только чудом не валился с ног. Практикой

иллюзий они еще ни разу не занимались, равно как и тем, что было связано с управлением энергиями. Даже с массажем Клотильда умудрилась ему подгадить: вместо хорошенькой азиатки, которая была на второй день, нарисовался гнусавый волосатый грек Правда, дело свое он знал хорошо, но самого факта пакости это не отменяло.

Риган пока не определился, что его раздражает больше — изнурительные тренировки, после которых он амебой растекался по столу массажиста, медитации, когда нужно было сидеть истуканом и при этом еще ни о чем не думать, или же долгие часы в библиотеке Центра, за которыми следовали устные допросы. Если ответ оказывался неправильным, приходилось сидеть в библиотеке после занятий. Знаний было множество, временами довольно интересных — бери и пользуйся, но такой формат обучения здорово напрягал.

За все время занятий Риган ни разу не столкнулся с другими учениками или преподавателями. Создавалось ощущение, что в Центре нет никого, кроме них двоих и призраков прошлого. Яростно накручивая педали очередного тренажера, он смотрел на свою мучительницу, но та даже не поднимала головы, полностью увлеченная работой на планшете.

— Я тут единственный?

— Пока да.

— Повезло так повезло.

Клотильда наконец-то оторвалась от экрана и пристально посмотрела ему в глаза.

— Центр — единственное место, где пробужденные могут узнать все об истоках своей силы и научиться управлять ею. Со временем академий будет множество, но пока, чтобы сюда попасть, нужно обладать действительно незаурядным и ценным для нас талантом. Так что да, Риган. Тебе повезло.

— Предполагается, что после этого я должен устыдиться?

— Ты должен вспомнить, для чего я тебя готовлю. И перестать изображать великомученика.

Он пробурчал нечто маловразумительное, но педали почему-то стало легче крутить. Выдернуть себя из безделья и праздного времяпровождения оказалось нелегко, и еще сложнее было смириться с тем, что с Уваровой они виделись непростительно мало. Когда выдавалась свободная минута, Риган отчаянно скучал по ней: по улыбке и голосу, по смеху и прикосновениям — коротким и невинным или же интимным и откровенным. Мысли о последнем отзывались сладкой тяжестью в паху и жгучим желанием, будоражащим кровь. Увы, за все это время им удалось

насладиться близостью лишь однажды.

Одним прекрасным утром она вышла из спальни сонная, взъерошенная, в шортах и майке, съехавшей с одного плеча, — как тогда, у дороги на Тенерифе. И Риган не смог удержаться. Они расколотили панорамную картину, а точнее, большую фотографию, висевшую на стене. В самый жаркий момент Агнесса уцепилась за нее рукой, нити не выдержали, и рама обрушилась прямо под ноги. Потом они, раскрасневшиеся и довольные, вместе собирали осколки, а еще чуть позже Риган снова жевал дежурный бутерброд в машине, идущей на полной скорости, запивал его недозволенной содовой и подпевал какой-то тонкоголосой певице.

Встречались они чаще всего по утрам. Агнесса просыпалась рано и, хотя могла спокойно валяться в постели, сколько душа пожелает, поднималась вместе с ним и готовила завтрак. За те полчаса, что у них были, они болтали обо всем на свете. Вечерами он приезжал настолько поздно, что она уже спала. Либо на кровати рядом с ноутбуком, либо в плетеном кресле в гостиной. Тогда он просто брал ее на руки и нес в спальню, а она шептала: «Сейчас, еще пять минут», — и Риган всегда соглашался. А потом те самые пять минут смотрел, как Агнесса спит, и шел к себе. Все это было слишком буднично и непривычно, слишком человечески, но вместе с тем невероятно светло.

Как ни странно, с каждым днем он чувствовал себя лучше. Со всеми этими тренировками по возвращению формы и поздними возвращениями. Если раньше дни казались ему кошмаром, то ближе к концу второй недели он спокойно выносил такие забеги, от которых раньше упал бы замертво. Риган просыпался без будильника и ощущал себя на удивление бодрым и полным сил. Если бы получалось видеть Агнессу чуть чаще, жизнь и вообще стала бы прекрасна, но увы. Миссия, которая ему предстояла, требовала полной самоотдачи.

Он штудировал древние записи, дотянувшие до наших дней только благодаря специальным зельям и заклинаниям. В древности иллюзионистов не особо жаловали: запас их трюков был неисчерпаем. Они могли создавать легкие призрачные силуэты или же кукол, которых невозможно отличить от человека: биение сердца, дыхание, тепло — все создавалось по энергетическим контурам. Да что там — собравшимся вместе сильным иллюзионистам были подвластны и армии, и целые города-миражи, отличить которые от настоящих до последнего не представлялось возможным. Они могли укрыть пологом невидимости человека или все поселение, обмануть любого. Не сразу, но Риган осознал,

насколько опасна его сила: не было никого и ничего, что он не сумел бы создать. Или спрятать.

Глава 14, в которой Агнесса выясняет, что ставить на себе опыты чревато последствиями

Риган уезжал на весь день, а она маялась в одиночестве. У него не было ни одной свободной минуты, ей же приходилось придумывать, чем себя занять. Морские прогулки и экскурсии по Валетте и Сент-Джулианс, походы по музеям и соборам уже не приносили удовольствия, скорее стали в тягость. Бег и чтение — все опостылело, тем более что такого отдыха было через край на Тенерифе.

По дому хлопотала Джуна, которая на малейшие попытки помочь искренне обижалась, а вылазка на фейсбук под фальшивым аккаунтом закончилась плачевно. Фотографии родных всколыхнули в душе бурю воспоминаний и затаившейся боли, поэтому Агнесса решила больше так не делать. До тех пор, пока не будет готова оставить прошлое в прошлом.

Риган предупреждал об обходных маневрах, но никто не предпринимал ни малейшей попытки уговорить ее сотрудничать. Она хотела учиться, но мысль о том, что придется снова увидеть Сильвена, Клотильду или познакомиться с их легендарным нанимателем, быстро остужала пыл. Когда Агнесса вспоминала об их средствах, в груди закипал гнев. Благодарность за уютный дом и помощь растворялась в ярости.

Дело было не только в одиночестве. Временами Агнесса чувствовала странную, сжимающую сердце тоску. Такое было в первые дни после побега, когда ей казалось, что жизнь кончена, что ничего и никогда уже не будет хорошо. Вот только как объяснить то, что с ней творилось сейчас? Она вспоминала текущее через пальцы тепло — когда делала Ригану массаж или когда пыталась унять его душевную боль, — и все внутри переворачивалось. Отчаянно хотелось почувствовать светлые нити исцеления, уловить их тонкое звучание в мире энергий, но получалось отнюдь не всегда.

Агнесса пыталась выбрать удачное время, чтобы поговорить с Риганом о своей непристроенности и беспомощности, но в насыщенном графике Эванса не предполагалось времени на нее. Он приходил домой ночью и в таком состоянии, что ему было уже не до разговоров, а виделись они только

за завтраком. По утрам она ловила его замороченный взгляд, представляла, как грузит еще и своими заботами, скисала и откладывала разговор до завтра. И так каждый раз.

Через две недели Агнесса уже буквально на стену лезла и не представляла, чем еще себя занять, когда неожиданно в гости заглянул Шеппард. Она даже не успела обрадоваться: вспомнила, чем закончился их прошлый разговор, одернула себя, холодно поздоровалась и пригласила его в гостиную.

— Какими судьбами? — Она опустилась в кресло и скрестила руки на груди. Сэм сел напротив.

— Я проезжал мимо и подумал о тебе, — он кивнул, — и о том, что до сих пор не попросил у тебя прощения. Агнесса, мне искренне жаль, что все получилось именно так. Прости.

Такого она не ожидала. Чего угодно, но только не такой откровенности. И уж тем более она не думала, что он решится сам напомнить ей об этом.

— Не думаю, что «прости» что-то исправит, — сказала она наконец.

— Это правда. — Он смотрел на нее без тени смущения, внимание и участие в его глазах были искренними. — Хочешь получше узнать Мальту?

Вопрос Сэма снова застал врасплох, Агнесса собиралась отказаться, но тут живо представила очередной день. Ноутбук, книга, обед, кино, короткая прогулка, растянувшиеся до бесконечности часы ожидания, мысли о собственной никчемности. Ей отчаянно не хватало общения. Делового или дружеского, да хоть какого-нибудь! Как давно она мечтала прогуляться не наедине с мыслями и сомнениями, а с человеком, который знает о новом мире, рядом с которым можно не таиться и говорить обо всем. Она смотрела на Шеппарда, недоверчиво прищурившись, а он улыбнулся ей — искренне и тепло.

— Соглашайся. Я покажу тебе отличный ресторан.

Агнесса не сдержала ответной улыбки. Раздражение испарилось, словно его и не было.

— Хорошо.

* * *

Мдина. Город на скале, город из другой эры. На фоне голубого неба и зеленой долины возвышались величественные крепостные стены. Каждый камень здесь дышал стариной, хотя его не раз перестраивали из-за

многочисленных землетрясений. Они прошли через Главные ворота и оказались по ту сторону времени. Тихие, почти безлюдные улицы лишь казались таковыми. По ним струились тысячи искрящихся потоков. Мдина была сосудом энергии, который так и манил прикоснуться к себе, ощутить свою мощь. Это пугало и завораживало.

— Ты привыкнешь, — Сэм уловил ее замешательство. — На Мальте немало источников силы. Хочешь ты или нет, ты будешь их чувствовать. Не бойся.

— Иногда это странно.

— Только первое время. Когда ты примешь дар, все станет на свои места.

— А если... я не приму?

— Пробужденному тяжело отказаться от силы. Это все равно что перестать ходить или постоянно пытаться задержать дыхание.

— Пробужденному?

— Да. Так мы себя называем.

Вот, значит, что с ней творится. Однажды открыв в себе силу, отказаться от нее уже невозможно.

— Почему Мальта?

— Здесь находился Разлом. В Древности Малет процветала, потому что ее жители добывали и продавали металл, способный остановить любого мага. Малетийцы были язычниками и поклонялись женскому божеству, в государстве правили женщины. Девушки из уважаемых семей боролись за право и честь стать жрицами при Храме Великой Богини, а мужчины считались низшими и грязными существами, их использовали для тяжелых работ в шахтах. Вынужденные работать в непосредственной близости металла и Разлома, многие из них теряли рассудок. Чем это закончилось, ты помнишь: среди малетийцев раньше всего стали рождаться пустые.

Они свернули на узенькую улочку, зажатую между домами. Улицы Валетты по сравнению с ней казались проспектами — Агнесса словно оказалась в колодце-лабиринте. Тишина, окружившая их, нарушалась лишь тихим звуком шагов и голосами туристов: кто-то шел за ними следом. Становилось понятно, почему местные называют Мдину «молчаливым городом».

Первое поселение новой цивилизации возникло именно здесь, за две тысячи лет до нашей эры, с тех пор в ней селилась только местная знать. Сейчас здесь жило около трехсот человек, и все они были потомками мальтийцев-дворян. Девушку поразили дворцы, каждый из которых

принадлежал одной семье, и припаркованные рядом автомобили. Богатство здесь угадывалось в каждом фасаде, балконе или резном орнаменте.

Агнесса всегда считала, что равнодушна к истории, но Сэма слушала, открыв рот и позабыв о том, что утром подозревала его во всех смертных грехах. Рядом с Шеппардом она чувствовала себя на удивление легко и спокойно. Ей нравилось бродить с ним по улицам Мдины, слушать и говорить. Не будь ее сердце занято, она бы не удержалась и поддалась его обаянию: слишком притягательной аурой обладали такие мужчины, как он.

Прогулка завершилась обедом в ресторане, оформленном в средневековом стиле. Их встретил метрдотель и предложил аперитив, но они отказались. Столик приготовили быстро. Устроившись во внутреннем дворике, Агнесса рассматривала старинные толстые стены и олеандры, фонарики, которые наверняка очень красиво смотрятся ночью, высокие арки и лестницу. Сэм рассказал, что зимой здесь можно погреться у камина, но пока что она с трудом представляла себе зиму на Мальте: здесь все источало свет, тепло и солнце.

— Ты обо всем узнал от Дариана? — Агнесса подтянула к себе блюдо с рыбой и с наслаждением принялась за еду.

— Можно и так сказать. Он создал библиотеку, которую переписывали множество раз, переводили на известные языки. Она бесценна, но мы по-прежнему многого не знаем.

— И поэтому хотите открыть Мертвый город?

— Знания древних нам не помешают. Особенно сейчас.

Шеппард говорил загадками, но ей нравилось. Она искренне радовалась его обществу и не хотела расставаться.

— А какой дар у тебя?

— У меня их слишком много, — рассмеялся он, но тут же стал серьезным. — Я работаю с материей, Агнесса. Таких, как я, называют архитекторами.

— Иллюзию? Или нечто материальное из воздуха?

— Не из воздуха. К тому же иллюзия тоже может быть материальна, — Сэм улыбнулся. — Вещь, стихия, здание или человек — в умело созданной иллюзии никто не заподозрит подделку. Даже я. Но у нее есть свой срок. Как только тот, кто ее создал, перестает ее поддерживать, она исчезнет. Но...

Он держал в руках бокал, и Агнессе показалось, что у нее снова что-то со зрением. Тонкая ножка и стенки плавилась и меняли форму. Когда она поняла, в чем дело, то взглянула иначе. Мерцание линий стало неровным, они искривлялись, разрывались и соединялись вновь, сливаясь новыми

контурами. Когда Сэм закончил, в руках его вместо бокала для вина была стеклянная роза.

— Это не исчезнет, — сказал он и протянул ей хрупкий цветок.

Агнесса осторожно приняла подарок и покрутила розу в руках. Та была настоящей — в отличие от котенка, которого показывал Риган. Дар Шеппарда действительно напоминал волшебство.

— Ты говорил, что способности у всех разные, просто чего-то больше, а чего-то меньше. Значит, у тебя тоже есть дар к целительству?

— Задатки, — он задумчиво посмотрел на нее, — творить такие чудеса, как Сильвен, я не умею. Это особая сила, обращаться с ней нужно очень осторожно.

Он говорил о ее даре! Точнее, о даре Сильвена, но ведь она тоже лекарь. Мечта, которая долгие годы оставалась всего лишь мечтой, осуществится. Она сможет помогать людям! Агнесса вдруг ощутила гордость, словно уже могла исцелять. Она всего в двух шагах от своего предназначения. Сэм наверняка предложит ей учиться и развивать дар, но стоит ли соглашаться?! Шеппард смотрел на нее, прямо в глаза, и от волнения она с силой сжала белую тканевую салфетку, а он... улыбнулся подошедшему официанту и попросил счет.

Пока Агнесса хлопала глазами, вспоминая слова Ригана об уловках, Сэм расплатился, поблагодарил метрдотеля и тепло попрощался с ним. Она не переставала удивляться его мягкой уверенности. Для него не существовало неловких вопросов, а его внимательное отношение к каждому, кто оказывался рядом, было искренним, настоящим. Он держался как человек, знающий себе цену, но высокомерия в нем не было ни на грош.

В машине она внимательно смотрела на него, будто ждала, что вот-вот он снова намекнет на дар лекаря, но Сэм молчал. Ни разу за весь день он не попытался склонить ее к сотрудничеству или вернуться к теме учебы. Создавалось ощущение, что все про нее забыли, и это обескураживало.

— Скоро ты сможешь вернуться в Лондон.

Сердце забило сильнее, Агнесса замерла. Вскинула голову, вглядываясь в лицо Сэма, но он смотрел на дорогу. Сегодня весь день Шеппард только и делал, что устраивал ей встряски. Надо признать, приятные. Она бы многое отдала даже за короткий разговор по телефону, не говоря уже о возвращении домой и объятиях родителей. Неужели это правда?

— Для этого я должна согласиться на ваше предложение? — Голос охрип от волнения, Агнесса не могла ничего поделать с надеждой, которая

вспыхнула в ее душе.

— Нет, это пока опасно. Те, кто тебе угрожал, еще на свободе. — Шеппард бросил на нее быстрый взгляд. — Почему ты все время ищешь в моих словах скрытый смысл?

— Боюсь, что тебе снова придется проезжать мимо и извиняться.

Своя же грубость полоснула по сердцу. Услышать про невозможность уехать домой было больно. «Пока» может растянуться на всю жизнь. Что, если Милу и ее приспешников никогда не поймают?

— Агнесса, я не в силах исправить то, что случилось, но про Лондон не шутил. Нам предстоит вернуть часть ключа и открыть Мертвый город, а потом ты будешь свободна.

Он сказал «нам», но что имел в виду? Их команду или и ее тоже? Агнесса поспешно опустила взгляд, чтобы не выдать надежду. Если можно вернуться домой, а перед этим научиться помогать людям, она готова даже потерпеть Сильвена.

— Чтобы завершить дело, нужна я?

— Нет. — Он остановил машину на обочине напротив дома и внимательно посмотрел на нее. — Спасибо тебе за прекрасный день.

И все? Он сейчас попрощается и уедет?

Агнесса не могла в это поверить, но Сэм не собирался продолжать. Он вышел из машины, открыл дверцу и со свойственной ему галантностью подал ей руку. От прикосновения к его руке взметнулся поток согревающих искр.

— Я хочу учиться, Сэм. Ты мне поможешь?

Слова вырвались сами, Агнесса не успела их остановить, а он поцеловал ей руку и кивнул. Вот и все. Отступать было уже некуда. Все произошло настолько быстро, что она не успела опомниться, но теперь ей так или иначе предстоял разговор с Риганом: о таком она просто не могла ему не сказать.

Дожидаясь Эванса, Агнесса металась по гостиной, пытаясь понять, как он себя поведет. Разозлится или обрадуется? Что скажет, что почувствует? Она не будет частью команды, но научится исцелять и станет чуточку ближе к миру Ригана. К нему самому.

Он вернулся около полуночи — уставший, но счастливый: шагнул к ней, уткнулся носом в шею, с наслаждением потерся небритой щекой о плечо. Давно они не держали друг друга в объятиях, и Агнесса хотела было подождать до утра, но вспомнила о своей привычке затягивать. Откровенность всегда хороша ко времени, в данном случае — здесь и сейчас.

Она отступила на несколько шагов и сцепила пальцы, с надеждой глядя ему в глаза. Пусть все было решено, ей отчаянно хотелось почувствовать его поддержку и одобрение.

— Шеппард предложил помочь мне развивать дар. — Она увидела, как его серые глаза затягивает льдом, и поспешно добавила: — Для этого мне вовсе не обязательно работать на Дариана. Сэм обещал, что научит меня азам, и я смогу помогать людям. Я... я больше не могу оставаться в стороне. Риган, сила — это часть меня!

На мгновение ей показалось, что Эванс сейчас развернется и уйдет к себе, но неожиданно взгляд его потеплел. Агнесса улыбнулась и бросилась ему на шею. Кажется, он понял, как много это значит для нее!

— Спасибо, — прошептала она, хотя от счастья хотелось кричать.

— Пожалуйста, — буркнул Риган, и по его голосу Агнесса поняла, что он улыбается.

* * *

Они начинали не с работы с энергиями. Как нельзя кстати пришлось утренние пробежки и тренировки, которые Агнесса не забросила ни на Тенерифе, ни на Мальте. Сэм сказал, что для нее достаточно просто поддерживать форму и продолжать в том же духе.

А вот сосредоточенность и усидчивость никогда не были ее сильными сторонами. Она привыкла к подвижности, поэтому дыхательные практики и медитации порой выводили из себя. Агнесса никогда не понимала йоги и поражалась, как Сэм мог часами пребывать «по ту сторону реальности». Самой ей постоянно становилось то неудобно, то холодно, то жарко, то руки затекали, то ноги.

Они занимались в специальном зале, сидя на полу на мягких ковриках, но иногда поднимались на утесы и медитировали прямо на камнях. Такие занятия нравились девушке гораздо больше. Звук волн, бьющихся о скалистый берег, крики чаек, легкий ветер помогали ненадолго отключаться от неприятных обязанностей.

Агнесса чувствовала себя необычно, иногда безумно, но у нее начинало получаться. Своим маленьким достижениям она радовалась, как ребенок Единственное, что расстраивало, — по-прежнему редкие встречи с Риганом. Усталость брала свое, и возвращения Эванса с занятий Агнесса дожидалась не всегда. Она наслаждалась даже краткими мгновениями рядом с ним, но так и не набралась смелости спросить, что ждет их в

будущем.

Невозможно построить длительные и крепкие отношения на одном сексе. Такие мысли иногда наводили тоску, а потом появлялся он с озорной мальчишеской улыбкой — и ее сердце таяло. Предстоящая разлука казалась далекой и призрачной. Агнесса старалась о ней не думать, потому что в таком свете радость возвращения домой тускнела на глазах. И уж тем более она не хотела думать о том, что он мог бы поехать с ней. Агнесса знала, что этому не бывать. Риган еще на Тенерифе дал понять, что все это временно, а она так и не решилась на признание. Ее чувство наверняка все разрушит: в лучшем случае он посмеется, в худшем — отвернется от нее. Как сделал Энди.

К такому Агнесса не была готова, поэтому поступила как всегда: заперла свои чувства на замок и все силы бросила на обучение. День за днем она постигала тайны и суть исцеления. До тех пор, пока не оставалось уже никаких мыслей и все, на что она была способна, — обнять подушку и спать. Это действительно спасало, а большего Агнесса пока не ждала.

Поставив перед собой цель, она двигалась к ней уверенно и быстро и тренировалась даже дома. Агнесса увеличила физическую нагрузку и стала работать с энергиями по вечерам. Никто не стоял над душой, не ограничивал, и за несколько дней основательной личной практики она достигла успехов куда больших, чем за всю предыдущую неделю. Одновременно приходилось, совсем как в университете, изучать анатомию и историю Древности.

Когда Сэм показал Библиотеку, Агнесса чуть не осталась там жить. Библиотека занимала самый верхний этаж виллы. Тесно прижатые друг к другу стеллажи со старинными тяжелыми фолиантами, написанными от руки на незнакомых языках, папирусы и глиняные дощечки, сохранившиеся до нашего времени благодаря магам Древности. В конце комнаты стояли широкие деревянные столы, а на них, словно вырванные из реальности, — современные компьютеры. Как бы Агнессе ни хотелось прикоснуться к знаниям через записи очевидцев, она не могла разобрать ни строчки, поэтому в основном пользовалась ноутбуком. К счастью, большинство материалов уже перевели на современные языки.

И все же ей нравилось приходить в Библиотеку: сам воздух здесь был наполнен прошлым. Она знакомилась с историей пробужденных и в эти часы забывала обо всем. Чаще всего встречались стихийные маги. Такой дар мог как разрушать, создавая смерчи, наводнения, пожары и извержения вулканов, так и созидать, принося ливни в засуху и укрощая бури ради

спасения людей. Алхимики действовали через свои изобретения — зелья и заклинания. Они умели запечатывать энергию в артефакты и использовать ее даже вдали источников силы. Именно о них когда-то шла молва ведьм и колдунов. Иллюзионисты умело отводили глаза, их недолгоблывали за совершенное мастерство обмана. Архитекторы управляли пространством и могли в прямом смысле сдвинуть горы. Чем больше она читала, тем больше погружалась в безграничный и притягательный новый мир.

Пробужденных пока было мало, а Клотильда делала все, чтобы Риган постоянно был занят, поэтому чаще всего Агнесса сидела в огромной пустынной Библиотеке одна. Пару раз заглядывала яркая высокая женщина с длинными темными волосами в платье с таким откровенным вырезом, что в нем спокойно можно было утонуть, а однажды Агнесса столкнулась с высоким темноволосым мужчиной в очках. Иногда вместе с ней приходил Сэм, но большую часть времени здесь царила тишина. Все, кто заходил, пользовались компьютерами, даже Шеппард, поэтому Агнесса очень удивилась, увидев склонившегося над свитком незнакомца в белом костюме. Он мог бы сойти за старшего брата Сэма: темноволосый, смуглый, уже не молодой, но вполне привлекательный.

Когда она проходила мимо, незнакомец оторвался от чтения и привстал. Легкое покалывание в ладонях — непонятно почему встрепенулась собственная сила. Она кивнула на молчаливое приветствие, украдкой взглянула на свиток. Какие-то странные, но красивые закорючки, наверняка написан на одном из мертвых языков.

— Вы понимаете, что там написано?

Глупее вопросов не придумаешь. Агнесса готова была провалиться сквозь землю, но незнакомец и бровью не повел.

— Это финикийский. Я перевел большинство записей, которые здесь хранятся.

— Ничего себе! Благодаря вам все мы можем это читать? Спасибо!

Улыбка на мгновение стерла с его лица отрешенность, зато в уголках глаз и под ними собрались морщинки. У него были необыкновенные глаза: ярко-синие, но усталые, как у древнего старика. Словно он прожил больше, чем отмерено, и тяготился этим. Ригану двести восемнадцать, но она никогда не замечала в нем такого. Сколько же лет этому человеку?

Она поймала себя на мысли, что смотрит на мужчину не отрываясь, опустила взгляд и увидела срывающиеся с собственных пальцев искры. Ее дар вел себя как-то странно — чаще всего он пробуждался неосознанно, только тогда, когда нужна помощь. Агнесса поспешно отвела руки за спину: напоминать неисправную электрогирлянду в присутствии

незнакомца не хотелось.

— Пожалуйста, Агнесса.

Она неосознанно кивнула и направилась дальше, чтобы не мешать. Устроившись за одним из ноутбуков, Агнесса читала, то и дело поглядывая на незнакомца. Только после того, как мужчина ушел, она поняла, что не спросила его имя. И что он знает ее.

* * *

Две недели пролетели быстро и насыщенно. Поначалу жизнь на Мальте казалась не менее скучной, чем на Тенерифе, но занятия по раскрытию дара были удивительными, невероятными и познавательными. Она испытывала почти детский восторг, когда у нее получалось. А ведь поначалу хотела от этого отказаться! На одном из занятий она сказала Шеппарду, что ей не терпится научиться исцелять и что она уже готова осваивать лечение.

— Ты отлично управляешься с энергиями, — ответил Сэм, — но пока не научилась держать равновесие. Все время порываешься отдать больше, не следишь за своим состоянием. Этим многие грешат вначале. Если у тебя не останется сил, помочь ты никому не сможешь. Даже себе.

Агнесса не стала настаивать и спорить. Шеппард почему-то считал, что она согласится топтаться на одном месте до конца дней своих, но это его дело. Если она чувствует, что готова, значит, она готова. У нее получилось помочь Ригану, когда она и слыхом не слыхивала о работе с энергиями, что уж говорить о настоящем.

Она пораньше ускользнула из Библиотеки и вернулась домой. Джуны сегодня не было, и Агнесса решила, что сейчас самое время попробовать: взяла небольшой нож и отправилась в ванную. Уверенность в себе не отменяла правил техники безопасности, поэтому она достала аптечку.

Решиться сделать первый надрез оказалось нелегко. Она утешилась мыслью, что все великие ученые ставили опыты на себе, и резко провела лезвием по предплечью. Выступила кровь, и Агнесса почувствовала покалывание в пальцах. Зрение пробужденной мгновенно уловило надломы в тонких контурах, и она направила серебристые искры, сшивая крохотные разрывы. Рану зашипало, стало тепло. Агнесса открыла глаза и увидела, что ткани срослись, на гладкой коже не осталось даже крохотного шрама, о порезе напоминала только запекшаяся кровь.

Агнесса вскочила и счастливо засмеялась. У нее получилось!

Интересно, что Сэм скажет насчет равновесия, когда увидит такое?!

Радость понемногу отступила, и она решила продолжить. Следующий порез был глубже, пришлось закусить губу. Энергии на лечение понадобилось больше, но она справилась. И снова на коже не осталось и следа. Довольная собой, Агнесса повторила опыт еще несколько раз. Похоже, она готова к исцелению любой сложности, а Сэм просто перестраховался. Завтра она покажет ему, на что способна!

Она поднялась слишком резко, ее повело, пришлось опереться о стену. Предплечье кольнуло, затем еще и еще, саднящая боль превратилась в жжение. Агнесса смотрела, как раны раскрываются одна за другой. Кровь потекла так, будто ее выдавливали словно томатный сок из пакета. Капли падали на кафель и расплывались яркими кляксами.

Агнесса сползла на пол. Перед глазами темнело, а руку будто окунули в кипяток. Она с ужасом осознала, что энергия покидает ее тело, словно кто-то включил обратный исцелению процесс. Борясь с надвигающимся обмороком, она вспоминала, как остановить потерю энергии, а после — уроки первой помощи. Ослабшие пальцы дрожали и срывались, попытки самостоятельно затянуть жгут ни к чему не привели. Агнесса выхватила из аптечки бинт и стала наматывать его поверх порезов. Он на глазах пропитывался кровью.

Здоровой рукой она вытащила мобильный и набрала номер Ригана. Телефон оказался выключен, и она тут же позвонила Сэму, гудки доносились из трубки сквозь шум в ушах. Агнесса молилась только о том, чтобы Шеппард ответил раньше, чем она потеряет сознание.

— Слушаю.

— Сэм, — сдавленно прошептала она, чувствуя, как глухо ухает сердце. Бинты на руке намокли и потяжелели. — Сэм, помоги мне...

— Что случилось? Где ты?

— Дома. Я решила попробовать лечение... — Признание давалось ей с трудом. Слишком много сил уходило на то, чтобы разговаривать. — На себе.

— Я сейчас буду. Не закрывай глаза, Агнесса, хорошо?

— Боюсь, что не выйдет, Сэм.

— Выйдет. Говори о чем угодно. Говори со мной, слышишь?

— Да... я не знаю, о чем...

— Что ты видишь перед собой?

— Стену, халат... и... полотенца...

Жар нарастал, а слабость растекалась по телу. Телефон выпал из рук, и Агнесса повалилась следом. Сэм что-то кричал в трубку, но она не

разбирала ни слова. Ледяной кафель под щекой приятно охлаждал пылающую кожу. «Шеппард не успеет», — подумала она. В том, что с ней творилось, медицина была бессильна.

Агнесса жалела, что не дозвонилась Ригану, чтобы просто услышать его голос. Жалела, что не успела сказать ему о своих чувствах, да это теперь и неважно. Она сгорала во внутреннем огне. Может ли человек расплавиться, как свеча?

Сэм появился слишком быстро, или она потерялась во времени? Ей казалось, что прошло не больше двух минут. Он склонился над ней и поднял на руки — легко, как если бы она была пушинкой, устроил на кровати, приподнял голову и положил вторую подушку.

— Все будет хорошо, — пообещал он, сжал ее руку и отступил в сторону.

Сквозь туман, боль и жар она слышала второй голос и узнала мужчину, присевшего на кровать рядом с ней. Сильвен действовал быстро: размотав бинты и увидев раны, он раздраженно пробормотал: «Глупая девчонка!»

Его близость была пугающей, словно к ней прикасалось нечто темное и опасное. Знакомое серебристое мерцание мешалось с холодом красно-черных плавающих искр. Она попыталась отодвинуться, но сил не осталось. Жжение в руке обернулось согревающим теплом, жар понемногу отступал. Сознание прояснялось, и спустя минуту она уже с любопытством наблюдала за работой лекаря. Теперь Агнесса понимала, где именно допустила ошибку.

На лице Сильвена не отражалась ничего, а вот Шеппард, стоявший возле окна, обеспокоенно хмурился. Агнесса виновато улыбнулась, но он не улыбнулся в ответ.

Лекарь закончил и встретился с ней равнодушным взглядом. Слова благодарности застряли в горле, когда она вспомнила, за что невзлюбила Сильвена. Есть ли у этого человека вообще чувства?

— Лучше не повторять подобные опыты, — холодно произнес он, и девушка кивнула.

Ее щеки горели не от жара — от стыда. Голова больше не кружилась, в ушах не звенело. Немного клонило в сон, но она искренне обрадовалась, когда лекарь ушел. Ей хватало и того, что она чувствовала себя полной дурой, а под взглядом Сильвена это ощущение усиливалось десятикратно.

Шеппард подтянул стул поближе к кровати и сел.

— Ты меня здорово напугала.

— Я себя переоценила. — Агнесса посмотрела на свою руку —

порезы остались только в воспоминаниях. — Хотела быстрее научиться исцелять. Я поняла, где ошиблась... — Заметив, как Сэм напрягся, она поспешно добавила: — Но повторять не стану.

Никаких упреков, претензий и нравоучений: она смотрела Сэму в глаза и видела искреннее беспокойство. Он спас ей жизнь не меньше, чем Сильвен. Если не больше. Он действительно волновался за нее. Шеппард был не таким, как другие. Казалось странным представить, как он вообще затесался в эту компанию.

Стыд отступил, на смену ему пришло раскаяние.

— Спасибо, — тихо сказала она.

— Не за что, — его улыбка была теплой и светлой.

— Сэм, не говори об этом никому. Пожалуйста!

Под «никому» подразумевался один-единственный мужчина. Меньше всего Агнессе хотелось, чтобы про ее выходку узнал Риган. Тогда он точно будет против ее занятий или, чего доброго, устроит разборки с Шеппардом.

— Обещаю. Только и ты мне кое-что обещай.

Проснулась привычная подозрительность, но она мысленно себя пристыдила. Сэм даже не отругал ее за глупую выходку. А ведь она могла умереть! По спине пробежал холодок, сердце забилося часто-часто. Если бы Шеппард не успел, вечером Эванс нашел бы в ванной ее тело.

— Агнесса, — рассмеялся он, — у тебя такие глаза, будто я прошу продать душу дьяволу. Ты согласишься на занятия с Сильвеном? Уговорить его будет нелегко, но я не смогу научить тебя тонкостям исцеления.

Агнесса облегченно вздохнула, кивнула и слегка покраснела, потому что действительно опасалась того, что в расплату за свой проступок придется пойти в пожизненное услужение к Дариану.

— Вот и славно! — Он наклонился и поцеловал ей руку. — Сегодня тебе лучше отдохнуть, ты потеряла много крови. Сильвен сделал все и даже больше, но лучше перестраховаться. Я принесу поесть.

Он сам приготовил ужин, а после убрался в спальне и ванной. Агнесса не представляла, что такой мужчина может взяться за тряпку или разбираться в кулинарных премудростях. Если бы у нее остались силы для удивления, она наверняка растерялась бы еще больше. Сэм оказался невероятным, потрясающим мужчиной, вполне во вкусе прежней Агнессы Уваровой. Именно такого она искала долгие годы! Умного, доброго, внимательного и чуткого. Он наверняка понравился бы родным, особенно Рите, и рядом с ним никогда не пришлось бы сомневаться в своих чувствах, вот только... От его улыбки не замирало сердце, не его она ждала поздними вечерами, не ему боялась признаться в любви. Сэм был хорош всем, но ни

капли не наминал Ригана.

Глава 15, в которой Риган узнает страшные тайны о старых друзьях, новых врагах и древних городах

Настроение было радужное — белобрысая надзирательница только что сообщила ему, что во второй половине дня они наконец-то займутся практикой энергий, и в кои-то веки пригласила на полноценный обед в нормальный ресторан. Пребывая в возвышенно-философском состоянии, Риган поцеловал Клотильду в щеку, отправился в душ и переодеваться, когда в конце коридора заметил Агнессу и ее наставника. Хмырь что-то оживленно рассказывал и улыбался, она же смеялась и выглядела откровенно счастливой.

Ох уж этот Шеппард! Смазливый высокий брюнет в светлом костюме, обещающий заманчивое чудо спасения человеческих жизней.

Когда Агнесса встретила его с этой новостью, она просто сияла. Конечно же, ей хотелось управлять своим даром, и Риган не стал возражать. Ее радость развеяла даже тень сомнений, что ничего хорошего из этого не выйдет.

Сейчас она будто почувствовала его пристальный взгляд, повернулась и подошла к нему. Глаза ее горели неподдельным восторгом. Столкновение человека с неизведанным чаще всего начиналось именно так, а вот заканчивалось не всегда удачно.

Он нахмурился, но тут же отогнал невеселые мысли. Агнесса была счастлива, и ему не хотелось все испортить.

— Как занятия? — Риган притянул ее к себе и поцеловал в губы.

— Успешно! — похвасталась она, обнимая его. — Мы с Сэмом как раз переходим к практике. Немного страшно, но я справлюсь! А как у тебя?

— Я рад, — он взял ее руки в свои и поцеловал ладони. — У меня такие же новости. Мир полон совпадений.

— Добрый день, Риган.

Шеппард приблизился к ним — высоченный и прямой, как строительная линейка. Он был на голову выше, и его стильный костюмчик смотрелся выигрышно перед спортивными штанами и футболкой, потемневшей от пота.

— И вам здравствуйте. — Риган улыбнулся уголком губ и приподнял брови. — Колдуете потихоньку? Осторожней с этим, а то я слышал, что один мальчик как-то пытался искривить пространство и с тех пор ходит с кривой физиономией.

— Я стараюсь не вмешиваться в высшие материи, — ответил хмырь, — но если что, у меня замечательная ученица. Она все исправит.

Агнесса покраснела.

— Расскажешь вечером, как прошла твоя первая практика? Я обязательно дождусь!

— Договорились. — Риган снова притянул ее к себе и поцеловал в губы — на сей раз более откровенно — и только после этого отпустил. Он не стал прощаться, просто направился в душевую, насвистывая себе под нос мелодию «The Rocky Road to Dublin».^[7]

— «Мы с Сэмом», — процитировал он и подставил лицо упругим струям, — очаровательно...

Сарказм потерялся в шуме бегущей воды.

В далеком девятнадцатом веке он терпеть не мог таких, как Шеппард. Молодых аристократов, которым по праву рождения преподнесли титул, блага и почести. За ними носились десять нянек, а в будущем их уже ждали отцовские связи и привилегии — бери и пользуйся. В их семье эти скромные радости жизни достались сводному братцу: Эмилия Эванс все-таки подарила мужу законного наследника, хотя это и стоило ей жизни. Самому Ригану пришлось негласно нести на себе клеймо ублюдка и отцовскую ненависть двадцать один год. Не так уж много по меркам измененных, но ему хватило, чтобы запомнить. Он понятия не имел, как Шеппард оказался у Дариана, но предполагал, что в прошлом паренек был не из самого глухого рода. Сложно перепутать врожденное и приобретенное.

Они с Клотильдой обедали в местном ресторане, одном из лучших в Дингли. На толстых каменных стенах висели разномастные картины с изображением бутылок вина, подсветка превращала краски на холстах в кровь. По влажным после душа волосам бежал холодок кондиционера, но ни отдых, ни вкусная и сытная еда не помогали расслабиться и не приносили удовольствия. Дожидаясь горячего, он рассматривал здешнюю публику — больше туристов, чем местных — и не мог сосредоточиться ни на одной мысли. Кроме Агнессы и Шеппарда.

— Витаешь в облаках. — Голос Клотильды спустил его с небес на землю. — И наверняка думаешь не о работе с энергиями.

Она помолчала и добавила:

— Выкинь ее из головы, Эванс. Это все усложняет.

Риган приподнял брови, криво улыбнулся.

— Так проще, да? Когда ничего не усложняешь...

Клотильда прищурилась.

— Между нами и людьми всегда будет пропасть. Дариан позволит ей уйти, и она уйдет. Выберет спокойную жизнь, а тебе оставит пустоту.

Она не стала называть имен, все было и так понятно. Риган ожидал, что воспоминания об Ив снова поднимут со дна души муть, что старая рана начнет ныть, рубец вскрыется гноем и кровью, но понял, что ошибался. Ничего из того, чем могли бы обернуться эти слова чуть раньше, он не чувствовал. Открытие настолько поразило, что какое-то время он молча рассматривал рагу из кролика, которое принес официант, а потом принялся за еду.

Клотильда отвернулась, избегая его взгляда, и ему показалось, что для нее это было действительно важно. Не просто слова или совет, она сама пережила подобное, и оно живо в ней до сих пор.

— Как его звали?

— Филипп. Я была молодая и глупая, а он еще моложе, совсем мальчишка. Именно это меня в нем и привлекло: его чистота и простодушие. То, насколько он далек от нашего мира. Я знала, что будущего у нас нет, но поддалась сиюминутной слабости. А потом было уже слишком поздно.

— Он узнал, что ты измененная.

Клотильда коротко кивнула.

— Сейчас уже и не вспомню, чего в его глазах было больше. Отвращения или страха.

Она замолчала. Непроницаемый заслон серо-голубых глаз был спаян из уверенности в себе, легкого, на грани флирта, интереса и снисхождения. Створки снова захлопнулись, устрица не желала покидать безопасное убежище. Сколько лет жизни Клотильда положила на благо Древнего, оставалось только догадываться. Все, кто работал на Дариана, мало знали друг о друге, но объединяло их одно. Нежелание усложнять.

Риган накрыл ее руку своей и легко сжал.

— Расскажешь мне, как сделать реалистичную стриптизершу в минуты душевной тоски?

— Мы нашли Аверс.

Не совсем то, что он ожидал услышать. Нужно было догадаться, что обед в ресторане — это неспроста. Он рассказал о Миле месяц назад, а обнаружили ее только сейчас? Впечатляет! Для этого орешка нужен особый

щелкунчик.

— Я весь внимание.

— Во время захвата она разнесла загородный дом в щепки: семерых утопила сразу, как слепых котят, а остальных добивала вручную. И только одного оставила в живых.

— Чтобы он мог рассказать?

— Верно. — Клотильда сделала паузу, пока официант забирал тарелки, потом продолжила: — Рядом с ней постоянно находится Морис. Он управляет силой земли, поэтому разворотить водопроводные трубы, которые в городах повсюду, для него не проблема. Дальше сам понимаешь.

Риган присвистнул.

— Убийственная парочка! Просто пристрелить не пробовали?

— Нам нужно знать, зачем она собирает вокруг себя пробужденных. Нужно, чтобы она назвала имена. Неизвестно, какие идеи она собирается вложить или уже вложила им в головы. И, если ты еще не забыл, нам нужен ключ. — Последние слова сочли сарказмом.

Он поморщился: ну да, совершил в прошлом ошибку, раскидал побрякушку по свету. Что, теперь до конца жизни убиваться?

— Попробуйте счастья еще раз. Натравите на нее не людей, а пробужденных.

— Риган, в группе захвата были пробужденные. Двое воздушных.

Пробужденные, работающие с воздушной стихией. Он разглядывал остывающий кофе и старался не думать о Яне. В их последнем разговоре были расставлены все точки, и Риган долгое время избегал мыслей о том, как сложилась его судьба. Левандовский сделал свой выбор, но почему-то правило измененного — перешагнуть и отпустить — на этот раз не сработало.

Официант принес счет, Риган вручил ему карту и облокотился о стол, глядя на Кло. Пенка давно растаяла, эспрессо выглядел мутной темной водицей.

— И что теперь?

— Сам как считаешь? — холодно проронила она. — Даже если мы снова до нее доберемся, нам не нужны сотни невинных жертв. Будем ждать.

Он подумал об Агнессе. О том, как отчаянно она хотела вернуться домой, какой радостью сияли ее глаза, когда она говорила о родных. Очередной мираж, пустые надежды: нужно ждать, пока озверевшая дамочка совершит ошибку или сделает следующий ход. Через год, через два, кто знает. После неудачного захвата она может затаиться надолго. Если

только не сыграть на ее интересе.

Риган постучал пальцами по столу и кивком поблагодарил официанта.

— Если я скажу, что один мой друг поможет решить проблему с Водяной монстрой, обещаешь ему помилование?

Клотильда изогнула брови и вперила в него холодный взгляд.

— Я тебя внимательно слушаю.

Риган бы не упомянул Яна, но то, что вытворяла Мила, выходило за рамки даже выдавших виды. Поэтому он рассказал о дружбе с Левандовским, о том, как обратился к нему за помощью и к чему все это привело, включая смертельно опасное водное шоу, свидетельницей которого Агнесса стала на Тенерифе. Пришлось выслушать о себе много интересного, но Кло не хуже его понимала, к чему он клонит и что его идея поможет обойтись малой кровью.

— Ты больше ни о чем не забыл рассказать?

По ее сосредоточенному взгляду становилось понятно, что мысленно она уже просчитывает варианты.

— Нет.

* * *

Делом Милы Аверс занималась Новая Полиция — организация, сотрудникам которой предстояло расхлебывать дело рук зарвавшихся пробужденных, а заодно шустро изолировать их от общества. Идейным вдохновителем волшебного варианта Интерпола был Дариан, а заведовал им небезызвестный Шеппард, который спустя несколько дней препирательств с Клотильдой все-таки дал отмашку на обсуждение операции.

— Эрик Уивер, руководитель отделения Новой Полиции Сиэтла, — Риган Эванс.

Риган пожал руку невысокому подтянутому мужчине с залысинами, по выправке и умению держаться напоминающему генерала в отставке, встретил жесткий изучающий взгляд серых глаз и кивнул. Эрик прошел в зал, а Шеппард остановился у дверей.

— Риган, есть кое-что еще, что тебе стоит знать. Большинство кадров Новой Полиции вышло из Ордена. Мы приглашаем к сотрудничеству людей, которые не понаслышке знакомы с теневым миром и проявили себя с лучшей стороны.

Риган недобро прищурился. Клотильда спрашивала его о сюрпризах,

но хмырь только что выдал нечто фееричное. Ему такое не переплюнуть, как ни старайся.

— Серьезно? С лучшей стороны — это вы по числу покалеченных и убитых считали?

— Риган...

— Секундочку. Этот ваш Уивер тоже... из Ордена? — Последнее слово он буквально выплюнул.

Молчание Шеппарда было весьма красноречивым, и обсуждать что-либо с Эриком Ригану резко расхотелось. Он видел истерзанные в клочья тела, на своей шкуре испытал слишком многое, чтобы спокойно пожимать руки старым врагам. Орденцы представлялись Ригану закоренелыми фанатиками, у которых на лбу написан приговор всем измененным. Многие охотники в свое время либо лишились близких по вине «проклятых кровососов», либо пострадали сами. Неудивительно, что это выливалось в истребление и изощренные пытки. Малую часть составляли бывшие военные и хорошо обученные наемники, которые работали по контракту, но они просто-напросто терялись в общей массе. Если у Ордена и была «лучшая» сторона, он с ней не сталкивался.

— Я лично отбираю руководителей и проверяю, как они ведут дела. Между Орденом и Новой Полицией нельзя ставить знак равенства.

— Верится с трудом. Хотите потом расхлебывать новую охоту на ведьм? Теперь уже в прямом смысле.

Потрясение сменилось холодной яростью, невозмутимость Шеппарда раздражала. Риган скрестил руки на груди и шагнул в просторный конференц-зал. Исподлобья взглянул на наставницу, на Уивера же старался не смотреть вовсе. Стоило ему подумать, что тот был связан с Орденом, сразу передергивало от бешенства. Что по поводу Ригана и прочих думал бывший вояка — неизвестно. Догадывался ли он, кто перед ним? Кто отдает ему приказы, с кем он сидит за одним столом?

Ждали Дариана. Дариана, который никогда не опаздывает, но сейчас уже пять минут промедления были записаны именно на его счет. Когда пошла шестая, в зал заглянул Сильвен и что-то шепнул Шеппарду. Тот выслушал, нахмурился и первые несколько секунд после ухода лекаря выглядел так, будто ему в сердце всадили нож по самую рукоятку. Впрочем, это не помешало хмырю нацепить маску деловой невозмутимости и повернуться к присутствующим.

— Дариан приносит свои извинения за то, что заставил ждать, и за то, что не сможет присутствовать. Начинаем.

Риган выступал первым. Стоило немалых усилий отрешиться от

ялости, чтобы изложить суть своего предложения: ему предстояло связаться с Яном, внедриться в команду Милы и привести ее туда, куда она так стремится попасть. В Мертвый город, который под завязку напичкан металлом Дюпона и где ни она, ни Морис не смогут использовать способности. Только так получится взять ее живой.

— На чем основана ваша уверенность в том, что Януш Левандовский станет сотрудничать?

Жесткий голос Уивера полоснул по напряженному сознанию.

— А в чем проблема? — Риган услышал звучный хруст и не сразу понял, что сломал ручку. Осколок больно впился в кожу, выступила кровь. — Потому что он измененный?

— Он — террорист, — холодно отозвался тот. — И вы не предоставили никаких доказательств того, что ему можно доверять. Кроме предположений, основанных на вашей дружбе, разумеется.

Шеппард негромко кашлянул.

— Вернемся к обсуждению, — напомнил он. — Эрик, вам слово.

Уивер поднялся и направился к экрану: именно ему выпало сомнительное счастье вести дело. Мила Аверс, или Джессика Пол, родилась тридцать девять лет назад в Белвью, где ее отец трудился на благо Ордена. Девочке едва исполнилось восемь, когда до родителей добрались измененные. Дело нередкое: хотя защита у орденцев была серьезной, предатели находились везде. Мать с отцом заживо сожгли у нее на глазах, а ее саму заперли в полыхающем доме. Когда измененные ушли, она выпрыгнула со второго этажа.

Мила пошла по стопам отца сразу после окончания школы. Ей предлагали бумажную работу, но она буквально выгрызла себе место в допросной, а затем и в рядах оперативников — на ее счету были сотни искалеченных и убитых измененных. После того как Орден расформировали, она исчезла. Чтобы сейчас появиться вновь.

— Нам не известно, сколько пробужденных она взяла в оборот, — Уивер отвлекся только на мгновение, чтобы выпить воды, — и как она на них выходит. Это один из ключевых вопросов, который я хотел бы ей задать.

Понять, откуда она узнает имена, и впрямь сложно. Ян искал выходы, но к Ромашову Мила пришла сама. Александр был русским, а Морис Легран — француз еврейского происхождения, в прошлом наемник французской армии. С Аверс он познакомился полтора года назад и с тех пор не разлучался. Предположительно они состояли в отношениях, но подтверждений тому не было.

Эрик говорил, а Риган смотрел на экран, где кадры презентации сменяли одна другую. Вырезки из газет: пылающий дом и маленькая девочка под капельницей в ожоговом отделении. «Общество говорит: „Прости нас, Джесси“», — заголовок крупными буквами. Архивные хроники Ордена: изувеченные тела измененных, перечни имен убитых, записи вырванных под пытками сведений. И последние фотографии: темноволосая женщина с резким взглядом убийцы. Строгие брюки, тонкая непрозрачная блузка с высоким воротом, плотный пиджак.

Когда полицейский замолчал, Риган поднялся — пожалуй, слишком резко. Ножки стула скрежетнули по полу.

— Прошу прощения, — процедил он и поспешно вышел.

Сердце колотилось как сумасшедшее: когда шагал по коридорам, когда распахнул дверь и судорожно, сквозь сжатые зубы втянул ночную прохладу.

На смотровой площадке Риган с силой ударил кулаком в перила. Снова — еще и еще. Боль обжигала, но отрезвить не могла. Содранные костяшки саднили, и только слова Клотильды заставили остановиться.

— Эванс, еще одна такая выходка — и операции не бывать.

Он обернулся — и ярость схлестнулась с непроницаемым спокойствием льда.

— Посмотри на себя! — Она подошла и встала рядом. — Это называется личная заинтересованность.

Риган скривился, но промолчал. Клотильда была права. Орденцы творили беспредел, но и измененные тоже. Мила Аверс — порождение и первых, и вторых.

— Город под Ираклионом построили те, кто добровольно отказался от способностей, чтобы избежать кровопролития. — Она смотрела за крыши соседних домов, туда, где темный горизонт сливался с черной водой. — Последовали за ними немногие. В древности их называли отшельниками и миротворцами, но их смирение не остановило надвигающуюся бурю. Именно они предложили запереть знания, пока те не уничтожили человечество. И создали ключ: единый для двух городов, чтобы никто не мог добраться до металла, из-за которого кровь лилась рекой.

— К чему ты мне все это рассказываешь?

— Хочу, чтобы ты понял. На противостоянии невозможно ничего построить. Зато разрушить — легко. Отделений Новой Полиции пока не так много: два в России, два в Штатах, один в Париже и один в Сингапуре. Поскольку с каждым годом ожидается все больший приток пробужденных, активно ведется работа по расширению. За основу мы брали здания филиалов Ордена, оснащенные по последнему слову техники: допросные,

камеры — повсюду металл Дюпона, который понадобится в работе с преступниками нового мира, обладающими способностями. При отделениях полиции существуют центры первичного инструктажа, в которых первые пробужденные смогут получить основы знаний. В ближайшую сотню лет по миру раскинется сеть полноценных школ и академий, но пока до того дня еще далеко. Если мы будем цепляться за старую ненависть и вражду, у нас ничего не получится. Ты меня услышал?

— Услышал.

— Вот и хорошо. — Клотильда положила руки ему на плечи и развернула лицом к себе. — От того, как все пройдет, зависят не только наши жизни. Аверс опасна. Опасна не столько силой, сколько непредсказуемостью. Нужно понять, что она замышляет, прежде чем это наберет обороты. Эванс, звучит громко, но у тебя в руках судьба нового мира.

— Не боишься, что я надорвусь? — криво усмехнулся он.

— Боялась бы, — она улыбнулась, во льдах ее глаз мелькнули теплые искры, — не дала бы этому делу ход. Пойдем, пока Шеппард не решил, что у нас роман.

Риган не выдержал: улыбнувшись, провел пальцами по ее щеке.

— Это можно устроить.

— Эванс! — Клотильда приподняла брови и указала ему в сторону Центра. — Шагай!

* * *

На экране застыла план-схема Мертвого города, восстановленная со старинных изображений. Природа создала лишь металл, все остальное было делом рук человеческих. Размах поражал: тринадцать уровней, высота от верхней до нижней точки около шестидесяти метров, переходы и лестницы, многочисленные ниши, расположенные друг над другом, — комнаты, полные табличек с древними знаниями. Основная библиотека — в глубине анфилад, в нее можно попасть с обзорной площадки, расположенной напротив входа.

— Мальту и Город соединяет длинный подводный тоннель. — Изображение сменилось, Шеппард указал на экран. — От разрушения коридор защищает пространственная сеть, над которой алхимикам и архитекторам прошлого пришлось хорошенько потрудиться. Чтобы металл и знания не разграбили раньше времени, древние создали ловушку.

Никакой классики археологии — отравленных стрел, ядовитого газа, проваливающихся под ногами плиток или затопленных водой лабиринтов. Последняя часть пути пролегает над пустотами, где обитают бестелесные паразиты, запертые там на протяжении тысячелетий. Любое живое существо представляет для них интерес и возможность вырваться на свободу.

Риган облокотился о стол, наблюдая за Уивером: на лице бывшего орденца не дрогнул ни один мускул. Похоже, в чем-то Шеппард был прав — тому, кто однажды столкнулся с теневым миром, гораздо проще такое принять.

— Что произойдет с человеком, если он попадет в ловушку? — спросил полицейский.

— Обычный человек, ставший сосудом, даже не дойдет до входа. Пробужденный, за счет более сильных внутренних энергий, протянет чуть дольше. К счастью, такие жертвы не нужны — у нас есть Риган. Чтобы преодолеть несколько десятков метров до входа в Город, нужна материальная иллюзия. Поворот ключа не только откроет дверь, но и сдвинет металлические пластины под коридором, запечатывая паразитов в саркофаге.

Уивер бросил на него внимательный взгляд — взгляд стратега, оценивающего фигуру, от которой зависит слишком многое.

— Когда террористы окажутся в Городе, я открою портал. — Хмырь выглядел невероятно уставшим. — Дальше в игру вступаете вы. Разумеется, от нас будет вся необходимая поддержка. В том числе помощь лекаря.

Знал бы Ромашов, какую ради Милы собирают команду, кичился бы еще больше. Ригану нужно протащить материальную иллюзию через ловушку к входу в Город, Шеппарду предстоит не только соединить две точки пространства, но и удерживать портал, Уивер с группой захвата займется Монстрой и ее друзьями, а Сильвену придется попотеть после, чтобы не позволить пострадавшим отправиться на тот свет.

— Вам уже приходилось работать под прикрытием? — Когда экран погас, полицейский повернулся к Ригану.

— Нет.

— Но вы считаете, что справитесь. Почему?

— Потому что для меня это важно. — Риган поймал взгляд Кло и неожиданно для себя добавил: — Так же, как и для вас.

— В таком случае предлагаю пройтись по основным пунктам. — Уивер вопросительно посмотрел на Шеппарда, затем на Клотильду и, когда

те кивнули, продолжил: — Нам нужно знать численность террористической группировки и возможные осложнения, с которыми мы можем столкнуться при захвате. Что касается Януша Левандовского, если вы готовы поручиться за него, мне достаточно вашего слова.

Риган приподнял бровь, но ничего не сказал. Поначалу их общение с Уивером не задалось, но надо же с чего-то начинать.

Совещание затянулось еще на несколько часов, и к тому моменту, когда он вышел из конференц-зала, голова больше напоминала чугунный колокол, под которым бегали взбесившиеся гномы. Осознание того, что ему дали добро, пришло уже в машине. Сквозь усталость пробивалась одна-единственная мысль: Агнесса скоро отправится домой. Если повезет, успеет к Рождеству.

Глава 16

о том, что красное платье работает безотказно, но иногда это заканчивается не самым лучшим образом

Время летело незаметно. Агнесса вошла во вкус и предпочитала тренироваться рядом с наставником и другом, а не в одиночестве. Скучать не приходилось: она возвращалась домой чуть раньше Ригана. Сил с каждым днем становилось больше, и девушка чувствовала себя переполненной энергией. То, что поначалу воспринималось как волшебство, не было чудом. Всего лишь законы природы и мира, в котором она родилась и жила. Кто бы мог подумать! Она всегда была обыкновенной. Звезд с неба не хватало, выбрала офисную профессию, работой в агентстве увлеклась, потому что в личной жизни не складывалось. Теперь же она могла спасти жизни!

Азам исцеления ее обучал Сильвен — неизвестно, каким образом Сэму удалось уговорить личного лекаря Дариана помогать ей, но она была искренне благодарна и Шеппарду, и блондину. Вряд ли она достигла бы таких успехов без его знаний и помощи. На занятиях Сильвен держался доброжелательно и отстраненно, терпеливо отвечал на все вопросы и направлял ее мысли и умения в нужное русло. Вспоминая первый опыт лечения под его руководством, Агнесса искренне веселилась, но в тот день было не до смеха. Она чувствовала себя как на экзамене перед строгим преподавателем: отчаянно боялась ошибиться и все-таки успешно вылечила несколько глубоких порезов молодого мужчины, которого привел Сильвен. Сэм помог ей справиться со страхом, появившимся после неудачных опытов на себе, но поначалу Агнесса все равно волновалась — каждый раз как первый.

С определением дара — способностью, которую она поначалу недооценила, — тоже пришлось нелегко. У лекарей была самая светлая и теплая сила, мягкая и влекущая, архитекторов выдавала мощь — чтобы управлять пространством, требовалось много жизненных ресурсов. Стихийники отличались взрывной энергетикой, а у Ригана она, напротив,

была приглушенной, как будто сама суть иллюзиониста стремилась укрыться. Она научилась чувствовать энергии в целом, но сомневалась, что сразу справится на практике. Тем более что практиковаться особо было не на ком, а теория — это просто теория.

Спустя несколько недель она обнаружила, что ее зрение улучшилось. Сильвен рассказал, что организм лекаря самоисцеляется. Чем больше раскрывается дар, тем быстрее ты восстанавливаешься. Окрыленная успехами и открывшимися возможностями, Агнесса не ходила, а летала. Лекарь ставил все более сложные задачи и устраивал испытания, от которых раньше она пришла бы в ужас, сейчас же просто делала все, что от нее зависит: с упорством и отстраненностью врача, главное для которого — спасение жизни.

Именно этого Сильвену не удавалось от нее добиться дольше всего: беспристрастности. К ним доставляли серьезно пострадавших сотрудников Новой Полиции. Они сталкивались с первыми пробужденными: с людьми, которые понятия не имели, как использовать или сдерживать свою силу. Травмы и раны были ужасными, но каждая спасенная жизнь становилась для нее светом и утешением в непроглядной тьме крови, боли и человеческих страданий.

— Участие тебе не помощник, скорее враг, — говорил Сильвен, — сострадание хорошо тогда, когда дело уже сделано. Стоит поддаться чувствам — считай, ты уже проиграла смерти.

И все же не всегда она могла подготовиться к тому, что ее ожидает.

Однажды, спустившись по срочному вызову, Агнесса увидела на столе умирающего человека. Ей доводилось сталкиваться со многим, но с таким — впервые. Мужчина будто попал в мясорубку, он не просто умирал, он был уже за гранью. Но как давно с ним такое? Она растерянно взглянула на лекаря, но наткнулась на привычный холодный и отстраненный взгляд. Блондин стоял и ничего не делал — совсем как тогда, когда Клотильда стреляла в Ригана. Ассоциация прошла насквозь застарелой болью и страхом.

Агнесса подбежала к столу и сосредоточилась на пострадавшем. Она быстро отмечала повреждения: множественные переломы, в том числе позвоночник, отек мозга, сильное внутреннее кровотечение. Агнесса раскрылась, отмечая тусклые контуры энергий. Бросила все силы на то, чтобы запустить замершее сердце, заставить его биться. Удар энергий, сравнимый с зарядом дефибриллятора, не помог. Снова и снова! Агнесса чувствовала, что слабеет, но не отступилась, пыталась вдохнуть в пострадавшего жизнь, пока не почувствовала пронзившую виски боль.

Только тогда она прикрыла глаза и отошла, позволяя смерти вступить в свои права. Навалилось странное оцепенение — в первый раз она не смогла спасти...

— Ошибка первая, — Сильвен шагнул к ней, — воспоминания. Страх. Агнесса поежилась, а он продолжал:

— И вторая, из нее вытекающая. Ты смотрела на него глазами человека, а не лекаря. Мы учились различать жизнь и смерть. Лекари на многое способны, Агнесса, но мы не можем оживлять мертвых. Ты потратила силы и время, которое могла отдать на спасение другой жизни.

Она молча смотрела на свои окровавленные руки — все лучше, чем глядеться в зеркало холодного равнодушия Сильвена. Он был прав. Похоже, очередной экзамен она провалила.

Блондин протянул ей белоснежный платок.

— Ты свободна.

* * *

— Я никогда к этому не привыкну, — призналась Агнесса Сэму по дороге домой, — к его методам. И к смерти.

— Лекарю нужно научиться принимать смерть как часть жизни.

— Как быть с тем, что не сумела помочь? — Она устало потерла виски. — Никогда не задумывалась, что чувствует врач, на руках которого умер человек... Как будто частица чужой смерти перетекает в тебя...

Она замолчала и отвернулась.

— Поначалу всегда тяжело, — Сэм накрыл ее руку и легко сжал, — но думать надо о тех, кого ты можешь спасти.

Агнесса тяжело вздохнула и закрыла глаза.

— Ты молодец, — в голосе Шеппарда не было ни жалости, ни сострадания, — самое страшное уже позади. Завтра у тебя выходной. «Помогать другим и беречь себя». Напомни, что это значит.

— Я не должна исцелять, если не уверена, что мне хватит сил, — машинально ответила Агнесса. Правило начинающих выдернуло ее из оцепенения. — Почему выходной?

— Напомнить?

Агнесса не сразу поняла, что Сэм говорит о ее дне рождения, и удивилась, что он вообще обратил на это внимание. Сама она не слишком любила отмечать каждый год, приближающий человека к старости, но семья часто устраивала Агнессе вечеринки-сюрпризы. В этом году она

впервые проведет день рождения вдали от них.

— Спасибо, — улыбнулась она. — Давно хотела съездить на Гозо.

— Составить тебе компанию?

Оставаться одной в такой день совершенно не хотелось, и Агнесса кивнула. Она с удовольствием провела бы выходной с Риганом, но ему не давали поблажек. Из-за предстоящего задания его натаскивали гораздо серьезнее, чем ее. Самое большее, на что она могла рассчитывать, — совместный ужин.

Агнесса только сейчас поняла, что не представляет, когда у Эванса день рождения. Она многого не знала о любимом мужчине, но идея совместного вечера захватила с головой. Говорить о дате она не станет, а просто пригласит Ригана на ужин. Приготовит легкий салат и рыбу, купит бутылку вина, они потанцуют, а потом... При мыслях о «потом» Агнессе стало жарко: и он, и она с головой ушли в обучение и занимались сексом не так часто. Иногда сил хватало только на общение или уютное молчание в объятиях друг друга.

Сегодня был один из тех дней, когда Риган задерживался допоздна. Чтобы дождаться его, пришлось пить двойной эспрессо и читать книгу «Ежевичная зима». Сюжет настолько захватил, что она даже не услышала, как подъехала машина, а хлопнувшая входная дверь и шаги застали ее врасплох. Она отложила планшет и вышла в гостиную, зажмурившись от яркого света, который включил Эванс.

— Привет, солнышко! Как твой день? — Он поцеловал ее, подхватил за талию и закужил по комнате.

Агнесса обвила его шею руками и рассмеялась.

— Поставь меня на место, пожалуйста. У меня и так мысли путаются.

— Это все от меня, — заявил он, но все-таки послушался.

— Я не справилась с очередным жестоким уроком Сильвена, но в остальном была на высоте. — От его близости у Агнессы подкашивались ноги, она откровенно наслаждалась объятиями Ригана. — Как твои иллюзии?

— Чтобы создать полноценное стрип-шоу, мне придется здорово попотеть. — Риган, не отпуская девушку от себя, заправил прядь ее волос за ухо. В его глазах плясали озорные искорки. — А уж если я захочу настоящее порно...

— Зачем тратить силы на иллюзии, когда есть я? — игриво прошептала она.

От усталости и счастья Агнесса чувствовала себя немного пьяной и готовой на все.

— Вот и я подумал — зачем, — он провел пальцами вдоль ее шеи, по спине, — только зря мучился все это время.

Риган запустил пальцы в ее волосы, перебирая их, легко коснулся губами губ. Он выглядел готовым на подвиги, и Агнесса подалась навстречу, жадно поцеловав его. Не удержавшись, она скользнула ладонями под рубашку и подтолкнула Ригана к дивану. Прохладный ветерок скользил по разгоряченной коже, они избавлялись от одежды, продолжая целоваться. Она невероятно соскучилась по близости с Риганом и не сдерживала крики и стоны, а его хриплое дыхание и ирландские словечки здорово ее заводили. Она выгибалась под ним и кусала губы, чтобы случайно не признаться в том, о чем кричало сердце.

Любимый...

После он гладил ее по спине, а она уткнулась носом ему в шею. От дразнящих, ласковых прикосновений по телу растекалась сладкая нега. Казалось невероятным представить, как они выдержали, как больше недели обходились без объятий и близости.

— Агнесса, посмотри на меня.

Она подняла голову и встретила неожиданно внимательный взгляд. Чтобы не сказать лишнего, потянулась и игриво поцеловала его в нос.

— Я скучал по тебе, — негромко произнес он и погладил ее по щеке. Агнесса замерла, опасаясь нарушить хрупкий миг близости. — Каждую минуту идиотских ментальных кунг-фу. И вполне себе физических... — Риган рассмеялся. — Откуда ты такая взялась?

На сердце потеплело, а от слов закружилась голова.

— Я постоянно думаю о тебе, — призналась она. — На занятиях, по дороге домой, в душе, в постели...

— В постели и в душе обо мне думать самое то. А вот с занятиями и дорогой может выйти неловкость.

Агнесса приняла наигранно-серьезный вид.

— Вряд ли местные откажутся от такого зрелища, а моих учителей невозможно смутить.

Ей безумно нравилось лежать рядом и болтать обо всякой чепухе. Дурачиться и подшучивать. Хотелось, чтобы так было всегда.

— Что ты делаешь завтра вечером?

— То же, что и обычно, — прохожу курс молодого фокусника. Есть предложения получше? — Риган сжал ее ягодицы и подтянул к себе.

По телу прошла сладкая дрожь. Она поерзала, устроилась удобнее и оперлась руками о диван.

— Возьми выходной. Всего на один вечер. Поужинаем вместе. —

Агнесса затаила дыхание: вдруг он откажется?

— Приглашаешь? — Он накрыл ее груди ладонями, подушечками пальцев лаская соски, и все мысли тут же вылетели из ее головы.

— Да-а, — выдохнула она.

— Солнышко, разве я могу тебе отказать? — Его дразнящая улыбка сводила с ума. Риган издевательски-нежно ласкал ее грудь. — Вернусь пораньше и отвезу тебя, куда пожелаешь.

— Буду ждать. — Агнесса не осталась в долгу, покрывая неторопливыми поцелуями его грудь и живот.

Она хотела сказать, что собиралась устроить романтический ужин, но вспомнила его слова об иллюзиях и не решилась. Ресторан — значит ресторан. Не суть важно где, главное — с ним. Сердце замирало от радости, и каждая ласка выходила особенно нежной. Завтра будет чудесный вечер, наполненный откровенными разговорами, многообещающими взглядами и предвкушением, а после — не менее чудесная ночь. Последняя черта близости уже пройдена, но Риган не хочет заморачиваться. Значит, ему ни к чему знать о ее чувствах.

* * *

Утром она проснулась одна. Агнесса зарылась лицом в подушку, вдохнула едва уловимый мужской запах и рассмеялась, вспомнив разговор про мысли в постели. Сегодня она никуда не спешила и позволила себе поваляться подольше. Лежала, подтянув простыню к подбородку, улыбалась и думала о нем. Насмешка в серых глазах, улыбка уголком губ, вечно растрепанные волосы, рубашка, неизменно расстегнутая на две пуговицы сверху. Как получилось, что ближе и роднее никого нет?

Сегодня хотелось блаженно лениться до вечера, но вчера она договорилась о встрече с Сэмом. Прихорашиваться Агнесса не стала, надела футболку и джинсы — самое то для морской прогулки и поездки на Гозо. Мальта даже в ноябре радовала мягкой и теплой погодой, поэтому легкой ветровки сверху было вполне достаточно. Несмотря на более чем простой вид — она даже волосы выпрямлять не стала, — Шеппард окинул ее восхищенным взглядом.

— Великолепно выглядишь, — Сэм поцеловал ей руку. — С днем рождения, Агнесса.

Он привез роскошный букет кремовых роз и большую хрустальную вазу под них. Цветов все-таки оказалось слишком много, они едва

поместились в вазе. Когда ваза наконец перестала заваливаться набок, Агнесса и Сэм с чистой совестью отправились на Гозо.

Здесь глазам предстала совершенно другая Мальта с деревенскими обычаями и размеренной жизнью. Гозитанцы искренне считали свой дом раем на земле, и Агнесса готова была с ними согласиться. С виду тихий зеленый остров очаровывал и будоражил: храм Джгантия построили на месте источника, который после закрытия Разлома понемногу пробуждался. У Агнессы по спине бежали мурашки — настолько яркие энергии в нем бурлили. В Бухте Дуэйра ветер и море превратили скалу в прекрасную арку: невероятно привлекательное место для пар и одиноких романтиков.

Агнесса украдкой рассматривала своего спутника. Шеппард был надежным, как Фунгус Рок,^[8] интересным и галантным. Сэм смотрел на нее так, как смотрят на желанную женщину, с которой хотят не только провести вечер, но закончить ночь и встретить рассвет: уверенно, властно, с вожделением. Раньше она старалась не замечать этих взглядов, но сейчас не могла так просто от него отмахнуться. Он видел в ней не только ученицу или друга, и у Агнессы было множество причин, чтобы позволить этому продолжаться. Рядом с ним она чувствовала себя как с Джоном — просто и уютно. Ей не придется волноваться о спонтанности и непостоянстве, жизнь снова войдет в размеренную колею. Именно таких отношений она всегда искала: чтобы не кружилась голова, не потели ладони и не подкашивались колени, чтобы от улыбки сердце не заходило в безумном танце. И никакой любви. Уверенность в завтрашнем дне и приятный внимательный мужчина рядом — что еще нужно для счастья?

Ответ был очевиден: Эванс. Тот, кто занимал все ее мысли, сейчас постигал премудрости столь обожаемых им иллюзий. Рано или поздно он отвернется, чтобы дарить свои улыбки и ласки другой. Агнесса хотела бы верить в лучшее, но наивная девчонка умерла вместе с неродившимся ребенком Энди.

— Агнесса, поужинаем вместе? — Шеппард накрыл ее руку своей, и она вернулась в реальность. Жить настоящим и думать о будущем. Так она поступала всегда.

— Сэм... — Она покачала головой и заключила его руку в свои ладони в надежде, что он поймет. — У меня уже есть планы на вечер.

Он встретил ее решение со свойственными ему спокойствием и достоинством, улыбкой стерев мелькнувшее сожаление.

— Удивительно, если бы у тебя их не было. — Он легко поцеловал ей руку, и Агнесса ответила благодарной улыбкой: ей отчаянно не хотелось

разрушить их хрупкую дружбу. Она радовалась, что неловкость разрешилась, но чувствовала надвигающиеся перемены. Сэм все понял и не стал настаивать на ужине, сегодня он отступил, но что будет дальше?

* * *

Агнесса понежилась в джакузи с маслами, а затем высушила волосы, оставив распущенные кудри, которые так нравились Ригану. Подумала — и решила надеть красное платье. Она собиралась и с улыбкой размышляла, как долго наряд останется на ней. Мысли о Ригане возбуждали: она хотела его вновь, отчаянно и безрассудно. Но не меньше секса хотелось и неспешной прогулки после ужина, шуток про наглых голубей, мимолетных прикосновений и быстрых взглядов.

Мечты прервал телефонный звонок.

— Привет, красавица, ты уже дома? — Эванс говорил так, будто куда-то очень спешил или сильно опаздывал. — У меня сегодня не получится прийти пораньше. Перенесем ужин на завтра?

Агнесса перестала улыбаться и присела на кровать. Он спрашивал или утверждал? Что изменится от того, что она скажет: «Нет, не перенесем»? Риган не знал, что это важно именно сегодня.

Глупая! Чего она ждала? Что он вспомнит дату на ее документах и прибежит с подарком? У Ригана и так дел по горло, а тут она со своим днем рождения. Дурацкий праздник!

Агнесса сглотнула и совершенно спокойно ответила:

— Хорошо.

— Ну вот и здорово. Пока, солнышко.

Она нажала отбой и швырнула телефон на кровать. Сердце жгла обида. На Ригана, который поставил свои дела выше ее маленькой просьбы. На Клотильду, которая наверняка имела на него виды и специально выжимала из Эванса последние силы на тренировках. На Дариана, который не оставлял их в покое.

Агнесса мерила шагами комнату, сжимая и разжимая кулаки. Теперь уже она не смогла бы успокоиться, даже если бы захотела. Что ей остается? Есть мороженое, запивать шампанским и надеяться, что ее не вырубит раньше, чем Риган вернется домой. Рыдать под сопливую музыку или читать историю о чужой рушащейся любви. Разве не то же самое сейчас происходило с ней? Чем обернулся ее удивительный выходной?! Не в силах оставаться в спальне, Агнесса выбежала в гостиную и упала на диван.

Она в бессильной ярости колотила руками по диванным подушкам, надеясь разреветься, но слез не было. Она хотела стянуть проклятую красную тряпку, которую нацепила в наивном порыве порадовать Эванса, разрезать и растоптать лоскутки, но тут заметила букет, подаренный Сэмом. Кремовые бутоны распустились, и сейчас аромат цветов наполнял комнату благоуханием. Агнесса смотрела на розы и кусала губы. Почему она отказалась?! Ну почему?!

Минуты сомнений, обида и злость. Агнесса еще раз от души пнула упавшую на пол подушку, а потом направилась в спальню и набрала номер.

— Сэм, какие у тебя планы на вечер?

Если он и удивился, то вида не подал.

— Я сейчас дома, готовлю ужин. Присоединишься?

Разумеется, он сразу все понял, но ей было наплевать. Агнесса вызвала такси и спустя час уже была у Шеппарда. Она даже не стала переодеваться и сейчас об этом жалела, потому что выглядела почти обнаженной. К тому же она забыла взять пиджак, а ночи на Мальте были прохладными.

Когда он открыл дверь, она еле выдавила из себя улыбку, потому что до сих пор злилась на Ригана. Сэм явно не ожидал увидеть ее в таком наряде: замялся, прежде чем протянуть ей руку.

— Ты не перестаешь меня удивлять.

А Эванс оказался прав насчет соблазнительных тряпок! У него нет на нее времени? Замечательно! Значит, она будет наслаждаться вечером в обществе мужчины, которому она интересна! Агнесса вложила руку в теплую ладонь Сэма и вошла в дом.

Коттедж Шеппарда был куда больше их с Риганом дома. Каменные стены украшали гобелены, пейзажные картины в старинных рамах, на полках стояли маски, изящные статуэтки и свечи. Высокие потолки поддерживали арки, а деревянная массивная мебель навевала мысли о старинных замках.

Агнесса вдруг поняла, что ничего не знает о Сэме. Никогда не интересовалась, что он делает вечерами и с кем делит этот огромный дом. Ни разу не спросила, какую любит музыку и как познакомился с Дарианом. Он всегда слушал и помогал советом, но сам не спешил открываться.

— Я... — начала было она, но замолчала, не зная, что сказать.

— Я рад, что не придется ужинать в одиночестве. — Сэм улыбнулся и увлек ее к большому столу, накрытому на двоих: легкий салат, запеченная с овощами рыба и белое вино. Сам того не подозревая, он исполнил ее желание. Тихий домашний ужин в день рождения.

Шеппард ни разу не вспомнил о том, что произошло днем, не

испытывал неловкости и искренне наслаждался вечером. Он рассказывал о своих путешествиях, о коллекциях, расспрашивал Агнессу о Лондоне. Она понемногу расслаблялась, обида отпустила, стало тепло. Да за таким мужчиной должна стоять очередь по всему побережью! Почему он один?! Спрашивать об этом напрямую — тем более зная, что она нравится Шеппарду, — было бестактно.

— Сегодня мой самый необычный день рождения. — Агнесса отставила бокал. — Вдали от дома.

— Скоро ты сможешь вернуться, — напомнил Сэм. — Как только мы схватим преступников, остальное случится очень быстро.

Они поймут Милу, соберут ключ, а когда Риган научится создавать иллюзии, откроют Город — и придет пора расставаться. Сердце больно кольнуло.

Думая только о себе, она забыла, что от умения Эванса зависит успех дела. Ему нужно провести марионетку через ловушку, на это требуется много сил. Ни один праздник или ее каприз не стоит его тренировок и безопасности. Теперь Агнесса мысленно ругала себя за эгоизм, но Сэм принял ее молчание за тоску по родным.

— У меня есть то, что тебя подбодрит.

Агнесса удивленно заморгала. Прогулка днем и ужин стали замечательным подарком, но Шеппард приготовил еще один?!

Он ненадолго ушел, а вернулся с тарелкой, на которой красовалось небольшое пирожное с белой глазурью и фруктами. Сверху устроилась маленькая свеча, которую Сэм зажег.

— Загадывай желание.

Тогда Агнесса зажмурилась и представила, что же хочет получить в этом году. Она каждый день желала возвращения домой, но сейчас подумала о Ригане. Больше всего на свете она хотела знать, любит ли он ее. Она сжала кулаки и поспешно задула свечу.

— Точно сбудется, — улыбнулся Сэм. — Хочешь потанцевать?

— Почему бы и нет.

Удивительно, но ее идеальный вечер сбывался, только вот на месте Ригана был Сэм. Мысли об Эвансе разрушали хрупкую скорлупу спокойствия, но как же сложно не думать о нем!

Сэм включил музыку, и из динамиков полилась тихая мелодия — фортепиано и скрипка или виолончель. Агнесса прижалась к сильному плечу. От Сэма пахло сандалом и мхом, в его объятиях было спокойно и уютно. Она чувствовала себя маленькой и хрупкой, хотелось открыться ему, рассказать обо всем, что ее волнует, попросить защиты. Как если бы он

был частью ее большой семьи.

Сэм смотрел на нее, и желание в его взгляде мешалось с вниманием. Мужчина грез любой женщины. Безупречный, заботливый, настоящий. Он погладил ее по спине, склонился и легко поцеловал. По телу Агнессы разлилось приятное тепло, она позволила себе отвлечься. Поцелуи Сэма стали настойчивыми, и он теснее прижал ее к груди. Она хотела забыться, но вспомнила о ласках Ригана, дразнящих и нежных, страстных и сильных.

Чувство вины обрушилось лавиной. Она отстранилась слишком быстро, не позволив себе распробовать поцелуй. Это было низко. Искать спасения от неудавшейся любви с Риганом в объятиях другого — значит предавать не только Эванса, но и себя. И все хорошее, что связывало ее и Сэма.

Сгорая от стыда, Агнесса отступила и прижала ладони к пылающим щекам. Идея приехать теперь казалась непростительной глупостью. Она приняла приглашение, потому что не хотела в день рождения реветь в подушку, но это ее ни капельки не оправдывало.

— Пожалуйста, отвези меня домой, — тихо попросила она.

Сэм уговорил ее съесть пирожное, но не стал настаивать на том, чтобы она осталась. Он отвез ее домой и попрощался так же тепло, как и днем. Шеппард упорно делал вид, что ничего не случилось, но его благородство не отменяло горького послевкусия ее поступка. Мысленно ругая себя последними словами, Агнесса обняла его и быстро поцеловала в щеку. Визг тормозов и взметнувшаяся рядом пыль заставили ее отпрянуть. Риган окинул их насмешливым взглядом и прошел в дом. Она слышала удаляющиеся шаги, во дворе хлопнула дверь, а потом все стихло.

Безразличие ударило наотмашь, обида всколыхнулась с новой силой, и Агнесса сжала кулаки. Радость, которую она всякий раз испытывала при встрече с Риганом, смешалась с желанием разбить о его голову что-нибудь тяжелое. Чего она, собственно, ожидала? Сцен ревности, выяснения отношений перед Сэмом? Да ему на нее наплевать, он сам говорил. Просто их «одна ночь» несколько затянулась. Раздражение и чувство вины — опасный коктейль. Агнесса невпопад извинилась и бегом бросилась к дому. Пожелание спокойной ночи от Шеппарда унес ветер. Почему-то ей казалось, что эта ночь может быть какой угодно, только не спокойной.

Глава 17

о том, что знание — сила, особенно если речь идет о дне рождения хорошенькой женщины

Самая опасная иллюзия в мире — иллюзия близости. Ни одна сверхспособность не способна — вот уж в самом деле каламбур — шибануть по тебе так сильно, как эта радость. Риган захлопнул за собой дверь и налил в бокал виски, разглядывая роскошный букет посредине гостиной. В кои-то веки он не мог определиться с тем, что чувствует.

Сначала хотелось сотворить что-нибудь этакое: например, разбить вазу о самоуверенную физиономию Шеппарда или просто повозить его лицом по остывающей мальтийской пыли. Но тут подало голос безразличие: «А тебе-то какое дело?» — и Риган подумал, что скорее всего оно право. Никакого дела ему быть не должно, просто у него лет сто не случалось продолжительных романов, и он слегка подрастерял навык.

На этой философской мысли Риган забрал бутылку и ушел в спальню — подальше от греха и от вазы с цветами. Первый бокал он выпил залпом и сразу же повторил. После долгого перерыва, на голодный желудок, хмель шустро ударил в голову.

Агнесса вошла в его комнату без стука и замерла на пороге. Яркая, вызывающе сексуальная, с воинственным блеском в глазах. Она явно оценила платье, от которого так упорно отмахивалась. И Шеппард тоже. Все дыхательные практики Клотильды, методики расслабления после нагрузок и способы восстановления внутреннего равновесия сейчас оказались просто бесполезным хламом. Справиться с яростью не получалось.

Риган не собирался обсуждать с ней то, что произошло: ни букет в гостиной, ни ее трогательное прощание с чванливым франтом, но Уварова почему-то решила иначе.

— Поговорим? — с вызовом предложила она, скрестив руки. Платье откровенно натянулось, подчеркивая грудь, талию и весьма аппетитную задницу. Он на мгновение прикрыл глаза, чтобы отогнать слишком откровенную в своем бесстыдстве картину.

— Солнышко, — Риган усмехнулся, — разговоры — не самая сильная

моя сторона.

Он прищурился, глядя на нее, но все же остался на месте. Внутри шевельнулось нечто страшное, дремучее и злое, словно первозданная тьма Мальты коснулась его души и оплетала ее корнями. А может, дело было вовсе не в древнем острове. От этого существа Ив бежала без оглядки, сменила имя и спряталась за спиной успешного ублюдка. Что с того, что ему больше не нужна кровь, чтобы жить? Первые месяцы после возвращения к человеческой ипостаси он просыпался, чувствуя ее привкус на своих губах: металлический, солоноватый. Ломка растянулась на полгода, и даже после он временами испытывал странные ощущения, когда чувствовал биение пульса под пальцами. Вспоминал, каково это — теряться в двойном наслаждении — секса и вкуса чужой жизни, когда девчонки под ним стонали от боли и кайфа, не зная, что находятся на волоске.

Он покачал кубики льда в бокале и сделал еще глоток. Обжигающе ледяной виски и огненное тепло, разливающееся изнутри. Воистину, этот мир держится на контрастах.

Агнесса сжала кулаки и подошла к нему.

— Думаешь, это поможет? — Она кивнула на бутылку и пристально вызывающе посмотрела в глаза.

Зря. Любой идиот знает, что играть в гляделки со зверем — самоубийство.

Риган отшвырнул бокал: виски, осколки и ледяная крошка брызнули на пол. Агнесса вскрикнула и шарахнулась назад, но он рывком оказался рядом с ней, схватил за руку и опрокинул на кровать, подминая под себя. Она и пискнуть не успела, когда он впился в ее губы жестким, глубоким и яростным поцелуем. Уварова рванулась, но тщетно, а потом неожиданно ответила: отчаянно, страстно, жадно. Зарылась пальцами в его волосы, обвила ногами талию. Платье задралось, обнажая ее ягодицы. Он разорвал кружевное белье, отшвырнул в сторону и сжал ее бедра, разводя их. Кожа под пальцами просто пылала.

Грубые прикосновения, ее запах и агрессивная покорность сводили с ума. Агнесса царапала его спину, побуждая продолжать, и Риган отбросил последние попытки удержаться на грани. Вцепился пальцами в ее волосы, заставляя запрокинуть голову, вошел резко и сильно, обрывая крик жестким поцелуем. Агнесса выгнулась дугой, ее ногти с силой впивались в кожу, раздирая свежие ссадины. Каждое движение пронзало болезненным наслаждением, вело одурью вожделения, опьяняло покруче любого горячительного. Пить ее стоны и чувствовать, как она сжимается на нем,

было невыносимо сладко. Крики тонули во взаимном животном удовольствии, они содрогались в оргазме, и Агнесса на полустоне выдохнула его имя. Ярость выплеснулась наружу безудержным грубым сексом и полностью опустошила.

После они молча лежали рядом. Риган предпочитал разглядывать потолок и не смотреть на нее. Он и так помнил, что на истерзанных губах запеклась кровь, а на шее и бедрах проступили следы грубых ласк.

Сколько времени прошло в тишине, он не знал. Агнесса завопилась рядом, повернулась на бок и провела кончиками пальцев по плечу. От легких прикосновений слегка покалывало кожу, и Риган заставил себя встретить ее взгляд: серьезный и сосредоточенный. Хмель полз по венам вяло и лениво, как распластаный тяжестью жары караван по пустыне. Она пришла к нему поговорить, но он не знал, что сказать. Поэтому сделал то, что у него получалось лучше всего.

— Ты самый лучший подарок на день рождения, Риган Эванс, — торжественно сказала она, но на его имени ее голос слегка сорвался. Пляшущий вприсядку Дариан в одних подштаниках и то произвел бы меньшее впечатление.

— Твою мать... — Риган не сразу понял, что выдал это вслух. Он хотел спросить, почему узнал только сейчас, но вопрос стоило задать себе.

Ему нужна была передышка. Слова, что приходили в голову, казались либо глупыми, либо банальными, либо первое и второе вместе, но он все-таки произнес:

— Почему ты не сказала?

Агнесса грустно улыбнулась.

— Решила, что это лишнее.

Она вздохнула, приподнялась и поморщилась от боли.

Женщины! Временами ему казалось, что он знает о них все, но они постоянно выкидывали номера, не поддающиеся никакой логике. Собственно, на их счет Риган никогда особо не заморачивался, но Агнесса — другое дело. Когда она стала «другим делом», как он позволил себе докатиться до такого, не суть. Момент был упущен, отступать некуда. Если до этого ему хотелось хорошенько наподдать Шеппарду, то теперь подумалось, что стоило бы пару раз приложиться головой о стену. Нужно было выйти на улицу, затеять ту чертову драку, да что угодно сделать, только не набрасываться на нее.

Чувство вины — не лучший спутник, но избавиться от него он не мог. Несмотря на жгучее, безотчетное желание сбить костяшки в кровь, вымещая на стене собственное бессилие, Риган взял ее лицо в ладони и

заглянул в глаза.

— Прости меня.

Никогда за всю жизнь он не говорил такого всерьез. Без издевки, без легкого налета пренебрежения и игры. Все его извинения звучали в лучшем случае как флирт или насмешка, в худшем — как очередное оскорбление. Слова обладают невероятной силой, но только если их произносишь искренне. Сегодня он испытал это на своей шкуре.

Агнесса ответила ему нежным взглядом.

— Уже простила, — она поцеловала его ладонь. — Я сама виновата. Нужно было сразу все рассказать.

Девушка облизнула пересохшие губы и прижалась к нему.

— С тобой я быстро оценю свои способности.

Он хмыкнул, понимая, на что она намекает. Дар исцеления в самом деле весьма необычен: лекари справлялись с ранами или недугами значительно быстрее, чем любой другой человек.

— Будешь дразниться — утоплю в ванне.

— Тогда не буду, — искренне рассмеялась Агнесса. — Оживление мы не проходили.

— Курс по созданию зомби? Гадость какая, — Риган скривился. — Дариан знает, чем вы там балуетесь?

Напряжение схлынуло, увлекая за собой и острые камни отчаяния, и едкую соль вины. Он приготовил ванну и отнес ее туда на руках. Подчиняясь живительной силе воды, гнев окончательно отступил, на смену ему пришло расслабленное, полупьяное состояние, которому Риган не стал сопротивляться. Нечто похожее на чувственное оупение, когда волной эмоций выносит на гальку покоя. Время остановилось: он лежал, откинувшись на бортик, а Агнесса устроилась на его груди. Царапины слегка пощипывало, а потом она просунула руку между его спиной и джакузи. Осторожное прикосновение кончиков пальцев — и он почувствовал исцеляющее тепло.

Позже, уже в спальне, она рассказывала о своих успехах и открытиях в мире исцеления, и Риган почему-то гордился ими значительно больше, чем собственными иллюзорными достижениями. Уставшая, но счастливая Агнесса довольно быстро задремала, а вот к нему сон не шел. Риган убрал прядь волос с ее лица и откинулся на подушки. Ее день рождения. Он делал ей документы, но даже не удосужился в них заглянуть. Сегодня ему пришлось задержаться: обсуждали последние детали предстоящей операции. Эрик оказался в общем-то неплохим мужиком, достаточно адекватным — несмотря на прошлое место работы. Клотильда

обрадовалась, что они нашли общий язык. А вот Шеппарда на встрече не было. Скользкий хмырь!

Риган осторожно повернулся на бок и посмотрел на нее. Самая потрясающая женщина, которую только можно желать. Рядом с Агнессой грядущее одиночество казалось особенно невыносимым, но он отмахнулся от этой мысли и закрыл глаза. Настоящего у него не отнять.

* * *

Последние недели подготовки оказались еще более насыщенными. Он считал, что Клотильда издевалась над ним в начале тренировок, но глубоко ошибался. Крохотные ростки тирании расцвели пышными соцветиями, когда они перешли к работе с материальными иллюзиями. Риган утешал себя тем, что поначалу всегда сложно, ведь когда-то ему казались адом и медитации, на которых нужно сидеть неподвижно, ни о чем не думать и учиться правильному дыханию, и сменяющие их пробежки, отжимания и тренажеры, а потом и азы собственного дара.

Кло была архитектором и учила работе с энергиями, до остального приходилось доходить самому. Полупрозрачные «голограммы» и нематериальные иллюзии не имели ничего общего с истинными. Так называли обманки, которые никто не мог отличить от настоящих. Их энергетические контуры в точности повторяли оригинал, который требовалось воссоздать. Несуществующая свеча обжигала, если ты подносил к ней руку, человек не просто двигался или говорил, его можно было обнять и ничего не заподозрить.

Первое время работа над ними заканчивалась носовыми кровотечениями и полуобморочным состоянием, а после Риган чувствовал себя хуже использованного презерватива: сдувшейся резинкой с физиологическими жидкостями, без желаний и потребностей. Если бы не Агнесса и ее чудесные массажи, вряд ли он дотянул бы до того дня, когда Клотильда сказала ему:

— А теперь мы будем учиться работать в обход ключа.

Новость была феерична. Риган помнил, как появление Лорин с подвеской подействовало на Ромашова: пафос с него сдуло отнюдь не ветром.

— Предполагается, что после этого я выживу?

— Конечно! — Кло достала из кармана большую монету и бросила ее Ригану. — Ты уже знаешь, что металл, прости мой сарказм, Дюпона

ослабляет твои способности. Чем его больше, тем сильнее действие. Если бы вся комната была из него, ничего бы не вышло, — она обвела руками зал для тренировок — Но в малом количестве ты научишься его обходить.

— И как? — скептически поинтересовался Риган, подбрасывая неприятно холодящую ладонь монету.

— Металл — сильнодействующее средство против наших способностей. Мы можем заснуть, приняв одну таблетку, а можем просто ходить заторможенными и туго соображать. Ты уже знаешь, какой вариант выбрать?

— Не носить с собой монеты и прочую хрень из металла Дюпона? — мрачно заметил Риган, но под ее взглядом поднял руки вверх. — Ладно, ладно, я понял.

Поначалу ничего не получалось. Жалкие попытки создать полупрозрачного котенка проваливались с треском. У него выходило то истерически подергивающееся нечто, отдаленно напоминающее животное, то энергетические абстракции, от которых у бывалых волосы встают дыбом на всех местах. На второй день Риган вывел закон непростительной глупости. Когда думаешь, что хуже уже быть не может, становится еще хуже. Рядом с монетой он казался себе слепоглухонемым силовым импотентом.

Монета на ладони казалась переплетением алых оболочек, похожих на кровеносные сосуды, внутри которых с тусклым мерцанием струилась тьма. Оно казалось чужеродным, отталкивающим, и в то же время Риган долго не мог отвести от него взгляда. Скопления энергий нашего мира тускнели, и казалось, что кровавая плесень вот-вот схлестнется с ними и поползет, подобно ядовитому плющу, сквозь мерцание. Отравляя все и вся. Под действием металла сила отказывалась подчиняться, контуры иллюзий слабо искрились, как неисправная проводка, и рвались на подходе к чему-то стоящему. Даже зрение изменяло: иногда он переставал их видеть.

Риган учился работать в «полусне», о котором говорила Клотильда, и на пределе сил, сопротивляясь красно-черной мерзости. Выходило то хуже, то лучше, но время шло, и наконец он создал вполне реалистичного пса, сжимая в ладони чертову гадость. Тогда монеты стало две, затем три, а после — целый мешок Риган переходил на следующий уровень в надежде, что все закончится, а Клотильда постоянно подбрасывала ему новые испытания. Иногда казалось, что это будет продолжаться до бесконечности, но в один прекрасный день она просто сказала, что он готов.

Агнесса еще не вернулась с занятий. Мертвая тишина, в которую дом погружался без нее, еще сильнее напоминала о том, что ему предстоит. Риган погонял мобильный по столу и включил ноутбук, чтобы проверить почту. Казалось, нет ничего проще. Позвонить Яну, договориться о встрече с Милой, а дальше все по плану, но... покоя не давали две мысли. Первая — предстоящее расставание с Агнессой. Ему бы радоваться, что она сможет вернуться к семье, но увы. Бессовестно, отчаянно, до умопомрачения ему хотелось держать ее в своих объятиях, когда все закончится. Подальше от Дариана, от Мальты и ото всех древних городов.

Вторая — Ян. По законам полиции нового мира он преступник. Он по доброй воле влез в крайне неприятную историю и связался с террористкой. Клотильда обещала рассмотреть возможность смягчения приговора, вплоть до обсуждения условного наказания, если Левандовский согласится сотрудничать. Поляк был на редкость упрям, но Риган надеялся воззвать к голосу его разума. Эрик показывал развороченные пласты земли, обломки остова загородного дома, словно после землетрясения, тела, накрытые полиэтиленом. Ян еще не в курсе, что Мила и Морис учудили в своем логове в Хорватии, когда их пытались сцапать. По крайней мере, Риган надеялся, что он не в курсе. Измененные и не такое видали, но сама суть уже заставляла крепко задуматься.

Куда подевались его привычная решительность и напор? Ему хотелось замкнуть временную петлю и просто быть рядом с Агнессой. Вот только откладывать не имело смысла, потому что ввязался во все это он ради нее. Риган бесцельно пошатался по комнатам, а после подхватил телефон и вышел во двор. Прислонился к стене, закрыл глаза, и мысли сомкнулись на настоящем. Вечерняя прохлада бодрила, помогала сосредоточиться. Ветер играл листвой, а совсем рядом, в Дингли, Агнесса постигала таинство исцеления. А возможно, уже ехала домой. Идеальное время, чтобы все разрушить.

Риган вздохнул полной грудью и набрал номер Левандовского. Он слушал гудки и думал о том, как круто изменила его жизнь дурацкая подвеска из металла Дюпона. Снова.

— Риган? — Ян не скрывал удивления. — Чем обязан?

Они оба знали, что позвонить он мог только по одной причине.

— Ты был прав насчет меньшего из двух зол. Устроишь нам встречу? — Риган не стал уточнять, намек был прозрачен дальше некуда.

— Попробую. — Судя по голосу, Левандовский был доволен. —
Перезвони через полчаса.

Выжидая время, Риган бесцельно слонялся по дому. Когда стало тошно дальше некуда, вышел на улицу, устроился на камнях у дороги и смотрел на ночное море. Лунный свет испарывал черную воду, по которой бежала легкая рябь. Ему чертовски надоело, что вокруг постоянно льется кровь! За призрачные идеалы Дариана, древние города и прочие античные недоразумения. Именно сегодня Риган чувствовал прошлое особенно остро. Можно сколько угодно ходить по замкнутому кругу безразличия, но наступает миг, когда закрывать на все глаза больше не получается.

Телефон завибрировал: Ян перезвонил сам.

— Она согласна. — Левандовский помолчал и добавил: — Но только если ты захватишь с собой Агнес.

Словно удар под дых. Риган с самого начала знал, что ничего хорошего из этой дрянной ситуации не выйдет, но не ожидал, что все повернется так.

— Зачем ей девчонка? — небрежно поинтересовался он.

— Такие условия, Риган. Без светловолосой красотки разговора не получится.

Спорить не имело смысла. Риган понимал, что дело не только в проверке или страховке. Уварова слишком много знала и могла сболтнуть лишнее. Разумеется, Мила хотела от нее избавиться. Разумеется, Дариан легко пустит Агнессу в расход, будь у нее даже сто тысяч раз бесценный дар. Лекарей в мире проснется еще не один и не два, а время не терпит: Милу Аверс нужно схватить сейчас. Как знать, может, у нее там не только Морис, а целая армия. Если он сейчас откажется, второго шанса Мила не даст. Они снова вернутся к тому, от чего ушли. Все псу под хвост.

— Что передать Миле?

— Я привезу ее. И подвеску.

Решение пришло раньше, чем Риган успел его осознать и подумать о последствиях. Он не станет рисковать. Только не Агнессой. Хватит того, что в свое время он не смог уберечь Ив и она оказалась в самом сердце кровавой бойни.

— Отлично. Ждем тебя в Катании завтра. Остальное ближе к теме.

— Увидимся, Ян.

Он засунул руки в карманы и долго смотрел на окончательно почерневшее море. Набежали тучи, и ощущение было такое, будто тьма сгущалась со всех сторон. Перспектива оказаться во вражеском стане без какой-либо поддержки не радовала, но выбора ему не оставили. Если Ян согласится помочь, все может получиться. Если нет... Об этом он даже

думать не хотел.

Ян согласится. Он измененный, но не конченный псих.

На этой мысли Риган набрал номер Клотильды.

— Я говорил с ними. Перезвонят завтра ближе к вечеру. — Он почти не солгал.

— Умница, мальчик.

— Я заслужил выходной?

— Вполне.

— Вот и чудно. Я буду скучать.

Из трубки донесся смешок, потом Клотильда нажала отбой. Последний мост был сожжен и путь к отступлению отрезан. Риган вернулся в дом и устроился на кровати поверх покрывала. Рядом валялась его рубашка, в которой Уварова разгуливала по дому перед завтраком: он вспомнил ее солнечную улыбку, сияющие глаза и окончательно уверился в своем решении. Завтра он выложится на полную. Скоро Мила окажется за решеткой, а Агнесса сможет вернуться к родным. Только это имеет значение.

Глава 18, в которой Риган понимает, что импровизация хороша исключительно в любительских театральных постановках

*Катания, Италия — Мальта, Республика Мальта.
Декабрь 2014 г.*

Прощание с Агнессой вышло быстрым и скомканным. Она еще не успела толком проснуться, а Риган уже сказал, что обучение закончилось и что сегодня его ждет экзамен. Почти не солгал, а сонная Уварова не почувствовала подвоха. Пожелала удачи и вышла проводить до машины, поцеловала в щеку и помахала рукой, когда он уезжал.

На пароме в Катанию Риган пил крепкий кофе, чтобы окончательно проснуться. Вещица лежала перед ним на столе. Подделка все-таки пригодилась, правда, не так, как он рассчитывал. Копия меньшей части ключа, напоминающая этническую подвеску или кулон. От оригинала она отличалась маленьким секретом — неправильной зазубриной и, разумеется, составом. Алхимики и архитекторы Древности взяли за основу тот самый металл, вплели множество элементов и поставили защиту, чтобы было невозможно уничтожить.

Прикасаться к безделушке не хотелось. Всякий раз, когда он сжимал ее в ладони, перед глазами вставала напоенная чужеродной отравой красно-черная плесень. Если все получится, сегодня ночью у него в руках будет вторая часть ключа, у полицейских — Мила, а дальше — нагоняй от Клотильды и спуск иллюзии в Город, который насыщен этой дрянью, наполнен ею до краев. Риган мысленно содрогнулся, представляя, что ему придется держать там куклу, пусть даже от силы пару минут. Марионетка не способна испытывать боль, но через нее он наверняка почувствует смертельный холод сотен тысяч тонн металла.

На месте он снял номер с сейфом, запихнул подделку подальше и отправился к человеку, который передал ему сильнодействующий препарат: связи из прошлой жизни продолжали радовать и по сей день. Вдали от металла Дюпона Риган чувствовал себя спокойным и полным сил. Последним как раз пренебрегать не стоило, потому что ему предстояло

держат иллюзию Агнессы. Сколько продлится встреча с Водяной монстрой, он не знал, но надеялся свернуть ее побыстрее. Материальные обманки выкачивали энергию, как насосы. Меньше всего ему хотелось хлопнуться в обморок перед Милой и Яном или вместе с ними наблюдать, как очертания двойника растворяются в пространстве.

История людей ничему не учит. Катанию заново отстроили после извержения Этны, которое стерло город с лица земли. «Жить, как на вулкане», — в непосредственной близости от спящего чудовища начинаешь понимать, что это отнюдь не слова. Огнедышащий исполин поражал даже простой человеческий взгляд, но Риган теперь чувствовал иначе. Нечто воистину могущественное ворочалось под землей. Дремлющая сила ощущалась повсюду. Пока что опасности не было, но подобная мощь опьяняла. Катания пульсировала бесконечными первородными энергиями земли. Неудивительно, что Мила назначила встречу в Катании — в случае чего, имея под рукой Мориса, здесь можно устроить настоящее светопредставление.

Ближе к вечеру Левандовский прислал название отеля, где им предстояло встретиться через час, и Риган занялся сотворением Агнессы. Повторить энергетику, свести контуры — все это стало обыденностью. Вложить в куклу эмоции и чувства, контролировать ее и не выдать себя — уже сложнее. Самый настоящий экзамен, точнее и не скажешь.

Сейчас он был даже благодарен Клотильде, которая не давала ему спуска. Временами Ригану начинало казаться, что он уже на последнем издыхании и что она требовала невозможного, но сегодня представился случай оценить ее муштру. Полевая практика — совсем не то же самое, что ваяние кукол в замкнутом помещении под пристальным взглядом наставницы. Где большее, что тебе грозит за провал, — уничижительный взгляд и приказ: «Все сначала, Эванс!»

Достоверно перепуганная Агнесса цеплялась за его руку, когда они вошли в просторный холл и когда их провожали в шикарный ресторан. Риган чувствовал тепло ладони марионетки, это было жутко и странно — видеть фальшивку с ее лицом, зато приятно знать, что она настоящая сейчас в безопасности. Удержать два сознания будет невероятно сложно. Он знал, что стоит разорвать связь, как силы начнут медленно таять. Поэтому не спешил выпускать ее пальцы.

Левандовский уже сидел за столиком и, заметив их, помахал рукой. Ригана слегка потряхивало — то ли от силы, замкнутым контуром циркулирующей между ним и обманкой, то ли от предвкушения. Опасность. Давненько он не делал ничего такого, что вызывало бы чувства

ходьбы по лезвию. Мила действительно сильна, а вместе с Морисом — бомба замедленного действия.

Когда они подошли, Ян поднялся и пожал ему руку, а на куклу едва взглянул.

— Мила опаздывает, — сообщил Левандовский. — Что заставило тебя передумать?

— Дариан. — Риган разжал пальцы и положил руку на колено иллюзии. — Он снова собирается подгрести под себя все и всех, а мне это здорово надоело. Не хочу, чтобы знания осели в его архивах, доступ к которым будет открыт лишь избранным.

Ян поморщился, словно от зубной боли, и кивнул. О Дариане он был наслышан из уст Ригана и светской хроники измененных, читай: ходивших по миру легенд. Поляк относился к Древнему с осторожностью, стараясь обходить стороной. Сейчас Левандовского могло зацепить, и на этом стоило сыграть. Говорить в лоб нельзя и торопиться тоже: от того, как повернется разговор, зависело слишком многое. Остаться с Милой и Морисом один на один или заполучить сильного союзника — разница есть.

— Не хотел бы я, чтобы древняя развалина нам помешала. Слишком многое поставлено на кон.

— Будем верить в лучшее. Он не на шутку разозлится, когда поймет, что я за другую команду.

На сей раз в глазах Яна мелькнул почти суеверный страх.

— Уверен, что удастся его обыграть?

Риган пожал плечами.

— Пожалуй, да. Если сделать все быстро. Что насчет твоей подружки? Не испугается, когда поймет, кто вышел на арену?

Левандовский натянуто улыбнулся.

— Только не она. Мила совсем с катушек съехала, ей в таком состоянии море по колено. Я уже не так уверен, что хочу и дальше заниматься саморазвитием. Мне здорово влетело из-за той истории на Тенерифе, пришлось все рассказать, но в Дариана она не верит. Считает его городской легендой, а тебя треплом. Та еще змея. Прости, Агнес, — не особо искренне извинился Ян, бросив короткий взгляд на иллюзию, — но от женщин одни проблемы...

Излияния Левандовского прервал громкий женский смех за соседним столиком. Занимательная пара: сексуальная темноволосая дамочка в темно-зеленом вечернем платье с откровенным декольте и щуплый худосочный паренек, который смотрел на нее, как на богиню. Посмотреть там и правда было на что — фигуристая яркая особа, но у Ригана шел свой спектакль.

— Говоришь, с Милой могут возникнуть проблемы?

Ян нахмурился, но ответить не успел: Монстра вошла в ресторан и почему-то без Мориса. Ригану не полагалось знать ее в лицо, поэтому он отвернулся. Темноволосая откровенно поглаживала запястье своего спутника, и, судя по выражению его лица, не только запястье. Наши ноги не для скуки, скатерть в помощь и все такое. Доведись ему встретиться с такой куколкой еще пару месяцев назад и при других обстоятельствах, Риган бы точно своего не упустил, сейчас же дамочка неплохо прищлась в качестве отвлекающего маневра. Приближалось время основной игры.

— Риган! — Ян поднялся и кивнул в сторону Милы.

Она подошла к столику. Резкая, жесткая — в каждом ее движении чувствовалась сила и привычка командовать и подчинять. Светло-серый брючный костюм и водолазка под горло, длинные волосы собраны в хвост, ненавидящий взгляд темных глаз полоснул наотмашь.

— Эванс, — она села и взмахом руки пресекла попытки Левандовского заговорить, — какая сила заставила тебя почтить нас своим присутствием?

Она выделила слово «сила», и Риган мысленно выругался. Дар в спящем состоянии прочесть невозможно, но, когда ты раскрыт, от другого пробужденного не спрячешься. Мила познакомилась со способностями одной из первых. Неудивительно, что она обратила на это внимание.

Нужно было отвечать, и Риган наугад ляпнул первое, что пришло на ум:

— Не так давно я подружился с не самой мирной стихией.

Не заставит же она его показать способности прямо здесь.

Обстановку ненадолго разрядил подошедший официант: он спросил, готовы ли они сделать заказ. Мила попросила воды, Ян назвал трюфели, ризотто и бокал Бароло, Риган присоединился к выбору поляка, а кукла испуганно покачала головой. Ему стоило немалых усилий держать иллюзию и при этом не сбиваться самому.

— Очаровательно. Значит, с помощью нее ты избавился от Александра?

Риган пожал плечами.

— Он хамил, а я терпеть не могу хамства.

— Я терпеть не могу шутов, — в голосе Милы зазвенела сталь, — и тех, кто убивает моих людей. Покажи мне часть ключа.

— А ты мне что покажешь? — Рядом с ней нельзя сдавать — затопчет и не заметит.

Риган подался вперед и спокойно смотрел ей в глаза. Такие женщины убивают сразу и не задумываясь. За свои идеалы, за свою цель — любого,

кто встанет у них на пути. Кого-то она ему отчаянно напоминала, но он никак не мог понять, кого именно. Когда живешь на свете двести лет, память иногда подбрасывает неразрешимые задачки.

— Мы вроде собрались, чтобы обсудить дела, — натянуто рассмеялся Ян. — Мила, Александра сгубила его самоуверенность. Эванс согласился на сотрудничество, так, может...

— Я к тебе обращалась, Ян? — прозвучало холодно и хлестко.

«Ему катастрофически не везет с женщинами».

Порыв праведного гнева Милы охладил новый всплеск вульгарного смеха, а если быть точным — пьяного женского хохота. Риган не удержался от искушения взглянуть на соседний столик. Мужчина держал хулиганку за руку и что-то тихо и быстро говорил. Он съежился и втянул голову в плечи, чтобы казаться менее заметным: на них смотрели все. Темноволосая дамочка, похоже, перебрала не на шутку, а ее кавалера это здорово смущало.

— Я не взял его с собой, Мила, — Риган вложил в голос интонации в стиле «Make love not war».^[9] — Ты же не думаешь, что я настолько глуп. Если мы придем к взаимному согласию, все будет замечательно и даже лучше. Если нет...

Он откинулся на спинку стула и развел руками. Пришлось выпустить колено куклы, и это отозвалось всплеском боли в висках. Пришла пора переключить внимание Милы на что-то другое.

— Тебе нужен не только ключ, но еще и иллюзия, верно? — Он пристально посмотрел на нее. — Один мой знакомый сумеет тебе помочь. Если мы договоримся.

Маневр сработал: Мила последовала его примеру и откинулась на спинку стула, не сводя с него пристального, цепкого взгляда. Похоже, в расшифровках Дюпона подробно было расписано о ловушке. Может статься, она не собирает вокруг себя пробужденных, а просто ищет того, кто сумеет ей помочь подобраться к Городу. В любом случае с этим уже не ему разбираться.

— Что вы со мной сделаете? — жалобно спросила «Агнесса», Риган поспешно сжал ее руку ободряющим жестом. И выдохнул.

Мила не удостоила куклу ответом.

— Что ты чувствуешь, вручая эту женщину мне?

Марионетка судорожно вздохнула, а Риган пожал плечами и сильнее сжал ее руку.

— Пятка чешется, — он поморщился. — Это, пожалуй, все. Мила, мы нужны друг другу, так что давайте сразу перейдем к делу.

Она резко подалась вперед.

— Покажи, на что способен. Или можешь считать, что разговор окончен.

— Мила, — в словах Яна слышалось едва скрытое раздражение, но он всерьез рассчитывал закончить все мирно, — мы же не станем устраивать цирковое шоу в ресторане?

— Ян, походи попудри носик, — она пристально взглянула на Ригана. — Я жду.

Кажется, возникла та самая ситуация, которую называют «этот неловкий момент». Ему на удивление везло, но сейчас официант не спешил появляться с подносом, а запас внутренней импровизации сам себя исчерпал. Риган уже подумывал о том, не пойти ли ему попудрить носик вместе с Яном и «Агнессой», когда раздался негромкий, взволнованный голос. Из тех, что понижают до приглушенного шепота, но от этого он еще больше привлекает внимание.

— Синьора, простите... Синьора! У нас не курят!

Все взгляды устремились в сторону скандального столика. Дамочка вскочила, раздался скрежет отъезжающего стула, звон бьющегося стекла, чей-то наигранно-высокий вскрик, а следом пьяное по-английски:

— Какая я тебе синьора, кретин?!

Хулиганка оказалась высокой. Оттолкнув своего кавалера, попытавшегося ее урезонить, брюнетка нетвердым шагом направилась в сторону выхода, зажав сигарету между губами и щелкая зажигалкой. Ее шатало из стороны в сторону, она налетела на бросившегося наперерез официанта, беспардонно выругалась и махнула рукой. А потом навернулась прямо на Ригана. Его с силой швырнуло на стол, он невольно выпустил руку куклы, а сила иллюзии оттяжкой энергии полоснула по его сознанию. Зал ахнул, раздался странный звук, Мила непроизвольно шарахнулась назад: зажигалка над его головой полыхнула факелом, а дамочка, цепляясь за стул, завизжала так, что Ригана на мгновение оглушило.

— Да выведите же ее отсюда!

К ним тут же подлетели — бледный как мел администратор, официант и кавалер брюнетки. Последний подхватил ее под руку и поволок к выходу. Над столиком таял дым, администратор извинялся и бормотал, что готов предоставить им бутылку вина в качестве комплимента и столик в вип-зоне.

Риган еще не успел прийти в себя, цепляясь за колено иллюзии, а Мила уже отказалась пересесть.

— Умно. Огонь, значит?

Пьяная туристка как нельзя вовремя решила закурить, а ее зажигалка вовремя взорвалась. Столько лет прошло, а Мила до сих пор боится огня? Весьма кстати.

— Повторить?

— Не стоит.

— Я бы посмотрел еще раз, — Ян ему подмигнул. — И попробовал тоже.

Если бы кому-то удалось одновременно управлять водицей и огоньком, Риган бы тоже не отказался на это посмотреть.

— Ян, если ты еще раз влезешь в разговор... — предупреждающе жестко произнесла Мила. — Вы по отдельности невыносимы, а вдвоем — катастрофа.

Левандовский закатил глаза, но ничего больше не сказал, она же неприятно улыбнулась. Улыбка акулы перед тем, как она оттяпает водолазу ногу или половину туловища, должна была выглядеть приблизительно так. Риган любил женщин во всем их многообразии, но рядом с такими, как она, у него случалось стойкое отторжение и пересмотр жизненных ценностей. Будь Монстра последней женщиной на свете — на острове, полном кактусов, он и то предпочел бы ей колючую флору.

Когда принесли еду, беседа потекла в более расслабленном, но отнюдь не миролюбивом ключе.

— Что заставило тебя передумать, Эванс? — спросила она, когда Риган отодвинул тарелку и вцепился в руку иллюзии. Сразу стало легче, вино и ужин больше не напрашивались на выход недавно пройденным путем.

— Меня разочаровало старое руководство.

— Кто именно?

Мила пила воду, и стоящий рядом графин Ригана немного раздражал. Равно как и отсутствие Мориса, с которым она никогда не расставалась. Он сомневался, что она соберется устроить в ресторане аквапарк, а ее дружок — повторение истории в Помпеях, но на душе было беспокойно. Случись Ригану в самом деле оказаться под ее началом, у них ничего не вышло бы уже на второй минуте, пока же приходилось принимать правила игры. Кукла судорожно вцепилась в салфетку и не размыкала рук Ригану стоило немалых усилий удержать даже этот неподвижный образ, энергия и силы безвозвратно утекали. Оставалось надеяться, что ни Ян, ни Монстра не захотят десерт. Пора заканчивать шоу.

— Дариан.

— Дариан, — усмехнулась она, — эта легенда мне уже порядком

надоела. Точнее, те, кто ею прикрывается.

— Мне тоже, — кивнул он и улыбнулся: это был намек на прорыв. — Рад, что мы наконец-то нашли общий язык.

— Не радуйся раньше времени. Что им известно о Городе?

— Все.

Импровизация шла легко — впрочем, с этим у него никогда проблем не было. За века он научился говорить полуправду с самым непроницаемым лицом.

— Откуда у них сведения?

Эванс пожал плечами.

— Отчасти из-за этого у нас ничего не получилось. Не люблю работать с теми, кто темнит и недоговаривает.

Мила закусила губу и задумчиво постучала пальцами по столу.

— Мне нужна часть ключа.

— Так не пойдет.

— Неужели?

— Мила, либо мы играем вместе, либо расходимся, — Риган повысил голос и резко подался вперед, — и тогда ты доберешься до Города в следующей жизни или во сне. Штуковину заберет мой человек, да и иллюзионисты на дороге не валяются. Ты хочешь увидеть часть ключа, я тоже. Все честно.

— Пожалуй. — Она достала телефон и быстро набрала номер. — Мне понадобится она. Да, прямо сейчас.

Вторая часть была больше и тяжелее первой — Риган помнил, какова «она». В Древности такое украшение могло бы принадлежать как жрице языческого культа, так и могучему разрисованному воину. Массивная тяжелая вещица, приближение которой он почувствовал сразу: заломило виски, колющий холод ознобом прошелся по коже. Несмотря на бесчисленные тренировки, сила сочилась сквозь поры иллюзии и растворялась в пространстве.

К столику подошла невысокая хрупкая азиатка, положила рядом с Милой сверток и так же бесшумно удалилась.

— Твоя очередь быть честным, — не взгляд, а лучи рентгеновского аппарата. — У тебя есть минута: сказать, какие сюрпризы ты приготовил.

— Никаких сюрпризов.

Она холодно улыбнулась, а остатки воды в запотевшем графине расплзлись по стенкам тонкой прозрачной пленкой, на глазах покрываясь льдом, и так и застыли: Мила тоже умела обходить металл. Глаза Левандовского округлились, а Монстра поднялась и снова взялась за

телефон.

— Морис, мы сейчас выйдем.

Еще и Морис, чтоб его! Если поначалу он переживал по поводу «пропавшего» телохранителя, то сейчас совсем не обрадовался его появлению. Мила наверняка научила своего парня управлять способностями в обход мерзости, а к такому Риган не готовился. План был предельно прост: втереться в доверие, оказаться с ней наедине, с металлом на руках, приглушающим силу, всадить дозу препарата, который вырубит даже слона, и вызвать подмогу. Ян тем временем разобрался бы с Морисом, потом подросла бы помощь, чтобы забрать вторую часть ключа и убийственную парочку. Быстро, без лишнего шума и неприятностей.

— Ян, забирай девчонку и отвези ее в отель, — скомандовала Мила, — до моего звонка ждите в номере. Эванс, поедem на моей машине. У всех столбняк или мне оставить вас на несколько секунд? Вперед и живо!

Риган передернул плечами и поднялся, кукла поспешно вскочила следом, цепляясь дрожащими пальцами за его локоть.

— Все будет хорошо... — Он обещал это себе или Агнессе, которая ничего не подозревала и искренне считала, что Риган отправился на экзамен?

Он провел пальцами по щеке марионетки, заглянул в глаза, вспоминая солнечную улыбку Уваровой, и отступил. Контур разомкнулся, виски нещадно сдавило. Держать куклу, цепляясь за ускользающие и удаляющиеся энергии, — та еще задачка. Клотильда как-то с полчаса водила по Центру иллюзию лабрадора, а он чуть концы не отдал. Теперь ему предстояло настоящее испытание.

Риган бросил быстрый взгляд на Левандовского, который сжал руку куклы и увлек ее за собой. Ян был рад избавиться от общества Милы, но чью сторону он примет?

* * *

Легран вынырнул из полумрака подземной парковки, невзрачный и неприметный: темный костюм, лицо-маска и резкие движения. Риган чувствовал чужеродный холод проклятой железяки, которую Мила несла с собой, продолжал вести марионетку и постоянно выпадал из реальности. Практика обходных маневров сейчас пришлась как нельзя кстати, но в голову будто всадили стальной прут. А ведь это только начало! Он цеплялся за ускользающий контур куклы, как за спасательный круг. Нельзя

сдаваться, иначе все пойдет прахом.

Легран не произнес ни слова, кажется, даже не взглянул на него.

— Следуй за нами, — приказала Мила, — и смотри в оба.

Тот развернулся и направился к своей машине. То ли он был немым терминатором, то ли считал лишним тратить силы на слова и жесты. Риган шел за ней на автопилоте. Его резко повело, и он вынужден был ухватиться за крышу, чтобы не свалиться прямо к ее ногам. Знобило, в глаза словно насыпали песка. Только оказавшись на сиденье, Риган немного пришел в себя. К прочим прелестям добавились звон в ушах и тошнота.

— Слабо, — усмехнулась Мила, — не нравится металл, Эванс?

— Типа того, — Риган кивнул на сверток.

Она развернула бумагу, и он увидел вещь, которую Лорин светила направо и налево. Вот так просто: часть ключа лежала перед ним, стоило только протянуть руку. Мила сидела перед ним, и он мог бы всадить в нее шприц с мощным транквилизатором. Если бы не выложился на полную и не продолжал держать куклу. И если бы поблизости не было Мориса. Нет, нужно придерживаться плана: поговорить с Яном через иллюзию, объяснить, что Мила ненавидит измененных. Привести ее в номер, показать подделку. Она окончательно расслабится, и тогда придет время действовать.

— Куда?

Он назвал отель, откинулся на спинку сиденья. Картины реальности проплывали, как в бреду, и Риган с наслаждением закрыл глаза. Его качало, как на волнах, утекающая сила билась в висках пульсирующей болью. Что же, может, оно и к лучшему. Мила чувствует его состояние, а значит, не видит угрозы. Риган потянулся к слабым контурам куклы, зацепился за них. Теперь только пан или пропал, выражаясь на языке Левандовского.

«Мила работала в Ордене, — сейчас рядом с Яном иллюзия говорила за него, — ее родителей убили у нее на глазах. Ян, она ненавидит измененных. Она кромсала их всю свою жизнь, на ее счету сотни трупов. Черта с два я знаю, что она задумала, но она точно не подпустит тебя к знаниям, рядом со мной у тебя больше шансов. Помоги мне разобраться с Морисом. А я займусь ею».

Риган назвал свой отель и разорвал связь с куклой. Будто глотнул воздуха после душного, замкнутого помещения. Сейчас «Агнесса» растаяла рядом с Левандовским, и он либо позвонит Миле, либо... Секунды складывались в минуты, и это внушало надежду. Ночная Катания пестрела огнями, а Риган не мог сосредоточиться ни на чем, кроме предстоящего. Энергия перестала утекать, в голове понемногу

прояснялось, боль отступила, да и телефон Монстры по-прежнему молчал. Ян согласился помочь! Уверенность в успехе возвращалась вместе с силами, только озноб до сих пор напоминал о том, сколько сил он потерял.

— Приехали. — Мила вышла из машины, и Риган последовал за ней.

На подземной парковке было прохладно. Он слышал, как парковалась машина, и увидел шагающего к ним Мориса. Негромко пискнула сигнализация.

— Мила, я так не играю.

— Тебе нечего бояться, Эванс, — презрительно процедила она.

— Я настаиваю.

Мила скептически фыркнула и направилась к своему молчаливому другу. Они перебросились парой фраз, Морис остался на месте, а Монстра вернулась и кивнула в сторону лифта.

В кабине она молчала, не сводя с него настороженного взгляда, в коридоре пропустила его вперед, в номер тоже. Риган подошел к сейфу, а Мила прислонилась к стене, скрестила руки на груди и внимательно следила за каждым его движением. У него будет несколько секунд преимущества, когда она отвлечется на ключ. Как в тумане, он достал подделку и протянул ей. В глазах Милы мелькнул сумасшедший огонек — его не спутаешь ни с чем, время замедлило ход и отсчитывало последние мгновения.

Она взяла копию, достала вторую часть... В ту же секунду Риган выхватил пистолет-шприц. Мила оказалась шустрее, чем он рассчитывал, — выбила транквилизатор из его рук, он успел заблокировать первый выпад, а вот второй пропустил. Ощутимый удар в лицо — и кожа полыхнула саднящим огнем. Риган удержался на ногах, но быстро ушел вбок, а она тенью метнулась в ванную. Он перехватил ее на пороге, с силой швырнул назад. Мила знала, за что дерется, и ее подготовку Риган оценил сразу. Она двигалась бесшумно, но быстро и точно, слышался только свист рассекаемого воздуха, глухие звуки удавшихся блоков и хлесткие — смазанных ударов. Не считая рассеченной скулы, они друг другу не уступали: ни в движениях, ни в скорости. А потом ее телефон разразился воплями «Линкин Парк».

Контрольный, мать его, звонок!

Затягивать было нельзя, потому что, если сюда нагрянет Легран, против двоих ему не выстоять. Иллюзия пылающего дома из ее детства не сразу обрела реальные очертания, но вскоре на него самого полыхнуло жаром. Треск ломающихся обугленных досок, яростные языки всепожирающего пламени и его шипящий, беспощадный хруст.

Растерянность в ее глазах сменилась животным страхом, мгновения замешательства ему оказалось достаточно. Удар в солнечное сплетение и следом — в лицо.

Иллюзия развеялась, Мила рухнула на пол. Риган перешагнул через нее, поднял вторую часть ключа и вколол ей транквилизатор. Остаться в номере после такого — не вариант, Морис уже наверняка едет наверх. Повезет, если они разминутся. Риган выругался, взвалил Милу на плечо и выбежал из номера. В конце коридора толкнул дверь, ведущую на лестницу, и устремился вниз. Его слегка шатало: Монстра была тяжелая, и тренировки Клотильды сейчас пригодились.

Говорят, в таких ситуациях у человека открывается второе дыхание. Какое там! Риган мысленно молился всем подряд, чтобы не потерять сознание. Сказывались перенапряжение и злоупотребление иллюзиями: отчаянно болела голова, носом пошла кровь. Он вылетел на первый этаж, протиснулся между стеной и сваленными у дверей прачечной тюками с грязным бельем, встретился взглядом с вынырнувшей из подсобки перепуганной горничной.

Обрывок фразы на итальянском растворился в гулком биении сердца. Риган с силой оттолкнул открывающуюся дверь, услышал чей-то крик, ругательства и грохот. Завернул направо и выбежал через служебный вход на подземную парковку. Он не помнил, где Мила оставила свою тачку, поэтому достал ключ из ее кармана и нажал на кнопку Поблизости. Мелькнул маячок фар, но тут он снова увидел Мориса.

Тот стоял чуть поодаль, опустившись на одно колено. О его даре Риган вспомнил слишком поздно — внизу Легран был гораздо сильнее. Рукой Молчун коснулся земли, и та содрогнулась. По парковке пробежала трещина, а следом пошла волна, подбрасывая одну машину за другой. Скрежет металла и оглушительный вой сигнализаций слились в дикий безумный гул. Покрытие ушло из-под ног, как лента неисправного эскалатора, и Ригана отшвырнуло к стене, как куль с мукой. Его от души приложило головой о покрытие, сознание взорвалось яркой вспышкой, на мгновение растворившись в темноте, а возвращение в реальность отозвалось в ушах звенящей тишиной.

Морис был в паре метров от него — склонился над Милой, а потом с поразительным проворством подхватил ее на руки. Шипение, треск и удушливый запах гари Ригану очень не понравились, и еще больше ему не нравился ад, в который превратилась парковка. Пламя шло по стенам, змеилось по крышам машин, воздух раскалялся. Молчун метнулся в сторону прачечной, Ригану же бежать было некуда. Он оказался замкнут в

огненном кольце, оставалось только лежать и ждать участи цыпленка гриль.

Огненное шоу свернули у него на глазах: языки пламени таяли, подчиняясь неведомой силе. Рядом раздались шаги, и над ним склонилась сексапильная дамочка, которая устроила в ресторане скандал. Пьяной хулиганка не выглядела от слова «совсем».

— Привал окончен, подъем! — Она резко рванула его на себя, и Риган с трудом поднялся на ноги.

— Ты еще кто такая? — заплетающимся языком пробормотал он.

— Фея-крестная, Золушок!

Она шла быстро, Риган едва успевал за ней. Фея втокнула его в салон отчаянно вопящей машины, за глухим щелчком дверцы наступила тишина, а он просто сполз на сиденье и отключился.

* * *

Приходить в себя в набирающем высоту самолете — не лучший вариант: все съеденное и выпитое встало поперек горла, перед глазами плясали разноцветные точки, не имеющие никакого отношения к зрению пробужденного, а барабанные перепонки словно сдавило под прессом. Напротив, закинув ноги на соседнее кожаное кресло, устроилась его нежданная помощница. Она курила, пила вино и смотрела в сторону.

Риган дотронулся до кармана куртки: ключ исчез, Милы тоже поблизости не наблюдалось. Он нахмурился и попытался подняться, но Фея пригвоздила его к креслу убийственным взглядом.

— Это потерял? — Она взвесила вещицу на ладони.

— Я за нее уже получил, а ты мне нравишься. Может, обойдемся без насилия?

Она фыркнула.

— И еще получишь. За то, что устроил в Катании.

Совпадением это быть не могло. Каким-то образом им стало известно, что он собрался провернуть, его не только не бросили на растерзание, но и прислали подмогу. Значит, все получилось? Риган вглядывался в лицо дамочки, но она упорно на него не смотрела: затушив сигарету, убрала часть ключа в сумочку и повернулась к иллюминатору. Подтянула под себя длинные ноги, нисколько не стесняясь бесстыдно задравшейся юбки. Теперь Риган получил возможность рассмотреть ее получше. Тонкие черты лица, вздернутый нос, едва уловимая россыпь веснушек на коже. Высокая,

изящная и грациозная — была бы сама женственность, если бы не резкость движений и командный тон.

— Как мне к тебе обращаться? — Риган подался вперед. — У тебя есть имя или мне звать тебя Фея-крестная?

— Умойся. Паршиво выглядишь.

Выглядел он и в самом деле неважно. Бледный, как накрахмаленная простыня юной девственницы, темные круги под глазами, ссадина во всю скулу, кровь, размазанная по лицу и рубашке.

Умываться пришлось дважды: когда Риган уже собирался выходить из уборной, самолет попал в воздушную яму, и трюфели с ризотто вернулись в грешный мир.

Выползал он по стенке и буквально рухнул в кресло.

— Они сильно разозлились?

— Сильно. — В ее голосе больше не было сарказма. — Я Беатрис.

— Приятно познакомиться, Беатрис... — Он нагнулся к ней и тут же об этом пожалел.

— Сиди! — Она легко толкнула его в грудь. — Рыцарь печального образа.

Риган с радостью последовал ее совету, даже не стал возвращать насмешку. Так паршиво ему не было давно. Если бы не выматывающие тренировки, лежать бы ему хладным трупом где-нибудь в Катании.

— Легран и Мила? — спросил он, не открывая глаз.

— Сбежали.

Поперек горла встали то ли остатки ужина, то ли ее ответ. Благодарность за помощь растворилась в осознании одного-единственного слова. Все, что случилось сегодня, было зря.

— То есть вы их отпустили?

— Там вулкан, умник, — рыкнула Беатрис, — триста тысяч человек населения плюс туристы! Еще вопросы есть?

Он это знал, но не мог поверить, что все так закончилось. Мила была в отключке! Так близко подобраться к ней еще никому не удавалось. Риган сжал зубы. Головная боль не позволяла сосредоточиться, но теперь это было бессмысленно. Беатрис была не настроена на беседу, и он понимал, что подробностей от нее не добьется. Да и к чему выяснять, что там дальше произошло. Момент упущен. Все псу под хвост...

— Что насчет Левандовского?

Ян не появился в отеле, и Риган искренне надеялся, что его перехватили до того, как он столкнется с Морисом, который не в настроении.

— Я пасла тебя, красавчик, так что понятия не имею.

У трапа их встречала Клотильда, первой спустилась Беатрис и, не оглядываясь, сразу прошла к машине. Сам Риган чувствовал себя как пьяный. Такое бывает, если перебрать, от сильной усталости или от высокой температуры. В его случае даже ночная прохлада отступила перед горячкой. Пару раз он чуть не навернулся прямо на трапе и наконец оказался лицом к лицу с наставницей. В прищуренном взгляде Клотильды прямым текстом читалась жажда крови. Обманчиво-спокойная поза только подчеркивала намерение втоптать Ригана в асфальт. Присущая ей игривость растворилась без следа, обнажая хищницу, которой Кло была на протяжении сотни лет.

— Дариан ждет, — холодно сообщила она. — А после мы поговорим.

Как ни странно, на сей раз рядом с водителем ехала Фея, а не светловолосая амазонка. Ригана колотило, но виной тому была отнюдь не Клотильда, хотя от нее и веяло заморозками ледникового периода. Он пытался сосредоточиться на предстоящем разговоре с Дарианом, выходило плохо. Перед Древним он проштрафился по всем фронтам. Своевольно изменил ход операции, подставился и чуть не погиб сам, сработал грязно даже для сопливого новичка. Мысли метались, как обезьяны в пылающих джунглях. Рассказали ли Агнессе о произошедшем?

В ночи вилла переливалась обманчиво-притягательными огнями. Много бы он отдал за то, чтобы сейчас оказаться отсюда подальше, но они уже шли знакомыми коридорами. Беатрис вошла первой и положила на стол часть ключа, Клотильда остановилась рядом, а сам Риган ввалился в кабинет и замер. На него смотрели все: Сильвен, Шеппард и Эрик Фея и Кло. Что-то мешало ему сесть — это что-то витало в воздухе сгущающимся напряжением. К счастью, горячка не позволяла до конца прочувствовать всю тяжесть своего положения, поэтому Риган равнодушно приготовился к публичной порке.

— Беатрис, благодарю! — Древний поднялся и поцеловал Фее руку. — Большое спасибо всем, а сейчас оставьте нас с Риганом наедине, пожалуйста.

Зашумели стулья. Если бы были силы, он бы удивился, сейчас же молча смотрел, как все потянулись к выходу. Когда за последним закрылась дверь, Дариан кивнул на кресло, а после сомкнул части ключа и протянул ему.

— Вы не закончили дело.

— Боюсь, теперь у меня не получится наладить с ними контакт. — Вышло хрипло и сдавленно. Он сел и закашлялся, неосознанно сжимая

проклятую железяку в руках, а Дариан едва уловимо нахмурился. В уголках его глаз собрались заметные морщинки, и Риган снова задумался о том, что тот постарел. Если такое возможно, разумеется. Он украдкой посмотрел на картину — на ней бушевал шторм.

— Пусть мисс Аверс вас больше не волнует. — Древний проследил его взгляд, поднялся и подошел ближе. — Эта картина символизирует Разлом. Точнее, то, что произошло с нашим миром, когда он был открыт.

— Который из вариантов?

— Оба.

Какое-то время Дариан молча смотрел на него, и впервые в жизни Ригану не хотелось отвести взгляд. Пустота, которая застыла в ярко-синей глубине, больше не путала. Так смотрят уставшие, выпитые до дна люди, искра жизни которых держится на невесть каком топливе.

— Когда его закрыли, существа в ловушке оказались отрезаны от своего мира. Они ослаблены и медленно умирают. Через пару лет в Город сможет пройти любой.

— Но не сейчас, — уточнил Риган.

Дариан любил говорить загадками, правда, Ригану было не до викторин. Голова полыхала и не разлетелась, как переспелый арбуз, лишь чудом. Соседство с паразитом — верная смерть. Что будет, если оставленные гнить в заточении существа запрыгнут в человека, даже представлять не хотелось.

— Создать измененных было нелегко. — Древний прошелся по кабинету и тяжело оперся о стену. — Многие умирали, но чаще — сходили с ума. Прошло несколько тысяч лет, прежде чем у меня получилось.

— Погодите... — Голова шла кругом, но теперь уже от осенившей его догадки. — То есть вы замесили расу измененных... гм, нас — на основе живучей иномирной дряни?

— Да.

— Получается, что у любого измененного теперь своеобразный иммунитет к этой заразе?

— В отличие от обычного человека у вас есть возможность выжить.

От таких новостей не сиделось на месте. Риган даже не мечтал, что когда-нибудь узнает об истоках создания измененных, не говоря уже о такой откровенности.

— Это просто теория? Или кто-то прошел через это?

— Когда мы закрывали Разлом, не обошлось без жертв. Один из нас по доброй воле принял последний удар на себя.

Он сам не знал, что поразило его больше — то, что Древний сказал:

«Мы», или то, как он об этом говорил. Как будто испытывал невыносимую боль.

— Он до сих пор жив? — уточнил Риган.

— Вы с ним знакомы. Сильвен. А сейчас прошу меня извинить.

После ухода Дариана воцарилась тишина. Только сейчас Риган осознал, что он сжимает в руках. Это не просто ключ к возвращению Агнессы, к знаниям Древности и источнику месторождения металла, который необходим Новой Полиции. Это память тех, кто навсегда остался у закрытого Разлома. Жизни тех, кто открыл или откроет для себя новый мир в самое ближайшее время. Он облажался по-крупному, но Дариан снова отдал ему то, что берег как зеницу ока тысячи лет.

Перед тем как выйти, Риган бросил быстрый взгляд на картину. Ему показалось, что в кровавых прожилках цветка проступает лицо Милы: резкий ненавидящий взгляд, высокие скулы, оскал, а не улыбка. Именно сейчас он отчетливо понял, на кого она похожа. Так же на него смотрели под Ираклионом: жестко, неприязненно, зло — за несколько минут до того, как отправить в пыточную. Мила Аверс до жути напоминала Тома Дюпона.

Глава 19, в которой Агнесса понимает, что дружба и служба — вещи несовместимые

На востоке посветлело, а она так и не сомкнула глаз. Напряжение грозило свести с ума, и Агнесса взяла книгу, чтобы отвлечься. Смысл прочитанного ускользал, приходилось листать страницы назад и вглядываться в строчки снова и снова. Увы, мысли были заняты другим. Вчера после обеда Агнесса в шутку спросила у Сэма, когда ее ждет экзамен, и здорово переполошила всех. Выяснилось, что Эванс предложил операцию по внедрению, но отправился на встречу с Милой в одиночку, никого не предупредив.

Внутри словно что-то оборвалось. Агнесса не понимала, ради чего он так рисковал собой. Сэм говорил, что на помощь Эвансу отправили одного из лучших агентов, дар иллюзиониста важен для миссии в Городе, ему не позволят умереть. Слова с трудом доходили до ее сознания и растворялись в отчаянии: случившееся на Тенерифе оживало перед глазами, вот только теперь вместо Яны в водяном коконе бился Эванс. Сердце сжималось от страха, и все, что ей оставалось, — надеяться увидеть Ригана вновь.

Агнессу отправили домой, и остатки вечера, словно в тумане, плавно перешли в ночь. Она то сидела на кровати, сжимая в руках телефон и ожидая звонка Шеппарда, то мерила шагами комнату. Попытки занять себя провалились, вот и затея с книгой оказалась дурацкой. Строчки расплывались перед глазами, она отложила роман, потянулась и поднялась.

Глаза устали, а шея затекла, пришлось использовать дар, чтобы немного привести себя в чувство. Сэм не отвечал на звонки, и она не знала, что думать. Глядя на стремительно светлеющее небо, Агнесса молилась только о том, чтобы Риган был жив. Уронив голову на руки, она рассматривала плитку на полу, тающий в воздухе дымок, клубящийся над чашкой кофе, корзинки с декоративными фруктами.

Поразительно: их временное прибежище на Мальте действительно стало для нее домом, но все это не имело смысла без Эванса. Невыносимого, непостоянного, считающего серьезные отношения иллюзией. Того, кто когда-то выводил ее из себя одним присутствием. Того,

кто по-прежнему остался сумасбродным, но теперь был самым близким и родным.

Сквозь последнюю мысль пробился звук подъехавшей к дому машины. Не веря своим ушам, Агнесса вскочила и замерла. Сколько раз она вот так радовалась, а потом выходило, что просто показалось?

Хлопнула входная дверь, и она пулей вылетела с кухни. Риган едва держался на ногах: измученный, в крови и синяках, но живой. Агнесса подбежала к нему и подставила плечо, предлагая опереться. Они дошли до спальни, где Риган рухнул на кровать. Ее затрясло, и Агнесса напонила себе первую заповедь Сильвена — не поддаваться чувствам. Она глубоко вздохнула, прощупала Ригана от макушки до ступней и только потом принялась за лечение. Увы, рядом с ним не получалось исцелять отстраненно. Понемногу его слабость перешла в сон. Глядя на тающие синяки и ссадины Эванса, она чувствовала, как страх отступает.

Спустя час все было позади. Агнесса облегченно вздохнула, впервые за невероятно долгие сутки, и упала рядом с ним на подушки. Сил не осталось даже на то, чтобы принять душ, она мгновенно заснула: измученная, но счастливая.

Ей снился Новый год в родительском доме. Братья с женами собрались рядом с украшенной елкой, папа и дядя Женья, как всегда, обсуждали политику. Мама с тетей колдовали на кухне, они с Ритой помогали им с закусками. Племянники с криком носились по дому, грозя сбить каждого, кто окажется у них на пути. Агнесса поглядывала на часы и ждала, пока не услышала его голос. Риган все-таки пришел на праздник! Он страстно поцеловал ее прямо в холле родительского дома, из-за спины раздался довольный смех и подшучивания. Пунцовая Агнесса обняла Ригана и представила родителям, а затем и остальным. Он был рядом, он был частью ее большой семьи, и голова кружилась от счастья.

Она проснулась с глупой улыбкой на лице. Риган лежал, подперев голову рукой, и смотрел на нее. Смотрел так, будто виделся с ней безумно давно, и отчаянно соскучился. Осознание этого пронзило нерастратенной нежностью.

— Доброе утро, — просто сказал он.

Эванс сильно изменился с тех пор, как они познакомились. В Ньюкасле он не знал, чем себя занять, а Агнесса и история с подвеской стали для него очередным опасным приключением. Теперь она видела перед собой мужчину, который рисковал жизнью, чтобы схватить опасную террористку. Зачем, для чего? Она влюбилась в него, впустила в свою жизнь, но по-прежнему знала о Ригане непростительно мало.

— Уже далеко не утро. — Агнесса пригладила его волосы и нахмурилась. — Почему ты это сделал?

— Хотел проверить, на что я еще гожусь. С мальчишками такое бывает, — он махнул рукой. — Спасибо, что не оставила меня в состоянии выжатого лимона.

Риган отшутился в свойственной ему беспечной манере. Почему — она не знала. Неужели не видно, что ей не все равно? И насколько не все равно?! Агнесса обхватила себя руками и отвернулась.

— Эй, — он погладил ее по плечу, — это значит, что я в твоём королевстве теперь нежеланный гость?

Сердце защемило. Агнесса сглотнула ком в горле, обернулась, резко повалила Ригана на спину, прижала его руки к постели и уселась сверху.

— Стоило тебя проучить и оставить парочку синяков! Чтобы больше не пришло в голову так рисковать!

Как хотелось всерьез разозлиться на него! За время их знакомства она усвоила: если Риган не хочет говорить, правду из него клещами не вытянешь. Ей отчаянно хотелось понять, что толкнуло его на такой безрассудный поступок, но встретив смеющийся взгляд любимых серых глаз, Агнесса не смогла выдать и слова. Опасность по-прежнему оставалась для него забавной игрой. Как можно стоять на пороге смерти, а после делать вид, что ничего не произошло?

— Пожалуйста, не делай так больше, — сдавленно прошептала она.

— Именно так — не буду, — он приподнял брови, не пытаясь вырваться из захвата. Глаза его светились весельем, а вид был как у нашкодившего мальчишки, который откровенно дразнится.

— Иначе мне придется отправляться к тебе на выручку. А я не боевой агент!

Риган рассмеялся, все его тело содрогалось от попыток справиться с безудержным весельем. Какое-то время Агнесса смотрела на него со смесью непонимания и обиды, а потом быстро отпрянула. Он мгновенно перехватил ее руки и оказался сверху.

— Пусти!

— Солнышко, я вел себя, как придурок, — Риган смотрел ей в глаза, — сожалею, что заставил тебя волноваться. Прости, что ничего не сказал, прости, что так по-идиотски подставился, но сейчас я здесь, и со мной все в порядке. И я счастлив, что сегодня проснулся рядом с тобой.

Он говорил серьезно или просто играл словами? Агнесса недоверчиво смотрела на него, но потом не выдержала — порывисто обняла и прижала к себе, по сердцу разливалось тепло. Такой любимый, такой родной. Он жив

и здоров, только это важно.

Риган провел рукой по ее волосам и снова поцеловал, потянул наверх футболку и накрыл ладонями грудь. Тело отзывалось на его ласки, кожа становилась чувствительнее. Ей отчаянно хотелось продлить нежность. Любить, а не заниматься сексом. То, что происходило между ними, Агнесса уже не могла назвать иначе чем словом, что горело на губах.

Она не сдерживала стоны. Наслаждение растекалось по телу, накатывало волнами удовольствия, но дальше приятной дрожи не шло. Вчера она здорово переволновалась, а после выложились на полную, когда помогала ему восстановить силы.

— У меня сейчас не получится, — выдохнула она, чувствуя себя неловко.

Риган внимательно взглянул на нее, погладил по щеке и поцеловал в нос.

— Придется доставить тебе удовольствие по-другому. Переворачивайся!

Голос его был хриплым от возбуждения, но продолжать он не стал. И даже не сбежал в ванную.

Разгулявшаяся фантазия подбрасывала ей картины одну неприличнее другой. Не то чтобы она боялась новых ощущений, но Агнесе вдруг стало не по себе. Прежде чем она заикнулась о том, что ее ожидает, оказалась на животе.

— Расслабься... — Риган поглаживал и сжимал ладонями ее ягодицы.

— Что ты собираешься делать? Я не все пробовала в сексе.

— Самое время попробовать. — Он легко шлепнул ее ладонью, открыл тумбочку, а спустя мгновение по комнате поплыл будоражащий аромат, легкий и ненавязчивый: смесь цветов и фруктов. Риган мягко сжал ее плечи, под действием масел прикосновения становились еще более горячими — были ли то едва уловимые касания кончиками пальцев, дразнящие и откровенные, или легкие, расслабляющие поглаживания.

Хорошо, что он не видел ее горящих от смущения щек и что она не успела сказать лишнего. Движения Ригана совсем скоро заставили позабыть о неловкости. До встречи с ним она и не подозревала, что у нее столь чувствительная спина, и тихо постанывала от удовольствия. Впрочем, не только спина — и предплечья, и ладони, и пальцы рук. Потом он переключился на ягодицы и бедра, и она совсем потерялась в ощущениях — где кончается массаж и начинается откровенная ласка.

Когда Риган скользнул ниже, Агнесса сильнее раздвинула ноги и вцепилась руками в подушку, которая заглушила стон. Он решительно

потянул ее на себя, и она покорно приподнялась и прогнулась в пояснице. Мягкие касания его пальцев, губ и языка вскоре сменились более настойчивыми и сильными. Движения навстречу превратились в ритмичные рывки, от которых внутри сладко ныло. Агнесса тонула в наслаждении, напряжение перешло в дрожь оргазма, она забылась от удовольствия, сжалась сильнее.

Оглушенная своими чувствами, Агнесса услышала его стон. Самыми ценными были мгновения после любви, когда их сердца бились в унисон, а его дыхание щекотало шею. Риган перекатился на бок, она обняла его и устроилась на плече. Все слова теперь казались лишними.

* * *

Из кухни тянуло ароматом кофе и выпечки. Хотя время было уже послеобеденное, им предстоял невероятно теплый завтрак. Впервые за много дней не нужно никуда бежать — Шеппард позволил ей отдохнуть, да и Риган не торопился.

— За мое обалдуйство Клотильда выдала мне тумачков и четыре полноценных выходных. Куда хочешь поехать?

— С тобой хоть на край света.

Она не представляла, как спросить его про то, что произошло, и про то, что будет дальше.

— По глазам вижу, что есть маленькое «но», — усмехнулся Риган, отодвигая для нее стул.

— Не такое уж и маленькое. После того, как ты... — Она не договорила. — Риган, пожалуйста, не надо меня щадить, я уже большая девочка. Говори, как есть.

— Что ж, большая девочка, — он разлил кофе по чашкам и разрезал пирог, — все остается в силе. Город мы откроем, но Мила пока на свободе.

Эванс не смотрел на нее, он сел на соседний стул и придвинул к себе тарелку с пирогом. Агнесса накрыла его руку ладонью.

— Спасибо.

— За что?

— За честность. И за то, что ты достал ключ. Хотя это не отменяет того, что я на тебя по-прежнему зла. Ты ничего не сказал мне про то, что собирался работать с Милой. Риган, как тебе это вообще в голову пришло?! Она же ненормальная!

— Я тоже.

— Риган!

— Агнесса? — Риган перегнулся через стол и погладил ее по щеке. — Пригласи меня куда-нибудь, большая девочка.

Они устроили настоящие выходные на двоих. Съездили на Комино: любовались кристально чистой водой Голубой лагуны под дождем, побывали на старинной сторожевой башне Санта Мария и посмотрели рождественский вертеп в гозитанской деревне Айнсилом. Прогулки и уютная тишина между разговорами заполнялись многообещающими взглядами и поцелуями. Вечерами они возвращались домой и засыпали в одной постели: уставшие, но довольные. Агнесса боялась спугнуть свое счастье и наслаждалась каждым мгновением — отчаянно и безрассудно, забывая обо всем.

Гром прогремел на четвертый день, ближе к ночи. Риган принимал душ, а она просматривала новостную ленту в сети. Репортеры называли «преступлением века» похищение известной европейской актрисы. По спине Агнессы заструился холодный пот, когда она увидела фотографию Лорин. Связать миссию Ригана и пропажу его подруги не составило труда. Звезду выкрали прямо из ее дома, предварительно перевернув там все, что можно: похитители оставили Эвансу простое, но исчерпывающее послание.

Лорин была частью его семьи. Ради любого из близких Агнесса бы отправилась куда угодно. Да что говорить, она согласилась на встречу с преступниками, чтобы спасти Бена, которого почти не знала. Риган так и не признался, зачем сунулся к Миле в одиночку, но Лорин в беде он точно не бросит. Представив, что пришлось пережить рыжеволосой красавице, она зажмурилась. Такой участи не пожелаешь никому.

Мысли металась между невозможностью открыть Ригану правду и пониманием, что промедление смерти подобно. Но разве могла она допустить, чтобы Эванса заманили в ловушку? Агнесса захлопнула крышку ноутбука и почувствовала, как сильно дрожат руки. Она прислушалась к звукам воды — Риган плескался в душе, словно дельфин, и пока ничего не знал.

Сердце сжалось от дурного предчувствия, Агнесса до боли сцепила пальцы, кусая губы, — и даже упустила момент, когда в ванной стало тихо. Риган вышел, перекинув полотенце через плечо и насвистывая под нос какой-то ирландский мотив, но, взглянув на нее, сразу нахмурился.

— Что случилось, пока меня не было?

Она покачала головой, пытаясь выиграть время. На помощь пришло воспоминание, когда она гуляла по страницам родных на Фейсбуке.

— Просто глупость, — выдавила Агнесса. — Я смотрела фотографии на странице брата и поняла, как соскучилась.

Загорелись щеки — врать она не умела, но весьма кстати защемило в носу и глаза наполнились слезами. Риган помрачнел, сел рядом и притянул ее к себе. Агнесса была готова разрыдаться от собственного бессилия и от заботы, которую чувствовала в его объятиях. Она прижалась дрожащими губами к его груди и замерла. Как же объяснить Эвансу, что главный человек в ее жизни — он?! Это открытие больше не пугало, теперь пугало другое. Она слишком любила Ригана, чтобы рассказать о Лорин и отправить его на верную смерть.

— Я люблю тебя... — Слова вырвались раньше, чем она успела их остановить. Правда, которую она скрывала гораздо дольше. Агнесса боялась поднять взгляд, чтобы не видеть разочарования. Риган замер и напрягся, по-прежнему сжимая ее в объятиях, и она поспешно добавила: — Не нужно ничего отвечать. Я просто хотела, чтобы ты знал.

— Это слишком глобально, — произнес он, — мой бедный маленький мозг не в состоянии воспринимать такие чудеса.

Агнесса взглянула на Ригана и не сдержала улыбки: ее слова для него не пустой звук. Он выглядел обескураженным, удивленным и немного растерянным. Каким угодно, только не желающим сбежать от нее на край света. На душе стало тепло и сладко, даже тревога и беспокойство на мгновение отпустили. Агнесса крепко прижала его к себе и судорожно вздохнула. Она скажет ему, просто чуть позже. Когда придумает, как удержать Эванса от очередной самоубийственной выходки.

За пару часов Агнесса прокрутила в голове сотни вариантов, но не видела выхода, а посоветоваться могла лишь с одним человеком. Когда Риган заснул, она взяла телефон, накинула кофту и вышла во двор.

— Сэм, извини, что разбудила, но я увидела новости о Лорин. Лорин Бейл, она и Риган...

— Агнесса, мы знаем, — его голос звучал спокойно и устало. — Насколько я понимаю, Риган еще не в курсе? Если Новой Полиции известно о похищении, они спасут Лорин, можно даже ничего не говорить Ригану.

— Вы же вытащите ее?

Тишина.

— Сэм?!

— Где сейчас Риган?

— Он спит.

— Тогда поговорим завтра. Я приеду утром.

Агнесса поблагодарила и нажала отбой, но на душе все равно скребли кошки. Почему Сэм отмолчался? Почему не сказал, что они помогут Лорин? Вернувшись в постель, она обняла Ригана и тесно прижалась к нему, в ответ он что-то пробормотал сквозь сон. Агнесса надеялась, что он поймет ее и простит за то, что не сказала сразу. Она думала, что не сможет заснуть, но все-таки задремала.

Ей снилась бледная Лорин со связанными за спиной руками и Риган на краю пропасти. Мила стояла у моря, высокие волны шли одна за другой, стирая Мальту с лица земли, но ей они не причиняли вреда. Лицо, искаженное ненавистью и злобой, разрезала кровавая рана изогнутых в усмешке губ. Вода крошила камень, швыряла людей, как щепки. Агнесса металась по постели и, даже когда вырвалась из цепких лап кошмара, ей казалось, что до нее до сих пор доносится смех. Смех Милы, прорывающийся сквозь шум бушующего потока, который нес с собой разрушение и смерть.

* * *

Она любила подолгу нежиться в объятиях Эванса, но сегодня поспешно выскользнула из постели. Замаскировала темные круги под глазами и отправилась на кухню. Оставалось надеяться, что утро Шеппарда не затянется до обеда. Риган не настолько наивен, чтобы ей удалось обвести его вокруг пальца второй раз.

Впервые совместный завтрак казался Агнессе обременительным. Если Риган и заподозрил что-то, то виду не подал. Либо она была хорошей актрисой, либо он просто еще не до конца проснулся. Сэм приехал, когда они допивали кофе. Стоило машине остановиться у дома, Агнесса вскочила, едва не выронив чашку, и замерла под удивленным взглядом Эванса.

— Выходные кончились, — мрачно произнес Риган.

Агнесса беспомощно взглянула на него. Она знала, что новость его ранит, но не представляла, как смягчить боль. Сердце колотилось так, что становилось трудно дышать. Оставалось надеяться, что Сэм привез хорошие новости.

— Риган... — Никогда в жизни ей не было настолько тяжело произнести несколько слов. — Мила похитила Лорин.

Лицо Эванса окаменело.

— Так вот зачем понадобился несостоявшийся баскетболист?

— Я знаю, что Лорин — твоя семья, — Агнесса придвинулась к нему и взяла за руку, — что в прошлый раз ты отправился один и что сделаешь это снова. Я не знаю, почему ты ничего мне не сказал про свой план и почему так поступил, но... Риган, это самоубийство.

— С Милой все было просто. Я собирался с ней подружиться, открыть Город, потом прибежали бы наши, побили плохих, а ты смогла бы вернуться домой.

— Ты... — Ее голос дрогнул. — Ты что, сделал это ради меня?

— В целом и общем это пошло бы на пользу всему миру. Как ты сама сказала, Мила слегка того.

— Но почему ты...

— Солнышко, она поставила условие — привести тебя.

— Но... Ты мог бы обратиться к Сэму. Он бы не стал мной рисковать! Он бы что-нибудь придумал и...

Агнесса резко замолчала: его рука под ее пальцами напряглась.

— В талантах Шеппарда я не сомневаюсь, — Риган поднялся. — По крайней мере, в одном.

— О чем ты?!

— Лапша на уши, продвинутый уровень. — Он оперся о стол. — Хотя некоторым на удивление нравится обманываться. Думаешь, он сюда приехал сообщить, что лично спасет Лорин, а нимб у него по дороге отвалился, потому что он очень спешил? Ему нужно проследить, чтобы я случайно не убежал ее спасать. Потому что без иллюзии они в Город не попадут.

Раздражение медленно закипало в душе.

— Сэм приехал, потому что он мой друг, — возразила она, сложив руки на груди.

Риган легко оттолкнулся от стола и направился к выходу.

— Что ж, тогда спроси его, — он усмехнулся, — может, дело не только в лапше.

Агнесса задохнулась от возмущения и почувствовала, как горят щеки. Живо вспомнился ужин у Шеппарда и поцелуй. Но сейчас она думала только об Эвансе и его жизни.

— Риган, — она остановила его в дверях, — между мной и Сэмом ничего не было.

— Не надо усложнять, Агнес, — Эванс издевательски улыбнулся, — даже если и было, меня это не касается.

Риган нарочно скомкал ее имя, лишь бы сделать больнее. Агнесса сжала кулаки, чтобы не залепить ему пощечину. Как он мог обвинить ее в

связи с Сэмом?! Она оттолкнула его и пулей вылетела из кухни, ее трясло от плохо сдерживаемого гнева. Черствость Эванса и жестокие слова ранили слишком глубоко, чтобы выдержать еще и насмешку в его глазах.

Сэма впустила Джуна. Она соображала на удивление шустро, поэтому сейчас ее и след простыл — должно быть, срочно засобиравлась за продуктами. Шеппард терпеливо дожидался в гостиной, сдержанно поздоровался и даже не улыбнулся.

— Знаю, что не вправе просить, — прошептала она, — но Лорин не должна пострадать, она тут ни при чем. Мы не можем оставить ее одну!

— Агнесса, присядь. Мне нужно поговорить с Эвансом.

— Да, Агнес, присядь... — Риган смотрел на них, прищурившись. Его насмешки сочились ядом. — Сейчас тебе популярно объяснят, насколько им дорога Лорин, а главное, выдадут длинный список благих намерений, почему она должна сдохнуть.

Сэм шагнул к нему, и Риган мгновенно подобрался, готовый к драке. Таким злым Агнесса его еще не видела — даже в Эванс-Холле, когда он узнал о звонке Рите.

— Риган, перестань, — с мольбой выдохнула она и встревоженно посмотрела на Шеппарда. — Неужели так сложно просто поговорить?

— Разговаривать можно, когда тебя слышат, — негромко ответил тот. — Эванс сейчас к этому не готов.

— Было бы о чем. Хрен идейный.

Она и пикнуть не успела: пространство искривилось, по комнате заметались тени, превратившись в очертания человеческих фигур. Теперь уже Агнесса и сама не могла бы сказать, который из этих семи Эвансов — настоящий. Сэм без труда разобрался с четырьмя иллюзиями, но ошибся с пятой. Или же просто не успел. Риган бил на поражение, и Шеппард отлетел к стене. Иллюзии растаяли, в гостиной остались двое. Они не уступали друг другу: несмотря на то что Сэм был ощутимо выше и сильнее, Риган двигался быстрее и не гнушался подлых приемов, да и Шеппард его не щадил.

— Пожалуйста, прекратите!

Как ни странно, остановились оба, ни один не воспользовался преимуществом. Мужчины продолжали стоять неподвижно, подобравшись и тяжело дыша, но ярость обрела выход в драке, поэтому сейчас Риган смотрел на Шеппарда равнодушно. С тем же успехом на его месте мог оказаться стол.

— Мы оба прекрасно знаем, — жестко произнес Сэм, — что мисс Бейл оказалась в беде из-за твоей выходки.

Риган поднял руки вверх.

— Нокаут. Только объясни этой наивной женщине, что помогать ей никто не станет. Я пас.

Он быстро вышел из комнаты.

— Сэм? — Она перевела встревоженный взгляд на Шеппарда. — Ты сможешь?

— Агнесса... — В глазах Сэма мелькнуло нечто, отдаленно похожее на сожаление. Он вытер кровь с разбитой губы и нахмурился. — Риган должен был сотрудничать с ними под прикрытием. Он сработал грязно и забрал часть ключа.

Агнесса недоверчиво покачала головой. Неужели Эванс прав и они и пальцем не пошевелят, чтобы помочь Лорин?

— Милу Аверс нужно допросить, а после того, как Риган прокололся, она встретит нас во всеоружии. Если мы бросим на нее все силы, вряд ли она выйдет из этой схватки живой. Последствия непредсказуемы.

— Сэм, но Лорин же погибнет!

Шеппард ответил не сразу, но жестко:

— Одна жизнь против беспорядков и хаоса по всему миру! Мы почти уверены, что Мила хочет заявить миру о существовании пробужденных. Сейчас, когда люди еще не готовы это принять.

— Одна жизнь?! Сэм, да что ты такое говоришь?

Она не верила своим ушам. Ни Дариан, ни Шеппард не собирались вмешиваться. Новая Полиция готова пожертвовать Лорин за свои идеалы?!

— Когда Риган откроет Мертвый город, Мила занервничает. Она начнет совершать ошибки, и тогда...

Агнесса сжала кулаки, отступила назад и раздраженно посмотрела на него.

— Лорин будет уже все равно!

Не дожидаясь ответа, она бросилась в комнату Эванса, но замерла в дверях. Риган сидел на кровати, сцепив руки, и смотрел в пол.

— Помоги мне, — не поднимая взгляда, произнес он. — Мне нужно, чтобы ты отвлекла Шеппарда.

— Риган... — Голос предательски сорвался. — Риган, ты...

— Мне больше некого просить, солнышко.

По щекам потекли слезы, но Агнесса не могла даже пошевелиться, чтобы их стереть. Странный ступор сковал ее по рукам и ногам. Мила убьет Ригана сразу, как только он проведет иллюзию к Городу. Неужели он этого не понимает? Или понимает, но ему все равно? Что чувствуешь, когда живешь так долго? Жизнь перестает радовать, хочется побыстрее

покончить со всем? Нет, не может быть, ведь она видела, каким счастьем светился его взгляд, когда он смотрел на нее, так почему же сейчас в нем одна лишь пустота?

Агнесса сбросила оцепенение, шагнула вперед, сползла на пол и обняла его колени.

— Пожалуйста, не делай этого! Пожалуйста...

Риган погладил ее по голове.

— Я не могу оставить ее, и ты это знаешь, — мягко ответил он, — тебе придется поверить в то, что я справлюсь.

— Я знаю.

Он не передумает. Выбор за ней, но, как ни поступи, она его потеряет. Руки бессильно разжались, Агнесса поднялась и подошла к окну, хотя желание согнуться пополам от боли и распластаться по полу, чтобы ничего не видеть и не слышать, было непреодолимым.

— Солнышко, ты веришь в меня?

— При чем тут это?!

— Да или нет?

— Да! — Она повысила голос. — Но это не отменяет того, что я с ума сойду, зная, что ты...

— Как, по-твоему, я дожил до своего возраста?

— Тебе все время везло? — предположила Агнесса.

Глупый вопрос повис в воздухе. Она всхлипнула и по-детски потерла глаза.

— Я вернусь.

Это прозвучало неожиданно и решительно. Риган шагнул к ней, взял за подбородок и заглянул в глаза.

— У меня ощущение, что кое-кто уже видит меня в гробу с прощальным букетом в самом неприличном месте. Стыдись, Уварова.

Агнесса и впрямь слегка покраснела. Всю жизнь Эванс отчаянно пытался доказать — бессердечному отцу, миру, себе, — что он способен на большее и достоин доверия. Какой же она была глупой! Вела себя как озабоченная мамаша. Он хотел уберечь ее от теневого мира, в котором долгие годы жил сам, решив, что его жизнь стоит ее свободы, но чем ответила она?

— Я помогу, — прошептала она. — Что надо делать?

— Сидеть здесь и болтать с Сэмом о Лорин. О том, как они не правы. Я буду стоять рядом и слушать.

— Но...

Агнесса вдруг все поняла и похолодела.

— Прости, солнышко.

— Нет. Нет-нет-нет. Нет! Пожалуйста, нет!

Она всхлипнула, прижалась к его губам, но не почувствовала ответа. Перед ней была иллюзия — точная копия Ригана: голос, мимика, жесты. Он настоящий сейчас на полпути в аэропорт. Или на паром. Или непонятно где еще. Ярость перекрыла отчаяние и страх, даже руки зачесались. И ведь как лихо все обставил, мерзавец! Затеял драку и, пока Сэм сражался с иллюзией, под шумок смылся.

— Знаешь, Эванс, — зло процедила она, вытирая слезы тыльной стороной ладони, — на сей раз хорошую порку заслужил ты.

— Я так и знал, что ты мне это запомнишь.

— Не только запомню, но и выпорю. Можешь не сомневаться.

— Еще один повод вернуться. А пока, женщина, сиди, вяжи салфетки и не отсвечивай. Не хочешь салфетки — вяжи кукол вуду и втыкай в них булавки. Дождись меня, а потом мы уедем вместе. Обещаю.

Агнесса старалась не смотреть на куклу. Спальня, в которой они провели последние мгновения близости, опустела. Несмотря на яркое солнце, света в ней не осталось. Если Дариану в самом деле нужна она и ее дар, значит, не все еще потеряно. Ригану придется провести в Мертвый город команду Милы, а ей всего лишь нужно согласиться сотрудничать, чтобы быть лекарем при группе захвата Новой Полиции. Зная Милу, нетрудно догадаться, что им потребуется помощь на месте. Она не бросит Ригана одного!

— Солнышко, ты что-то подозрительно притихла.

— Выбираю ремень потолка.

Агнесса умылась и вместе с иллюзией вернулась в гостиную, где ждал Сэм. Замерла в дверях, наблюдая за ним. Теперь она начинала понимать, почему Шеппард одинок. Работа для него была важнее отношений и людей, важнее дружбы. Он многого добился и в то же время не добился ничего. Ни одна даже самая важная цель не заменит человеческого тепла, но не ей ему объяснять.

— А если бы на месте Лорин оказалась я?

Сэм вскинул брови, хотел что-то сказать, но замялся. Всего лишь несколько мгновений промедления, но этого было достаточно. Подавив горечь разочарования, она сдержанно улыбнулась.

— Отвези нас к Дариану.

Кукла Ригана выразительно кашлянула, но Агнесса даже не посмотрела на нее.

— Зачем? — Голос Сэма стал ощутимо прохладнее.

— Хочу спросить, что он сам думает про одну жизнь.

— Агнесса, Новой Полицией занимаюсь я. Сейчас не лучшее время, чтобы...

— Я не собираюсь с тобой препираться, Сэм. Ты нас отвезешь или мы с Риганом поедем вдвоем?

— Оле! Оле-оле-оле! — пропела иллюзия и помахала несуществующим флагом.

Агнесса не выдержала — улыбнулась, а Сэм поджал губы и кивнул в сторону двери.

Пока они ехали на виллу, он звонил и договаривался о встрече, а она окончательно уверилась в принятом решении. Нет, она не станет просить Дариана задержать Ригана, она отправится следом за ним. Надеяться на помощь Шеппарда бессмысленно. Он дал понять, что на него не стоит рассчитывать.

В Центре Сэм сразу привел ее в Библиотеку — по всей видимости, чтобы она подождала, пока Дариан освободится. Это и к лучшему. По крайней мере, тут много интересных книг, да и Ригану не придется держать иллюзию, когда Шеппард уйдет. Вот только он не спешил, напротив, кивнул ей, предлагая пройти в конец зала. Там за столом сидел мужчина в белом: обложившись свитками, делал какие-то пометки в блокноте. Он оторвался от работы и посмотрел на них, Агнесса улыбнулась ему и только спустя мгновение поняла, кто перед ней. Она разговаривала с Дарианом!

— Это вы!

Он поднялся и протянул ей руку.

— Приятно познакомиться, Агнесса.

Она коснулась его пальцев и с трудом подавила порыв отдернуть руку. Ощущения были такие, будто посреди раскаленной пустыни тебя окатили ледяной водой. Его сила оказалась странной: сквозь серебристые контуры пробивались тусклые сплетения красно-черных линий. Там, где они соединялись со знакомыми энергиями, последние таяли на глазах. Агнесса поняла, что не может определить его дар — сокрытый под узлами тьмы, пропитанной карминной отравой.

Дариан едва уловимо улыбнулся и указал на соседний стул.

— Сэм говорил, что вы пришли просить за Лорин.

— Моя просьба что-то изменит?

Он с видимым сожалением отложил свитки.

— Я не обсуждаю решения тех, кому доверяю.

— В таком случае я хочу отправиться вместе с группой захвата.

— Риган, я уверен, что на вас можно рассчитывать. Не тратьте

силы. — От его слов Агнесса вздрогнула и обернулась, но иллюзии уже и след простыл. Сэм не сдержался — его брови взлетели вверх, а потом сошлись на переносице, лоб прочертила глубокая морщина. Дариан едва уловимо кивнул, предлагая Шеппарду присоединиться к разговору, и продолжил: — В Мертвый город спустятся только те, кто работает в Новой Полиции.

— Тогда я подпишу контракт!

— Не слишком ли вы спешите?

— Напротив. Боюсь опоздать.

Агнесса смело смотрела ему в глаза: она не просила, а требовала и отступать не собиралась.

— Сэм? Что скажете?

Внутри все похолодело. Она ехала к Дариану, надеясь, что последнее слово остается за ним. Теперь она снова зависела от Сэма. От Сэма, которого только что обвела вокруг пальца на пару с Риганом. Шеппард опустил голову, оперся ладонями о стол, будто собираясь уйти, и она мысленно сжалась в ожидании приговора.

— Я не возражаю.

Она ослышалась? Агнесса испытующе взглянула на Сэма, но тот изучал стеллажи с книгами, так, словно видел их впервые. Ей хотелось сказать что-то: оправдаться, попросить прощения, но слова застряли в горле. Тишину нарушил Дариан.

— Подготовьте документы, — попросил он. — Свяжитесь с Эриком. Держите подходы к Городу под наблюдением.

Тот кивнул и поднялся. Она слушала удаляющиеся шаги Шеппарда и ругала себя за малодушное молчание. Слова благодарности застыли на губах, она не знала, с чего начать. Или как продолжить.

— По глазам вижу, у вас остались вопросы.

— Да. — Агнесса хотела спросить, почему он позволил Ригану уйти, но вместо этого спросила другое: — Для чего вы создали измененных?

— Вы помните свои первые дни на Мальте?

Она нахмурилась, но все же кивнула.

— Помните чувство свободы и ощущение пропасти, раскинувшейся между вами и всем, что знакомо и дорого? За тысячи лет это способно свести с ума. Я рисковал однажды проснуться безумным чудовищем и позабыть о том, ради чего живу.

— И вы решили создать других... — Агнесса осеклась и покраснела. — Простите.

— Ради этого, — Дариан кивнул на свитки. — Глядя на них, я видел

то, во что могу превратиться. Мне нужны были те, кому я передам дела. Те, кто не сойдет с ума, столкнувшись с неизведанным. Те, кто пойдет со мной к Разлому.

Скажи ей кто-нибудь полгода назад, что она будет сидеть и разговаривать с женщиной, пережившим финикийцев, Древний Египет и Древний Рим, она бы покрутила пальцем у виска. Скажи ей кто-нибудь, о чем, — позвонила бы в клинику для душевнобольных. Сейчас Агнесса не хотела бы вычеркнуть ни минуты новой жизни из памяти.

— Но почему вы так долго ждали?

— Понадобились тысячи лет, чтобы планета справилась с отравой потустороннего мира. Чтобы можно было повернуть ее силу против того, что натворили в прошлом. Чем больше чистого металла становилось в породах, тем больше слабел Разлом. И не только он. — Дариан улыбнулся и неожиданно добавил: — Теперь больше, чем вы, обо мне знают только Сильвен и Сэм.

— Да уж... — Агнесса чувствовала себя неловко, будто силой заставила его пожать ей руку и раскрыть тайну своей вечности. Которая вот-вот подойдет к концу. Она вспоминала рассказы о Древности и магах, зараженных паразитами. Сэм говорил, что все они умирали, но перед ней сидел тот, кто выжил. Выжил и держался все это время только благодаря симбиозу с существом из другого мира, которое питалось энергией, сочащейся из Разлома. Каково это — подписать себе приговор, оставляя за плечами бессмертие? Дар лекаря — это не только плюшки вроде самоисцеления. Она чувствовала слабость некогда самого могущественного человека на планете, видела тонкие нити его жизни. Дариан угасал — должно быть, он до сих пор жив только благодаря Сильвену.

Дождаясь Сэма, она пересела за компьютер, но не могла отвести от Дариана глаз, бессознательно пытаюсь сравнить его с существом, о котором рассказывали Риган и Сэм. Он пережил современников и великое множество поколений, своих созданий, близких, друзей и врагов. Она не знала, можно ли его еще чем-нибудь удивить, но подозревала, что для него все пустое. Если кто и был по-настоящему одиноким, так это Дариан. Мудрость оставленных за плечами времен и бесконечная усталость — единственное, что по-прежнему было в нем живо. И все же язык не поворачивался назвать его человеком, потому что в любом из его порождений, несмотря на известную ей историю, человечности было в разы больше. Дариан закрыл Разлом, но остался его воплощением: тем, кому никогда не найдется места в мире людей.

Глава 20, в которой Риган узнает о Миле и ее коварных планах чуть больше, чем ему хотелось бы

*Сицилия, Италия — Мальта, Республика Мальта.
Декабрь 2014 г.*

Боль в вывернутых суставах, пылающие огнем ребра и омерзительное соседство цепей из металла Дюпона уже не казались самым страшным испытанием. Ноги не доставали до пола, поэтому все попытки постоять на носках, вытянувшись в струну, приводили к диким судорогам, от которых хотелось выть. Впрочем, выть не получалось, равно как и нормально дышать. Когда судороги отступали, Риган повисал, словно мешок с трухой, до следующего скорого приступа или до того момента, как запястья и плечи снова казались раскаленными добела, — а потом все начиналось по новой. От обезвоживания путалось сознание, ему виделась ночь на Ираклионе, торжествующее выражение лица Дюпона, когда Риган хрипел, пронзенный стрелой арбалета, допрос в Ордене и прочая неприятная муть. Иногда удавалось ненадолго отключиться, но потом боль снова вытягивала в реальность.

Сквозь зарешеченную дверь по полу разметались квадратные пятна света. Место, где его держали, поразительно напоминало застенки Ордена. Возможно, это и был один из заброшенных филиалов, который остался после расформирования. В мегаполисах современные здания, оборудованные по последнему слову техники, сразу взяла в оборот Новая Полиция, а отделения в небольших городах чаще всего ничем не могли похвастаться и особого интереса не представляли.

Риган давно потерял счет времени — мешок на голову ему надели ночью, по дороге на Сиракузы, потом в этом самом подвале Мила разбила ему физиономию, сломала несколько ребер и с помощью двух дюжих типов подвесила на крючьях. С тех пор прошло немало мучительных часов. Радовало только одно: он по-прежнему был жив, а значит, убивать его до открытия Города Монстра не собиралась.

Спустя какое-то время сознание и вовсе пустилось во все тяжкие.

Ригану привиделась спящая Агнесса: уютная и домашняя, в ворохе покрывал, она улыбалась и протягивала ему руку. На деле прощание у них вышло так себе — сначала она успешно нахваливала Шеппарда и его достоинства, после приехал этот хмырь, а потом Риган говорил с ней через иллюзию. Иногда ему казалось, что он все еще там, в комнате, и пытается объяснить, почему не мог поступить иначе.

Риган приходил в себя и вспоминал, что Агнесса отправилась к Дариану проситься в группу захвата. Продолжение разговора Древний ему услышать не позволил — силой вышвырнул иллюзию из Библиотеки еще до того, как Эванс успел понять, что случилось.

Лязгнула распахнувшаяся дверь. Риган открыл глаза и увидел стоящего на пороге Левандовского. Лицо Яна выражало смесь раздражения и раскаяния, разбитые губы кривились в подобии улыбки, скулу украшали свежие ссадины и большущий синяк.

— Риган, мне действительно жаль.

— А мне-то как жаль... — Ригану не нужно было трогать нос, чтобы почувствовать, что он ощутимо припух. — Лед бы хоть принес, что ли.

— Она не оставила мне выбора, — пробормотал поляк, будто пытался оправдаться.

Злиться на него не получалось, несмотря на то что именно Ян сдал Лорин. Поначалу Риган еще сомневался, все-таки он не раз светился с ней на фотографиях, к тому же у нее хранилась вторая часть ключа, но теперь все вопросы отпали. В ночь неудачной вылазки у него состоялся неприятный разговор с Клотильдой, и последнее, что он слышал о Яне, — как шустро тот улепетывал в сторону аэропорта Катании. Оказалось, недостаточно шустро.

Левандовский снова нарушил молчание.

— Не уверен, что сам выйду отсюда живым. Мила совсем с катушек съехала.

Здесь стоило выразительно поднять палец и тоном умудренного опытом старца изречь самое мерзкое выражение всех времен и народов: «Я же говорил», — но руки были заняты. Поэтому Риган облизнул пересохшие губы и промолчал. Исповедь и проблемы бывшего друга были немного не к месту. И совсем не ко времени.

Ян хотел что-то добавить, но только махнул рукой и направился к двери. Риган хрипло выдохнул, предчувствуя очередной приступ, но расслабиться не успел: лампы над головой взорвались ослепительным светом, звук выстрела показался слишком громким. Он моргнул, болезненная резь в глазах притупилась, посмотрел на Левандовского. Тот

сползал по стене с искаженным от боли лицом. Он зажимал рукой рану на животе, но кровь пропитывала рубашку.

— Все вы продажные твари! — Мила прошла в подвал, перешагнула через ноги Яна и остановилась рядом. — Что тебе пообещали за работу в Новой Полиции, Эванс? Нравится лизать задницы тем, кто вас убивал?

Риган смотрел не на нее, а на Яна. Плотно сжатые губы и обреченный взгляд Левандовского наливались свинцовой тяжестью, отзывающейся в груди Ригана где-то в районе сломанных ребер. Когда понимаешь, что изменить ничего нельзя, чувства отключаются.

— Смотри на меня! — Мила сжала его подбородок затянутой в перчатку рукой. — И отвечай. Кто скрывается под именем Дариана?

— Дариан.

От прямого удара голова мотнулась назад, в плече что-то смачно хрустнуло, а грудь словно окатили кипятком. Он не удержался от соблазна подвигать челюстью, чтобы убедиться, что она до сих пор на месте.

— Про таких, как ты, мой прадед писал в дневнике: «Лучше всего смотрятся мертвыми».

Резкий голос Милы вызывал непреодолимое желание заткнуть ей глотку. Желательно навсегда. Внутри просыпалась дремучая ярость: перевозданная, как сама Тьма, как чертов Разлом, подаривший ему два столетия жизни. Казавшиеся бесполезными придатками, затекшие руки отчаянно закололо, их с Милой взгляды схлестнулись.

— Тащите сюда девицу!

Топот ног по коридору, потерянный взгляд Яна, крик Лорин, когда ее швырнули на пол. Морис встал в дверях и скрестил руки на груди, заслоня собой проход.

— Если сучка попыбует использовать силу — сверни ей шею. — Мила снова подняла пистолет. — Эванс, я спрашиваю — ты отвечаешь. Если ответ мне не нравится — я стреляю твоей подружке в колено, потом во второе. И так далее. Идет?

Бледная как смерть Лорин взглянула на него, потом на Милу. А в следующий миг глаза ее расширились еще больше — она заметила Яна. Привалившегося к стене, втягивающего воздух сквозь плотно сжатые зубы, с посеревшим лицом. Несмотря на то что Конфетке многое довелось повидать, сейчас ее колотило: плечи ходили ходуном, она прижала руки к груди и замерла, не сводя с Ригана перепуганных глаз.

Он перевел взгляд на Милу. Продолжение Тома в женском облике снова стояло на его пути, старые нити натягивались в струны. Как будто прошлое не желало отпускать. По венам струилась ненависть,

протянувшаяся сквозь годы. Ригана самого трясло, но отнюдь не от страха.

— Я не лгу, Мила. — Он поразился тому, как спокойно звучит голос. — Даже если ты перестреляешь здесь всех, Дарианом он быть не перестанет. Большая часть того, что ты о нем слышала, — правда.

Она пристально смотрела на него, но Риган не отводил глаз. Мир сжался до тонкой грани, на которой стояли двое.

— Новая Полиция — его рук дело?

— Да.

— Как давно ты на них работаешь?

— Несколько месяцев.

— Как давно управляешь иллюзиями?

— Несколько месяцев.

Мила хмыкнула.

— Прадед писал о смертельной ловушке, которую можно преодолеть с помощью фальшивки. Что будет, если отправить туда человека?

— Сдохнет в жутких корчах.

Мила схватила его за волосы и с силой дернула назад. Позвонки протестующе хрустнули, он не удержался от звучного ругательства. Стоять с запрокинутой головой на носках было неудобно: шею ломило, ребра горели огнем.

— Меня от тебя тошнит, — процедила она, — от твоего зубоскальства, непробиваемой самоуверенности и смазливой ирландской физиономии, которой ты так гордишься. Отвечай по существу, мое терпение на пределе.

— Существа из Разлома используют людей, как сосуды. Обычный человек сходит с ума от дикой боли и умирает почти сразу, пробужденный — за несколько часов. Если не повезет, будет мучиться дольше.

— Прекрасно.

Сознание выпадало. Часть вопросов ускользали от понимания, иногда ей приходилось переспрашивать по несколько раз. Он не уловил, когда пощечины и ледяная вода перестали действовать. Держаться становилось труднее.

— Какие у Дариана планы на Город?

— Открыть знания человечеству.

Мисс-потомственная-Дюпон скрестила руки на груди. Насмешливо-снисходительный взгляд никак не вязался с образом злобной демонессы.

— Да неужели?

По телу прошла первая судорога — предвестница остальных. Он хрипло втянул воздух и прикрыл глаза. Игра в вопрос-ответ затянулась, и в какой-то миг Риган понял, что больше не выдержит. Силы были на исходе,

руки напоминали натянутые канаты боли, лица мешались в калейдоскоп, сливались и расплывались перед глазами. Последним он увидел приблизившегося Мориса: тот что-то говорил своей подруге.

Звякнули цепи, напряжение в истерзанных руках ослабло, Риган повалился на пол. Он услышал сдавленный крик Лорин, почувствовал холод камня под щекой и потерял сознание.

* * *

Женщины пошли какие-то агрессивные. На прошлой неделе Клотильда вознамерилась сделать из него отбивную за срыв операции, Мила вымещала на нем обиды за свою неудавшуюся жизнь, а Лорин, видно, решила от них не отставать. Она сидела в соседней камере и посылала на его голову такие проклятия, от которых Риган должен был обратиться горсткой праха и виновато растаять в воздухе. По крайней мере, в себя он пришел именно от ее воплей и несколько минут просто молча лежал, растирая саднящие запястья и наслаждаясь мыслью, что Конфетка жива.

— Эванс! Эванс, да скажи же хоть что-нибудь!

— Конфетка, у меня голова раскалывается. Можешь убавить звук?

— Слава богу! — приглушенный всхлип.

Воцарилась блаженная тишина. Риган повернул голову — Левандовский завалился на бок, невидящий взгляд был устремлен прямо на него. Морщась от боли, Риган приподнялся. Чтобы встать, пришлось уцепиться за клятые свисающие с потолка цепи из металла Дюпона. Прежде чем сделать шаг, он постоял неподвижно и, убедившись, что организм не собирается отправить его в очередную отключку, медленно подошел к Яну, наклонился и закрыл тому глаза. Напоследок сжал его ледяную руку, выпрямился и привалился спиной к стене. Садиться не стал — побоялся, что второй раз подняться будет еще труднее. Пить хотелось зверски. А еще чем-нибудь заткнуть нос.

В Ордене измененным всегда отводились клетки, как для животных: камеры с решетками, которые мощными штырями уходили глубоко в пол, потолок и стены. В подвалах отвратительно воняло, и неудивительно. Вместо сортира — дыра в полу размером с таз, а канализация давно засорилась.

— Зачем ты притащился?! — В ее голосе сквозила обреченность. — Теперь нас убьют обоих.

Она не так уж далека от истины: ему ясно, что Мила не отпустит Лорин живой, особенно после того, что он провернул в Катании. Да и его самого ждет участь не лучше. Пока он нужен, чтобы открыть Город, вопрос жизни и смерти маячит в отдалении. Как только ключ войдет в пазы и дело будет сделано, она с радостью разрядит в него всю обойму. Он обещал Агнессе вернуться, и мог бы сбежать с помощью иллюзии, но нужно было вытащить чувствующую. Двойной фокус и в лучшей форме тяжело провернуть, а сейчас он его точно не потянет.

Послышался шорох — Конфетка опустилась на пол, и Риган прикрыл глаза, вспоминая. Ему нужно было представлять, как она выглядит, чтобы создать правдоподобный образ. Присутствие металла давило и мешало сосредоточиться, но память, изодранная болью, все-таки нарисовала до смерти перепуганную Лорин на полу. Растрепанные, спутавшиеся волосы, ссадины на подбородке, белая полупрозрачная туника перепачкана и разорвана на плече, обтягивающие черные брюки, серебристые ботинки и серьги-кольца. Он не пробовал одновременно держать куклу и прятать человека, тем более в таком состоянии, но придется рискнуть. Когда Мила и ее команда покинут это место, Лорин останется просто спокойно выйти из камеры и добежать до ближайшего полицейского участка. Никто не закрывает на замок пустоту.

— Всегда мечтала умереть с тобой вместе. Романтика!.. — В язвительном голосе Конфетки звучал завуалированный страх.

Он сдавленно втянул воздух: неудачно ссутулился, и сломанные ребра незамедлительно дали о себе знать.

— Со мной всяко лучше, чем без меня. Я тебя вытащу.

— Ха-ха.

— Доверься мне.

Он покосился в сторону коридора — видеокамеры мертвы, поблизости никого, кроме них двоих.

— Когда все закончится, найди Уварову и...

Риган хотел попросить рассказать Агнессе про Мюнхен, что его первая бессознательная иллюзия была ею, но передумал. Он надеялся, что чувствующая поймет: его уверенность — не пустое бахвальство. Поймет и, когда увидит рядом свою точную копию, не начнет делать глупости.

— И пригласи в кафе. По-моему, она без ума от тебя — знаешь, эти девчачьи тонкости.

— Это серьезно, Эванс. Ты влюбился, что ли?

— Может быть.

Послышались быстрые шаги. Их трогательную беседу прервала Мила,

которая влетела в камеру вихрем, с силой впечатала его в стену и без разговоров всадила в плечо укол. Под кожей растекся огонь, и она резко выдернула шприц.

— Ай, мадам, вы совсем озверели?! — почти искренне возмутился Риган, потирая больное место. Оставалось надеяться, что ей не пришлось в голову избавиться от него так экстравагантно.

Теперь уже никаких сомнений в родстве Дюпона и Монстры не возникало. Чтоб Тома непрестанно вертелся в могиле вокруг своей оси за все, что он сотворил. В частности, за Милу.

— Все еще рассчитываешь на своих?

На допросе она говорила о Новой Полиции со знанием дела, что может означать только одно: в нее все-таки проросли корни старого-недоброго Ордена. Случилось то, чего Риган опасался изначально. Кто-то из подчиненных Шеппарда пронюхал о прошлом начальства, и этому кому-то такой расклад не по душе.

— Я уж думал, не спросишь. Страшно стало?

— Прадед много писал о таких, как вы, — с несвойственной ей легкостью Мила пропустила издевку мимо ушей, — а еще он писал о тебе.

— Вот как?

— Данные на тебя загадочным образом исчезли из греческого филиала. Тогда он заподозрил, что к Городу его вывели измененные. Что все это было нужно вашей верхушке.

— Поразительные способности к дедукции! Что еще интересного надумал Тома?

Мила смотрела на него отрешенно и свысока, как на поверженного врага, полностью раздавленного и уничтоженного. В прошлом на Мальте ей было бы самое место. Она идеально вписывалась в роль жрицы-мужененавистницы.

— «Самым страшным разочарованием в жизни, — писал он, — было осознавать, что долгие годы я играл в игры тех, кого больше всего ненавижу. Тех, кому должно населять преисподнюю».

Вот, значит, как все было. Разочарованный Орденом, Дюпон отошел от дел и потратил немало лет, чтобы найти Мертвый город: расшифровывал найденные под Ираклионом записи, изучал историю древних, составлял карту и наверняка даже приезжал на Мальту. Вот только с ключом вышла заморочка. Он не предполагал, где искать утраченное, и догадывался, что жалких лет его жизни на сей подвиг не хватит. Тома сделал все, чтобы вложить свои идеи в головы и сердца потомков. Если бы ему довелось узнать, у кого был ключ, он надел бы на голову ведро с помоями и бился им

о стену в приступе неполноценности.

— Твой предок на удивление прозорлив.

Мила резко шагнула вперед, схватила Ригана за волосы, заставляя запрокинуть голову. Похоже, тягать его за патлы вошло у нее в привычку.

— Мой прадед — великий человек. Он знал, что однажды настанет тот день, когда мы наступим вам на горло.

— Вынужден разочаровать — теперь мы обычные люди, как и...

Пощечина была хлесткой и сильной, зато Мила наконец-то разжала кулак. Отчаянно хотелось почесать многострадальную макушку, и он не удержался — запустил пятерню в волосы, которые только чудом не повылезли.

— Я знаю, что нас ждут, и понимаю, зачем меня ведут в Город, но это малая цена. Мне не нужны ни знания, на которые так наивно повелся твой дружок, ни чудодейственный металл. Город вам не достанется. Я разрушу его до последнего камня.

Огонек жесткой решимости непрестанно мерцал в бездне, что смотрела на него глазами этой ненавистной женщины. С нее станется похоронить их вместе с тайнами, которые древние отчаянно пытались донести до потомков. Они все идут на смерть: он, команда Милы, группа захвата Новой Полиции. Фанатичка — все равно что кнопка ядерного пульта под лапой примата. Уничтожить летописи древней цивилизации просто для того, чтобы они не достались врагу, — мощно даже для идейной.

— Что твой молчаливый дружок об этом думает?

— Морис меня поддержал. Ты откроешь путь в преисподнюю, Эванс.

Агнесса умоляла взять ее в команду. Что, если Дариан и Шеппард дали добро? В Город ее, конечно, не пустят — сила лекаря под пластами металла не пригодится. Тем не менее Ригана передернуло, по телу снова прошла едва уловимая дрожь. Пальцы сжались в кулаки, взгляд уперся в цепь, которую так легко обмотать вокруг шеи Милы. Он поморщился и отвел руки за спину: рано. Сейчас она его уложит в два счета.

— Тебе никогда не хотелось детишек, Джесси?

По лицу ее скользнула судорога боли. Ему показалось, что она снова ударит, но нет — отступила назад и усмехнулась.

— Боже упаси. Я слишком долго была ребенком. Целых восемь лет.

Мила развернулась и удалилась так же быстро, как и пришла. Он слушал ее затихающие в коридоре шаги, грохот закрывшейся двери, а потом подошел к решетке и уткнулся лбом в холодные прутья.

— Конфетка, ты там не в обмороке, часом?

— Где ты откопал эту кобру?!

— Знал бы я, как ее закопать.

Он все-таки сел. Как ни странно, хуже после инъекции ему не становилось, скорее наоборот. Голова не шла кругом, боль притупилась, руки перестали дрожать, а ноги уже не казались ватными. Что бы она ему ни вколола, сейчас оно пришлось в тему: чтобы повернуть задуманное с Лорин рядом с цепями из металла Дюпона, придется потрудиться. Мила приходила в полной боевой готовности: облегающий темный костюм, бронежилет, кобура под грудью, армейские ботинки — значит, выход не за горами. Она или ее дружки могли явиться за ними через пять минут или через два часа, но создавать иллюзию сразу не было смысла. Силы ему еще пригодятся.

Вскоре снова хлопнула дверь, невысокий парень в камуфляже приоткрыл решетку и буквально швырнул на пол подносы — сначала Конфетке, а затем ему, после чего резво удалился. Риган подозревал, что в его миску с фасолевым супом правнучка Дюпона смачно плюнула, а на куске мясной пиццы от души потопталась, но сейчас сей факт был ему горячо безразличен. Он с жадностью набросился на еду. На голодный желудок, после допроса, тяжело будет явить миру куклу чувствующей и одновременно прикрывать Лорин. А потом еще и провести иллюзию через ловушку, чтобы открыть Город.

Мила в сопровождении Мориса и двух вооруженных на манер Рэмбо типов пришли за ними сразу после обеда, Риган едва успел создать куклу и набросить на Лорин «полог». Конфетка не подвела: ни шороха, ни звука он не услышал. Он уже развернулся, чтобы двинуться к двери, но тут правнучка Дюпона швырнула его к стене. Боль от удара вышла приглушенной — как сквозь ватный костюм.

— От тебя фонит силой!

— Мне еще Город открывать. Думаешь, так просто протащить иллюзию к месторождению чертова металла без подготовки? Да она на ходу по частям развалится!

— Прекрати использовать силу, мать твою!

Мила пристально смотрела на него, но он и бровью не повел.

— Что? Сама потом за ключиком побежишь?

— Лицом к стене, руки за спину, Эванс!

Ответить он не успел: рука Мориса тяжело легла ему на плечо, Легран отшвырнул его в сторону и отступил сам. Мила кивнула одному из подручных, и автоматная очередь прошила камеру Лорин снизу вверх и по диагонали.

Риган не изменился в лице. Конфетка была на редкость сообразительной и под шумок выползла из каменного мешка — сразу, как только уловила настрой Монстры. Он представлял, какими словами чувствующая сейчас проклинает его и древний подарок. Пожалуй, после такого приключения она навсегда забудет о любви к экстриму.

Ему и иллюзии завязали глаза, надели наручники и поволокли по коридору. Как он и ожидал, дверь в подвалы осталась открытой — судя по звукам, ее не только не заперли, но даже не потрудились прикрыть. Их втолкнули в фургон, Риган привалился к кукле и мигом почувствовал себя лучше. Оставалось надеяться, что Мила не добавит ему увечий, когда рыжая красотка растает в воздухе. Получаса форы для Лорин наверняка хватит, а дальше она справится сама.

Тронулись, и он начал считать про себя. С одной стороны, ему хотелось бы посмотреть на лица Мориса и Милы, когда выяснится, что птичка упорхнула. С другой — он здорово устал от хождения по краю. Живое тепло ненастоящей Лорин и биение ее сердца раздражали. Ригану отчаянно не хватало того, чью руку можно сжать и ощутить правдивый ответ. Конфетка говорила, что умереть рядом с ним романтично. Черта с два, это страшно. Особенно когда тебе есть что терять.

Время истекло. Риган отпустил иллюзию и вместо теплого плеча ощутил лишь холодную стену фургона. Крик Мориса и суета воспринимались равнодушно, сквозь странную пелену безразличия. Машина не стала тормозить, наоборот — набрала ход. Молчание Леграна приобрело зловещий оттенок, и Риган начал насвистывать любимую песенку ирландских футбольных болельщиков.

Ехали они недолго. Его снова волокли за локоть по дороге и камням, под подошвами застучали ступеньки покатога трапа, а потом Ригана с силой швырнули вперед. Он с трудом удержался на ногах благодаря возникшей на пути стене каюты. Повязку сорвали, и Риган оказался лицом к лицу с Милой. Она ударила в многострадальный нос, что-то хрустнуло, но боль, похоже, на сегодня взяла выходной. Кровь шустро заливала рубашку, капала на палубу и растекалась кляксами. Он попытался запрокинуть голову, но тут же об этом пожалел — его повело в сторону.

— Уберите его с глаз моих! — бросила она. — Если выкинешь что-нибудь еще, я кастрирую тебя прямо на древних развалинах и оставлю истекать кровью. Ты меня понял, ирландский ублюдок?

Прозвище «ублюдок» полоснуло слух. Риган прищурился и облизнул окровавленные губы.

— Понял, мэ... — Он улыбнулся, а Милу перекосило так, будто ее

подключили к высоковольтной сети.

— Пошел! — Один из парней грубо толкнул его в спину.

Железная лестница уводила вниз, к сортирам и подсобкам. В одну из таких тесных кают его и впихнули, в компанию к проржавевшему и не очень хламу. Риган устроился на перевернутом ведре, привалился к стене и прикрыл глаза. Равномерное урчание мотора и легкая качка убаюкивали, но он чувствовал себя так, будто выпил литра три кофе и догнался десятью банками энергетика. Ни оставшиеся за спиной встряски, ни выматывающее напряжение, ни предстоящая иллюзорная прогулка к напичканному металлом Городу сейчас не казались важными. Все его мысли сошлись на женщине, стоящей на верхней палубе: застарелый яд ненависти обжигал вены. Правнучка Тома, застрелившая Яна. Мила Дюпон. Имя жгло, как раскаленные клещи, которыми терзали его плоть в Греции. Зажатый в тиски человеческой жизни зверь сорвался с цепи, и удерживать его Риган не желал.

* * *

Ему освободили руки и даже позволили умыться — перед тем как покинуть катер. Без корки запекшейся крови переносица выглядела лучше, чем он представлял. Припухлость немного сошла, хотя дотрагиваться по-прежнему было неприятно.

Они высадились на Мальте ближе к ночи, а в районе Дингли к ним примкнул отряд вооруженных наемников, которые приволокли с собой несколько мощных прожекторов, дизельные генераторы и взрывчатку. Им предстояло в прямом смысле развеять тьму тысячелетий. По ветру.

Защита древних замкнула силу Города и прилегающего к нему коридора вокруг Разлома, поэтому близость тонн металла пока отзывалась лишь предвкушением. Предвкушением, от которого все внутри леденело. В катакомбах использовать силу было невозможно, поэтому ему предстояло остаться наверху и управлять иллюзией издали, но его все равно потряхивало. Сил, чтобы удержать материальную куклу рядом с залежами ядовитых пород, потребуется немерено.

Где-то поблизости готовилась к рейду группа захвата Новой Полиции, и, возможно, с ними была Агнесса. Совсем рядом и в то же время бесконечно далеко — сейчас Риган был искренне этому рад. Нужно избавиться от правнучки Дюпона раньше, чем Мертвый город превратится в братскую могилу. Вот только как это сделать? Риган наблюдал за Милой,

чувствовал исходящий от ключа холод и пристальный взгляд Мориса. Тот вел себя как заправский телохранитель, готовый в случае малейшего колебания силы наспиговать его пулями. Что было бы очень некстати: из всех потенциальных камикадзе только Ригану не выдали бронежилет.

Он рассматривал идущих рядом парней, судя по снаряжению, Мила им сообщила, что предстоит серьезный бой. Наемникам наплевать на то, что придется разнести — будь то древняя библиотека или сарайчик с овцами. Они уходили в сторону от туристических маршрутов, все дальше и дальше от цивилизации. Казалось, здесь не осталось ничего, кроме самой Природы. Заросли вереска по пояс, ноги утопали в земле — в декабре на Мальте наконец зачастили дожди. Затянутое тучами небо, скалы, море и ночь, объединявшая их. Люди здесь были чужими, и чем дальше они продвигались, тем ярче это чувствовалось. Ничего подобного он не испытывал даже под Ираклионом.

Отряду Милы предстоял долгий спуск вниз, прогулка по тоннелю под водой и выход под остров Фильфла. Мальта вообще щедра на необычные мегалитические сооружения и всякие подземные места с подковырками, но о том, какой секрет она скрывает на самом деле, не напишут ни в одном путеводителе. По крайней мере, в ближайшее время.

Стоя перед пологим возвышением, Риган вспоминал прописную истину. Если хочешь что-то хорошенько спрятать — помести на видное место. Туда, где никто искать не додумается. Так Дариан поступил с ключом, когда отдал его на хранение Ригану после Ираклиона, а природа — с подходами к Городу. На первый взгляд ничего примечательного, но под местной растительностью в монолите скалы скрывался плоский камень, который сдвигался и открывал путь под землю.

Парни из вооруженной команды взялись за кирки и лопаты, в стороны полетели комья влажной земли, ошметки травы, колючек и цветов вереска. Риган наблюдал за Милой. Она стояла у самого обрыва, глядя на темную воду, а внизу волны разбивались об утесы. Неплохой момент, если бы не Морис. Молчун закрывал ее собой, а дуло пистолета, снятого с предохранителя, смотрело точно Ригану в грудь. Почему-то он сомневался, что тот промахнется.

— Здесь! — крикнул один из наемников.

Мила подошла к обнажившейся плите, глядя, как боевики налегают на камень. Первые несколько попыток оказались тщетными, но потом плита зашаталась и с грохотом рухнула вниз. Пустая глазница прохода сочилась пылью и могильным холодом, плотная занавесь паутины колыхалась на ветру. Мила достала армейский нож и вспорола ее.

— Нужно особое приглашение? Включаем фонари и спускаемся!

Риган негромко кашлянул.

— Вы ничего не забыли?

Вместо ответа Морис с силой швырнул его вперед. Ярость полыхнула с невиданной силой: от того, чтобы вцепиться Молчуну в глотку, Ригана удержал упершийся в шею ствол пистолета. Мила резко обернулась, волосы хлестнули ее по лицу.

— Ты еще не понял? В ловушку пойдешь ты, а не иллюзия.

— Да ты что?

— Эванс, насчет того, чтобы отрезать тебе все самое ценное, я не шутила, и у меня давно чешутся руки. Ловушку может пройти и Морис. Выбирай.

Стала понятна мерзкая ухмылка Милы во время допроса: Монстра решила, что просто пристрелить его будет слишком легко. Она изначально не собиралась позволять ему пользоваться силой, потому так и ярилась в подвале. В том, что внучка Дюпона с удовольствием отведет на нем душу, сомневаться не приходилось. Равно как и в том, что Молчун подставится под удар за идею этой психопатки — во взгляде Леграна застыла мрачная решимость.

Ригана передернуло, пальцы подрагивали от бессильной ярости и напряжения, поэтому он сжал кулаки. Сильвен выжил после встречи с иномирной дрянью, значит, не все еще потеряно. Усилием воли он заставил себя первым отвести взгляд и шагнул в темноту.

Спуск оказался долгим, на сто семьдесят пятой ступеньке Риган перестал считать. По ощущениям они ушли под воду, а лестница все не кончалась. Когда-то Фильфла был частью Мальты. Он искренне надеялся, что природа все сделала за Милу, что они вот-вот окажутся по щиколотку в воде, поцелуют дверь затопленного сырого склепа, развернутся и пойдут назад. Увы, надеждам не суждено было сбыться.

Ледяной холод, шум шагов идущих вереницей людей, громохание тележек с оборудованием, ругательства, мечущиеся в темноте лучи фонарей. Риган старался не касаться сухих стен, чтобы не впустить в себя их мертвый озноб. Он шел первым и, оказавшись на довольно тесной площадке, остановился: почувствовал равномерный гул, будто за толщей камня притаилось нечто живое, могущественное и невероятно опасное. Перед ним раскинулся переход в Город: если верить схеме, около трех с половиной миль до Фильфла, затем ловушка — и вот она, Древность. Не рекомендуется к посещению беременным и впечатлительным особам.

Идущий следом Морис подтолкнул его в зияющий проем коридора,

Риган шагнул в тоннель, и тяжесть металла обрушилась на него всей своей силой. Бодрости как не бывало, на плечи словно взвалили бетонную плиту, по телу прошла мерзкая дрожь. Искорка внутренней силы погасла, и стало пусто, будто из него вытрясли душу. Холод был повсюду: в воздухе, в жилах и в сердце. Замутило, закружилась голова — все ближе к средоточию металла Дюпона. И рядом с его правнучкой. Гадства в ней хватало, как и в Тома. Чтоб ему плясать на адской сковородке вприсядку.

Остальным тоже стало не по себе: Морис плотнее запахнул куртку и поднял воротник, Мила ускорила шаг, и все подчинились, будто бегство могло их защитить. Вот только бежали они совсем не в ту сторону. «Здесь бы монорельс проложить», — отстранений подумал Риган, шагая вперед. Пустота заполнила его до краев, но на усталость жаловаться не приходилось: сказывались тренировки Клотильды, препарат, который ему вкололи, и присутствие Милы — как напоминание о том, что у него остался один незакрытый вопрос из прошлого. Надо было разыскать Дюпона и свернуть ему шею, но теперь придется разбираться с его продолжением.

Чем дальше они удалялись от Мальты, тем холоднее становилось. Холод шел из самого сердца Мертвого города, но Риган думал о другом. Он много читал о паразитах: соседство с ними было довольно болезненным. Оказавшись внутри человека, они пытались захватить разум, чтобы управлять телом и подчинить способности. Люди-сосуды становились сильнее и выносливее, но редко выдерживали такое соседство. Существа из иного мира разрушали мозг и нервную систему. Смерть была мучительной, хотя чаще всего к этому времени носитель уже не осознавал, что с ним происходит. Дариан говорил, что сейчас паразиты ослаблены и что у Ригана есть шанс выжить, но если фокус не удастся, что тогда будет? Остановится сердце или расплавятся мозги?

Усилием воли Риган оборвал поток мыслей и напомнил себе о главном. Он должен остановить Милу.

Путешествие казалось бесконечным, но все же закончилось. Всего два коротких пролета, переход через низкие арки — и они уже стоят перед последним рубежом.

— Твой выход. — Мила сняла пистолет с предохранителя, вручила ему фонарь и достала ключ.

Ригана ощутимо потряхивало от близости металла и предстоящего. До слияния иномирной гадости с человеком проходит от нескольких минут до получаса. Хорошо, что Мила не знала, что существа в ловушке ослаблены. Несколько минут — ничто, но выбирать не приходится. У него есть время, чтобы избавить мир от правнучки Дюпона.

Риган шагнул вперед и протянул руку. Она отдала ключ, и он ступил в ловушку. Уловил легкое колебание воздуха — сработала невидимая преграда алхимиков древности, удерживающая паразитов, но позволяющая пройти человеку.

А потом — ничего. Он не почувствовал вообще ничего. Может, Дариан ошибся в расчетах и иномирная дрянь уже почилла с миром? Риган ускорил шаг, луч света выхватывал путь — метр за метром. Холодный камень под ногами и над головой, по бокам тиски стен. Он уже видел дверь в Город — массивную плиту с выточенными на ней крупными узорами, похожими на те, что украшали ключ. Риган поднял фонарь повыше и увидел замок. Резное углубление в камне, справа от двери. Последние шаги показались особенно долгими, во рту пересохло: возможно, потому, что он не готовился первым вступить в Мертвый город.

Риган приложил ключ к замку, повернул внутреннюю сторону против часовой стрелки, почувствовал, как тот прочно вошел в углубление, и резко надавил. Раздался скрежет, дверь взметнула облако пыли, тяжело поползла вверх, а он быстро нырнул под нее, перекатился по полу и оказался внутри.

Кромешная тьма облепила его со всех сторон, луч мощного фонарика сейчас казался насмешкой, но без него пришлось бы туго. Карта Города отпечаталась в памяти, и он сразу метнулся вдоль стен среднего уровня к главной боковой лестнице, ведущей вверх. Топот ног и крики за спиной заставили ускориться — на седьмой этаж Риган буквально взлетел. Приходилось держаться стен: ограждений ни у коридоров, ни у подъемов не было. Пальцы, отслеживающие путь по холодному камню, неожиданно схватили пустоту дверного проема, а в следующий миг луч первого прожектора разорвал темноту, следом вспыхнул второй. Свет расплескался по зеркалам, разбросанным по уровням, и озарил весь Город.

План-схема была крута, но она не шла ни в какое сравнение с тем, что Риган увидел сейчас. Мертвый город напоминал индийский ступенчатый колодец — перевернутую пирамиду высотой с двадцатиэтажный дом. Длинные уровни соединялись между собой многочисленными лестницами, а сходились в центре напротив входа — там на природных монолитах покоились две большие прямоугольные платформы. На колоннах возвышалась просторная обзорная площадка, которая не уступала размерами первому этажу Эванс-Холла. Толстые каменные стены были испещрены нишами, тысячелетиями хранившими знания, а дно едва уловимо поблескивало — сквозь камень проступал металл.

Наемники рассредоточились: некоторые устремились вверх, другие

закрепляли тросы и спускались, оставшиеся заняли оборону у входа. Риган увидел Мориса и Милу — она указывала на него и что-то кричала. А потом сознание выпало. Должно быть, так себя чувствует человек, упавший на острые колья решетки, когда холодный металл пронзает тебя, проходит сквозь тело и вырывается наружу. Его окатило холодом, а после обдало жаром: будто из ледника швырнули в пламя. Он рухнул на колени, каменная крошка обожгла пальцы. Риган пришел в себя, судорожно хватая ртом пыльный воздух, и закашлялся. Донеслись первые выстрелы, загрохотали автоматные очереди — спецназ Новой Полиции подошел к Городу, и наемники Милы открыли огонь.

Сияясь отдышаться, он приподнялся, но тут же получил ощутимый удар ногой в солнечное сплетение. Перед глазами полыхнули искры, а грудь сдавило. Риган повалился на бок, пытаясь вдохнуть. Когда он наконец хрипло втянул в себя воздух, легкие обожгло.

— Далеко убежал, Эванс?! — Ненавистный голос Милы ворвался в сознание сквозь оглушительный грохот сливающихся в смертельную трескотню выстрелов. Она уперлась ногой ему в плечо и перевернула на спину. — Прадед называл тебя «трусливый ублюдок», но как по мне, ты просто ничтожная мразь. Все! Вы! Такие! Недолюди! Возомнившие! Себя! Богами!

Каждое слово сопровождалось ударом. Боль и резкие, рваные толчки — под ребра, в бок, в живот, в лицо. Сквозь пелену Риган видел, как ее оттащил Морис. Он что-то кричал про время. Лицо Милы, выхваченное из расплывающейся перед глазами картины, казалось белым пятном.

Бросив на Ригана еще один исполненный ненависти взгляд, она сплюнула и бросилась по коридору к платформам. Он перекатился на бок, чтобы видеть вход: стальные нити тросов протянулись ко дну, внизу наемники закрепляли взрывчатку. Полицейским удалось прорваться, и сейчас они растекались по этажам и переходам. Вспышки и выстрелы, грохот и эхо перестрелки отражались от стен. Один из наемников во время рукопашной сорвался с верхнего уровня и тряпичной куклой рухнул вниз, на лестнице этажом ниже распластался прошитый автоматной очередью полицейский. Громыхнул взрыв, раскатом пронесся над головой, отразился от стен. Из-под монолита полетела каменная крошка.

Риган поднялся. Тело плавилось, словно в огне. Он видел, как вздуваются вены и сосуды, расчерчивая черным узором стремительно светлеющую кожу. Полубезумный восторг отозвался ощущением силы, неподвластной человеку. Боль отступала, легкие больше не сжимались при попытке сделать вдох. Внутренний зверь оскалился и рычал — ему

нравилось соседство с иномирной заразой.

Риган взглянул на обзорную площадку — с нее можно было попасть в глубь Города, где собрана большая часть библиотеки Древности, — и бросился туда. В теле словно не осталось ни единой целой кости, он двигался, как ртуть, плавно и быстро. Коридоры, переходы и лестницы — выше и выше, чтобы добраться до нужного уровня, фонари и вспышки выстрелов, разлитый между зеркалами свет. Давно он не чувствовал себя настолько сильным и неуязвимым: зрение, слух, обоняние обострились до предела, как у измененного, только резче. Он видел, как Мила и Морис метнулись под сводчатые арки, а следом за ними устремились полицейские. Поблизости ухнул второй взрыв, а следом — третий, рядом с ногами автоматная очередь взметнула столбики пыли, но Риган резво ушел в сторону и кинулся вперед. Выскочивший на него наемник больше ничего не успел — его шея хрустнула, как сухая ветка, бесчувственное тело Эванс швырнул вниз.

Звуки и запахи сводили с ума. Восприятие мира перестраивалось под того, кто понемногу осваивался в его теле, поэтому Милу он не увидел, а скорее почувствовал — в глубине первого ряда анфилад на площадке. Риган перепрыгнул через тела полицейских, Морис вскинул пистолет, но опоздал: прямой удар в грудь ему нанес не человек, а зверь. Легран отлетел в сторону, с силой врезался в стену и затих. Громкий звук выстрела, еще один. Риган дернулся, рубашка пропитывалась кровью, но он не чувствовал боли, словно внутри сорвало предохранитель.

Искаженное яростью лицо Милы мелькнуло перед глазами, когда он выбил оружие из ее рук и с небывалой легкостью швырнул женщину на площадку. Она тут же вскочила, доставая пульт дистанционного управления, и тогда Риган прыгнул. Основной удар пришелся на него: взрывная волна ударила в спину и бросила его на Милу, их потащило по полу, из арки вырвался огненный смерч. Падение было недолгим — под площадкой располагались платформы, а правнучке Дюпона снова повезло: она рухнула прямо на Ригана. Под звенящую в ушах тишину он наблюдал, как обвалилась анфилада, которая погребла Мориса, как медленно поднималась оглушенная Мила. И неожиданно увидел ее.

Этажом выше Агнесса бежала к площадке, на которой плясали крохотные язычки пламени. Она что-то кричала, но воцарившееся безмолвие поглощало слова без остатка.

Риган перекатился на бок и вскочил, а Мила выхватила нож и бросилась на него. Спасла скорость: лезвие располосовало грудь и вскользь прошло по ребрам. Риган с силой вывернул ее запястье, ногой

отшвырнул оружие, а спустя мгновение держал правнучку Дюпона за горло и смотрел ей в глаза.

Тишина рассеялась, звуки вернулись. Сквозь почти прозрачную кожу на запястье ярче проступили почерневшие вены. Человек устал сопротивляться, и теперь Истинный Зверь видел перед собой хищную женщину. Если бы у нее была возможность, она бы вцепилась зубами ему в горло. Он чувствовал ее злобу и бессильную ярость, а еще запах крови — своей и чужой.

— Ненавижу... — Хриплое шипение прорвалось сквозь шум в ушах, она не отводила горящих глаз. — Ирландский ублю...

Он надавил сильнее, и хрупкая шея поддалась напору. Ее голова запрокинулась под неестественным углом, тело выгнулось и обмякло. Тогда он разжал руку и повернулся. Светловолосая девушка смотрела на него с нескрываемым ужасом. Почему-то ему казалось, что он должен ее защищать.

— Риган!

Громыхнуло с нижних этажей, одна из колонн треснула и надломилась. Платформа пошатнулась, стоявшая на ней девушка вскрикнула, потеряла равновесие и начала падать. Он разбежался, оттолкнулся от массивного обломка и прыгнул наверх на заваливающуюся плиту. Подхватил девушку на руки, легко швырнул в коридор, стремительно бросился вперед — следом за ней. Излом выступа под пальцами разошелся трещинами, посыпался вниз, и он сорвался. Отчаянный женский крик и грохот рушащегося камня — недолгое падение и боль оборвались темнотой.

Глава 21

о печальных последствиях своеволия

Ригана,

о том, что подопытным крысам не везет, и о выборе, который никогда не бывает легким

Проклятое место! Безумные люди!

Ее подхватили и вздернули вверх, а она желала упасть. На самое дно проклятого Города, куда мгновение назад скользнул Риган. Она билась в сильном захвате, брыкалась, колотила руками куда попало, укусила затянутое в перчатку запястье, но оперативник не разжал рук. Он тащил ее назад, прикрывая собой, как щитом, а она охрипла от криков, и теперь с губ срывались только шепот и рыдания.

— Пожалуйста, пожалуйста... — бессознательно повторяла она.

— Вам нельзя здесь оставаться!

Можно подумать, она не знала. На инструктаже Сэм ясно сказал: держаться рядом с ним и помогать раненым. Тем не менее ей выдали специальную форму и бронежилет — на случай, если кто-то из преступников прорвется к выходу через портал. Она впервые видела, как расступается пространство, соединяя две точки на расстоянии: сначала по воздуху прошла легкая рябь, а потом контуры энергий стали расплываться в мерцании. И вот уже она видела перед собой не ночную пустошь, а ведущий к Городу каменный тоннель, через который небольшая армия Новой Полиции устремилась в коридор.

Выстрелы загрохотали сразу: сначала ближе, затем удаляясь. Агнесса мысленно сжалась и обхватила себя руками. Она не знала, сколько времени прошло, когда услышала взрыв. Боевики подобрались, напряженно вглядываясь в портал. Бешено забилося сердце, и она одним прыжком бросилась вперед — раньше, чем Сэм успел закрыть проход. Сзади раздался окрик Шеппарда, но она не остановилась и словно в ледяную реку нырнула: виски сдавило, пульс застучал в ушах, тепло исцеляющего дара погасло. Все это было неважно, она пролетела последние метры коридора и

оказалась у входа, залитого кровью, метнулась в сторону — и в этот миг прогремел второй взрыв, сразу за ним третий. Агнесса наткнулась на остекленевший взгляд оперативника, сорванная каска валялась в стороне, второй лежал лицом вниз, рядом с наемником, у которого из груди торчал нож.

— Агнесса Уварова! Назад!

Собственное имя подхлестнуло, она бросилась направо. Нужно найти Ригана и утащить его отсюда, Мертвый город на глазах превращался в преисподнюю. Гремящие очереди, крики людей, взрывы и повсюду смерть, отраженная в зеркалах. Ее трясло то ли от пустоты — не чувствовать дар было физически больно, — то ли от страха за Ригана. На глазах у нее схватились в рукопашной головорез и полицейский, но она знала, что останавливаться нельзя. Все выше и выше — туда, откуда виден весь Город.

И тут она заметила нечто странное: вдоль одного из коридоров скользила тень. Агнесса даже не сразу поняла, что это человек — бросившийся ему наперерез отлетел, как от удара о машину. Она вздрогнула, а тень метнулась к обзорной площадке и скрылась в глубине анфилады.

Обзорная площадка?! Агнесса припустила туда из последних сил. Сейчас ей вспоминались первые пробежки, когда начинало колоть в бок и не хватало дыхания. Она была уже совсем близко, когда из-под арки вышвырнули Милу, тень метнулась за ней, а когда замерла, Агнесса узнала... его. Время замедлило ход, радость схлестнулась со страхом, а потом прогремел взрыв. Взметнулись языки пламени, анфилада начала разваливаться, но теперь уже сам Дариан не сумел бы ее остановить. Со стен осыпалась пыль, она бежала без оглядки — навстречу тому, кого любила больше жизни. А оказавшись над ними, замерла.

Ригана сложно было узнать. Разорванная местами и вымазанная в крови одежда открывала взгляду кожу, которая напоминала не то хрупкое стекло, подсвеченное изнутри, не то прозрачный камень с темными прожилками вен. Она замерла с приоткрытым ртом, не в силах отвести взгляда. Только что он смотрел на нее, а спустя мгновение уже выбил из рук Милы нож и сломал ей шею. Короткий взгляд глаза в глаза: создание в теле Ригана ее явно не узнавало. Громыкнуло, пол ушел из-под ног — и вот уже он подхватил ее на руки и отбросил в сторону спасительного коридора. Прыгнул сам, но камень под его пальцами раскрошился. Агнесса видела, как он падает, но ничего не смогла сделать.

Она вручила свою свободу Новой Полиции, чтобы быть рядом с

Риганом: поддержать, защитить, спасти. Все оказалось зря. Она не смогла помочь. Бесполезная идиотка! Это место было убийственным, чудовищным, страшным. Привыкшая чувствовать целительное тепло дара, сейчас Агнесса задыхалась под тяжестью обрушившегося холода. Ей нечего было противопоставить равнодушной пустоте металла, сковавшей по рукам и ногам. И мысли о том, что Ригана больше нет.

Она обмякла в руках спецназовца, позволяя ему вывести себя за пределы Города. Выстрелы почти стихли, Новая Полиция все-таки одержала победу. Им пришлось ждать несколько минут, пока Сэм снова откроет портал — удерживать его постоянно ему просто не хватило бы сил, — и она обреченно наблюдала, как вдоль стен выстраивают пленных боевиков, как выносят раненых и погибших.

Оказавшись под открытым небом, она рухнула на колени, подставляя лицо мелкому дождю. Удушливая тень Города отступала, дар растекался теплом, но ее тело содрогалось от беззвучных рыданий. В сердце отдавало острой болью.

— Агнесса! — Резкий голос Сильвена выдернул девушку из оцепенения. — Ты нужна. Им.

Она подняла голову: неизвестно откуда взявшийся лекарь жестко смотрел на нее. Сквозь пелену горя она слышала стоны и видела множество людей — раненых выносили одного за другим. Окровавленные одежды, повсюду боль. И побелевшее от напряжения лицо Сэма, который удерживал портал.

— Нет, — выдохнула она сквозь рыдания. — Я не могу.

— Мне плевать, что ты не можешь! — Обычно спокойный, немного надменный голос Сильвена сейчас напоминал раздраженное змеиное шипение. — У них одна надежда — на тебя.

Сильвен неприязненно посмотрел на нее и шагнул в портал, а она ухватилась за его слова и за страшную реальность. Исцелять, быть полезной, делать хотя бы что-то, только не думать об утрате. Она вдруг осознала, насколько привыкла к дару. То, что раньше казалось чудом, стало ее сутью. Агнесса окинула пострадавших взглядом лекаря, поднялась и шагнула к умирающему, которому еще можно помочь.

У боевика были тяжелые раны и внутреннее кровотечение, хриплое, прерывающееся дыхание было больше похоже на судорожные вздохи. Она понимала, что может и не вытянуть, но не отступила. Медленно, понемногу она делилась с ним жизнью и залечивала страшные раны, Пришлось повозиться, но Агнесса остановила кровотечение и только тогда смогла дышать спокойно. Оперативнику нужно было гораздо больше сил, но

оставалось еще много раненых. Самое страшное позади, дальше он справится сам.

Она перешла к следующему человеку, затем к третьему, с головой ушла в лечение и потеряла счет времени. Когда смерть и боль окончательно отступили, она полностью обессилела и сползла на траву рядом с пришедшим в себя полицейским. Перехватила его благодарный взгляд и упала на спину: ее знобило, пальцы дрожали. Дождь усилился и сейчас стирал со щек последние следы застывших слез. Агнесса больше не плакала и слабо пошевелилась, когда поблизости ненадолго снова открылся портал.

Из него вышли полицейские, которые несли еще одного раненого, рядом держался Сильвен. Она устало приподнялась на дрожащих руках, вскрикнула и замерла. Ей казалось, что земля раскачивается. Агнесса не верила глазам, но на носилках в самом деле лежал Риган! Грудь его слабо вздымалась, расчерченная темными венами кожа светилась странным мерцающим светом. Позабыв об усталости, она подскочила и бросилась к нему, Сэм едва успел ее перехватить.

— Шеппард, убери ее немедленно! — приказал Сильвен. Агнесса сжала кулаки, готовая расцарапать ему лицо, а лекарь добавил: — Хочешь, чтобы твой ребенок стал сосудом?

Агнесса вцепилась в руку Сэма ногтями, замотала головой, но вырываться перестала. Ребенок? Невозможно!

— У меня не может быть детей!

— Им займусь я, — его решительный тон не предполагал продолжения разговора. Сильвен кивнул сопровождающим, и носилки с Риганом быстро понесли к ближайшему фургону.словно во сне она наблюдала, как машина тронулась, как из Города под конвоем выводят пленных и провожают к грузовикам. Раненых преступников, которых Агнесса не так давно приводила в чувство, уже увезли, раненых спецназовцев — тоже, оставшиеся полицейские под началом Эрика вернулись в Город, и Сэм облегченно выдохнул, когда пространство сомкнулось в последний раз. Он выглядел неважно: бледный, с темными кругами под глазами, на лбу выступили бисеринки пота.

— Что случилось с Риганом? — Она взяла слегка подрагивающие руки Шеппарда в свои, и тепло исцеления потекло сквозь пальцы.

— Судя по тому, что я увидел, он заражен. Похоже, он сам прошел ловушку.

Агнесса вздрогнула, широко распахнула глаза.

— Паразит?

Шеппард кивнул, и она неосознанно вцепилась в его локоть. Дариан выдержал, но справится ли Риган? Ответить ей мог только Сильвен.

— Пойдем, — Сэм указал в сторону машины и сжал ее руку, — нам здесь больше нечего делать.

Они и впрямь остались одни. Дождь припустил еще сильнее, мокрые пряди липли к лицу. Шеппард выглядел получше, и Агнесса кивнула. Устроившись на сиденье джипа, она смотрела на дорогу, выхваченную светом ярких фар, тишина резала слух. Сэм злился на то, что она сбежала? Или просто молчит, потому что устал? Агнессе было все равно, что с ней сделают, уволят, посадят — наплевать. Чтобы не думать о том, что произошло с Риганом, ей нужно было поговорить о чем-то. О чем угодно.

— Вы вывезете из Города библиотеку, и что потом?

— С каждым годом пробужденных будет становиться больше. Как и Мила Аверс, далеко не все собираются использовать дар во благо.

Говорить о Миле не хотелось, зато хотелось верить, что люди не станут злоупотреблять способностями. Увы, сила опьяняет. Она дарит ощущение вседозволенности. Справиться с таким может не каждый.

— Здесь будет тюрьма.

Агнесса содрогнулась. Она помнила свои ощущения в Городе. Холод. Тьма. Ничто. Она пробыла там от силы полчаса, а что же будет с теми, кто останется в этом месте надолго? Сэм говорил, что угнетение дара — мука для любого мага.

— Это место больше похоже на могилу.

— В каком-то смысле так и есть. Понадобится время, чтобы восстановить заклинания и заново научиться создавать сдерживающие артефакты для перегибающих палку пробужденных. Город — крайняя мера, для самых опасных. Теперь по поводу твоего поступка. — Он бросил на нее быстрый взгляд. — Агнесса, ты подписала контракт и должна подчиняться приказам. Надеюсь, такое было в первый и последний раз.

— Прости.

Сэм накрыл ее руку своей, и Агнесса не спешила отстраняться. Врывающаяся в приоткрытое окно свежесть ночной прохлады и капли дождя после мрачных подземелий казались истинным блаженством. Она глубоко вздохнула, но некстати вспомнила прозрачный мистический мрамор кожи Ригана.

— А больницы для пробужденных?

— Пока что в планах, как и академии. Большинство ран не выбиваются за рамки повреждений, с которыми может справиться современная медицина. До создания поражающих заклятий и ядов

пробужденным нового мира пока еще далеко.

— Но ведь будут и исключения? Как с Риганом.

— Для исключительных случаев у нас есть Сильвен. И ты.

— Ты позволишь мне продолжать обучение?

Шеппард коротко кивнул. На развилке он повернул направо, и она с ужасом поняла, что он собрался не в Дингли.

— Я отвезу тебя домой.

— Нет, Сэм! Поедем в Центр! — Она испуганно посмотрела на него. — Прошу, пожалуйста...

— Тебя к нему не подпустят.

— Мне все равно. Я просто хочу быть рядом.

* * *

Остаток ночи Агнесса провела в кресле перед комнатой, где Сильвен боролся за жизнь Ригана. Сэм приносил еду, к которой она почти не притронулась, уговаривал отдохнуть, предлагал гостевую спальню, но она отказалась уходить. Она думала о мужчине, которого последний раз видела перед приездом Шеппарда, и о том, в кого он превратился. Каким бы Риган ни стал, для нее это ничего не меняло. Она просто хотела вновь услышать его смех, почувствовать его тепло, вдохнуть запах. Обнять и никогда больше не отпускать. Главное, чтобы он вернулся. Годы его жизни были пропитаны одиночеством, но она не оставит его одного наедине с гадостью из другого мира.

Сильвен появился в дверях утром: бледный, с растрепанными волосами и погасшим взглядом. Аура лекаря тоже была истощена, и Агнесса протянула ему руку, чтобы помочь. Он отмахнулся и поморщился, не скрывая недовольства от встречи с ней. Кожа на его ладонях стала почти прозрачной, под ней бились черные прожилки, и она непроизвольно ахнула. Неужели он теперь тоже «заражен»?

— Стоило отдыхать, а не сидеть здесь, — устало произнес лекарь. — От твоего упрямства лучше ему не станет.

Агнесса с трудом удержалась от вертевшейся на языке колкости. Эти часы показались ей вечностью.

— Я не могла иначе. — Она с трудом отвела взгляд от его рук. Прожилки искаженных сосудов таяли на глазах, кожа восстанавливалась. — Как он?

Сильвен нахмурился, под его взглядом она почувствовала себя

маленькой и ничтожной.

— Жив, но и паразит не желает сдаваться. Он пытается взять тело и разум Эванса под контроль.

Неожиданно она всхлипнула — громко и по-детски. Сильвен был последним, перед кем ей хотелось бы расклеиться, но усталость и напряжение сделали свое дело. Она шмыгнула носом и громко заявила:

— Это я во всем виновата! — Прежде чем лекарь успел вставить хотя бы слово, из нее они полились потоком. — Это я притащилась к нему с подвеской, потом позвонила Рите, постоянно ныла, что хочу домой! Он пошел к Миле из-за меня, и я его отпустила, а еще я побежала в Город. Если бы Риган не бросился меня спасать, он...

— Невозможная женщина, — Сильвен вздохнул. — Агнесса, если бы он не упал вниз, мы бы не взяли его живым. Нам повезло, что он отключился, повезло, что его ослабила близость металла, потому что иначе паразит никого бы к себе не подпустил. Все, что принадлежит нашему миру, воспринимается им как чужое. Даже тело, в котором оно оказалось.

— Но мне он помог!

— Тебе повезло.

Агнесса выжидающе смотрела на лекаря. Надеяться ей или скорбеть? Риган выкарабкается? Хотелось схватить Сильвена за плечи и трясти до тех пор, пока не ответит прямо. Пришлось обхватить себя руками, чтобы не наброситься на него. Не хватало еще, чтобы ее выставили отсюда.

— Так... Риган поправится? — Ее голос предательски сорвался.

— Зависит от того, как сильно он хочет жить. Я выбрался. Несмотря ни на что.

Пораженная таким откровением, она не нашла что ответить.

— Я тоже заразился. Два года назад, когда закрывали Разлом.

— Но Дариан...

— Дариан никогда не был измененным. Он прожил все эти тысячелетия только благодаря симбиозу с существом, питающимся энергией Разлома. Сейчас его организм лишился поддержки, поэтому он медленно угасает. Я и Риган — другое дело. Гибель паразитов нас ослабит, но не убьет. Что-то подобное уже было, когда мы лишились сил измененных.

Мир слегка качнулся перед глазами, Агнесса с трудом удержалась на ногах — лекарь вовремя подхватил ее. Напряжение медленно отступало, взамен навалились усталость и радостное оцепенение. Сильвен только что подарил ей надежду. Пусть одна возможность на миллион, но она есть. Риган справится. Она обещала верить в него, и она будет верить.

— То есть он выжил во время падения, потому что в нем сидит это?

Сильвен вздохнул, но она не собиралась отступать. Речь шла о жизни Ригана, и Агнесса хотела знать, с чем ей предстоит столкнуться.

— Да, инстинкт выживания у паразита развит отлично. Мне предстоит еще много работы, но в основном с его психикой. От ранений не осталось и следа, переломы уже срослись.

— Что помогло тебе выбраться?

— Слишком много вопросов, Агнесса. Почему бы тебе все-таки не пойти отдохнуть? Если не ради себя, то ради ребенка.

Агнесса недоверчиво фыркнула: в тревогах она совсем забыла про их разговор у портала.

— Я не могу забеременеть после осложнений.

— Ты лекарь и одна из самых здоровых женщин на планете. Прислушайся к себе и поймешь.

Сильвен покачал головой и прошел мимо, а она осторожно положила руку на живот. Незначительные перемены, доступные только чутью лекаря: едва уловимое биение новой жизни внутри. Она не сдержала растерянной улыбки. У нее будет малыш. Ребенок Ригана! Через стену за запертой дверью боролся со смертью его отец, а она разрывалась между умопомрачительным счастьем и смутной тревогой. Агнесса прикоснулась к сокровенным и пугающим тайнам этого мира, познакомилась с Дарианом, побывала в перестрелке и спасала раненых, думала, что потеряла Ригана навсегда, а теперь узнала, что беременна. Потрясений хватило бы на много лет, а они уложились в несколько месяцев.

Если бы не ребенок, Агнесса прикорнула бы прямо здесь, но в ее положении действительно стоило нормально отдохнуть. Засыпая, она вспомнила Дариана и Сильвена, и ей стало отчаянно страшно: первый больше напоминал потустороннее существо, чем человека, а второй был его подобием. Неужели Риган вернется таким же?

* * *

Она проспала до вечера, а потом насильно запихнула в себя легкий ужин, прежде чем вернуться в подвал. Светлые стены коридора, украшенные картинами и изящными светильниками, ничем не напоминали больницу. Разве что здесь было так же тихо. Час за часом проходил в ожидании, никто не входил к Ригану и не выходил, и она вновь испугалась. Комната, где его держали, излучала холод металла, но мурашки по коже

сейчас шли не от этого. Если что-то изменится, скажут ли ей?

Агнесса поднялась и начала мерить шагами коридор. Она уже сходила с ума от тревоги и неопределенности, когда появился Сэм.

— Присядь, — попросил он и, когда она опустилась в кресло, добавил: — Ты возвращаешься в Лондон.

Агнесса удивленно заморгала. В последнее время события сменяли друг друга слишком быстро. Возвращение домой — далекая несбыточная мечта, с которой она попрощалась, подписывая договор. Когда решила, что помощь Ригану гораздо важнее семьи, которая навсегда останется в ее сердце.

— Но я же согласилась работать в Новой Полиции.

— Все так, — Сэм улыбнулся, — но это не значит, что тебе нужно безвылазно сидеть на Мальте. Обучаться будешь через защищенную сеть, с необходимыми основами ты знакома, а дальше все зависит от тебя. Ты свободна до тех пор, пока не понадобишься.

— И когда это случится?

— Не раньше чем через год.

Шеппард говорил о ребенке. Пока она в положении, ее не станут привлекать к работе. Прекрасная иллюзия свободы.

— Я не могу уехать, Сэм, — Агнесса кивнула на закрытую дверь. — Я нужна здесь.

— Если ты не вернешься сейчас, не сможешь вернуться вообще. Дело Милы Аверс и ее команды закроют в течение нескольких дней. Официально ты — жертва похищения. Тебя вывезли из Лондона вместе с подвеской наемники сумасшедшего коллекционера.

Сэм сцепил руки в замок и внимательно посмотрел на нее.

— Ригану ты не поможешь, все зависит только от него.

Сердце забилося сильнее. Она не могла поверить в то, что говорил Шеппард. С нее сняли клеймо преступницы! Жертва фанатика, а не злодейка. Судьба дарила ей желаемое именно тогда, когда гораздо важнее было другое.

Агнесса печально усмехнулась. Никуда она не поедет. Если выбор за ней, то она останется на Мальте: в этом доме, в этом кресле, и не сдвинется с места, пока не услышит хорошие новости. Она должна быть рядом, когда Риган очнется.

— Можно мне увидеть его? На камерах. Ведь там есть камеры?

— Не стоит.

— Почему? — Она вспомнила полупрозрачную кожу, странный изучающий взгляд и страх, ползущий по спине. Агнесса замотала головой,

отгоняя жуткое видение. — Что не так? Я же не стану к нему приближаться.

— Риган никого не узнает, Агнесса. Я бы не хотел, чтобы ты видела его таким.

Девушке вновь стало не по себе. Что такого происходит с Риганом, если ей не позволяют даже взглянуть на него?

— Сэм, пожалуйста.

В его глазах мелькнуло сомнение, но все же он протянул ей руку.

— Пойдем.

Они поднялись наверх. Шеппард открыл перед ней дверь в конференц-зал, усадил в кресло и включил ноутбук. Картинки были нечеткие и постоянно дергались.

— Помехи из-за металла, — пояснил Сэм и показал, как переключаться между изображениями и как их увеличить. Несколько минут Агнесса в нерешительности вглядывалась в мельтешение кадров, а потом выбрала одну из камер. Риган не выглядел так, будто вчера побывал в страшной переделке. Обнаженный по пояс, он стоял неестественно прямо, запрокинув голову, и смотрел наверх.

Сердце сжалось от смеси отчаяния и облегчения. Риган жив, он совсем рядом, только руку протяни. Она коснулась экрана, словно надеялась приникнуть к нему настоящему: пригладить его волосы, поцеловать, обнять. Сильвен говорил, что Эванс опасен, но стоящий в комнате-тюрьме мужчина даже не шевелился!

Агнесса приблизила изображение и вздрогнула: она не могла видеть его лица, но это все равно выглядело жутко — почерневшие сосуды змеились по рукам и спине, пульсировали на переходе плеч в шею. Она облизала пересохшие губы, поспешно переключилась на другую камеру... и от неожиданности с силой вцепилась пальцами в край стола. Пустой, равнодушный, потерянный взгляд, устремленный сквозь пространство за пределы всего сущего. Мертвые глаза создания, оторванного от своего мира.

Она сглотнула и захлопнула ноутбук.

— Что с ним сейчас происходит?

— Сложно сказать. Он никого не узнает и не осознает, даже себя, он отвергает окружающий мир. Пожалуй, сейчас это к лучшему. Так Риган не чувствует боли.

Агнесса, не отрываясь, смотрела на Сэма, а потом с силой ударила ладонями по столу.

— Это все из-за вас! Вы хотели, чтобы Риган открыл Город! Как он

сможет выжить, если даже не помнит, ради чего? — Она подскочила с кресла, чтобы казаться хоть немного выше, и сорвалась на крик — Он должен видеть меня! Он вспомнит!

— Ты чужая для существа, которое живет в нем. — Сэм мягко взял ее за плечи и заглянул в глаза. — Единственный, кто способен ему помочь, — это Сильвен.

Она вспомнила руки лекаря — только он мог прикоснуться к Эвансу, потому что выжил после заражения, потому что внутри его тоже сидел паразит!

— Через сколько Сильвен пришел в себя?

— Через два месяца.

— Через два месяца я вспомнил, кто я такой, — раздалось сзади. Агнесса вздрогнула, обернулась и встретилась взглядом с Сильвеном. — А потом еще полгода учился с этим жить.

Она широко распахнула глаза, не скрывая потрясения. Ее наставник был сильным лекарем. Если на то, чтобы справиться с этой гадостью, у него ушло столько времени, то что будет с Риганом? Через сколько очнется он? Через год? Через два? Через пять?! Агнесса вскочила, едва не опрокинув ноутбук.

В Городе он ее спас. Единственная возможность его вернуть — увидеться с ним! Что бы они там ни говорили и ни думали, Риган не причинит ей вреда.

— Я должна его увидеть, — резко сказала она и шагнула вперед, готовая драться до последнего. — И ты мне не запретишь!

— Так и знал, что дело этим кончится. — Лекарь смотрел на нее, как родитель на настырного ребенка: устало и с каплей превосходства, а потом резко указал на ноутбук — Смотри!

Шаги Сильвена затихли, и только тогда она позволила себе повернуться к столу и поднять крышку. Она увеличила изображение с основной камеры, неосознанно стиснула пальцы. Риган по-прежнему стоял неподвижно, но стоило лекарю появиться в кадре, он медленно повернулся и наклонил голову сначала вправо, потом влево. Со стороны могло показаться, что он разминается перед тренировкой, но Агнессе стало дурно от этого жеста. Эванс действительно ничего не знал об этом мире и сейчас пытался понять, кто или что перед ним. Взгляд его, изучающий, цепкий, был устремлен в сторону: Сильвен принес небольшой ящик, поставил на пол и достал нечто мелкое, извивающееся и живое. Крыса!

Под камерами метнулась тень. Миг — и зверек оказался в ладони Ригана. Ей показалось, что она слышит хруст косточек, по увитому венами

запястью заструилась кровь, а потом он отшвырнул сгусток плоти в сторону и рванулся вперед. Создание, захватившее тело Эванса, металось между стенами импровизированной тюрьмы, билось о них, оставляя кровавые потеки. Его лицо перекосилось, рот распахнулся в оскале. К счастью, она не могла слышать звуки, которые он издавал.

Агнессу замутило. Оттолкнув руку Сэма, она опрометью бросилась из кабинета, едва добежав до первой уборной на этаже. Ее выворачивало наизнанку, а искаженное гримасой лицо любимого все еще стояло перед глазами. Даже думать не хотелось о том, что на месте крысы могла быть она. Ее колотило, и унять дрожь было невозможно. Она так хотела обнять его, попробовать поговорить с ним, постараться исцелить, но Эванс убил бы ее, даже не осознавая, что делает.

Агнесса уселась на пол, прислонилась к холодному кафелю. Любовь не выбирает место и время. Близость не подчиняется планам и разумным решениям. Она одновременно сила и слабость, и сейчас Агнесса позволила себе быть слабой: закрыла глаза руками и затихла. Что ждет ее в ближайшее время, если она останется? Ожидание перед монитором, обучение, подготовка к родам. Обречь своего ребенка на то, чтобы он впервые увидел чудовище из другого мира вместо отца? Представив себе Эванса, запертого в ловушке собственного тела, она содрогнулась и закусила губу.

Решение далось нелегко. Вытирая покрасневшие глаза салфеткой, она подумала, что Риган бы ее поддержал, и от этой мысли стало еще горше.

Сэм дожидался в зале. Он стоял у окна и повернулся, как только она вошла. Агнесса посмотрела на монитор — там Риган и Сильвен замерли друг напротив друга. Молчание затянулось, и тогда Шеппард шагнул к ней, протянув руку. Агнесса сама не поняла, как это случилось, но оказалась в его объятиях. Сэм погладил ее по спине и по волосам. Больно было не меньше, но рядом с ним отчаяние понемногу отступало, сменяясь опустошенностью и смирением.

— Ты сообщишь мне, когда ему станет лучше?

— Разумеется.

В сильных руках Шеппарда было непростительно хорошо, мысль об этом обожгла и отрезвила. Под его внимательным взглядом ей стало неловко, а объятия уже не казались дружеским жестом утешения. Агнесса отстранилась, попятилась и поспешно вышла, не в силах продолжать разговор. Ей предстояло еще одно серьезное испытание: собирать вещи в доме, где они с Риганом были безумно счастливы.

Глава 22, в которой Агнесса на своем опыте проверяет прописную истину, что потерять проще, чем найти

*Лондон — Ньюкасл-апон-Тайн, Великобритания.
Декабрь 2014 г. — февраль 2015 г.*

Первая встреча с родными закончилась слезами и объятиями. Сэм сопровождал ее как представитель Интерпола, и Агнесса была ему искренне благодарна. Вряд ли у нее самой хватило бы сил на искусное вранье близким, а сказать правду она не могла. Долгожданное воссоединение с семьей омрачали мысли о Ригане, но для родителей это стало лучшим подарком. Любимая дочь возвращается из плена накануне Рождества. Кажется, именно так написали о ней на предпоследней странице какой-то газеты. Первые полосы и развороты занимало изображение Лорин Бейл. К счастью, занятые скандальным похищением и освобождением знаменитости, журналисты не обращали на Агнессу внимания.

Ей пришлось встретиться с Робертом. Было стыдно и неловко, ведь она знала правду. Удивительно, но бывший начальник извинился за то, что тогда не придавал значения ее беспокойству, и даже предложил работу — исключительно из вежливости, потому что когда она отказалась, уговаривать не стал. Из-за той истории с подвеской репутация агентства долгое время висела на волоске. Роберт рассказал, что Аннабель Рени выплатили страховку, и посоветовал на то, что украшение так и не нашли.

У нее самой на ближайшее время хлопот хватало, а денег, что перевели за помощь во время захвата Города, было не потратить и за два года. Радость возвращения таяла как туман. После солнечной Мальты Лондон казался пасмурным и холодным. Дождь, толпы людей, тяжелый воздух. Дома Агнесса чувствовала себя неуютно и тоскливо. Она поселилась у родителей и не могла насытиться общением с ними. Когда оставалась одна, сходила с ума от одиночества и грустных мыслей.

Родители не праздновали Рождество, только Новый год, и двадцать пятое декабря Агнесса чаще всего проводила у Риты, но на этот раз

отказалась от приглашения. Родные привыкли к перепадам ее настроения, объясняя их месяцами, проведенными в заточении. Она была им благодарна за чуткость и понимание, но не спешила изливать душу даже сестре. Она надеялась только на то, что родители обрадуются еще одному внуку, а Рита — племяннику. Агнесса молчала о ребенке, потому что любые воспоминания воскрешали страх того, что Риган никогда не вернется и не станет прежним.

Они с Сэмом созванивались несколько раз, но изменений не было, Ригану не становилось лучше. Разговоры с Шеппардом стали единственной отдушиной: только ему она могла рассказать обо всем. Сэм отвечал на звонки в любое время дня и ночи, и Агнесса начинала привыкать к этим долгим беседам. Тонкая нить, протянувшаяся между Мальтой и Лондоном, — все, что сейчас у нее осталось.

* * *

Новый год праздновали с размахом. Двухэтажный дом пестрел огнями и украшениями, в гостиной стояла огромная наряженная ель. Дети играли в прятки, закуски исчезали в мгновение ока, отовсюду слышался смех. Агнесса же не могла заставить себя выйти из комнаты, боясь нарушить настроение общего веселья. Для нее праздник обернулся издевательством, она постоянно думала о Ригане и вспоминала свой дурацкий сон, которому не суждено сбыться. Она надела зеленое платье. То самое, которое он купил ей на Тенерифе и о котором она почти забыла. Впервые в жизни Агнесса суеверно надеялась на Чудо: вдруг Риган очнется именно сегодня, в эту волшебную ночь?

Легкий стук прервал ее мысли. В комнату вошла Рита и прикрыла за собой дверь. Раньше им не удавалось побыть наедине — мать не переставала опекать, да Агнесса и сама не рвалась поговорить с глазу на глаз. Она откровенно трусила: уж кто-кто, а сестра сразу почувствовала бы в ее словах ложь.

— Я больше не могу видеть тебя такой. — Рита уселась на кровать, расправила складки бордового атласного платья и внимательно посмотрела на нее. — Выкладывай!

Агнесса отвела взгляд. На сколько еще ее хватит? Когда она перестанет ждать звонка Сэма, чтобы обо всем расспросить, когда перестанет расстраиваться из-за отсутствия новостей? Да и будут ли новости?

— Я жду ребенка.

— Вот дерьмо!

Зная богатую фантазию сестры, несложно было предугадать ход ее мыслей. Родным сказали, что она была пленницей, поэтому новость и правда звучала невесело.

— Он самый долгожданный ребенок на свете, а его отца, — ее голос предательски дрогнул, — я люблю...

Она увидела округлившиеся глаза Риты и поспешно добавила:

— Он спас меня, и... Все очень сложно. Рит, пожалуйста, пока никому ни слова! Родителям легче сказать, что я была заложницей, чем объяснить правду.

— С ума сойти! — Та хлопнула руками по коленям, поднялась и прошлась по комнате. — Кудряшка, ну ты даешь! Это я всегда мечтала, чтобы меня перекинули через коня, отволокли в темное подземелье и там отлюбили.

Сестра многозначительно хмыкнула. К счастью, она не подумала, что Агнесса сошла с ума или оказалась во власти стокгольмского синдрома.^[10]

— Погоди-ка. Ты мне говорила о... как его звали, Ричард? Это он?

— Риган. — Имя музыкой замерло на губах, а сердце кольнуло. Она устало опустила плечи и спрятала лицо в ладонях. Она рассказала Рите обо всем: как сначала невлюбила Эванса, а затем поддалась его обаянию. Через сколько невзгод им пришлось пройти вместе. О его внимании, нежности и заботе. Раскрывая боль потери, что запечатала в себе, Агнесса умело избегала любых упоминаний о даре. Иногда замолкала, чтобы перевести дух, и только изредка поглядывала на притихшую сестру.

— С ним произошел несчастный случай. Он в коме, а я здесь. Я бросила его.

Рита нахмурилась и потянулась к ней, сжала ее ладони в своих.

— Это плохо. А что говорят врачи?

Перед ее отъездом Сильвен говорил, что сделает все от него зависящее, но ничего не обещал. Повезло, что он лекарь, потому что никому другому Риган не позволил бы к себе приблизиться. Повезло, что Эванс — измененный и у него больше шансов перебороть паразита. Так или иначе, Риган мог очнуться завтра или вовсе не прийти в сознание.

— Ничего, — вытолкнула она. — Мне страшно, Рит.

— Кудряшка, кома — это не конец. Тебе стоит поехать к нему. Сидеть рядом, держать за руку и разговаривать. Тетя меня убьет за такие советы и будет права, но я всегда была сумасшедшей.

Ритка словно мысли ее прочла. Рядом с семьей Агнесса только сильнее ощущала одиночество. В шумном городе, среди обычных людей, она

оказалась лишней, изгоем, даже любовь и забота родителей не спасали. Каждый день, проведенный в Лондоне, был пыткой. Отчаянно хотелось вернуться на Мальту, к нему. Она не знала, что ответить, а затянувшееся неловкое молчание нарушил Юджин, один из двойняшек сестры. Взволнованный и покрасневшийся, он ворвался в комнату и, предупреждая нагоняй от матери, крикнул:

— Тетя Агнесса, там тебя какой-то мужчина спрашивает!

Внутри все перевернулось и воспарило. Она выбежала из комнаты, поскользнулась на лестнице и едва кубарем не скатилась вниз, но вовремя уцепилась за перила. Сердце бешено колотилось в груди, голова кружилась от избытка чувств. Последний виток лестницы вынес ее к парадному входу.

Сэм как раз вешал пальто и что-то с улыбкой говорил матери. Агнесса стиснула пальцы, стараясь не выдать волнения. У него хорошие новости о Ригане, и он решил сообщить их лично? Губы свело от напряжения, улыбка вышла быстрой и неестественной.

— Случайно оказался в Лондоне, — Сэм улыбнулся. — Лукавлю, не случайно. Хотел увидеть тебя.

Он шагнул к ней и обнял — слишком тепло и откровенно. Рита сбежала по лестнице следом и сейчас с интересом смотрела на Шеппарда. И не только она. Вся родня, включая детей, высыпала из гостиной, чтобы поглазеть на них. Мама и отец выглядели не на шутку удивленными — еще бы, они знали Сэма как сотрудника Интерпола. Тетя и дядя переглядывались, братья улыбались, обнимая своих жен. Племянники захихикали, и это словно послужило сигналом: всем стало неловко, любопытство сменилось смущением.

— Что же мы стоим, — улыбнулся отец, — пойдемте в гостиную. Дочка, познакомь нас со своим другом.

Она выдавила из себя улыбку и представила Сэма родным. Шеппарду удалось очаровать всех, даже братья смотрели на него с уважением и подмигивали ей. Агнессе хотелось, чтобы этот фарс побыстрее закончился, но Сэм не торопился разрушить иллюзии ее родных. Пришлось подождать, пока дядя умудрился снова переключить всеобщее внимание на политику, и только потом незаметно утащить Шеппарда на кухню.

Оказавшись с ним наедине, она поняла, что скучала по времени, когда не нужно было притворяться. Шеппард знал о ней больше, чем вся ее семья. И еще он знал о Ригане.

— Сэм, они же подумают, что мы пара! — Не позволив ему вставить и слова, Агнесса поспешно добавила: — Ты ведь из-за Ригана приехал? Ему лучше?

Шеппард помедлил перед тем, как ответить. Возможно, ей показалось, но она уловила в его голосе едва различимую досаду.

— Меня не было на Мальте несколько дней. Когда я уезжал, все оставалось по-прежнему.

Она разочарованно вздохнула и тут же мягко улыбнулась, пытаясь загладить нетерпение и резкость.

— Извини, я просто подумала, что у тебя новости, о которых ты не захотел говорить по телефону. Я хочу вернуться на Мальту, Сэм. Я люблю свою семью, но даже не могу рассказать им, что я лекарь. Не говоря уже о многом другом.

— Понимаю. — Сэм достал из кармана пиджака длинный темно-синий футляр и протянул ей. — Это тебе. Счастливого Нового года, Агнесса.

Внутри оказался браслет из белого золота. Тонкий, невероятно красивый и изящный. Агнесса протянула Сэму руку и попросила помочь с застежкой, а потом посмотрела ему в глаза и поняла, что это не просто подарок. За безупречной галантностью и выдержкой Шеппард скрывался не хуже, чем Риган под маской прожженного циника. Всех подчиненных Дариана объединяло бесконечное одиночество. Сложно найти близкого человека, когда у тебя такая работа. И еще сложнее того, рядом с кем можно раскрыться и просто быть собой, но Сэм приехал к ней. К ней, как к желанной женщине, к той, с кем хочется провести новогоднюю ночь.

Пауза затянулась, и Агнесса поспешила нарушить молчание.

— Мне неловко, Сэм. У меня нет для тебя подарка.

Шеппард нахмурился и покачал головой.

— Тогда отдавай назад.

Агнесса не выдержала, рассмеялась и отвела руку за спину. Он держался долго и все-таки тоже улыбнулся. А потом привлек ее к себе и поцеловал в губы: нежно и настойчиво. Он словно обещал ей сладкое забытие, защиту от жестокости и новый мир, разделенный на двоих. Отчаянно хотелось довериться ему и просто плыть по течению. Агнесса почти поддалась мгновению, но, прикрыв глаза, она вспоминала другие поцелуи. Дразнящие и властные. Сводящие с ума и заставляющие кровь быстрее бежать по венам. Будоражающие, пробуждающие желание и отзывающиеся дрожью во всем теле. Самообман — не лучшее решение проблем. Она мягко отстранилась, пригладила и без того гладкие волосы. Слишком гладкие, как сказал бы Риган.

— Не стоит, Сэм.

Прозвучало резко, и Шеппард отступил. Понимающе кивнул и не

сказал ни слова. Они вернулись в гостиную, и какое-то время он поддерживал истинно мужскую беседу, ничем не выдавая разочарования. Она изредка поглядывала на него, ловила взгляды сестры, которая постоянно кивала в сторону кухни, но делала вид, что не понимает намеков, и начинала болтать с мамой и тетей — обо всем, включая кулинарные рецепты, обещанную погоду на январь и намечающийся кризис. Объяснять Рите еще и про Сэма настроения не было совсем.

Агнесса чувствовала себя не в своей тарелке, поэтому, когда Сэм попрощался со всеми, испытала явное облегчение. Уговаривать его остаться было бы нечестно. Играть чувствами Сэма она не хотела, тем более переступить черту дружеской близости с ним. Несколько раз они уже стояли на грани, и повторения ей не хотелось.

— Когда ты возвращаешься на Мальту? — Они вышли в холл, но Агнесса на всякий случай понизила голос.

— На следующей неделе. Я сразу позвоню. — Забывшись, Сэм погладил ее по волосам и тут же отдернул руку. — Агнесса, тебе пока не стоит уезжать. Ты и так привлекаешь много внимания.

— Я нужна Ригану...

— Ригану сейчас не нужен никто. Ты останешься в Лондоне — это приказ!

Она отпрянула, пораженная его резкостью, а Шеппард поспешно вышел за дверь. Растерянная и оглушенная, Агнесса прислонилась к стене, глядя прямо перед собой. Сэм вот так запросто взял и запретил ей уезжать! Как он мог?!

* * *

Время тянулось мучительно медленно. Родители не возражали против того, что она живет с ними, и даже перестали относиться к ней как жертве. Шеппард звонил несколько раз, но новости не радовали. Он не шутил, когда запретил приезжать. Агнесса умоляла разрешить ей вернуться, но Сэм отвечал, что еще слишком рано, что им ни к чему лишние вопросы, в том числе и от ее родителей. Говорил, что Риган в той же точке, с которой все началось, и что стоит повременить хотя бы до рождения ребенка. Она уже сто раз прокляла день, когда подписала договор и добровольно вверила себя Шеппарду.

Если раньше она ждала новостей с Мальты, то сейчас становилось не по себе, стоило заметить его номер на дисплее. Он остался прежним:

вежливым и внимательным Сэмом, но что-то все же изменилось. Нечто неуловимое, что чувствуется интуитивно. Агнесса боялась себе признаться, что больше не доверяет ему. Она поставила на звонок от Сэма тему «Призрака Оперы» в рок-обработке и вздрагивала всякий раз, когда ее слышала — то ли опасаясь услышать дурные новости, то ли слова, что все остается по-прежнему.

Надежда сменилась тоской, Агнесса уже не знала, чего ждать, и готовилась к худшему — что ей придется сидеть в Лондоне до августа, что Риган не придет в себя до появления малыша. Но к тому, что Сэм сказал поздним январским вечером, она все равно оказалась не готова.

— Риган уехал.

Агнесса замерла, крепко сжав телефон. Все слова улетучились из головы, сердце пропустило удар, а она сидела и непонимающе смотрела на стену. Спустя мгновение поняла, что беззвучно плачет. Слезы радости лились ручьем, но Агнесса не хотела их останавливать. Она готовилась пережить год в одиночестве, а Риган сделал ей такой невероятный подарок. Как же это на него похоже! Как давно она не чувствовала себя такой счастливой!

— Куда?

— Не знаю и не советую его искать. Он по-прежнему нездоров. Отпустить его было решением Сильвена, но...

— Я должна его увидеть, — перебила она. — Ты мне поможешь?

— Нет, Агнесса, этого я делать не стану.

Она едва сдержалась, чтобы не нагрубить. Со связями получится найти Ригана гораздо быстрее, но Шеппард отказался ей помогать. Почему Сэм не позвонил раньше? Почему не задержал Ригана?

— Сэм, для меня это важно! — Она глубоко вздохнула. — Мне не к кому обратиться, кроме тебя.

— Не волнуйся, — спокойно, если не сказать безразлично, ответил Шеппард. — Риган найдет тебя сам, для него это не проблема.

— Благодарю! — едко бросила Агнесса, нажала отбой и швырнула телефон на пол. Судя по треску, теперь ей понадобится новый.

Она вскочила и принялась мерить комнату шагами. Риган пошел на поправку. Агнесса не была уверена, помнит ли он ее, но с ним все хорошо, иначе Сильвен не отпустил бы его, ведь он сам пережил подобное. Она злилась на Сэма за то, что он не позволил ей приехать раньше, увидеть пробуждение Ригана. Злилась на себя за то, что вернулась в Лондон и вела себя как идиотка. Действительно, лучше не придумаешь: просить заинтересованного в тебе мужчину сообщать о состоянии своего

возлюбленного. Очаровательно! Если не сказать, жестоко. Чем она вообще думала?!

Она с силой стукнула кулаком по стене, а потом долго трясла рукой и дула на нее. Боль помогла прийти в себя и мыслить здраво. Время уже потеряно, что толку убиваться по тому, что ушло.

Агнесса заказала билет на утренний рейс в Ньюкасл и всю ночь ворочалась с боку на бок. Заранее звонить не стала, потому что побоялась. Джонатан может отказаться говорить с ней по телефону, ведь она оставила Эванса на Мальте одного, но при личной встрече она сделает все, чтобы убедить его помочь.

Погода снова не радовала. Дождь барабанил по стеклам взятого напрокат авто — совсем как в тот день, когда Агнесса впервые приехала к Ригану. Разве что сейчас было холоднее. Вместо таблички с просьбой катиться куда подальше на подъездной дороге Эванс-Холла появилась другая, с надписью: «Продается», и ей стало не по себе. Неужели и тут она опоздала?

Дверь открыла полная пожилая женщина. Поместье действительно выставили на продажу, та лишь временно следила за домом и готовила для дежурных охранников. Бывший владелец не появлялся, решил все через агентство. О прежнем управляющем женщина тоже ничего не знала и явно торопилась распрощаться с назойливой гостьей. Пришлось поблагодарить и вернуться домой ни с чем.

Агнесса понятия не имела, откуда Джонатан родом, к тому же он вполне мог сменить имя и быть каким-нибудь Валентином или Томасом. Единственная зацепка, что у нее оставалась, — Лорин Бейл. Пришлось пережить общение с ее пресс-службой, оставить свое имя и ждать. Агнесса уже начинала сомневаться, что из этого что-нибудь выйдет, когда позвонила Лорин.

— Прости, дорогая. Твою просьбу мне передали только сейчас. — Бейл общалась так, будто они знали друг друга давно. — Они решили, что ты одна из этих сумасшедших фанаток. Как насчет встретиться завтра в пять?

Агнесса обрадовалась, что не пришлось никуда лететь: Лорин назначила встречу в Лондоне. Она провела еще одну бессонную ночь — Бейл была последней надеждой, но Риган вместе с продажей дома мог оборвать и связи с семьей. Что, если он стирал всю свою прошлую жизнь? Агнесса почитала книгу, полистала почту и новости, помедитировала и поработала с энергиями, но так и не смогла заснуть. Промучилась до утра, накрутила себя дальше некуда, а на встречу прибежала на час раньше.

Успела выпить два бокала апельсинового сока, сгрызть обе трубочки, а потом листала меню, пытаясь сосредоточиться на его содержании и отвлечься, но все равно постоянно смотрела на часы и озиралась. И все равно умудрилась прозевать появление Лорин.

Несмотря на то что встречались они в небольшом кафе на окраине, звезда специально оделась так, чтобы не привлекать внимания — в джинсы, рубашку-кантри и сапоги, а вызывающе-рыжие волосы спрятала под модный платок. Она подлетела к столику и крепко обняла Агнессу, словно они были лучшими подругами.

— Молочный улун, пожалуйста, — наспех бросила Лорин официанту и тут же снова переключилась на Агнессу — Дорогая, я ненадолго — у меня вечером интервью. Как я рада, что эта история наконец-то закончилась!

— Прости, что тебе пришлось это пережить.

— Жизнь без приключений — скуотища. Не бери в голову.

Кажется, Агнесса начинала понимать, почему Риган считал Лорин семьей. Так могла бы выглядеть его сестра-близнец.

— Как поживает Эванс?

Слова Лорин прозвучали как приговор.

— Я думала, ты виделась с ним после... ну...

Лорин внимательно посмотрела на нее.

— Риган сменил номер телефона, так что последний раз мы встречались в застенках Милы Аверс. По дороге в полицейский участок меня перехватили его друзья, — она выделила последнее слово, — рассказали, как правильно себя вести, что говорить прессе. И предложили сотрудничать.

— Что ты ответила?

— Сказала, что у меня другое хобби.

Агнесса поразились, как спокойно Лорин рассказывала обо всем. Она совершенно не волновалась за Ригана: очевидно, в Новой Полиции сообщили, что он жив. Что еще они рассказали, о чем с ней можно говорить, а о чем нет?

— Значит, вы с Эвансом потерялись?

Сочувственно-понимающий взгляд Лорин почему-то ударил сильнее, чем ожидалось. До этого она даже не задумывалась, что просто надоела Ригану. Он мог отправиться дальше в поисках новых впечатлений и новой жизни — особенно после того, что ему довелось пережить. Люди меняются и от меньших потрясений. Нужна ли она ему сейчас?

— Мы с Риганом расстались. На время.

— Не переживай, — Лорин беззаботно похлопала ее по руке. — С ним так всегда. Зато в нашу последнюю встречу он просил найти тебя и пригласить на ужин. Я собиралась, но все никак — эти съемки, переезды, сумасшедший график... Сама понимаешь.

Лорин говорила что-то еще, она вообще много говорила, но Агнесса уже не слушала. Просьба Ригана отозвалась теплом в ее сердце, и теперь все мысли снова были только о том, как его разыскать. Бейл не смогла помочь, что же ей делать дальше? Обратиться к Дариану? Согласится ли он ее принять?

— С ума сойти! Уже почти шесть. Дорогая, мне пора! — Суетный голос Лорин вознесся до небывалых высот и выдернул из размышлений. — У меня скоро намечается пара свободных дней, можем увидаться и поболтать подольше.

Бейл достала визитку, что-то черкнула на обратной стороне и ушла так же поспешно, как и появилась. Натуральный рыжий вихрь. Она намекала на следующую встречу, но Агнесса не была уверена, что звезда всерьез предлагает дружбу. Разгадать настоящие чувства Лорин — задача не из легких.

Она покрутила в руках карточку: большинство мужчин многое бы отдали за личный номер звезды, но ей он ничем не мог помочь. Пальцы дрогнули, визитка упала на стол, перевернулась, и тут она увидела цифры, написанные карандашом, рядом с которым значилось имя Джонатан. Сердце пропустило удар, а ладони вспотели. Агнесса подхватила карточку — осторожно, как хрупкую драгоценность, облегченно вздохнула и счастливо рассмеялась. Кажется, ее только что приняли в семью Ригана.

Глава 23, в которой Чудовище встречается Красавицу

*Мальта, Республика Мальта — Париж, Франция.
Февраль — март 2015 г.*

Сильвен обещал, что дальше будет проще. Когда он перестанет пытаться отделить себя от того, что живет внутри. Когда перестанет бороться с новым сознанием и обликом, считая их противоестественными, и примет как часть своей сути. Дрянь, что отравляла его, оказалась на редкость живуча, в его крови, теле и разуме она преображалась, подстраивалась и сливалась с ним воедино. Она текла по его жилам, придавая пугающий неестественный облик, пыталась достучаться до разума и перехватить управление.

Поначалу память возвращалась урывками, ненадолго. Воспоминания под воздействием иномирной заразы исчезали, как карандашный набросок под нажимом ластика. Иногда — клочками, вырванными из сознания эпизодами, иногда — полностью. «Когда такое происходит, — говорил Сильвен, — сосредоточься на том, что позволяет чувствовать себя человеком. Ставь якорь, который сможет тебя удержать».

Первые осознанные возвращения были отмечены отчаянной, дикой болью, холодом окружающего его металла и слабостью, от которой Риган сразу отключался, но с каждым последующим пробуждением становилось чуточку проще. Когда теряешься в собственном разуме, все, что тебе остается, — ориентироваться по внутреннему компасу. Его держали прикосновения, запахи, память тела. Все это замкнулось в чертовом куске металла, единственном напоминании, что возвращало к ней, поэтому подвеска снова перекочевала к нему. Что бы ни случилось, Агнессу Риган забывать не хотел.

Он обрадовался, когда узнал, что Уварова вернулась в Лондон. Лишь наедине с приступами невыносимой боли и чужеродной дрянью накатывала безнадежность. Тогда он отчаянно желал, чтобы она была рядом. Сама мысль о том, чтобы просто сжать ее руку, представлялась долгожданным избавлением, но замешательство истерзанного приступом человека сменялось отрешенностью смирения. Риган понимал, какую угрозу представляет, и меньше всего на свете хотел бы подвергать ее

опасности.

Он понемногу привыкал к новому себе, и все это время Сильвен был рядом. Утром или вечером, днем или ночью, первое, что Риган видел, выплывая из забытья, — его уставшую физиономию и сплетения сосудов на его руках. Лекарь выложился на полную, буквально за уши вытащил его из дерьма, в которое он угодил стараниями правнучки Дюпона.

Монстра натворила дел: уничтожила достаточно древних знаний, которые после разбора завалов уже не подлежали восстановлению, несмотря на все защитные пропитки алхимиков древности. Не признать, что Мила Аверс почти уделала их, было нельзя. Догадайся они, какова ее истинная цель, — не подпустили бы к Городу на пушечный выстрел и сразу отправили бы к праотцам во избежание, но игру она провела достойно. Заставила их считать, что на древние летописи у нее далеко идущие планы, подвела к тому, что ее можно схватить только под пластами металла, и они купились, как младенцы. Большая часть библиотеки уцелела лишь потому, что он вовремя свернул ей шею. Незвестным оставалось только одно: зачем она собирала пробужденных. Возможно, это тоже был обходной маневр.

Ее смерть Риган помнил нечетко, ощущениями сидящего в нем чужого. Существо не испытывало удовлетворения, оно убивало всех, кого считало угрозой. Агнессе здорово повезло, что оглушенный незнакомыми впечатлениями паразит в тот миг подчинялся его памяти и чувствам. Сильвен говорил, что симбиоз — дело непростое, что оно никогда не уступит целиком, но были и хорошие новости — после закрытия Разлома долго эта гадость не протянет.

Выходить на улицу приходилось только в полностью закрытой одежде. Когда случалось быть на виду, на помощь приходили иллюзии. Иногда Ригана подмывало сбросить маску и насладиться страхом разбегающихся людей, но он этого так ни разу и не сделал. То ли не было подходящего настроения, то ли в Коридоре Смерти вместе с ним здорово пострадало чувство юмора. По поводу внешности Сильвен уверял, что в течение полугода станет попроще, на что Риган мрачно отвечал, что к тому времени он уже привыкнет ходить в перчатках, куртке с капюшоном и в водолазках с высокими воротниками.

Лекарь учил его всему, через что прошел сам: не сопротивляться, а держаться за то, что делает тебя живым. Не убегать, а встречать лицом к лицу. Принять иное как часть себя, но не позволять ему руководить. Он рассказал, что не сошел с ума только благодаря одной женщине, которая помогла ему пройти через все и вернуться. Говорил, что стоит найти

Агнессу — рядом с ней справляться будет проще. Перед тем как его отпустить, Сильвен взял с него слово, что он не станет откладывать встречу с Уваровой. Риган пообещал, но в глубине души не был уверен, что готов. Меньше всего ему хотелось, чтобы она увидела его таким.

* * *

Левандовского похоронили в Италии, на камне значилось незнакомое имя и даты, не имеющие к Яну никакого отношения. Могила, на которую никто не придет. Мила бросила ему в лицо, что они считали себя богами, но в существовании измененного дряни было не меньше, чем преимуществ. В частности, одиночество. Погибших во время Чумы хоронили в братских могилах или обращали в прах в крематориях Ордена. Ни о ком из них не осталось ни малейшего упоминания. Сейчас даже мысли об этом не могли выдернуть из пелены безучастия, которое в последние дни стало его постоянным спутником.

Ночь выдалась прохладной. Риган смотрел на надгробие и не шевелился: существо в нем почувствовало приближение Клотильды. Несмотря на ее уговоры, он уехал сразу, как только перестал бросаться на все, что движется. Они снова встретились у могилы — как в начале двадцатого века, когда его сердце истекало кровью на кладбище в Женевилье. Сейчас Риган был вовсе не уверен, что способен чувствовать душевную боль.

— Я догадывалась, что найду тебя здесь.

Риган повернулся, и ее улыбка погасла. Он не мог ее винить: полупрозрачное лицо с сеткой черных сосудов и неестественно светлыми глазами — не самое приятное зрелище. Таиться перед ней он не видел смысла, а больше поблизости никого не было.

— Зачем ты приехала?

— Уварова ищет тебя. Она встречалась с Лорин Бейл, а теперь добралась до Хартстриджа.

Риган снова промолчал. Былое красноречие иссякло, будто кто-то перекрыл кран. Внутри человеческого существа встрепенулась надежда — слабая, едва уловимая, но живая. Увы, ее искры мгновенно гасли и тонули одна за другой в том, что не имело ни цвета, ни запаха, ни звука. В том, что отрицало состояние как таковое. Измененных называли чудовищами, но как назвать нового себя, он не знал. Это было что-то, не поддающееся описанию.

Клотильда смотрела на него со смесью раздражения и беспокойства. Должно быть, ей было слишком непривычно слушать молчание вместо бесконечного потока насмешек и намеков.

— Эванс, разберись с личной жизнью. Уварова со своей настырностью может влипнуть в очередную историю. Шеппард пытался с ней поговорить, но...

— Какая жалость... — Впервые за долгое время Риган улыбнулся.

Когда Агнесса впервые вошла в его кабинет в Эванс-Холле, он увидел просто современную пробивную дамочку, которой не терпится раскрыть секрет старинного украшения. И только позже разглядел за настойчивостью внутреннюю силу, ведущую ее по жизни. Силу и любовь к близким. Нет ничего удивительного, если она заявит к Дариану и попросит его лично помочь с поисками.

— Ты только за этим приехала?

— Хотела узнать, как ты.

С минуту он непонимающе смотрел на нее. Такое тоже случалось: знакомые фразы иногда становились похожими на смесь звуков, которые он всеми силами пытался распознать. Когда до него дошел смысл слов, он сжал ее руку — ощутимо и гораздо сильнее, чем следовало, и поцеловал кончики пальцев.

— Спасибо.

Клотильда взяла его под руку, и они пошли к выходу. Ночь сомкнулась вокруг них сплошным пологом, ее каблучки громко стучали о мощенную камнем дорожку.

— Все-таки ты везунчик, Эванс!

— Завидуешь?

— Еще как.

Риган притянул Клотильду к себе и поцеловал в губы. Это было странное чувство — забытое и ускользающее, как вода сквозь пальцы. Он целовал женщину, и человек в нем трепыхался, как выброшенная на берег рыбина, но бесполезно: Риган не почувствовал ничего. Клотильда провела пальцами по его щеке — многие ли способны были сделать это при его нынешнем облике, не содрогаясь и не пряча взгляд? А потом улыбнулась, словно вспомнила о чем-то забавном.

— Сильвен обещал посадить тебя под замок, если ты будешь продолжать прятаться от Уваровой.

— И что ты ему сказала?

— Что от нее не спрячешься.

Теперь, когда Эванс-Холл выставили на продажу, возвращаться было особо некуда. Выбирая пункт назначения, Риган отказался от Лондона, который крутился в сознании навязчивой идеей и не желал отпускать. Противиться искушению увидеть Агнессу становилось невозможно, но он отчаянно боялся коснуться ее губ и не почувствовать ничего, как случилось с Клотильдой. Риган мог пережить даже замешательство в любимых глазах, когда она увидит его истинный облик, но только не свое равнодушие. Он хотел сохранить их близость если не в сердце, то хотя бы в памяти.

В конце концов Риган выбрал Париж. Весна еще не вступила в свои права, но город понемногу просыпался. Повинуясь захлестнувшему мир мартовскому безумию, он бродил под маской иллюзии по улицам, флиртовал с женщинами, отрывался в барах и ночных клубах, но это всегда заканчивалось одинаково. Он тянулся к эмоциям и чувствам: так муха, залетевшая в комнату, рвется к свободе, но безуспешно колотится о стекло безучастия.

Попытки отнимали много сил и давали преимущество внутреннему противнику, несколько раз Риган незаметно соскальзывал в липкую паутину беспамятства. Однажды танцующая приватный танец дама запустила руку в его волосы, а вместо распаленного желанием мужчины увидела монстра с остановившимся взглядом. Ее вопль чудом не поднял всех мертвых на кладбище Монпарнас и вернул Ригана в реальность. Он увернулся от лампы, которая должна была раскроить ему голову, быстро накинул маску. Пришлось отпаивать несостоявшуюся любовницу ирландским кофе и объяснять, что она перебрала с алкоголем.

После этого случая Риган отказался от веселого времяпрепровождения и заперся в квартире. Щелка между дверью и стеной, когда приезжал курьер, и французское окно стали единственными проводниками во внешний мир. Не считая редких ночей, когда он все же выбирался на улицу и пытался пьянеть от будоражащей прохлады весеннего воздуха. Тщетно.

За время вынужденного отшельничества Риган умудрился заново перечитать почти всю классику про монстров и их создателей, проклятых и отверженных. В один из чудных, наполненных таинством чтений вечеров к нему в квартиру постучали. Курьера он не ждал и предположил, что это любопытная старушенция, что жила этажом выше. Она знала по именам всех соседей, включая квартиросъемщиков, и только с ним ее профессиональная гордость всезнания невероятно страдала. Какие только

предлоги она не изобретала, чтобы разузнать о нем побольше. Караулила на лестнице вечерами, у нее постоянно забивался слив в раковине, ломался телефон или заканчивался лук-порей. Все попытки не находили ответа, но соседка продолжала переть, как танк по оккупированной земле.

Пять минут попеременного трезвона и стука поставили точку в его терпении. Не поднимаясь с дивана, Риган швырнул в дверь ботинок и попал в подвесной шкафчик для ключей. Вместе с ним с грохотом обрушилось настенное бра. Риган не пошевелился, но тут снова засвиристела настойчивая трель звонка. Он выругался и решил высунуться как есть, без маски. Какое-никакое, а развлечение. Глядишь, назойливая старушенция наконец оставит свои попытки.

Исполненный мрачной решимости, Риган прошагал к двери, рывком распахнул ее и оказался лицом к лицу с Джонатаном. Хартстридж не изменился в лице и не сиганул на лестничный проем, увидев его. Впрочем, на веку дворцового Эванс-Холла случалось много всего, чтобы так просто испугаться полупрозрачной кожи с внутренней подсветкой.

— Что надо? — процедил Риган. Вышло зловеще.

— Сэр, могу я войти?

— Нет!

Хартстридж ловко подставил носок ботинка, на удивление шустро перехватил дверь и проскользнул внутрь.

— Сэр, у вас тут хлев.

— Просто слегка не убрано.

Риган услышал смачный хруст и понял, что наступил на коробку из-под пиццы. Судя по звуку, в ней еще что-то осталось.

— Слегка?

В безукоризненном костюме и светло-сером пальто, с аккуратно зачесанными назад волосами, в его квартире Джонатан смотрелся как пришелец из нашего мира на картинах Сальвадора Дали. Видеть Хартстриджа и слышать его безупречный выговор было приятно.

Риган продал Эванс-Холл потому, что особняк казался ему одной из иллюзий. Заново отстроив родовое гнездо, он нацепил на себя гирю, которая тянула на дно. Поместье, Ньюкасл, клеймо человека второго сорта — все растаяло в дымке прошлого, когда он подписал бумаги на продажу. Но Джонатан остался в настоящем, и это грело душу. Или что там сейчас толклось на ее месте.

— Не так давно ко мне приходила Агнесса Уварова.

Риган мысленно выругался. Наверняка Клотильда подсказала Хартстриджу о его временном обиталище, и вот пожалуйста.

— Сговорились вы все, что ли?

— Так вот, она очень просила...

— Я уже слышал эту душещипательную историю. Можешь избавить меня от подробностей?

— Мне нужна работа, — сказал он, внимательно глядя Ригану в глаза.

— На то, что ты уже заработал, можно жить лет пятьсот! Не особо скромничая.

— Я трудоголик, сэр.

— В старой доброй Англии мало рабочих мест? Перебирайся в Шотландию!

— Я люблю постоянство.

— Могу одолжить свою рубашку или носки. Но только на первое время.

— И мизантроп к тому же. У меня плохо получается ладить с новыми людьми.

— А я-то тут при чем?

— Если у вас все срастется, я мог бы работать в вашем новом доме.

— И думать забудь... — Под пристальным взглядом Джонатана он все понял и задохнулся от ярости. — Ты что, привез ее сюда?!

Ярость?! Он опешил — сначала от нахлынувших чувств, от непривычно яркой вспышки, ворвавшейся в размеренно раскачивающийся маятник пустоты, а следом — от осознания, что Агнесса здесь. Она совсем рядом.

— Сэр, — Хартстридж перешагнул через валяющуюся на полу рубашку, хотел сесть на диван, но заметил там крошки и передумал, — я бы не потащился в Париж абы ради кого.

— На что это ты намекаешь? — хмуро поинтересовался Риган. Он уже понял, что встречи с Агнессой не избежать, оставалось только смириться с этим. И с тем, что под толщей льда безучастности по-прежнему жива надежда.

Вместо ответа Джонатан пожал плечами, а Риган отправился переодеваться. По большей части его гардероб теперь состоял из жуткой и мрачной одежды. Воротники под горло, длинные рукава и, разумеется, никаких фривольно расстегнутых пуговиц на рубашках. Чем меньше приходилось прятать при помощи иллюзии, тем лучше. Спустя минут десять — непозволительно долгий срок — Риган вышел в гостиную.

Джонатан отдернул шторы и стоял у открытого окна. Увидев Ригана, Хартстридж только покачал головой.

— Черный цвет вас старит, сэр.

— В моем случае он как раз по возрасту. Пойдем, пока я не передумал.

* * *

Агнесса и Джонатан остановились в небольшом трехзвездочном отеле. От дома, где Риган снимал квартиру, до него можно было дойти пешком. Ночной Париж не сильно отличается от большинства современных мегаполисов, хотя романтики считают иначе. Россыпи огней, бесконечные вереницы машин и вечный символ-маяк — Эйфелева башня.

Ригану нужно было занять мысли чем угодно, только чтобы не думать о предстоящей встрече, поэтому он обращал внимание на такие детали, мимо которых раньше просто проходил мимо. Смена сигналов светофора, цветы на балконах, подсвеченные огоньками небольших ламп окна, силуэты за шторами, разношерстная мельтешащая публика вечернего, взбудораженного весной города. Париж был полон тискающихся парочек в любое время года, но сейчас они встречались повсюду: на каждом шагу по дороге, за окнами уютных кафе, на задних сиденьях машин. Любовь в городе зашкаливала.

Робость и Риган на одном квадратном километре не уживались, но на углу перед поворотом к отелю он решил свернуть налево, хотя точно знал, что им направо. Хартстридж — будь он трижды неладен — подхватил его под локоть.

— Нам сюда, сэр.

— Обознался.

Джонатан вышагивал рядом с ним, как недокормленный купидон-переросток, без лука и стрел, зато в одежде, а Риган философски размышлял, кой черт он вообще повелся на эту затею.

Они поднялись на этаж, Хартстридж скрылся за дверью своего номера, а Риган прислонился к стене, выбивая пальцами какую-то мелодию, очаровательно улыбнулся проходящей мимо горничной, которая подозрительно покосилась на него. Да что с ним творится, в самом деле?! Клотильда была права, надо уже поставить в этом деле точку. Он дошел до номера и постучал.

Послышались торопливые шаги, распахнулась дверь. Агнесса замерла на пороге, и Риган тоже. Она вглядывалась в его лицо, словно боялась, что на его месте окажется иллюзия, которая вот-вот растает в воздухе. Потрясенная встречей, взволнованная и невероятно красивая. Светлее и ярче, чем в воспоминаниях. Риган не успел отпрянуть, она коснулась его

щеки, беззвучно прошептала его имя. По телу будто прошел ток, дыхание прервалось. Плотина рухнула, в стоячую мутную воду хлынул поток свежести и силы. Всю гниль и сухие ветки смыло в один миг. Риган шагнул в номер, привлек ее к себе, зарываясь лицом в волосы. И только после смог вздохнуть.

Агнесса дрожала в его объятиях. Она крепче прижалась к нему, обвила руками шею и радостно шептала:

— Я нашла тебя. Я тебя нашла...

Как всегда, это случилось неожиданно. Мгновение назад он видел изгиб ее плеча, а сейчас — уже мерцающие искрами линии. Иное, незнакомое, чужое. Первое время человек в нем отключался сразу же, как только накатывало оно, потом стало сложнее. Каждый раз — борьба за выживание, в которой никто не хотел уступить.

Алое с черным текло по венам, складывалось контурами внутри его и отказывалось принимать ту, что стояла рядом. Риган барахтался в липком, обволакивающем бессилии, как муха в паутине, понимая, что снова себя теряет. Он шагнул назад, разрывая объятия, и живое тепло отступило. Силы таяли, Риган подозревал, что маска уже давно сползла, сопротивляться красно-черной дряни становилось невыносимо. Агнесса сияла чистотой, а он сам напоминал грязную реку с отравленной водой.

Холод разрастался, Риган вспомнил совет Сильвена и зацепился за последнее ускользящее воспоминание. Взгляд Агнессы, когда она открыла дверь. Тепло объятий желанной, любимой женщины, свет которой не померк даже после всех испытаний. Паразит насторожился, уловив странную пульсацию — биение крохотных сердец. Не одна чужая жизнь, а три.

Откровение стало настолько неожиданным, что сознание отключилось. Память исчезла, не осталось ни звуков, ни запахов, ни времени, а потом человек шагнул вперед, продираясь сквозь отчаянное противодействие инородной мерзости. Он стряхивал с себя ее ошметки, нарастающие снова и снова, до бесконечности. Зрение то возвращалось, то отступало, перед глазами мелькало то взволнованное лицо Агнессы, то скопление энергий.

Все закончилось так же быстро, как началось. Риган смотрел на нее, смотрел глазами обычного человека, и не мог поверить. Агнесса ждет ребенка? Его ребенка! Точнее, детей. У них будут... близнецы?!

Агнесса протягивала ему руку. Она словно не замечала его чудовищной внешности и не вспоминала о сути монстра, которая почти вырвалась на свободу.

— Риган? — В ее широко раскрытых глазах читались волнение и

надежда.

Он никогда не представлял, что так выйдет. Сущность измененного и его жизнь отрицали саму возможность отцовства. Судьбе снова удалось вышибить из него дух и отправить в нокаут, но в кои-то веки это было приятно.

— Риган! — Агнесса помахала рукой перед его лицом, и он вдруг понял, что так ничего и не ответил. Она хмурилась, кусала губы, а ее голос звенел от напряжения. — Пожалуйста, скажи хоть что-нибудь.

— Обалдеть! — Он не сдержал улыбки. Наверное, со стороны это выглядело феерично: улыбающаяся во все тридцать два зуба полоумная страшилка.

— Ты знаешь! — В голубых глазах мелькнула обида. Она отвернулась и обхватила себя руками, а он шагнул вслед за ней и обнял.

— С нашими новыми... гм, талантами все сюрпризы обламываются на корню, солнышко. Привыкай.

Она немного расслабилась, но сердце ее колотилось, как после пробежки. Агнесса подалась назад и откинула голову ему на плечо.

— И что ты скажешь? Помимо «обалдеть»...

Риган искренне считал, что лучше, чем «обалдеть», что-то придумать сложно, но женщины — существа загадочные. Особенно Агнесса Уварова. Какая бы еще с таким маниакальным упорством искала странную сущность вроде него настоящего? А после, вместо того чтобы с визгом бежать за семь морей, переживала за то, что он чувствует по поводу ребенка.

— Нам понадобится дом в Лондоне. Если ты еще не передумала.

Агнесса светло улыбнулась, покачала головой, и Риган понял: она достаточно сумасшедшая, чтобы не передумать. И он тоже.

Эпилог

Просто мысли одного дворецкого, или Краткое послесловие от лица Джонатана Хартстриджа, выдержки из дневника

4 апреля, 16:40

В Париже я не представлял, на что подписываюсь. Разумеется, подходящие варианты нового жилья поручили найти именно мне. Список требований был невелик, но с каждым отвергнутым домом он возрастал на пять с половиной пунктов. Никогда, никогда не откладывайте покупку недвижимости на последний день. Особенно если ваша вторая половина в положении.

К счастью, сейчас все закончилось. В моем распоряжении уютный трехэтажный дом в предместьях Лондона. Наконец-то у него все окна выходят туда, куда нужно, просторная кухня, удобные, но «не огромные» раздвижные двери, правильное количество спальных, гостевых и туалетных комнат и одна — та самая, под детскую: «Именно такая, какой я ее представляла!»

Меня определенно радуют его размеры. Неоправданно большие площади Эванс-Холла наводили тоску и поглощали множество ресурсов. В том числе и времени. По крайней мере, здесь не нужен такой штат прислуги. Я предложил обойтись кухаркой, няней и тремя горничными, на что мне в порыве искреннего возмущения ответили, что детьми будут заниматься сами.

10 апреля, 19:23

Дом понемногу принимает обжитой вид, скоро будет встречать хозяев. Они сейчас где-то на Мальдивах, если не ошибаюсь. Мистер Э. дорвался до солнца во всех смыслах.

Не знаю, почему я вообще решил об этом написать. Уже не помню, когда понял, что у этих двоих что-то получится. Возможно, когда впервые провожал мисс У. в кабинет мистера Э. Я поинтересовался, как ей Эванс-Холл, и она тогда сказала: «Прикольная табличка у вас на въезде». Потом

смутилась, конечно, но больше для вида.

А может, это произошло, когда мистер Э. сказал, что ей нужна отдельная спальня, и они в самом деле разошлись по разным комнатам. Тогда я был немного удивлен, но особого значения этому не придал. Зря.

17 апреля, 14:06

Вчера они наконец-то переехали. Хорошо, что я прошел знатную школу выдержки на работе у мистера Э., испытание беременной мамой, а после и младшей сестрой. Если вам скажут, что самые страшные чудовища живут в старинных мрачных особняках, не верьте. Они вселяются в хорошеньких женщин на время, что те носят детей.

Никогда не представлял, что из поставленной не туда коробки можно раздуть трагедию. Великий Шекспир удавился бы от зависти. Мистер Э. пытался решить проблему мирным путем. Ему это удалось, только ему всегда и удается. Кажется, у него есть к теперь уже миссис Э. особый подход, понять который суждено далеко не каждому. В последнее время я все чаще замечаю у него странное выражение лица — он слишком остро реагирует на все, что она говорит. Как будто это в самом деле имеет значение.

Раньше я считал, что ему недостает внимания к людям, особенно к женщинам, с которыми он проводил время. Теперь мне кажется, что это уже чересчур.

19 апреля, 10:25

Мистер Э. всерьез решил лично заняться делами своего бизнеса. Я его отговаривал как мог. Тщетно. Мало ему того, что у него есть сейчас. Он обещал, что это ненадолго. Кажется, он собирается проводить время в обществе серьезных людей, чтобы научиться лучше держать контроль. «Не хочу, чтобы мои дети видели отца полоумным чудаковатым страшилкой в затаившемся приступе амнезии». — «Да, сэр, — ответил я, — чудаковатым страшилкой будет вполне достаточно». — «Тебя я сожру первым, Джонатан», — заявил он.

Приятно знать, что его чувство юмора не пострадало.

24 апреля, 21:40

Вчера приходили родственники миссис Э. Поначалу мистеру Э. было

непривычно. Честно говоря, таким я его не видел ни в одной самой неприятной ситуации, в которые он умудрялся встрять благодаря особенностям его вида... деятельности. Кажется, он немного растерялся.

Родственники — шумный народ, я в этом неоднократно убеждался на примере собственного семейства. У миссис Э. все поголовно энергичные, шустрые и голосистые. Особенно кухня миссис Э. и ее дети, которые очень любят задавать вопросы. Спрятаться невозможно, остается спасаться бегством.

Утро началось с того, что наверху что-то разбилось о стену. Оказывается, кто-то из родных вчера сказал миссис Э., что они не устроили пышную свадьбу и это плохо. Она переживала всю ночь, а утром расстроилась окончательно и расстроила мистера Э. Честно говоря, я не подозревал в нем такого терпения, но ирландский темперамент в британский флаг не завернешь.

Мне лично пришлось собирать осколки, потому что одна горничная отравилась в японском ресторане, вторая уволилась после эмоционального разговора с миссис Э. (сейчас я ищу ей замену), а у третьей выходной, и она уехала в Кардифф.

«Джонатан, он меня не любит!» — решительно заявила миссис Э. Она ожесточенно жевала бутерброд с жареным беконом и апельсиновым джемом, запивала томатным соком и смотрела на меня так, будто это я ее не люблю. Враждебно и с истинно женским прищуром. Я вздохнул и пошел искать мистера Э.

Он обнаружился на чердаке — метал дротики.

«Сэр, купите ей цветов», — сказал я.

«Думаешь, поможет?»

«Не уверен, но попробовать стоит».

Он действительно уехал, а потом приволок ей такой букет, какой я раньше видел только в Интернете. Его не было не так уж долго, но сначала наверху еще что-то разбилось, потом с глухим стуком упало, а после я тактично ушел к себе, надел наушники и включил Стравинского. К счастью, этот длинный день подошел к концу.

29 апреля, 20:10

Мистер Э. вернулся с совета директоров и рассказал, что заснул во время голосования. Я предупреждал, что бизнес — не его конек. Новая игрушка ему скоро надоест. Большую часть времени он все равно проводит с миссис Э., а пока еще даже близнецы не появились.

Смутно представляю, что тут будет твориться, и надеюсь все-таки уговорить ее пригласить няню. Искать двух очень маленьких детей (которые могут заползти куда угодно) по всему дому — это слишком. Зная их родителей, могу только догадываться, что так и будет. Надо придумать, как начать разговор, и выбрать правильный день.

Понемногу все приходит в норму. Не мне жаловаться. Когда мистер Э. жил один, проблем было гораздо больше. Перемены на то и перемены, чтобы к ним заново привыкать, каждый раз как первый. Но в отличие от всего, что было раньше, эти перемены мне нравятся.

Благодарности

Огромное спасибо нашим близким за поддержку на крутых поворотах творческого пути.

Спасибо нашим первым читательницам: Лене Ершовой, Яне Поль, Тане Теплинской, Tikkerei, Соне, Лиле (LiLibri), Гале (SGal), Ielika, Ани, Калипсо и остальным девочкам — за ваши вопросы, которые всегда в тему, за добрые слова, которые позволяют понять, что все, что мы делаем, — не напрасно.

Отдельно благодарим Ольгу Жакову и Еву Дизель за уместные замечания, которые помогли сделать роман лучше и ярче.

notes

Примечания

«Мизери» (*англ.* Misery) — роман Стивена Кинга (и одноименный фильм), в котором рассказывается про отношения популярного писателя Пола Шелдона и его поклонницы Энни Уилкс. Пол попадает в автоаварию, и бывшая медсестра Энни привозит его к себе домой. Вскоре герой понимает, что он узник безумной женщины и вынужден потакать ее прихотям.

Глаз урагана — область прояснения и относительно тихой погоды в центре тропического циклона.

Лепрекон — существо из ирландского фольклора. Согласно легенде, он носит с собой монету, которую использует, чтобы подкупить кого-нибудь. Эта монета обычно превращается в листья или пепел, как только лепрекон отдает ее новому владельцу.

Бедлам — (*англ.* Bedlam, от *англ.* Bethlehem — Вифлеем; официальное название Бетлемская королевская больница — *англ.* Bethlem Royal Hospital), первоначальное название — госпиталь Святой Марии Вифлеемской, психиатрическая больница в Лондоне (с 1547 года). Давно стало именем нарицательным, синонимом слов «психиатрическая клиника».

Тимпана — мясной пирог с сыром из слоеного теста, национальное блюдо мальтийской кухни.

Кейли — традиционные групповые танцы в Ирландии и Шотландии.

«Rocky Road to Dublin» — известная песня ирландской группы The Dubliners («Дублинцы»).

Фунгус-Рок — скала на о. Гозо. Огромный каменный исполин, возвышающийся на несколько сотен метров.

«Занимайтесь любовью, а не войной» — знаменитый антивоенный лозунг.

Психологический термин, означающий защитно-бессознательную симпатию жертвы к похитителю.